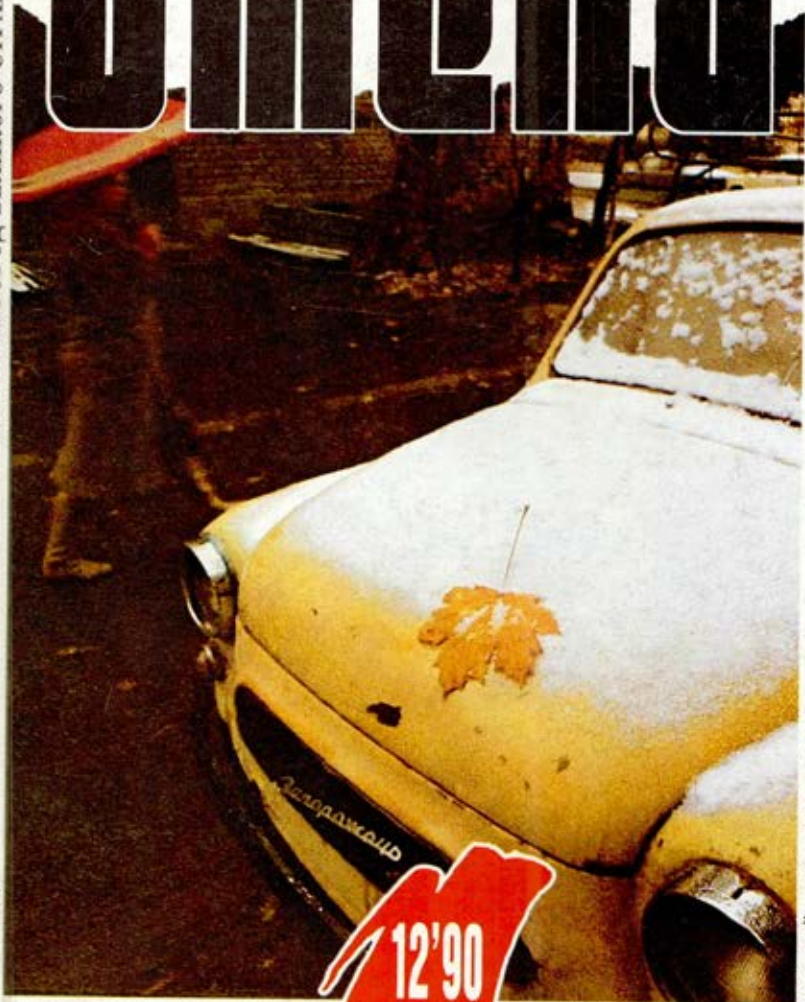

СМОНА

ДВА ТЫС. ГОДОВ ВЕЛИКОГО СРАЖА

КАКИЕ-ТО ЧУЖИЕ ЯЗЫКИ

НИКОЛАЙ АМОСОВ. ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ УТОПИИ

12'90

НЕИЗВЕСТНЫЙ РАССКАЗ

АЛЕКСЕЯ ТОЛСТОГО

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОЗА

(ЧИТАЙТЕ СТР. 82)

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

БОРИС ДАНОШЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ
ИОСИФ ОРДЖОНИКИДЗЕ
СЕРГЕЙ ПОПОВ
(зам. главного редактора)
ЮРИЙ РАГОЗИН
РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
ЕВГЕНИЙ РЯБЧИКОВ
ВАДИМ САЮШЕВ
ВИТАЛИЙ СЕВАСТЬЯНОВ
ВЛАДИСЛАВ СЕРИКОВ
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ
(главный художник)
ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление
ИГОРЯ КЛЮЧНИКОВА
Технический редактор
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 11.10.90.
Подписано к печати 13.11.90.
Формат 84 x 108¹/₂.
Бумага газетная «Тампресс».
Печать офсетная.
Усл. п.л. 15,54. Усл. кр.-отт. 17,64.
Уч.-изд. л. 23,10. Отпечатано
1 842 616 экз. (из общего тиража
3 246 000 экз.).
Заказ № 2929. Цена 70 коп.
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок
212-11-27 — отдел писем
Ордена Ленина и ордена Ок-
тябрьской Революции типогра-
фия имени В. И. Ленина изда-
тельства ЦК КПСС «Правда»,
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.
Рукописи, фото и рисунки не воз-
вращаются. Рукописи объемом
более 1 авторского листа (24 ма-
шинописные страницы) редакци-
ей не рассматриваются.

12 (1514) ДЕКАБРЬ

© Издательство ЦК КПСС
«Правда».
«Смена», 1990.

12'90

СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ**
Основан в январе 1924 года.

ПРОЗА

6

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ. НИКИТА ШУБИН

Рассказ

124

ЖАН РЕЙ. ГОРОД ВЕЛИКОГО СТРАХА

Роман

250

ВАЛЕРИЙ ИСАЕВ. КРИВЛЯКИ. ВОЛКИ

Рассказы

280

ЛЕН ГРЕЙ. ПРИКЛЮЧЕНИЯ БОЛЬШОГО СОЛА

Святочный рассказ

ПОЭЗИЯ

26

Победители конкурса одного стихотворения **ЕЛЕНА КУЗЬМИНА, ИВАН ВАСИЛЬЦОВ**

226

ТАТЬЯНА СМЕРТИНА. СТИХИ ИЗ НОВОЙ КНИГИ «ТРАВНИК»

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

32

ЛЮДМИЛА КОВАЛЕНКО. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОЗА

53

НИКОЛАЙ АМОСОВ. ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ УТОПИИ

66

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ. УРОВЕНЬ НЕНУЖНОСТИ

112

ДОРОГАЯ ДОРОГА. Беседа с зам. начальника
Гл. управления ГАИ МВД СССР генерал-майором В. Г. ИШУТИ-
НЫМ

202

СЕРГЕЙ РОМЕЙКОВ. МЕРТВЫЕ ЯБЛОКИ

232

СЕРГЕЙ РЫБАКОВ. ПЕРЕМЕННЫЙ СОСТАВ

МОРАЛЬ И ПРАВО

214

АЛЛА БЕРЕЖКОВА. СПАСЕНИЕ ЛЮБОВЬЮ

На нашей
обложке:
фотозтюд
ВЛАДИСЛАВА
НАУДЖУСА

260

ЗБИГНЕВ ЛЕВ-СТАРОВИЧ. «ТЫ — МОЯ ЖЕНЩИНА,
Я — ТВОЙ МУЖЧИНА»

КУЛЬТУРА, МУЗЫКА, ИСКУССТВО

76

АЛЕКСАНДР МЕНЬ. СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

223

ВИЛЬЯМ МЕЙЛАНД. ТРИ ЦВЕТА ВРЕМЕНИ

244

ЛИЛИЯ САБИТОВА: «НЕ МНОГИЕ РЕШАЮТСЯ ТАНЦЕВАТЬ
БОСИКОМ»

287

НИНА ТИХОНОВА. ВАЛЕРИЙ ПАНКОВ

63,122

ВАШИ ПИСЬМА

274

ШАХМАТЫ, КРОССВОРДЫ

1•91

3

■ **СЕРГЕЙ УСТИНОВ.** «Кто не спрятался...»

Сергей Устинов — журналист, писатель, автор остросюжетных повестей, две из которых — «Неустановленное лицо» и «Можете на меня положиться» — опубликовались в «Смене».

Главный герой новой повести «Кто не спрятался...» — бывший следователь, ныне участковый милиционер — вступает в поединок с организованной преступностью...

■ **ЗИНАИДА МИРКИНА.** Неопубликованные стихи.

Имя Зинаиды Миркиной мало что говорит широкому кругу читателей. У нее не было еще ни одной поэтической публикации в Союзе, хотя стихи Миркиной перепечатываются и хранятся преданными поклонниками творчества поэтессы на протяжении уже полувека. Мы познакомим вас с подборкой религиозно-философских стихотворений, напоминающих о Вечности, о Боге и малости нашей пред ними.

■ **АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ.** «Иди на Голгофу». Книга, написанная почти десятилетие назад, впервые приходит к советскому читателю.

АНОНС:

ПРЕМИИ «СМЕНЫ»

ЕВГЕНИИ ВОЛКОВ

АЛЕКСЕИ МЕРИНОВ

СЕРГЕИ ЛИТВИНОВ

**АЛЕКСЕИ НИКОЛАЕВ
(КАРЕТНИКОВ)**

АЛЕКСАНДР МЕНЬ

ГЕННАДИИ НОВОЖИЛОВ

ЗА 1990 ГОД ПРИСУЖДЕНЫ:

ЕВГЕНИИ СТЕЦКО

ЕВГЕНИЮ ВОЛКОВУ —

за подборку стихов (№ 5);

СЕРГЕЮ ЛИТВИНОВУ —

за статьи «Кабинетная прореха» (№ 2);

«Выход или тупик?» (№ 11);

АЛЕКСАНДРУ МЕНЮ —

(посмертно)

за книгу

«Сын человеческий» (№№ 6—12)

АЛЕКСЕЮ МЕРИНОВУ —

за рисунки и коллажи (№№ 6,7);

АЛЕКСЕЮ НИКОЛАЕВУ

(КАРЕТНИКОВУ) —

за материалы рубрики

«Пора прочесть»;

ГЕННАДИЮ НОВОЖИЛОВУ —

за портреты А. Фета, Б. Пастернака,

В. Розанова (№№ 1, 4, 11);

ЕВГЕНИЮ СТЕЦКО —

за фотоочерк

«Поздние поминки» (№ 2);

ВЛАДИМИРУ ТУРБИНУ —

за статьи «Фет» (№ 1),

«Розанов» (№ 11);

СЕРГЕЮ ТЮТЮННИКУ —

за рассказы «Сувенир»,

«Зараза», «Гречка» (№ 2).

ВЛАДИМИР ТУРБИН

СЕРГЕЙ ТЮТЮННИК

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

НИКИТА ШУБИН

ПОРА ПРОЧЕСТЬ

6

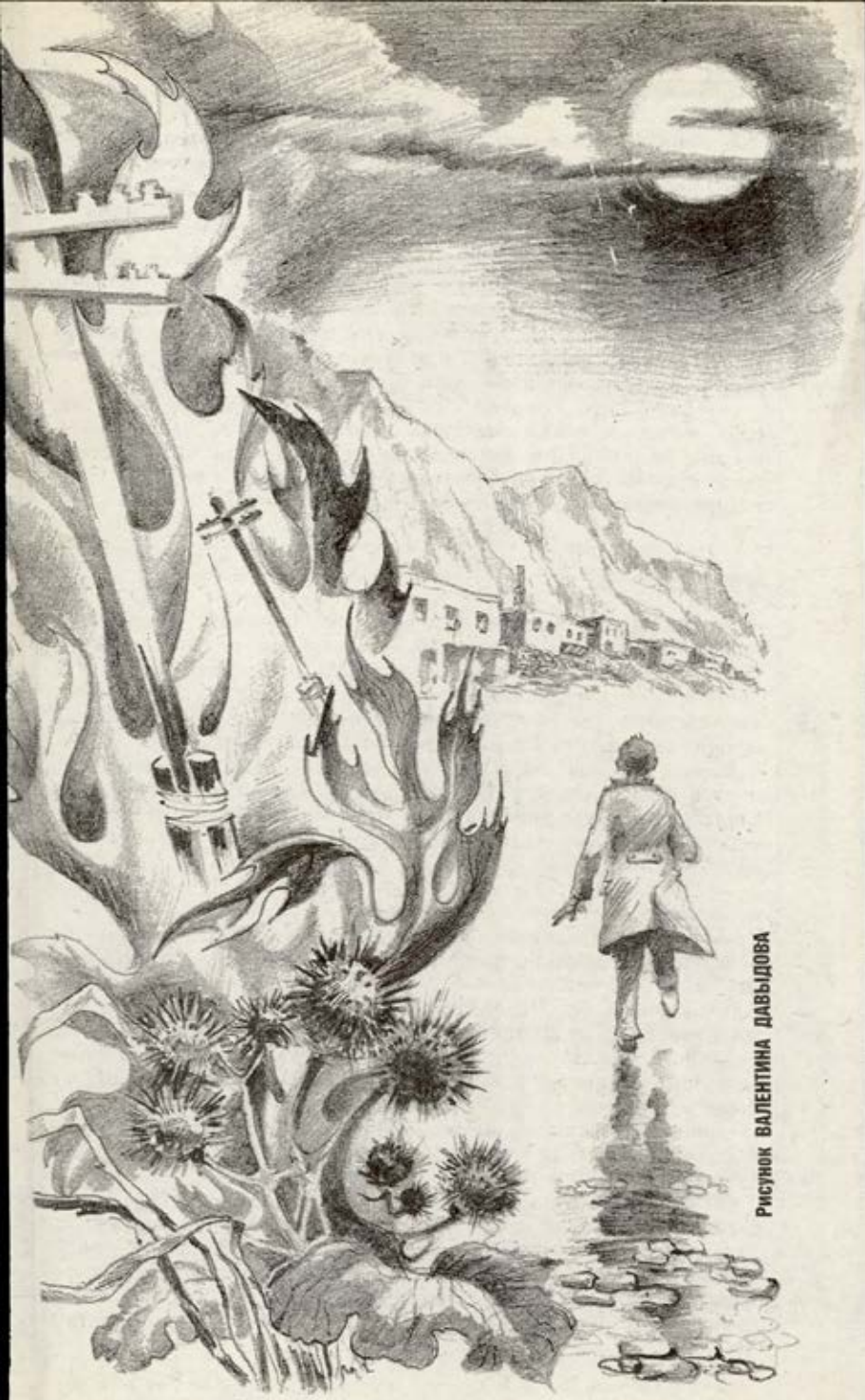

РИСУНОК ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

У меня есть сын, его тоже зовут Никита, ему четыре года, у него льняные волосы и темные глаза, и он бы совсем походил на рафаэлевского ангела, если бы не пристрастие рисовать карандашом на стенах. Тем не менее он правдив, смел, проникателен и необыкновенно тверд духом.

Когда я задумал писать эту историю, я купил стопу бумаги и пол-литра чернил; Никита, увидав на столе такое большое количество писчей бумаги и чернил, спросил меня — что я намерен с ними делать? Я ответил, что думаю написать историю одного русского мальчика. Тогда Никита с необыкновенной твердостью духа взглянул на меня и сказал:

— Послушайте, послушайте (у него есть привычка по два раза повторять некоторые слова), это же в самом деле глупо — вы мне не позволяете рисовать на стенах, а сами хотите испортить столько хорошей бумаги. Отдайте мне бумагу, а сами пишите, пишите, пишите коротенькую историю.

ПРОЛОГ

В просторной, светлой комнате у письменного стола сидел человек в очках и с бородой, расчесанной на две стороны. Ногтем мизинца он старательно отбирал на лежащем перед ним листе бумаги зерна пшеницы от зернышек сорных трав. Глаз его был сощурен, потому что в углу рта его торчал камышовый мундштук с дымящейся толстой папиросой.

Второй человек, очень маленького роста, лежал на животе на полу и глядел под буфетный шкаф. А из-под буфетного шкафа глядело на него, в свою очередь, блестящими черными глазами поросычье рыльце старого, умного ежа. Человек у стола сказал, не оборачиваясь:

— Привяжи на нитку кусочек сала, положи ему под нос и потихоньку тяни — он вылезет.

— Я лучше привяжу кусочек сахара, — ответил мальчик. Мальчик этот, лежавший на полу, был не кто иной, как Никита Шубин; бородатый человек, сидевший у стола, — его отец, Алексей Алексеевич Шубин, а еж под шкафом был диким и упрямым животным, не желавшим ни под каким видом вылезать из-под буфетного шкафа иначе как ночью, когда он, стуча ногтями, бегал по комнатам и фыркал свиным носом в мышьи норы.

Никита привязал на нитку кусочек сахара, затем, по настоянию отца, привязал кусочек сала, но еж с презрением смотрел на эти уловки. Он так и не вылез из-под буфета.

Он не вылез ни на следующий, ни еще через день. На усадьбе Сосновка, в старом доме, стоявшем среди густо разросшегося сада, кроме неприятности с ежом, ничего особенного не случилось за все лето. В саду свистали зеленые иволги, пересмешничали скворцы, по утрам в осипанных росой листьях медвяным голосом ворковал дикий голубь, на вечерней заре в пруду под

плакучими ивами плескалась рыба и так охали, ухали и стонали лягушки, что казалось, будто в пруду случилось большое горе.

И горе действительно случилось, но не с обитателями пруда, а с Никитой: осенью отец объявил ему, что переезжает в Москву, в дом к тетке, к той самой тетке, которая ходит в мужской шляпе и не дает никому спуска. Никита будет отдан в школу, потому что ему уже девять лет и пора подумать о более серьезных вещах, чем ежи и лягушки.

Прости, прости, счастливое детство!

БОЛЬШИЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Я не стану упоминать о всех неприятностях, которыми отныне была полна жизнь Никиты Шубина,— упомяну лишь о существенных. Тетка, не дававшая никому спуска, Варвара Ивановна, заставляла Никиту мыться ежедневно с ног до головы, стричь ногти, чистить платье, целый час молча сидеть за завтраком и целый час молча сидеть за обедом. Кроме того, за окнами лил мелкий дождь, гроыхали телеги и брызгали грязью экипажи с поднятыми верхами. В доме было чисто, пустынно и темновато, и в любом месте в любой час появлялась тетушка и не давала спуска. Никита учил арифметику, географию, историю, Закон Божий, два иностранных языка и русскую грамматику. А русская грамматика была замечательна тем, что в ней все состояло из исключений, все глаголы были неправильные, а спряжения, наклонения, рода и виды этих сумасшедших глаголов закручивались в такую темную пучину, что в ней с головой тонула даже тетушка, когда к ней обращались за помощью.

Никите было запрещено свистать в согнутый палец, стрелять из стеклянной трубочки жеваной бумагой в старого тетушкиного кота, который при этом, лежа на своем месте на диване, мигал ушами; запрещено было приносить с улицы всевозможных животных, запрещено с разбега кататься на подошвах по паркету залы,— словом, под давлением всех неприятностей Никита начал было обдумывать план побега из дома и соединения с одним из кочующих племен. Но этому плану помешала революция.

РЕВОЛЮЦИЯ

Революция началась в тот день, когда за завтраком была подана вареная свинина, которую не брал ножик. Вместо сладкого подали такую необыкновенную, без сахара, рисовую кашу, что ее нельзя было стащить с ложки, а когда ее спихивали вилкой, то она прилипала и к вилке. Тетушка сказала отцу: «Вот, Алексей, можешь радоваться на твою революцию, кушай на здоровье это собачье месиво».

Тетушка поднялась, затрясла подбородком, взглянула в упор лакею Петру в лоб, смерила взглядом все его два аршина,

двенадцать вершков роста, после чего Петр должен был, как понимал это Никита, уменьшиться, сморщиться и, к удивлению и радости всех домашних, расплыться жирным пятном на паркетe, но этого не случилось, и Петр даже как-то, сам собою, подмигнул одним глазом, у тетушки задрожали лиловые губы, и она выплыла из комнаты. Отец остался сидеть у стола, захватывая горстью бороду и кусая ее,— глаза его радостно блеснули.

Следующим шагом революции было появление в городе необыкновенного количества мальчишек, которые пронзительно свистали в согнутой палец. Когда взрослые огромными толпами с флагами и надписями двигались посреди улиц, мальчишки эти, чтобы увеличить общий беспорядок, залезали на крыши и фонари, свистели оттуда и всем кричали «долой». Когда же взрослые начали днем и ночью разговаривать, собираясь кучами на перекрестках и под памятниками, мальчишкам запрещено было свистать,— их щелкали по затылкам и вытаскивали за уши из толпы, но зато им никто не мог уже запрещать висеть сзади на трамваях, прицепляться к автомобилям и извозчикам, лазить на все башни и колокольни, по тридцати штук сиживать верхом на пушках в Кремле и купаться прямо с набережных в Москве-реке. От этой непрерывной деятельности мальчишки за лето пообносились и одичали. Тетушка уже более не пыталась не давать Никите спуска, она только говорила, что все записывает в своем сердце и за все сразу, когда придет время, даст спуск. Отец носил бороду теперь прямо, клином наперед, приезжал домой худой и веселый и шумно разговаривал.

Но всему бывает конец. Осенью взрослые, выяснив в разговорах на перекрестках все вопросы, начали — одни стрелять из винтовок вдоль улиц, другие заваливать окна в домах тюфяками и книгами. Мальчишки, по причине изношенной одежды и худых башмаков, тоже попрятались по домам,— было холодно.

Вот тут-то тетушка от всего записанного у нее в сердце и сказала отцу: «Ты не слушал, Алексей, меня вовремя, теперь — поди, кусай себе локоть». Никита пошел за отцом посмотреть, как он будет кусать локоть, но отец вместо этого намылил себе щеки и сбрил бороду. Это было самое страшное, что видел Никита за все время революции: у отца оказались несерьезные, большие губы и крошечный подбородок; относиться по-прежнему к этому человеку было невозможно, что бы он ни говорил — губы его сами собой усмехались, как у мальчика, которого поймали врасплох. С этого дня между Никитой и отцом установились более взрослые отношения: отец точно стал моложе, Никита — постарше. На следующий вечер отец и Никита на извозчике поехали на вокзал. На коленях у отца лежал маленький чемодан — все их имущество. Так они бежали из Москвы на юг.

НОВЫЙ ДРУГ

Ехать было не совсем удобно, но весело. В купе вагона, кроме отца, сидело еще пятнадцать бородатых мужиков с винтовка-

ми — возвращались они с фронта по домам. У одного, рыжего, имелся даже небольшой пулемет, и он, не спуская, держал его на коленях.

— Я его на огороде поставлю,— говорил рыжий,— я эту штуку давно собирался завести.

Никита помещался наверху в сетке из-под чемоданов. Мужики кормили его солдатскими сухарями; один, всю дорогу певший тонким голосом одну и ту же песню: «Ночка темная, боюсь,— проводи меня, Маруся»,— до того зажалел Никиту наверху в сетке, что подарил ему ручную гранату:

— С ней нужно аккуратно обращаться, не дай Господи, лопнет, ничего от тебя, мальчуган, не останется.

— Ты его не слушай,— говорил другой солдат, лысый, с бордой по пояс,— он тебя добру не научит. Поедем-ка лучше ко мне, я тебя на пчельник пристрою, мне грамотный мальчишка страсть как нужен.

Дорога была долгая; в вагоне духота, ни лечь, ни пройти. Мужики притомились, стали друг к другу придираются. Рыжего с пулеметом выбили из купе, потому что занимал много места. Алексей Алексеевич сидел все время молча у окна; мужики, наконец, обратили на него внимание — стали добиваться, кто он такой, может быть, он переодетый? И, к удивлению Никиты, Алексей Алексеевич сказал им, поджав губы, что они с сыном едут на Кавказ на усмирение, поэтому их по закону невозможно даже пальцем тронуть.

В конце пути в вагоне стало попросторнее, можно было выходить в коридор, и там-то Никита и встретил будущего своего друга Ваську Тыркина.

Этот замечательный мальчик лет четырнадцати спал в коридоре, прямо на полу, засунув голову в жестяное ведро, очевидно, для того, чтобы проходящие не наступали ему на щеки.

Он был одет в солдатскую шинель с подвернутыми рукавами и весь — крест-накрест и поперек туловища — обмотан пулеметными лентами. К поясу его были привязаны шесть ручных гранат, обмотанных тряпками, под рукою лежала винтовка с примкнутым штыком. Кроме того, на нем были огромные рваные сапоги и шпоры на цепочках.

Никита с уважением разглядывал столь сильно вооруженного мальчика. Он не удержался и потрогал колесики на шпорах. Тогда мальчик вытащил голову из ведра, взялся за гранаты, поддерживая их с громом и звоном, сел на полу, зевнул, сплюнул и сказал Никите лениво:

— Вот я тебя вышвырну в окошко — будешь на меня пялиться.

После этого он полез в карман за табаком, но табаку не нашел, сдвинул папаху на затылок и опять поднял курносый нос на Никиту,— прищурил рыжие глазки:

— Угости папиросой.

— У меня только шоколад с собой,— сказал Никита, сильно краснея оттого, что из-за этого шоколада вооруженный мальчик будет его презирать всю жизнь. Но мальчик, не презирая, взял шоколадную плитку и необыкновенно быстро ее съел.

— Знаешь, кто я такой? — спросил он как можно более хрипло. — Вот то-то, что не знаешь, а суешься со мной разговаривать. Я Василий Тыркин из ударного батальона. Слышал?

— Еще бы, — поспешно ответил Никита.

— Дай-ка мне другую плитку, — сказал Василий Тыркин, — этот самый шоколад у нас в батальоне мы нипочем считали.

— А где теперь ваш батальон?

— Наш батальон погиб геройской смертью в Москве, в бою на Никитской площади. Я один ушел. Ну уж зато сколько я этого народу переколотил — ужасно подумать. Гляди — у меня вся шинель дырявая, ты сунь палец в дыру — это все пули, штыковые удары.

— А что же вы теперь станете делать?

— Тебя это не касается, что я стану делать. Я сейчас план обдумую. Я, вот, погляжу, погляжу, соберу молодых человек пятнадцать, да и возьмем с боем город какой-нибудь. Какие у нас города на пути?

— Скоро Лозовая будет.

— Лозовая так Лозовая... Хочешь ко мне под начало? Бить я тебя не стану, но строгости будут большие.

Мурашки пошли у Никиты по спине. Проглотив слюну, с видимой бодростью он согласился идти под начало. Но Василий Тыркин, покончив с третьей плиткой, раздумал брать Лозовую:

— Одна беда — возни потом полон рот: республику надо объявлять, властей ставить на места, а я этого не люблю — я человек военный.

У Никиты отлегло от сердца: предприятие — брать с боем Лозовую — миновало, военное счастье ненадежно и переменчиво. Повертевшись еще некоторое время около Василия Тыркина, он пробрался в купе к отцу и сидел тихо. Но скоро послышался гром и звон оружия, в купе вошел Василий Тыркин, сел рядом с Никитой и спросил:

— А ты сам-то куда едешь?

— Мы с папой едем на Кавказ.

— Ну, в таком случае и я с вами на Кавказ поеду. Мне все равно деваться некуда. И вам спокойнее будет с военным человеком, и мне спокойнее. Дай-ка еще шоколаду. Я, признаться тебе, третий день еще не ел. Это кто же — твой отец сидит? А у меня, братец, ни отца, ни матери, царство им небесное.

С этого дня Василий Тыркин, вместе со своими бомбами, пулеметными лентами, шпорами и винтовкой, более не отставал от Шубиных и к Никите относился хотя с некоторым презрением, но дружески, даже горячо.

На двадцатые сутки все трое приехали в город N, где Алексей Алексеевич взял лошадей и отправился вместе с мальчиками в горы, в имение одного из своих друзей, называвшееся «Кизилы».

СТРАШНОЕ МЕСТО

Имение было необитаемое. Дом прошлым летом сожгли местные разбойники. Сторож, — одна живая душа в «Кизилах», —

старичок, вывезенный из Тульской губернии, по фамилии Заверткин, до того боялся этих разбойников, что, когда на дороге показывались какие-нибудь всадники, он выходил на порог сакли, снимал шапку и низко кланялся, говоря:

— Счастливый путь, красавцы. Дай Господи вам удачи, добрые люди...

Завидев подъезжающих Алексея Алексеевича с мальчиками, Заверткин точно так же вышел кланяться; когда же из арбы вылез Василий Тыркин, громяхая оружием, старичок совсем испугался и начал креститься, но его успокоили, и он с удовольствием принялся хлопотать, устраивая приезжих. Алексей Алексеевич и мальчики поместились в низкой белой сакле с земляным полом и с маленькими в толстых стенах окошечками. Заверткин принес сена и сухих листьев и устроил три постели на полу. Привезенную из города провизию сложили в небольшой клетке при сакле. В закопченном большом очаге разожгли сухие ветви, повесили чайник над огнем, на шипящую сковороду выпустили яйца, поджарили колбасу — и ужин на низком дощатом столе при свете свечки, воткнутой в бутылку, был неописуемо вкусен и сладок. Василий Тыркин, наевшись, разоружился, даже снял шинель. Никита с отцом вышли посидеть на бревне, лежавшем за порогом сакли. Ночной воздух был влажен и мягок. Внизу сонно шумел поток. Никите тоже хотелось спать, но, преодолевая себя, он тарачил глаза на большие звезды, переливающиеся чистым светом над смутным очертанием гор.

Заверткин, присев у бревна на пятки, посапывал в трубке пахучей махорочкой и рассказывал про свое житье-бытье в «Кизилах».

— Живому человеку здесь жить невозможно, — говорил он деликатным голосом, — столько горя наберешься, слез одних прольешь — и-и-и, батюшка Алексей Алексеевич. Первое дело — медведи, кровожадные, кругом бегают, лес ломают, ни страха у них, ничего, так и смотрят — кого задрать. Второй ужас — шакалы. Слышите, как он заливается?..

Никита прислушался — действительно, в тишине, далеко в лесу, таявал кто-то, подвывал, начинал рыдать сдавленным воплем. Никита поджал ноги и прижался к отцу.

— Так он и заладит вечить, скулить на всю ночь, — продолжал Заверткин, — а что ему надо, о чем тоскует? Видно, так Господь его сотворил уродом... Третье дело — змея, желтобрюх, ужасная, длинная, — сколько у от них бегал. У нас в Тульской губернии — змейка маленькая, аккуратная, а этот, злодей, сам из пещеры на баранов кидается... Отвратительная здесь природа... Одно — пчела хорошо водится и в потоке рыбы — хоть руками лови... И еще забота — разбойники очень одолевают. Это ведь самое воровское место — Кавказ. Пятнадцать лет здесь живу — не могу привыкнуть. Нет, это место страшное, здесь жить нельзя...

Звезды, на которые смотрел Никита, становились все больше над горой, все пушистее и вдруг погасли. Чей-то родной голос проговорил над ухом: «Э, братец мой, да ты спишь». Чьи-то руки взяли и понесли, и положили на что-то удивительно мягкое, пахнущее листьями. Потом это мягкое провалилось... Потом из

очага вылез медведь, сел за стол, подпер лапой щеку и сказал: «Да, братец мой, это место страшное».

ЯШКА

Никита проснулся от голосов на дворе. Сакля была пуста. В синем пролете двери, где летали мухи, стоял низкорослый козел с бородой до земли и глядел на Никиту белыми, стеклянными глазами. Когда Никита протянул руку и сказал: «Бяш-ка», — козел яростно топнул. Никита бросил в него подушкой — козел исчез.

Утро было тихое и теплое. Василий Тыркин мастерил сачок из своей рубашки, которую надевать было уже бесполезно, но для рыбной ловли она годилась как нельзя лучше. Заверткин колод чурки — растапливал помятый самоварчик.

— Я уж как просил разбойников, — говорил он Алексею Алексеевичу, сидевшему с папироской на бревне, на солнышке, — все берите, грабьте, благодетели, самовар мой не грабьте. Атаман мне говорит — счастье твое, старый черт, что на хороших людей напал, революция не нуждается в твоём самоваре, — и пхнул в него ножкой. Вот самоварчик с тех пор и течет.

Никита сел рядом с отцом. Горы, казавшиеся вчера ночью далекими и огромными, были совсем близко и не так высоки. Зеленая лужайка неподалеку от сакли круто падала вниз, и там, в тумане, шумел, громыхал камнями поток и неясными очертаниями проступали деревья с еще не совсем облетевшей листвой. Направо, на холме, среди куч мусора торчали обгоревшие столбы. Налево, из-за угла сакли, высывалась рогатая голова козла, и он опять уставился загадочными глазами на Никиту.

— Сказать трудно — сколько я от него горя хлебнул, — сказал Заверткин, кивнув на козла, — и бил я его и в лес водил, чтобы его там звери задрали, — он все свое: только и думает — кого ему забодать. Яшка, Яшка, поди сюда, — позвал Заверткин. Козел подошел. — Видите, как он на мальчика смотрит. Ему, значит, интересно — напугать, с ног сбить. Когда у нас разбойники были, он так на атамана накинудся — тот от него кругом сакли без памяти бегал. Ну, пошел, пошел, Яшка!..

После чая Алексей Алексеевич ушел за двенадцать верст в город — «выяснить, — как он сказал Никите, — политическую обстановку», а мальчики отправились ловить пеструшку.

К потоку нужно было спускаться по крутым скалам. Внизу, в ущелье, пахло прелыми листьями, было сумеречно, повсюду вились сгнившие и зеленые ползучие растения. Шумно, между мшистых камней, крутилась, прыгала, брызгала пеной темная вода, стекала со скал ручейками.

Мальчики пробрались по скользким камням до середины потока. Василий Тыркин сказал: «Господи благослови», начал заводить сачок, и на третьем заводе попалась фунтовая перламутрово-голубая пеструшка. Тыркин крикнул: «Есть!», а сзади Никиты кто-то сейчас же ответил: «Бо». Никита быстро обернулся. На камне за его спиной стоял козел. И как только Никита обернулся, Яшка ударил его в спину рогами. Никита полетел в сильно

несущуюся воду. Но поток был мелок. Никиту протащило по каменистому дну, и сейчас же он схватился за камень, вылез и, отлепиваясь, стал искать бульжник, чтобы запустить в козла.

Но Яшка уже успел за это время вскарабкаться наверх, на скалы и глядел оттуда белыми глазами.

Рыбную ловлю пришлось оставить. Мальчики пошли домой и в сакле перед зажженным очагом развесили Никитину одежду. Заверткин же в это время, привязав Яшку на веревку, бил его хворостиной, приговаривая: «Будешь бодаться, будешь у меня бодаться, иродова образина!» Козел молчал.

ЗИМА

Теплые дни стояли с неделю, потом подул резкий ветер, сорвал вялые листья с деревьев, потемнели голые леса, и мрачный шум их заглушал ворчание потока. По вершинам гор клубились серые облака, ветер срывал их, но набирались новые, цеплялись за лесистые склоны и, наконец, заволокли все небо. Выпала крупа, потом шли дожди со снегом. Почти весь день приходилось сидеть в сакле. Василий Тыркин вырезывал деревянные ложки, — этому его научили в ударном батальоне, — и рассказывал Никите про свои военные подвиги. Алексей Алексеевич задавал Никите, чтобы он не отбивался от учения, арифметические задачи и длинные колонки скучнейших французских и немецких слов. Сам же он почти ежедневно ездил на кривом, купленном за большие деньги мерине, Ветерке, в город на заседания «Комитета восстановления государственного порядка». Ложились спать обычно рано, вставали с восходом солнца. В сакле было хорошо и тепло, покада горел очаг, завелись даже сверчки и мыши, но за ночь сильно выдувало.

Однажды, на рассвете, Никита проснулся от холода. На столе горела свеча. Отец, уже одетый, сидел на корточках перед очагом и дул под кучу хвороста в угли. Никите стало очень жалко отца, сидящего на корточках, и он сказал, чтобы сказать что-нибудь:

— Папочка, очень холодно.

— А вот я сейчас огонь раздую, — ответил отец негромко, поднялся, взял свечу и вышел в сенцы, и оттуда уже громко проговорил:

— Никита, снегу-то сколько выпало за ночь!

Никита накинуд пальто и побежал в сенцы. В раскрытую дверь была видна поляна, покрытая белым, чуть голубоватым снегом. Рассвет едва брезжил. Пахло чистым и острым холодком. За горами в мутном небе проступали кораллово-красные полосы зари. Отец обнял Никиту за плечи, притянул к себе и сказал странным голосом:

— А что у нас теперь в Москве-то делается, а?

Этот снег держался долго, хотя дни были мягкие, с чуть задержанным мглой солнцем. Никита хотел было наладить салазки — кататься с гор, но Василий Тыркин сказал: «Время, парень, не такое, чтобы баловаться, а ты смотри, как бы себя пропитать», смастерил Никите трещотку, и мальчики каждый

день стали ходить в лес в поисках за зверем — какой попадется.

Однажды они забрели довольно далеко и шли по обеим сторонам неглубокого оврага, где по расчетам должен был лежать медведь. Василий Тыркин посвистывал иногда саженьях в ста по той стороне оврага. Никита шел с опаской, прислушивался, приглядывался. Лес был пустынен и тих, только падали хлопья снега с задетых на ходу ветвей.

Вдруг неподалеку, в овраге, послышался хруст дерева, Никита остановился и ясно услышал, как кто-то ломает сухую ветку. У него похолодело под сердцем, но, вспомнив военный завет Василия Тыркина: «забоюсь — завизжи что ни на есть страшнее, визжать нельзя — зубами заскрипи что есть мочи, — страх рукой снимет», — он сжал зубы что ни на есть и осторожно, придерживаясь за ветви, полез в овраг на разведку.

Через несколько шагов он заметил чьи-то следы, обогнул снежный куст и сейчас же увидел трех людей, сидевших с поджатыми ногами на снегу, вокруг кучи хвороста, приготовленного для костра; все трое были в папахах и бурках, усатые и черные и мрачно глядели на кучу хвороста. Так продолжалось с минуту, но вот ближайший медленно стал поворачивать голову и вдруг вился в Никиту черными, круглыми глазами, и сейчас же вскочил на ноги, выхватил из-под бурки кинжал. Вскочили и его товарищи, вытащили кинжалы. Затем тот, кто вскочил первым, подошел к Никите, взял его, как филин, жесткими пальцами за руки и дернул вниз, поставив около костра.

— Ты кто такой? Ты зачем здесь? — спросил он хриплым, отрывистым голосом. Его товарищ схватил Никиту за подбородок и сказал: «Ва!» Другой щелкнул, очень больно, Никиту в нос и сказал: «Ха-ха!»

— Пожалуйста, не щелкайте меня, — проговорил Никита неожиданно шепотом и, поняв, что это — с перепугу и что он выказывает себя трусом, он изо всей силы рванул руку и ударил в живот того, кто сказал «ха-ха». Человек этот подскочил, хлопнул в ладоши и сел на корточки, ослабленная рожа его была как медная, с желтыми белками выпученных глаз.

— Я вас не трогаю, и вы не смейте меня трогать, а то, смотрите, мы с вами расправимся, — насупившись, пробормотал Никита. Тогда первый опять взял его за руку и прохрипел:

— Спички у тебя есть?

Никита подал ему коробку спичек. Все трое закричали: «Га! Ва! Ха-ха!» — и подожгли костер, повалил белый дым, затрещали сучья. Тогда Никита сказал, что ему нужно идти. Ему на это ответили:

— Мы тебе шашлык дадим, мы тебе руки свяжем, уведем в горы. За тебя нам денег дадут.

— Вы разбойники? — спросил Никита, кусая ноздь.

— Кто — мы? Да, мы разбойники. Мы дома жжем, людей режем, деньги, платье себе берем. Мы — джигиты.

Разбойники опять вынули кинжалы, и каждый начал резать мелкими кусками кусок мяса, вытащенный из-под бурки, насыпать кусочки на хворостинку.

— Бах! — Вдруг раскатился по лесу выстрел. Разбойники, как

на пружинах, вскочили, оглядываясь, ощерясь.— Бах! Бах! Бах! — один за другим хлестнули и прокатились три выстрела. Никита увидел шагах в пятидесяти Василия Тыркина, стрелявшего с колена по разбойникам. Никита сейчас же бросился в гору и лег за куст.— Бах! Бах! — Затем все стихло. Только вдалеке трещали сучья — улепетывали разбойники. И через минуту послышался тревожный голос Василия Тыркина:

— Никита, а Никита? Куда ты провалился?

— Здесь я,— ответил Никита, размазывая ладонью вдруг полившие слезы.

ТАИНСТВЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

В феврале опять подул ветер, хлынули дожди, вздулся и сердито заревел поток и уже по-весеннему зашумели влажные леса. А когда проглянуло солнце, полезли из-под прелой листвы зеленые тычки трав и лиловыми цветами запылали жесткие кусты рододендрона. На коньке сакли свистнул протяжно скворец и, задирая к солнцу черную головку, залился на разные, чудесные голоса. Заверткин стал выносить колоды с пчелами — ставил их на деревья. На север через эти места полетели из-за моря птицы. Но радость весны прервалась неожиданным событием. Однажды ночью все в сакле проснулось от грохота, похожего на гром издалека. Шум этот всем теперь был хорошо знаком: это стреляли пушки. Василий Тыркин нацепил две гранаты на пояс под шинель и, озабоченно пошмыгивая, ушел на разведку. Алексей Алексеевич то выходил из сакли и слушал порывистые раскаты канонады, то присаживался к столу и хрустел пальцами. Никита сидел на полу, на тюфяке,— у него ослабели ноги и было тоскливо. Заверткин тыркался без толку по хозяйству.

В конце дня шум пушек стал затихать, и опять запел нежным голосом скворец на коньке сакли. Явился, наконец, Василий Тыркин с исцарапанной щекой, бросил картуз на пол и сказал:

— Наши все пропали.

Алексей Алексеевич опустил на табуретку у стола и закрыл лицо руками. Потом он подозвал Никиту, поставил его между колен и, глядя серьезно и грустно ему в лицо, сказал:

— Нам нужно бежать, Никитушка.

— Куда?

— Не знаю. Подумаю.

Он отстранил Никиту, подошел к двери и, прислонившись, после долгого молчания, сказал:

— Вот, нам уже и нет больше места на родине.

Весь этот вечер Алексей Алексеевич и Василий Тыркин совещались у стола при свечке. Было решено пробраться в Гагры — на мерина навьючить багаж, самим же идти пешком. Отъезд назначили на послезавтра. Рано утром Никита проснулся от тоски, будто червяк сосал ему под сердцем. Отец просматривал и бросал в огонь какие-то письма:

— Поди в лес и нарежь побольше хворостин,— сказал он,— нам нужно сплести корзины для выюка.

На дворе Василий Тыркин уже мастерил выюк:

— Ты добеги до оврага, где мы в шакала стреляли,— сказал он Никите,— там хворостины хороши.

Никита пошел в лес. Утро было теплое, в низких местах еще стоял туман. Нежно зеленели деревья, на иных коричневой смолой набухали почки. В лесу было весело от свиста птиц; трещали, летали между ветвей сивоворонки. Запахом весеннего сока был насыщен влажный воздух. Нельзя было понять, почему на родине нет больше места жить.

В шакальем овраге, заросшем орешником, Никита услышал такой треск и густое сопение, что сейчас же счел за нужное влезть на дерево. Было похоже, будто по кустам изо всей силы таскают какую-то тушу. С дерева было видно, как гнулся и валился во все стороны орешник. И, наконец, Никита увидел животное ростом с человека, покрытое драной, серой, в клочках шерстью. Оно ехало на зад, забирая под себя что попало передними лапами, терлось боками, валялось и, недовольно поревывая, поматывало широколобой мордой, раззевало маленький, свинячий рот. Это был только что поднявшийся из берлоги медведь — он линял и выкидывал пробку.

Никита сунул в рот согнутый палец и свистнул что было мочи. Медведь ахнул по-человечьи и тотчас косматым шаром выкатился из орешника. Когда вдалеке затих треск, Никита прыгнул на землю и принялся резать орешины, драть с них легко сходящую сладкую кору. К полудню он нарезал большую вязанку, взвалил ее на плечи и понес домой. Идти было жарко. Ломило плечи. Никита несколько раз присаживался на мшистые камни, видел дятла, который со страха поднял красный гребень и пестреньким платочком пролетел сквозь листву, видел, как по столбовой своей дороге муравьи тащили всякое добро в муравейник, запустил сосновой шишкой в белочку, прильнувшую на растопыренных ножках к стволу еще голого клена, спугнул красно-золотого фазана и, наконец, прилепился домой.

Еще подходя к сакле, он заметил неладное — у порога валялся разодранный тюфяк. Никита вошел в саклю — там все было перевернуто, на полу разбросаны белье, книги, листья и сено из распоротых тюфяков. Никита выбежал на двор, зовя отца. Но никто не ответил. Не было ни отца, ни Василия Тыркина, ни Заверткина, исчез даже Яшка-козел.

ПОИСКИ

Никита обежал весь двор, заглядывал повсюду, спустился к потоку, кричал, свистал и в сумерки вернулся к опустевшей сакле, сел у порога на бревно, подперся и сидел неподвижно, покуда над очертанием гор не простушили дрожание от влажности и чистоты большие звезды.

Никита вспомнил, как в день приезда он так же глядел на эти звезды, но тогда рядом сидел отец и говорил: «В древности, Никита, люди думали, что у каждого человека есть своя звезда. Теперь не верят этому. Но если хочешь — я могу тебе подарить вон ту, которая переливается».

Как и тогда, звезды начали расплываться в глазах Никиты,

он коротко, несколько раз, подышал носом, покусал губы и сдержался: плакать было нельзя. Над лужайкой беззвучно летали две мышки, ясно различимые в звездном небе. Трепала деревянным язычком древесница. От тихого дуновения шелестели листья на тополе.

Вдруг из темноты, из-под склона лужайки поднялась рогатая голова. Никита сжался, перестал дышать. Голова росла, приближалась, протянула нос и продребезжала: «Бэ-э-э!» Это был Яшка. За ним осторожно появился Заверткин, держа в руках самовар. Никита кинулся к нему, спросил, где отец. Заверткин поставил самовар на землю и рукавом рубахи вытер глаза.

— Увели его, и Ваську увели.

И он рассказал, как из города приходили двенадцать человек, схватили Алексея Алексеевича и Василия Тыркина, хотели было тут же их и расстрелять, но они отругались,— шум и ругань была великая. Тюфяки все распороли, вещи разворочали, покидали, порвали, искали писем каких-то и денег.

Никита хотел сейчас же бежать в город, но Заверткин уговорил его подождать утра, поставил самовар, и, так как чай и сахар были украдены, то он принес из чулана пучочки сухой травы, положил их прямо в самовар и напоил Никиту горьковатым и пахучим настоем шалфея. Никита уснул, не раздеваясь. На рассвете Заверткин разбудил его, сунул в карман ломоть хлеба и две луковицы и вывел на городскую дорогу, выходящую белой полоской. Через час поднялось из-за гор бледное солнце. Никита остановился — перевести дух — и увидел внизу, в тумане и дыму догоравшего пожарища, вылинявшие кровли города.

Навстречу шли две загорелые, рослые бабы, тяжело ступая под тяжестью узлов. Одна баба с усмешкой оглянула Никиту, остановилась и спросила:

— Куда, барчук, идешь?

— В город.

— Не ходи, милый, зарежут.

И бабы пошли дальше, переговариваясь и смеясь о чем-то. Никита со злобой глядел им вслед: хотели напугать — очень он боится... Зарежут так зарежут...

Он упрямо мотнул головой и побежал по пыльному шоссе к городу. Навстречу еще попались бабы и мужики с узлами и вещами, у одного вместо шапки была надета граммофонная труба. Наконец, сбоку дороги Никита увидел остатки пожарища — обугленные столбы и дымящиеся кучи мусора. Дальше шоссе было изрыто взрывами снарядов; заборы повалены и разбиты; на телеграфных столбах — обрывки проволок; мостовая усыпана битыми стеклами; посреди улицы лежала убитая лошадь с задранной задней ногой. Наконец, стали попадаться солдаты, в расстегнутых шинелях, с заломленными картузами, с винтовками, перекинутыми дулом вниз через плечо. С треском, в облаке пыли, промчался мотоциклист, от которого на стороны отскакивали пешеходы. На площади, на перекладине трамвайного столба, высоко над землей покручивался какой-то человек в белье. Никита поспешно отвернулся; через несколько

шагов скуластый молодой солдат штыком преградил ему дорогу и крикнул свирепо:

— Назад! Проходу нет!

— Я ищу моего отца,— сказал Никита,— я хотел спросить...

— Назад, тебе говорю.— Скуластый замахнулся прикладом, Никита отскочил, и в это время другой солдат, пахнувший хлебом и овчиной, положил руку сзади ему на шею.

— Кого ищешь, парень?

Никита, слегка задыхаясь, рассказал ему о пропаже отца. Солдат, пахнувший хлебом и овчиной, проговорил:

— Ах ты, таракан запечный, плохо твое дело... Ну, пойдем, я уж тебе покажу, где твой отец содержится.

Он привел Никиту к низкому каменному дому, где у крыльца стояли два пулемета и расхаживали солдаты с винтовками дулом вниз. Никита хотел войти в дом, но его отогнали. Солдат, пахнувший овчиной, затерялся. Никита стал смотреть в окна, но на них висели шторы. Время от времени к крыльцу подкатывали мотоциклетки, с них слезали молодые люди в кожаных куртках и входили в дом. Затем солдаты провели человек десять очень бледных людей, полураздетых и без шапок, и за ними захлопнулась дверь низкого дома с занавешенными окнами.

У Никиты кружилась голова от усталости и голода, но он упрямо стоял и ждал. Вдруг кто-то проговорил шепотом:

— Не оборачивайся, иди за мной.

И сейчас же мимо Никиты прошел в заломленном картузе, с руками, засунутыми в карманы шинели, Василий Тыркин, протискался сквозь солдат и свернул в переулок. Там только он обернулся:

— Плохо дело, Никита, надо отца выручать.

— Папа жив?

— До утра будет жив.— И Василий Тыркин рассказал, как их привезли на двор низкого дома, где было уже человек двести арестованных, как люди, которые привезли их, ушли, и он тогда начал ближе держаться к воротам, лихо выпустил из-под картуза вихор, потом видит — около отхожего места стоит винтовка, он сейчас же перекинул ее дулом вниз через плечо, потолкался еще немного, для вида, по двору и, посвистывая, вышел через ворота на улицу.

— У них там такая бестолочь,— сказал Василий Тыркин,— что хочешь делай... Слушай, вот что я придумал...

ПОБЕГ

Никита и Василий Тыркин пошли на место, где вчера был уличный бой. Одноэтажные домики здесь стояли с выбитыми стеклами, дырявые от пуль, с отскочившей штукатуркой. На шоссе мостовой виднелись темные пятна, убитые были уже убраны, но по дворам еще много валялось винтовок, шапок и патронных сумок. Василий Тыркин подыскал Никите простреленный картуз по голове, сумку и ружье; свою же винтовку, взятую им давеча на дворе, он переменил на небольшой кавалерийский карабин. Затем мальчики начали обходить опустевшие

и разграбленные дома, покуда в одном из них не нашли то, что им было нужно: в углу на божнице пузырек с чернилами и перо.

Василий Тыркин велел Никите пристроиться для письма на подоконнике, вынул из-за обшлага шинели бланк «Удельного Ведомства Виноделия», найденный им в другом доме среди мусора, и сказал:

— Пиши: «Российская Федеративная Республика»...

— Тут напечатано — «Виноделие», это зачеркнуть? — спросил Никита.

— Не надо, не зачеркивай: они с этим виноделием хуже спутаются. Пиши: «Спешно, совершенно секретно. Во исполнение приказа товарища Главревкомброд...»

— Это что же значит?

— А черт его знает — пиши непонятнее: «Приказано: главного агента гидры контрреволюции, кровавого буржуя, Алексея Шубина, перевести в городскую тюрьму под строжайшей охраной. Поручение исполнить товарищам Василию Тыркину и...» Как тебя прописать?

— Как-нибудь пострашнее.

— Пиши: «И знаменитому юноше-молодцу, грозе мировой буржуазии, Никите Выпусти-Кишки»...

Когда замечательная эта бумага была написана, мальчики пошли на базар, купили молока и вяленой рыбы и поели. Никиту пригрело солнце, он лег ничком на чахлой травке, растущей вокруг городского собора, и сквозь сон слышал то людские голоса, то грохот колес, то острый свист стрижей, летающих как ни в чем не бывало над куполом колокольни.

В сумерки Василий Тыркин растолкал Никиту, мальчики подтянули пояса, зарядили винтовки и пошли к низкому дому. Переходя площадь, они встретили рослого парня — солдата — хмуро опустив голову, он бред, загребал пыль огромными сапожниками. Василий Тыркин остановился и крикнул:

— Какого полка?

— Ударного, советского, — лениво ответил парень.

— Иди за нами.

— Это почему я должен за вами идти?

— Молчать, товарищ, — крикнул Василий Тыркин, задирая к нему нос, — читай приказ! — И он сунул в лицо ему бумагой. Солдат поглядел, поправил винтовку на плече и сказал уже смиренно:

— Ладно, идемте, товарищи.

У ворот низкого дома суматоха была сильнее, чем днем. Более сотни солдат и людей всякого сброда орало и ругалось, лезло на крыльцо и шарахалось в темноту. Два автомобильных прожектора ползли светом по темным окнам домов на площади, по возбужденным лицам толпы, выхватывали из мрака отдельные бегущие фигуры. Резко трещали мотоциклетки.

Василий Тыркин протолкался к воротам, где стоял часовой — усатый, мрачный человек в широкополой, очевидно, дамской, фетровой шляпе, — и крикнул ему:

— Отворяй ворота!

— По чьему приказу?

— Ведомства Виноделия, Российская Федеративная Республика, спешно, совершенно секретно! — заорал Василий Тыркин, размахивая бумагой...

Мрачный усач в дамской шляпе отворил калитку в воротах, и Василий Тыркин, Никита и их сонный спутник вошли во двор.

— Что за беспорядок! — кричал Василий Тыркин. — Где у вас дневальный?

— Здесь, — откликнулся из темноты бодрый голос.

— Выдать по ордеру Алексея Шубина, буржуя... Живо, товарищ, не теряйте революционного времени!

— Шубин... Алексей Шубин... — пошли голоса в глубине двора. Никита, вглядываясь, различал лежащие и сидевшие на земле унылые фигуры. Вдруг точно иглой прокололо ему сердце, он начал дрожать мелкой дрожью: от стены отделился и подходил отец в накинутом на плечи пальто. Голова его была забинтована тряпкой.

— Я здесь, — проговорил он тихо и глухо, — расстреливать пришли за мной?

— Молчать, кровавая гидра! — хрипло закричал Василий Тыркин, замахиваясь на него прикладом. Алексей Алексеевич вздрогнул, всмотрелся и прикрыл низ лица воротником пальто.

— Ведите, — отрывисто сказал он.

Василий Тыркин и ленивый парень подхватили его под руки, поволокли к воротам. Никита шел сзади с ружьем на изготовку — с каким бы восторгом он умер сейчас за отца! В воротах вышла заминка. Усач в дамской шляпе, приотворив после сильного стука калитку, сказал, что сейчас было распоряжение никого со двора не выпускать. Василий Тыркин опять показал бумагу. Часовой замотал усами — не могу. К спорящим подошли любопытные, раздались голоса:

— Кого это уведят?.. По какому праву?.. Кто им дал разрешение?.. Покажи пропуск... Да это мальчишки какие-то... Товарищ, беги за комиссаром...

Во время крика и толкотни Никита отыскал страшно задрожавшую, холодную как лед руку отца и прижался к ней губами. Василий Тыркин пытался читать бумагу, но его перебивали, от толчка с него слетел картуз. Тогда, словно оцетинясь от злости, он сорвал с плеча карабин, подскочил к калитке, прикладом ударил усатого по дамской шляпе и выскочил за ворота. Ленивый парень толкнул туда же Алексея Алексеевича и, размахивая винтовкой, закричал: «Расступись!» Толпа раздалась, и в это время Никита увидел, как дверь дома запахнулась, на крыльце появился человек в кожаной куртке, без шапки, с узкой бородкой, с дергающимся лицом и закричал что-то, тыча указательным пальцем по направлению Алексея Алексеевича.

Никита всей своей кожей почувствовал, что это появилась смерть. Он поднял ружье, и оно сейчас же толкнуло его в плечо, оглушительно вылетело пламя, человек в кожаной куртке покатился с крыльца, толпа шарахнулась, зазывали затворы винтовок, и Никита, точно подхваченный ветром, побежал рядом с отцом по темной площади. Позади раздались выстрелы, все

чаще, все шире... Вдруг, шумно дыша, впереди бегущих появился Василий Тыркин:

— Налево, в переулочек, к реке! — крикнул он и на бегу выстрелил через плечо.

НА РЕКЕ

Прошло часа два. Алексей Алексеевич греб, осторожно опуская весла в темную воду. Никита лежал на дне лодки, завернувшись в отцовское пальто. Василий Тыркин сидел на руле и всматривался в смутно темнеющие очертания низких берегов реки.

По зарослям камыша, в плавнях, кричали бесчисленные горластые лягушки, иногда в прибрежных кустах начинал пощелкивать соловей. Журчала вода о борту лодки.

— Никита, помнишь, как у нас в Сосновке лягушки кричали? — негромко проговорил Алексей Алексеевич. Никита отогнул полу пальто и взглянул — над темной рекой, над плавнями, полными лягушек, над низкими берегами, уходящими в мглистые степи, сияли звезды, беззлобно, покойно и прекрасно. С жалобным писком на щеку сел комар. Никита шлепнул его и опять завернулся с головой в пальто.

ЭПИЛОГ

Беглецы плыли вниз по течению трое суток. Затем они бросили лодку и пошли пешком от деревни к деревне, питаясь тем, что им подавали добрые люди. А так как добрых людей было все же немало, то беглецы добрались до портового города, некоторое время прятались на окраине его в кирпичных сараях и однажды ночью выехали на лодке в открытый порт, где стоял корабль под французским флагом. Капитан корабля взял всех троих на борт.

На этом рассказ мой кончается: у меня вышла вся бумага, и, кроме того, Никита, Алексей Алексеевич и Василий Тыркин живут сейчас где-то на Балканах и пишут мне скучные письма о том, что у них ничего нет: ни денег, ни книг, ни одежды, ни родины...

НЕДОЧИТАННЫЙ КЛАССИК

Но почему, отчего — недочитанный?

Ладно бы об Андрее Платонове речь, писателе, гонимом при жизни и при жизни же удостоенном самой краткой в истории литературы «рецензии», начертанной на его повести красным карандашом кремлевского пустынножителя, — «Сволочь!», писателе, только недавно начавшем являть нам неведомые шедевры своей прозы. Понятно, когда в таком положении оказывается блистательный Михаил Булгаков, рассердивший того же самого «ценителя» непреклонностью пера. Неудивительно, если это Николай Гумилев, «несозвучной» поэзией, а, быть может, честью офицерской не угодивший тем, кто вопреки всему решил «наш

новый мир построить», за что и «пущенный в расход» на самом взлете и забытый на десятилетия высочайшим поведением; или Блок, хотя и «принявший», но задохнувшийся почему-то от «воздуха свободы»; или младший его современник Мандельштам, первым посягнувший на небезупречную репутацию «кремлевского горца» и тем предрешивший роковой свой конец. Страшный конец Цветаевой уж никак, понятно, не давал ей права быть дочитанной. Не диво, коли Бунин это, Куприн, Замятин — «не понявшие величия революции белогвардейские недобитки» и потому «самой историей обреченные подбирать крохи на задворках Европы». Или у себя дома той же компанией облаенные Зощенко с Ахматовой. Наконец, Пастернак, оболганный и загнанный теперь уже преемниками прежних «знатоков» изящной словесности...

Тут и дивиться нечему: державным сапогом скинуты были одни на обочину, другие в кювет «столбовой дороги», по которой шествовали бодрые герои литературного труда, неся на груди низколобый профиль в золотом кружочке.

Дикая, согласитесь, фантастичная картина, но она-то и делает понятным, почему недочитанными остались едва ли не все, кто составил славу русской литературы горемычного ее века. И до сего дня седеющей уже перестройки ни один из них не сподобился полного собрания своих сочинений в своей — «самой читающей» — стране. Будем полагать, происходит это по причине малости срока, минувшего с «реабилитации», больше похожей, правда, на «великодушное прощение». Упование тут одно — на время, когда в очередь встанут за своей долей дефицитной бумаги некогда «проштрафившиеся», а ныне прощенные классики. Остается разве один вопрос: отчего же вместе с ними, обруганными и оболганными, ждали и ждать продолжают вознесенные и обоженные еще при жизни?

Почему ждет «основоположник», писавший, как было нам указано, штуки «посильнее, чем «Фауст» Гете»? За что он-то — «пролетарский» — лишен права если и не на академическое, то хотя бы на полное собрание? Ах, да: великий наш писатель был к тому же еще и «великий путаник!» Вот ведь в чем дело... Да что там Горький! Пушкин! Наш Пушкин, достопамятная книга о котором называется «Пушкин и коммунизм», Пушкин, юбилей которого в 1937 году отмечался как всесоюзный, общенациональный праздник, отчего на него-то так власть рассерчала, что названное академическим полное собрание его сочинений вышло без блестящими пушкинистами подготовленного историко-литературного комментария?! Да потому, что за красной кирпичной стеной в такт движению дирижерской трубки, набитой папиросным табаком, молвлено было: «Камэнтарьи народу нэ нужны!» И весь сказ.

Следует ли после этого удивляться, что полное собрание сочинений Алексея Николаевича Толстого — в стадии разговоров? Все-таки, увы, следует. Потому хотя бы следует, что Пушкин на власть никогда не работал и, пережив два с половиной царствования, ласкаем ею не был; оттого, понятно, и властям грядущим Пушкин не опора. Без меры же властью заласканный, при жизни и по смерти на Олимп вознесенный Горький, и он, оказалось, весь-

то не помещается ни в «пролетарском» своем романе, ни в сказке об уже, противу естества заползшем высоко в горы, а несвоевременные мысли, как выяснилось, народу, конечно, нэ нужны. Так что, уж извините, и Алексей Максимович остаться должен недочитанным, хотя — кто спорит? — классик.

Ну, а Алексей-то Николаевич? По всем, казалось бы, статьям взял. Или анкетка, скажете, подкачала? Или хотя и короткая, но эмигрантская все же пора черным шариком закатилась в благополучную биографию? Да нет — не подкачала, не закатилась. При известном усердии на пользу даже вышло: «красный граф», как было нам объявлено, «решительно порвал» и т. д. Эмигрантской чаши до дна он не осушил, не испил, а только пригубил, и за малый тот глоток вовсю отстарался, не пожалев и таланта, Богом данного: вспомнить довольно будет и сравнить романы «Сестры» и «Хмурое утро»... За то и пошли ласки, почести, ордена и злато — все в расчете на новые и, как выяснилось, не обманутые надежды... Да, многое поставить можно в вину второму нашему классику — жизненные его поступки, литературный цинизм; произведения, прямо работающие на деспота и деспотию, тоже никуда не денешь; одного только не отнимешь — таланта, редкостного даже на Руси.

Так почему же, спросим мы, недочитанным остался славный наш писатель и на пути его полного собрания красный зажегся свет? Почему в рубрике «Пора прочесть» публикуем мы сегодня в 20-е годы написанный, но ни в одно из многочисленных собраний, ни в один сборник не вошедший рассказ? Быть может, утеряна была рукопись, неизвестной осталась даже специалистам-толстооведам*? Да нет, все проще объясняется. С «изъяном» — и с большим, по недавним временам, изъяном! — оказался этот рассказ: не разоблачал, не клеймил автор то, что — как обязательное условие — разоблачать и клеймить надлежало. Так что, выходит, ларчик просто открывался: не ко двору.

Не станем, однако, утверждать, что рекомендуем читателю один из шедевров маститого писателя, но согласиться все же придется, что написан этот рассказ Алексеем Толстым старой еще закваски, и восходит он к той поре отечественной нашей литературы, когда проза высокой пробы была не исключением, но нормой.

Послесловие и публикация АЛЕКСЕЯ КАРЕТНИКОВА.

* Рассказ напечатан после смерти писателя в американском русскоязычном «Новом Журнале» (№ 18) по полученной из Англии машинописной рукописи с авторской правкой и подписью «Гр. Алексей Н. Толстой».

КОНКУРС

ДНОГО
СТИХОТВОРЕНИЯ

ПРЕДСТАВЛЯЕМ
ПОБЕДИТЕЛЕЙ

ЕЛЕНА КУЗЬМИНА,
церковный служка, Архангельск

Неясный, незвонкий рожок проноет
Над ближней пологой тропой,
И снова бессмертный пастух поведет
Бессмертных ягнят к водопою.

Он стадо оставит, в ворота войдет
И сядет на камни у дома,
И снова мне новую куклу свернет
Из старой прозрачной соломы.

Заставит, укрыв потеплее платком,
Носить невесомую ношу,
И будет трясти деревянным рожком
И весело хлопать в ладоши.

И будет сердито кивать, и мычать,
И плакать печально и тонко,
Но я не умею кормить и качать
Соломенного ребенка.

Потом помолчит, постояв надо мной,
Помашет рукой за оградой...
А мы будем долго смотреть, как тропой
Уходит бесшумное стадо.

ЕЛЕНА КУЗЬМИНА

ИВАН ВАСИЛЬЦОВ

—

*О, мой лес, ты единственный лес на земле!
Изумрудом в оправе пустынь и степей
Ты сияешь над темной планетой моей,
На холодной планете моей.
Слава умной земле, что тебя родила!
Я твой воздух лелею у жадного рта,
Я тебя до последнего знаю куста,
До убогого знаю куста.
О мой клен, ты единственный клен на земле!
Ты пришелец из детских, раскрашенных снов.
Нет ни кленов других, ни берез, ни дубов,
Больше нет ни берез, ни дубов.
Как причудлив коры твоей тонкий узор,
Ароматной коры на могучем стволе!
И за то, что ты жив на песке да золе,
Слава умной и доброй земле!
Лист кленовый, рубиновый крохотный лист,
Я сняла тебя утром с увядших ветвей,
Ты последний на темной планете моей,
На уснувшей планете моей.
Где разносится ветром над гарью степей
Чернота развалившихся, брошенных гнезд...
И узор нежных жилок на коже твоей
Удивительно ясен и прост.*

—
В храме безлюдном окончена служба,
Мальчик в потертых, залатанных джинсах
Чистит подсвечник, в котором всего-то
Три белых свечи не догорели.
И в тишине, под нависшим, угрюмым
Куполом темным зимнего храма
Громко отсчитывает секунды
Новый беспечно-веселый будильник.
Скоро уходит последний автобус
Из занесенной снегами деревни,
Мальчик бежит за водой к колодцу,
Может быть, завтра будет крещение.

—
И тогда закричал: «Виновен!
Забросайте меня камнями...»
Облегченно вздохнули: «Виновен.
Он виновен.

Бросайте камни».

И бросали камни:
Убийца,
Погубивший отца и брата,
Потаскуха,
Что в поле безлюдном
В зимний день позабыла младенца,
Бросил камень иуда-доносчик,
Сочинивший донос на друга...
И ребенок за ними следом —
Засмеялся... и бросил камень.
И пошел, зашагал убийца,
Обругал меня грязным словом,
Потаскуха ушла, слезинку
Уронив на помин младенца,
Убежал доносчик угрюмый
Побродить по весенней роще.
...И ребенок дорогой плакал,
Когда мать у него отбирала
И в канаву кидала камни.

—
Твои пальцы, слепой, оживают
На губах моих, на губах...
Жил здесь кто или жить собирался
На обочине, на камнях?
Что с того, что слепой не узнает
Цвет моих непоблекших губ?..
Но очаг развалился, распался,
И забыт недостроенный сруб.
Почерневшую чашу наполню
Ледяною водой, ледяной...

Нет, не утро еще. До рассвета
Я плохой поводыр, слепой.
В темном небе молнии, молнии...
И дорогу искать впотьмах,
И пророка средь жаждущих света,
И глоток... в черепках... черепках...

Хворост принес мне мальчик соседский,
Тонкие, ломкие, легкие ветки...
Только очаг я будить не стану —
Солнце еще высоко.

Все еще свет над щербатым порогом...
Но за спиною, в жилище убогом,
Над колыбелью темной, холодной
Белое гаснет сукно.
Скоро погаснет совсем, почернеет...
Дверь незакрытая скрипнуть не смеет,
Даже нечаянный шмель очумело
Больше не бьется в стекло.

Мальчик соседский вечерней порою
С матерью хворост берет за рекою,
Где сквозь лежащие ветви белеет
Теплый сухой песок.
Сына жалеет седая соседка:
Так невесомы две тонкие ветки...
Кто же тебя, кто тебя пожалеет
В долгой дороге, сынок?

29

ИВАН ВАСИЛЬЦОВ,

студент педагогического
института, Саратов

Мокрый зонт ли,
осенняя шапка ли,
Все прохожие злы, нележки...
Листья вяза о чем-то прошамкали,
Листья вяза — совсем старики.
Жмутся к веткам,
от холода крючатся,
Но, дряхлея, полета хотят.
Перед смертью летать вдруг научатся
И к дороге большой улетят.

Скажут правду, но только не голосом,
А глазами, в которых покой,
И умчится их прах за автобусом,
За какой-то машиной лихой.

Переключка порогов окончена,
Вечер полон печалью потерь.
И, тоскуя по оклику, гончая
Поскреблась в незакрытую дверь.

Где ж хозяева?.. Дымка заречная.
В умывальнике стынет вода.

— Мы ушли в дальний лес на заре вчера,
Мы еще не вернулись сюда...

Дышит зверь. Слышит песню небесную.
Ветер, ветер, туман разгони!

— Мы искали подкову чудесную,
А нашли только сырость земли...

Вдруг вернулись. Но — юными, странными.
Длинный миг соткан был из затей.
И собака глазами стеклянными
Провожала веселых людей.

ТОТ МАЙ

Голубых берегов очертанья.
Небо — слитно с водой.
И опять слышу чье-то дыханье
У себя за спиной.

Вдруг пахнуло страданьем от тучи —
Уж такая весна...
Различаю больной и скрипучий,
Тихий голос весла.

И все дальше высокие ставни
Меж листья тополей...
Расплываются желтые плавни
Перед лодкой моей.

Родными станут облака,
Родные станут облаками...
Златые кудри ивняка
Холодный ветер жжет губами.

Расскажет витязь о войне,
Рыбак похвалится уловом,
Палач покается в вине —
Все это ляжет тихим словом.

Начало ночи положив,
Звучат молитвы волчьих самок.
...И на амбаре вечно жив
Замок, таинственный,
как замок.

Полуночный ветер.
Небесный суд...

Лишь снег свидетель
Тайных минут.

Снег теплый, райский —
На грудь, на лоб...

Огонь бенгальский
Упал в сугроб.

Печная тяга —
Не волчий вой.

Сегодня бродяга
Вернулся домой.

Вечер. Город. Снег.
Страх в глазах калек.
Вот вдыхает смог
Человек без ног.
Правда в костылях.
А душа — в полях.

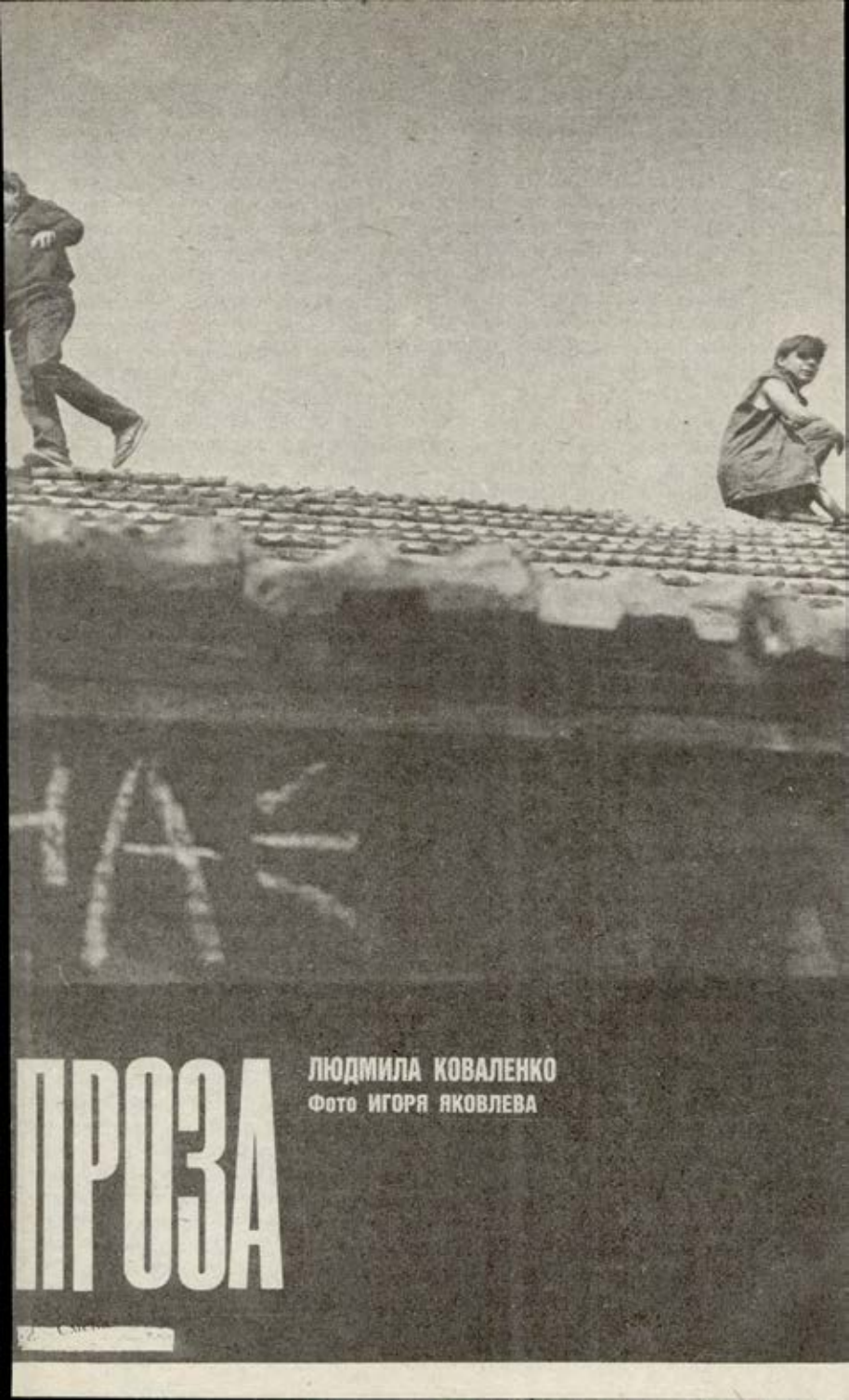
Навязчивость капель аниса.
Зимы непокой, уют...
Я вижу, как чудо-ирисы
За стеклами нежно встают.
Я, может быть, только проснулся
И вот уже — странный рассказ —
К озерным цветам прикоснулся,
Как будто к веслу первый раз.
Но чистые стебли засохли
И стали темны, как дома.
Цветы позабылись, оглохли,
И я заточил их в тома.
Метелей и щедрость, и скупость,
Предчувствие счастья и бед,
Узоров морозная сухость,
Гербарий, которого нет.

Все может случиться — например, этот номер журнала выйдет из печати, а «Коммуны» Панасицкого к тому времени на Ставрополье уже не будет...

Но сегодня, когда я пишу эти заметки, «Коммуна» живет, работает и надеется.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ

ПРОЗА

ЛЮДМИЛА КОВАЛЕНКО
Фото ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

О КАВЫЧКАХ, ИЛИ К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Вообще-то, на мой взгляд, коммуна существует — и без всяких кавычек. Однако есть другое мнение. Никакой такой коммуны, сказали мне в крае, нет. А есть некий арендный коллектив, возглавляемый известным Панасицким, который вопреки всем законам использует детский труд. Причем в целях корыстных...

Чтобы докопаться до истины, вернемся на два года назад, когда работник буденновского горно, педагог с тринадцатилетним стажем (учитель физики и астрономии, завуч, директор сельской школы) Анатолий Александрович Панасицкий принял обивать пороги наробразовских кабинетов, пытаясь заинтересовать инстанции своей идеей коммуны для несовершеннолетних правонарушителей. Но все переговоры заканчивались приблизительно одинаковым финалом: «У народного образования нет лишних денег на подобный эксперимент, вы же должны это понять!»

Панасицкий понял. Тут как раз подоспел Закон об аренде, и Анатолий возрадовался. Вот оно, искомое решение вопроса — не висеть на шее у перенапряженного госбюджета, а объединить новые экономические возможности и испытанные педагогические принципы.

Трудно сказать сейчас, почему Панасицкий, заключая с опытным хозяйством «Темнолесский» договор об аренде, не стал и заикаться о главной цели деятельности коллектива — социальной реабилитации несовершеннолетних правонарушителей. Хотя, по-моему, логически объясняется этот факт просто. Если уж наробразовские коллеги не поняли, зачем опытному

педагогу-предметнику вешать на себя заботу о «шпане», то ждать ли восторгов от местной власти?

Нынче «авантюристу» Панасицкому инкриминируют прежде всего тот, почти двухлетней давности, обманный маневр. И — злоупотребление общественным мнением: налетели журналисты, и вот уже заметка о коммуне в «Комсомолке», передача по телевидению, две — по Всесоюзному радио, да и местная пресса в стороне не осталась... А в ответ — чуть ли не вся страна жаждет помочь Панасицкому и поддерживает его завиральные идеи.

Взрослые из Сибири и Крыма, с Урала и из Подмосковья просят на работу в коммуну. Солидные организации предлагают денежные кредиты, технику и даже путевки в приморский пансионат. Милосердные граждане нашего немилосердного общества шлют посылки со всякой мелочишкой для пацанов...

Ситуация грозила перерасти в идиллическую, если бы не ряд обстоятельств. С самого начала не заладились арендные отношения с «Темнолесским» — опхоз одно за другим грубо нарушал условия договора. Посему особых успехов арендаторам в первый сезон достичь не удалось: попробуй возьми богатый урожай, коли нет вовремя ни семян, ни техники. Но была надежда поправить положение: к октябрю прошлого года в состав арендного коллектива «Коммуна» входили уже восемь взрослых и двенадцать подростков (начинали же дело четверо, с ними и был заключен договор на 10 лет). К зиме коммунары купили в поселке Новый Бешлагир два дома, ибо ни одной из трех десятков пустующих казенных квартир опхозовская администрация выделить не согласилась. Только даже и в этих, казалось бы, соб-

ственных домах жили арендаторы на птичьих правах, согласно сумашедшим законам о прописке.

Кульминации события достигли к нынешней весне, когда директор опхоза В. Иванюк, заявивший о том, что **собирается** расторгнуть арендный договор с «Коммуной», приказал распахать и засеять три четверти коммунарской земли. А ее и всего-то было сто гектаров...

Помнится, на заре Советской власти сходный случай произошел и в колонии имени Горького, только вот результат там был диаметрально противоположным. То ли макаренковских колонистов было побольше, то ли характеры и прошлый опыт у них были покруче, то ли Лука Семенович Верхола относился к новорожденному законодательству с бльшим уважением, нежели товарищ Иванюк к нынешнему устоявшемуся... Но факт остается фактом: землю у «Коммуны» отняли нагло и практически безнаказанно. Более того, опхоз подал на арендаторов в суд для расторжения арендного договора.

Вот такая история, оборванная пока на полуслове... Что решит сентябрьский суд, если он состоится, я не знаю. Будут ли наказаны руководители «Темнолесского», распорядившиеся вопреки всем законам арестовать счет арендаторов в банке и поставившие коммунаров на грань голода, тоже не могу утверждать однозначно.

Сам Панасицкий особых иллюзий насчет завтрашнего дня не питает. Однако и сдаваться, судя по всему, не собирается. Причина его стойкости — вовсе не в амбициозности или тщеславии, как пытались мне доказывать некоторые уважаемые товарищи из краевого руководства. Анатолия Панасицкого заботят два момента — во-

первых, судьба пацанов, а во-вторых, судьба идеи.

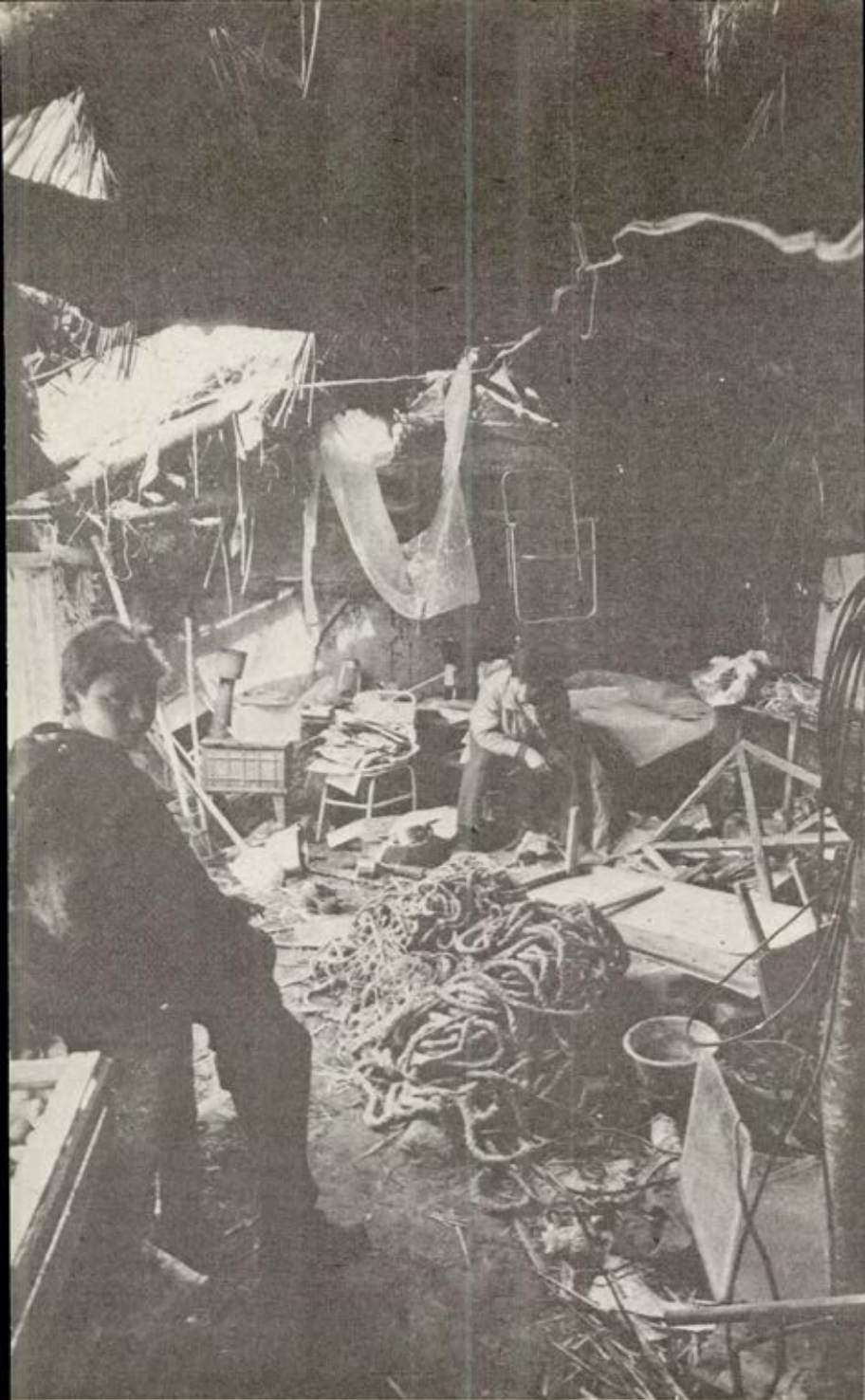
О ПАЦАНАХ, ПОДРОСТКАХ И СОБСТВЕННЫХ ДЕТЯХ

Не мной замечено, что нормальный пацан не способен говорить тихим голосом, так сказать, в принципе — это наблюдение Антона Семеновича Макаренко. С этой точки зрения коммунарские пацаны вполне нормальны — все свои эмоции, деловые предложения и даже сведения об архитектуре древнерусских храмов они выплескивают на добрый десяток децибелов выше допустимого уровня. Особенно впечатляет это в тихие предвечерние часы, когда основные дела на «фазенде» (так, разумеется, зовется база коммуны) закончены, старшие ребята потихоньку терзают гитарные струны возле служащего им летним обиталищем старого троллейбуса, добровольцы-рыбаки обеспечивают завтрашнюю уху, а взрослые ловят редкие минуты относительного покоя...

Вот тут-то и раздается обычно душераздирающий вопль, от которого эхо звенит по холмам, а полсотни фазендовских петухов с испугу принимают хлопать крыльями и по-куриному кудахтать. Пацаны произведенным переполохом нисколько не смущаются, а в ответ на сделанное замечание недовольно смотрят в сторону — дескать, подумаешь, какие нежности, а если у меня неотложное и важное дело?

Действительно, дел по горло. Есть среди них не очень любимые, скажем, мыть посуду или пол в домике. Есть привычные и не без приятности — покормить Хрюшу, отличающегося отменным аппетитом и коммуникабельностью. В новинку — конкурс на лучшего зна-

тока древнерусской архитектуры, объявленный московской гостьей Алисой Ивановной. В этом соревновании пацаны участвуют со страстью, радуясь удаче и обижаясь в случае поражения... Ну и, само собой, полным-полно традиционных занятий: рыбалка, лазание по деревьям, помощь в ремонте машины или трактора и, наконец, массивная атака на трехлитровую банку сгущенки...

Поглощенные столь разнообразной деятельностью, мальчишки и не подозревают, что волей-неволей провоцируют одно из главных обвинений в адрес своего руководителя — в незаконном привлечении к труду детей, не достигших шестнадцатилетнего возраста. Другими словами, эксплуататор Панашицкий извлекает, надо полагать, из детишек прибавочную стоимость, да еще без согласия комиссии по делам несовершеннолетних Шпаковского района, на террито-

рии которого расположена «фа-зэнда».

В жизненное кредо Панашицкого как-то не вписывается та схема, по какой годами привычно и законно действуют организации и отдельные лица, призванные отвечать за судьбу и благополучие детей. Схема несложная: школа отфутболивает нестандартного ребенка в комиссию по делам несовершеннолетних, а та перекидывает его подальше от «нормальных» детей — в спецшколу, специнтернат, спецПТУ. А выйдет возраст — в колонию. Лестница эта, как правило, ведет лишь вниз. Исключения редки.

Немудрено, что мать одного из коммунарских пацанов, учительница, схватилась за Панашицкого, словно утопающий за соломинку. Ей ли, педагогу, не знать, сколь безжалостно перетирают жернова системы тех, кто не вписался в неведомо кем выведенный стандарт

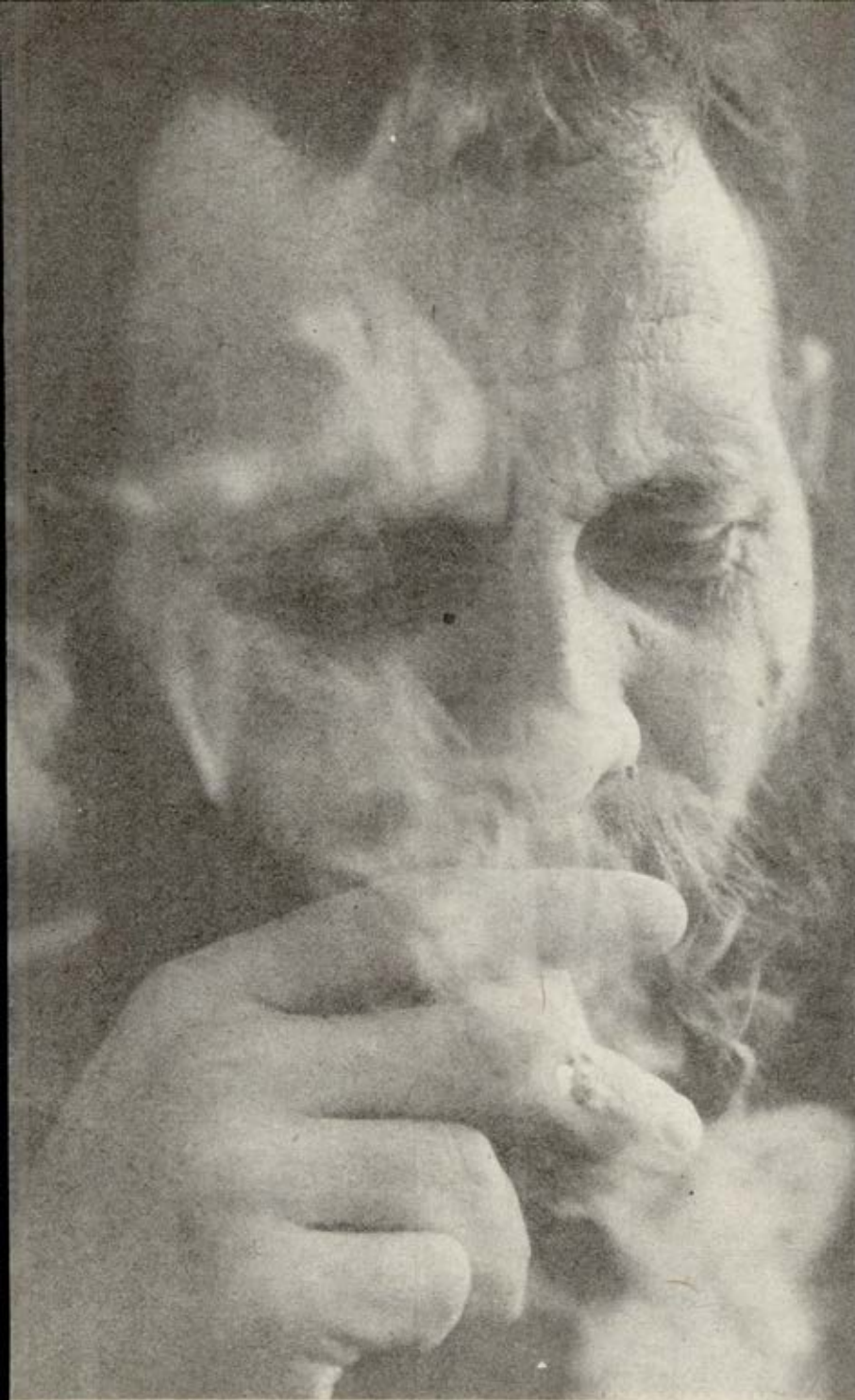
«нормального ребенка». И за тысячи километров везла она в Ставрополье вруна и непоседу Сережку, чтобы уберечь... И бакинца Митю мама привезла в Новый Бешпагир, хотя Митя по всем приметам легкий, благополучный мальчишка. Только вот ситуация в Баку оказалась не слишком благополучной, а в школе — так просто невыносимой для Мити. Самый маленький в коммуне — Валерка, он местный, ставропольский. (Кстати, когда Валеркина мама кинулась по официальным учреждениям узнавать адрес коммуны, ей ответили: «Да бог с вами, какая коммуна? Все это слухи и реклама...»)

Как ни украшают коммунарское бытие пацаны, все-таки главная движущая сила здесь не они, а старшие, те, кому по 16—17 лет. Самый взрослый, Игорь, нынешним летом ушел служить в армию. Вернулся в семью шестнадцати-

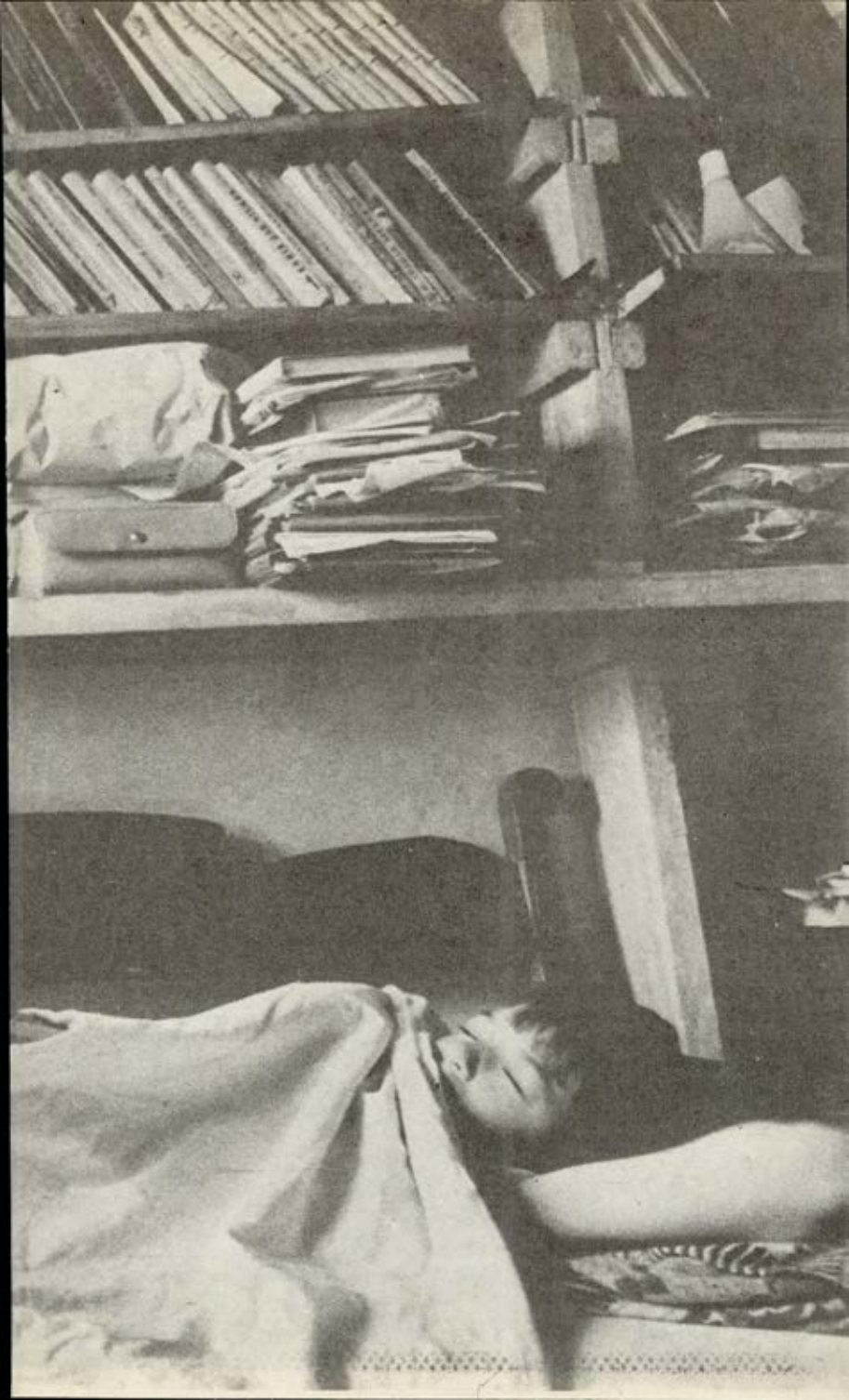
летний Сергей — помогает матери поднимать двоих младших. Из старожилков остались герой-путешественник Дима пятнадцати лет от роду и семнадцатилетний Миша с двумя направлениями в спецПТУ за спиной...

Я не собираюсь разворачивать перед читателем эпическое повествование о «перековке», как это некогда называлось. Во-первых, лучше Макаренко все равно не напишу. Во-вторых, все мы, по-моему, по горло сыты чернухой и экзотикой, да и нет в коммуне экзотики, до какой падох обыватель. А в-третьих, честно говоря, очень боюсь скатиться к душеспасительным историям, соответствующим некоему канону педагогической прозы: как нехороший мальчик под благотворным влиянием здорового коллектива превратился в хорошего. Я, знаете ли, не могу забыть о том, что вернувшиеся из коммуны домой ребята не-

медленно попадут в цепкие объятия общества, крайне далекого от совершенства... Словом, лишь жизнь покажет, стало ли скудное коммунарное бытие мощной профилактической прививкой от социальных болезней.

О «ШЕФЕ» И ЕГО КОНЦЕПЦИИ

Встретивший меня в Ставропольском аэропорту Панасицкий был приветлив, но тяжело молчалив. Я не таким его себе представляла. Правда, на вопросы он отвечал подробно и добросовестно, только не было в его глазах света. Грешным делом я грустно подумала: «Неужто сломался человек? Или так замучили визитеры, что устал снова и снова повторять невеселую арендно-коммунарскую эпопею? Или изверился вконец?»

А потом мы приехали на «фазенду», и я увидела совсем другого Панасицкого. Он все так же был скуп на внешние проявления эмоций, но как-то оттаял, вроде бы расправился душой. Или вправду говорят, будто дома и стены помогают?

Со стенами на «фазенде», признаться, небогато — двухкомнатный теплый домик да сооружение сарайного типа, именуемое бункером. Тут тебе и кладовка, и кабинет «шефа» («шефом» в коммуне кличут Анатолия Александровича), и крохотный закуток, где он спит. Стоят еще упомянутые старые троллейбусы, оборудованные под летние спальни. Если сравнить хотя бы с типовыми зданиями школ и детдомов, картина убогая... Только где они, комфортабельные и просторные типовые сооружения, в которых смогли бы разместиться беспокойные питомцы Панасицкого?

А вот теперь — стоп. Иначе мы рискуем свернуть на проторенную дорожку имущественных претензий и, чего доброго, потребуем под коммуны крайкомовские дачи или, скажем, здешнюю резиденцию Президента — по телевизору недавно показывали, выглядит вполне подходяще. Нынче подобные требования в большой моде, но отчего-то Панасицкий и его команда ни на партийные виллы, ни на спецсанатории не претендуют. Более того, из первоначального варианта концепции нового учебно-воспитательного трудового учреждения следует, что ранее ее автор предполагал начинать дело вообще... на пустом месте.

Два года пробуксовки эксперимента несколько охладили максималистские принципы Анатолия, и сегодня он признает: для «нулевого цикла» коммуны необходимы хотя бы минимальные бюджетные

ассигнования и начальная материальная база. Но это вынужденное отступление, так же как и вынужденное создание арендного коллектива, не меняет сути. А суть проста: кусок хлеба надобно заработать, а не получить в качестве добросердного подаяния.

На мой взгляд, требования Панасицкого более чем скромны и вполне реальны: жилье для тридцати ребят и двенадцати взрослых — таков оптимальный первоначальный состав. На худой конец можно было бы обойтись и утепленными строительными вагончиками, благо, выпускают их здесь же, в крае, в городе Буденновске. Романтическое обитание в вагончиках должно завершиться уже через полгода, когда первые коммунары — взрослые и подростки — построят для себя и будущих новичков дома. И, может быть, снимут первый урожай со своего поля и огорода. Земля

у коммуны должна быть непременно — на этом долго проработавший на селе горожанин Панасицкий стоит твердо. Должны быть поле, сад и огород, свое животноводство, своя птица. Однако должен быть и компьютерный класс...

Я, конечно, могла бы здесь во всех подробностях изложить содержание пяти основных этапов создания коммуны по Панасицкому. Можно было бы процитировать многостраничную бумагу, что подготовил Анатолий Александрович по требованию краевого управления народного образования. Бумага эта и представляет собою собственно научно-педагогическую концепцию учебно-воспитательного трудового учреждения для несовершеннолетних по типу...

Нет, лучше не стану цитировать, ибо никогда не в силах была понять, для какой надобности принято у нас запихивать живую, бьющуюся мысль в прокрустово ложе отработанных формулировок и мутных терминов. Разучились мы, что ли, говорить по-русски, по-человечески?

Короче, пускай меня строго осудят за ненаучность изложения, но я попробую обойтись своими словами.

Панасицкий с ребятами хотят и пытаются строить Дом. Тот Дом, где своя, а не казенная кровать. Где любимую книжку можно взять просто с полки, не записывая в формуляр. Где на рыбалку ходишь, чтобы вечером накормить своих домашних свежей ухой. Где есть свои обязательные дела и необязательные капризы. Где есть семья... Наверное, для подростков «при живых родителях» коммуна останется все-таки временной обителью, убежищем от житейских штормов, своего рода нравственной лечебницей, что ли. Однако для одиноких коммуна

может и должна стать Домом. И совсем необязательно, достигнув выпускного совершеннолетия и «исправления», прощаться с родными стенами. По замыслу Анатолия, выпускники при желании могут остаться здесь, дома, или вернуться сюда после учебы в городе. Коммуна подсобит построиться, обзавестись хозяйством, предоставит работу.

Понимаю, кому-то сейчас припомнилось полузабытое слово «фаланстер». Основная ячейка утопического общества Фурье... Что ж, подобное сравнение пришло и мне на ум еще при первом знакомстве с идеей Анатолия Панасицкого. И тогда же вспомнилась печальная судьба псковской «Коммуны-1», основанной Валерием Никольским, в хипповой среде известным как Юфо. А еще — светлые идеи первого в стране подмосковного, калининградского МЖК, потесненные прозаической борьбой за жильё...

Согласитесь, есть что-то странное уже в самой поразительной живучести многократно разрушенной и осмеянной мечты — создать среди несправедливого мира хотя бы островки равенства, братства, честного и вольного труда.

Тем не менее мне вовсе не хотелось, чтобы Анатолий Панасицкий предстал перед читателем таким новобешпагирским мечтателем, далеким от жизненных реалий. В нем прекрасно уживаются стремление к дальним целям и практическая хватка. Скажем, в одной из сельских школ, где он работал, осталась после него своя обсерватория. В другой школе наладил он производственные мастерские. Да и здесь, на «фазенде», выступает Анатолий не в роли идейного вдохновителя и руководителя, а скорее в привычном для директоров наших учебных заведений качестве — хозяйствен-

ника, снабженца, бухгалтера, словом, мастера на все руки...

В письмах, которые приходят Анатолию Александровичу со всех концов страны, часто встречаются такие строчки: «Вы — как отец своим ребятам... Я верю, что вы сможете стать моему сыну настоящим отцом...» А ведь авторы этих писем всего-то и видели Панасицкого пятнадцать минут на экране, но главное в нем зацепить успели, поняли. У него нет проблемы — быть или казаться. Он такой, какой есть на самом деле. Потому и ребята относятся к нему честно — волнуются, обижаются, побаиваются, ссорятся, помогают и мешают. И, по-моему, любят, хоть и знаю, что в подростковом обиходе слова этого употреблять не принято.

О ДРУЗЬЯХ КОММУНЫ, ЕЕ КРИТИКАХ И АВТОРСКОЙ ОБЪЕКТИВНОСТИ

При всей одержимости Панасицкого нипочем бы ему не справиться с проблемами коммуны, окажись он в одиночестве.

На то время, когда я жила в Новом Бешпагире, взрослых здесь было пятеро. Точнее, даже четверо, потому что Панасицкому последние недели приходится мотаться между Новым Бешпагиром и Ставрополем (а это 70 километров), улаживая бесконечно возникающие сложности. А из этих четырех лишь шофер Володя — сотрудник коллектива «по штату». Остальные — даже не знаю, как назвать, добровольцы, что ли?

Об Алисе Ивановне Леонтьевой, москвичке, я уже упоминала. В столице Алиса Ивановна работает в подростковом клубе «Культура». На «фазенде» ее функции многообразны: от занятий по исто-

рии христианства и русской архитектуре до мытья посуды и приготовления оладьев из кабачков...

Вообще я заметила, что, приехав в коммуну, ни один ее гость не в силах остаться в стороне, не у дел. Как-то сами собой засучиваются рукава, а работу долго искать не нужно. При мне на «фазенду» в выходной день прибыла целая компания навестить одного из пацанов. Через полчаса вся команда уже активно действовала: женщины организовали бригаду по лепке пельменей, один из мужчин сразу же пошел налаживать «дырчик» (бензиновый мотор, позволяющий полтора-два часа в день смотреть телевизор и обеспечивающий электрическое освещение), другой руководил заготовкой на зиму «синеньких», и даже дедушке нашлось дело.

Вузовский преподаватель математики с Украины, Валерий Леонидович Миллер, приехал сюда познакомиться, присмотреться, а там видно будет. Математик коммунарам нужен. Скоро осень, начало учебного года...

Прокурора Людмилу Ивановну Матюшко гостьей назвать трудно. Обитатели коммуны — ее непосредственная «клиентура». В краевой прокуратуре Людмила Ивановна занимается надзором за исполнением законов о несовершеннолетних, на «фазенде» — всем на свете. Без женской руки любое хозяйство неполноценно. Там сварить, здесь постирать, заштопать, заплатку поставить — разве смогут все это сделать самостоятельные, но неумелые мальчишки? Со временем, надо полагать, научатся, а пока... Пока я выслушиваю дискуссию Людмилы Ивановны и Алисы Ивановны, посвященную некоторым тонкостям педагогического процесса.

— Вы балуете ребят! — возмущается Алиса Ивановна. — Посмо-

трите, как они сегодня распустились. Чья-то мама лепит для них пельмени, журналистка моет посуду... А они преспокойно смотрят телевизор.

— Алиса Ивановна! Они же всю неделю ждали Шерлока Холмса, бензин сэкономили для «дырчика». И работали сегодня весь день. Кто же виноват, что внезапно возникла эта идея с пельменями? — слабо отбивается Людмила Ивановна.

Друзей у коммуны много и в крае, и по всей стране. Им и в голову не приходит искать в деяниях и замыслах А. Панасицкого никаких злодейских «корыстных» целей. Они видят только то, что существует в действительности, — доброе и крайне нужное нам всем дело, живых, борющихся и ошибающихся людей, которые нуждаются в нашей помощи и поддержке...

Пришла, однако, пора от друзей коммуны обратиться к ее критикам. И здесь я испытываю некоторое замешательство. Мне было бы куда легче, если бы встретилась я с махровыми бюрократами и замшелыми консерваторами. Только ничего подобного не могу сказать ни о начальнике краевого управления народного образования А. Е. Шабалдасе, ни о заведующем отделом этого управления И. К. Васильеве, ни о секретаре крайкома КПСС Ю. С. Давыдове.

В принципе против идеи коммуны никто в крае ничего не имеет. Более того, сейчас в управлении народного образования дорабатывают представленную Панасицким концепцию.

— Так или иначе, но коммуна на Ставрополье будет, — уверенно сказал мне Алексей Егорович. — Идея эта хорошая, нужная... Но, согласитесь, не можем же мы взваливать себе на плечи этот сомнительный арендный коллектив

Панасицкого с его двухсоттысячным кредитом?

— Значит, коммуна будет, но без Панасицкого?

— Если Анатолий Александрович не освободится от своих долгов, придется обойтись без него... И в любом случае я не вижу Панасицкого во главе коллектива, на мой взгляд, он не руководитель...

Разумеется, можно сделать коммуна и без Панасицкого. В конце концов существует «Педагогическая поэма», научные работы А. С. Макаренко, мировой опыт использования его теории и практики. Только почему-то мало удачных повторений — скорее всего потому, что не родился пока второй Антон Семенович Макаренко. И не родится: таких чудес не бывает. Трудная судьба С. А. Калабалына, пошедшего по стопам своего учителя, нелегкие дороги других его последователей доказывают старую истину о непризнании пророков в своем отечестве.

...Прощаясь с А. Е. Шабалдасом, я спросила его, в каком состоянии сейчас подготовка к созданию в Ставропольском крае полноценной коммуны и какие существуют проблемы.

— На сегодняшний день, — ответил Алексей Егорович, — главная наша проблема в том, что нет у нас второго Панасицкого...

НЕСКОЛЬКО ОБЩИХ РАССУЖДЕНИЙ НА ПРОЗАИЧЕСКУЮ ТЕМУ

Шестьдесят с лишним лет назад на тех же принципах самостоятельности закладывал основы своей колонии имени Горького, а потом и коммуны имени Дзержинского А. С. Макаренко. Принято считать, что Антона Семеновича к этому подталкивали в первую очередь разруха, всеобщая нищета, нестабильность и море беспри-

зорников. Не было еще в ту пору богатых общественных фондов, откуда можно уверенной рукой черпать и черпать, пока не убедишься, что и они не бездонны...

В пароксизме перераспределения, охватившем наш народ — от политиков-неофитов до бомжей, — мы, похоже, совершенно забыли, что, кроме сферы потребления, в экономике существует еще и сфера производства. И не надо быть Шмелевым и Селюниным, дабы понять органическую и жестко зависимую связь этих двух сфер... И тем не менее на всех уровнях слышится однообразно-агрессивное: дай, дай, дай! Государственные дотации в образование, здравоохранение и социальное обеспечение существуют везде и складываются из денег налогоплательщиков. Но за рубежом налогоплательщик содержит школы и больницы, а мы с вами — министерства и конторы, со стола которых и перепадают крохи тем, кто непосредственно учит, лечит, воспитывает. Нищета и неухоженность наших учебных и медицинских заведений в ком-то рождают безысходную тоску, а в ком-то — стремление к переменам. И тогда, например, создаются при школах мини-заводы, или кооператив «Отцы и дети», или ученические бригады, прославившие Ставрополье и сделавшие сельские школы в крае такими, что иным и столица позавидует... (Вот то-то меня, кстати, и удивило — уж ставропольским ли наробразовцам не знать о роли эффективного и оплачиваемого труда в воспитании подростков?)

Но оставим в покое экономическую сторону проблемы. По нынешним временам, доказывая необходимость производительного труда школьников, мы ломимся в открытую дверь. Только существует ведь еще и моральный, пе-

дагогический аспект. Воспитанные на «ничьей» собственности, поколения наших сограждан в конечном счете породили, не могли не породить монстра вандализма и потребительства. Загаженные лифты и разрисованные стены подъездов, растерзанные электрорички, поруганные памятники — это дело рук «трудных» подростков.

Ничье и есть ничье. Для чего его беречь, кому передавать?

Подрастающий в семье ребенок худо-бедно, а понимает со временем, что папа с мамой работают, чтобы он получил свои игрушки, книжки, еду и одежду. Этот процесс у него на глазах. Умные родители привлекут юного наследника к формированию семейного бюджета и домашнему труду, неумные — попрекнут куском. Но в итоге связь между производством и потреблением так или иначе войдет в сознание подрастающего в семье человека. А если ребенок растет без родителей, в детдоме или интернате?

— Да какой бы распрекрасный ни был детдом, все равно у ребят формируется извращенное представление о жизни, — сказал мне Панасицкий. — У него же нет абсолютно ничего своего, от кровати до тетрадки — все чужое...

И вот привыкший **получать** подросток сталкивается с жесткой действительностью, где часто и взрослый, что-то умеющий делать человек оказывается ненужным. А он, недоросль и недоучка, неумеха и инфантил, — тем паче.

Кстати, первые тревожные звонки прозвучали еще в ту пору, когда на некоторых предприятиях стали внедрять хозрасчет и бригадный подряд. В первую очередь там старались избавиться от несовершеннoлетних, ставших обузой для «общего котла». Рынок обострит эту проблему до предела.

И надо быть готовыми к тому, что неприкаянных, никому не нужных подростков будет становиться все больше. В отделе по делам несовершеннолетних МВД РСФСР видят эту тенденцию уже сейчас, и идею Панасицкого начальник этой службы А. Н. Карымов считает своевременной и весьма плодотворной.

Позиция МВД понятна: незанятые подростки стали самой криминогенной частью общества. На одном из брифингов в МВД Союза прозвучала страшная цифра: каждый третий освободившийся из мест заключения снова становится на путь преступлений. Еще немного, и вся страна может превратиться в один сплошной беспредел — к тому идет...

О социальной реабилитации в последние годы говорят много. И неизменно пытаются взвалить эту проблему исключительно на плечи и без того изнемогающего от растущей преступности Министерства внутренних дел. Делами несовершеннолетних занимается как минимум десяток разных ведомств — результаты наглядны...

Но почему живое, уже дающее какой-то эффект дело пробивается с такими усилиями? Даже самая простая и самая принципиальная проблема — о придании коммуне статуса площадки для социально-педагогического эксперимента — не решается уже два года...

Неужели

**Антон Семенович
Макаренко так ошибся
и нам еще долго
предстоит читать
«Педагогическую поэму»,
писать педагогическую
прозу и... душить
педагогическую инициативу?**

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ УТОПИИ

НИКОЛАЙ АМОСОВ,
народный депутат СССР

53

**В ПОЛИТИКЕ
МЫ ПРИБЛИЗИЛИСЬ К ДЕМОКРАТИИ,
А В ЭКОНОМИКЕ
НЕДАЛЕКИ ОТ СТАЛИНИЗМА...**

Тридцать лет, кроме хирургии, я занимаюсь моделированием сложных систем: организма, интеллекта, личности, а для себя — еще и общества. Проверял общественные системы по критериям оптимальности, в том числе на устойчивость. Оказалось, что су-

УГОЛ ЗРЕНИЯ

существуют два устойчивых состояния общества. Первое — частная собственность и демократия, второе — тоталитарное правление и «социализм» (читай: государственная собственность и план). Все «гибриды» оказались неустойчивыми: внутренние распри или экономический застой ведут к сдвигу в ту или иную сторону. Мы теперь как раз и являем собой такой «гибрид» — в политике приблизились к демократии, а в экономике недалеко от сталинизма. Еще один нюанс: тоталитарные системы уступают демократическим в экономической эффективности. Впрочем, это видно и без моделей...

М. С. Горбачев объявил у нас революцию. И это хорошо. Но как найти новую оптимальную идеологию? Рискну высказать свои соображения. Оптимальную идеологию можно искать только через модели с включением «человеческого фактора».

До настоящего времени идеологии не создавались на строго научной основе. Их придумывали и распространяли среди легковверных граждан. Если это удавалось, они становились общественной силой и по ним строились государства.

В самом общем виде любая идеология утверждает, что именно и почему считать справедливым в отношениях между людьми.

Чтобы выразить в **модели** цифрами все разнообразие идеологий, пришлось придумать две основные и несколько вспомогательных координат. Первая (x) отражает процентное соотношение государственной и частной собственности, вторая (y) представляет власть, условными цифрами выражая ее типы — от тирании до демократии. Для каждой идеологии будут свои координаты. Если по ним описывать и государственное устрой-

ство, то к ним нужно добавить еще вспомогательные координаты: уровень развития экономики — по валовому национальному продукту на душу, величину и военную мощь государства, состояние соседей-конкурентов и т. д. Главные координаты в совокупности определяют еще несколько показателей. Таких, как мораль (от групповой — к общечеловеческой); распределение людей по социальным группам — рабочих, собственников, управляющих, элиты, интеллигенции; их процент, материальное и социальное положение; экологическая ситуация; эффективность экономики; степень идеологической нетерпимости; уровень культуры; наконец, итоговый показатель — «качество жизни». По существу, в координатах уже заложена модель общества.

В самом общем виде структура моделей общества такова: две сферы — материальных и социальных отношений. В первой — отражается движение труда и вещей, во второй — высказывания и поступки.

Материальную сферу можно поделить на производство и распределение. В свою очередь, производство определяется трудом, техникой и организацией. Каждый из этих элементов в модели выражается коэффициентами, самый важный из которых — психологический — мотивы труда. Другие коэффициенты отражают уровень техники (промышленные фонды) и тип организации (частно-рыночная или плано-государственная). «Выходом» производства является эффективность — по количеству, ассортименту и качеству продукции. Важнейший показатель — «потребительский КПД». Он обозначает процент общественного труда, вложенный в потребительские товары из общей суммы трудовых затрат общества.

Область распределения выглядит сложнее. Ограничусь лишь перечислением пунктов. Потребление граждан, оборона, оборудование — для расширения и обновления фондов, наука, культура, здравоохранение, просвещение, охрана природы. Приоритеты распределения в конечном итоге диктуются психологией, то есть чувствами и убеждениями «управляющих» — правительства в государственном секторе и собственников — в частном. На их решения воздействуют народ, соседние страны и конкуренты.

Сфера социальных отношений в модели представлена высказываниями и поступками граждан, средствами массовой информации, а также ограничениями со стороны правительства. Высказывания мотивируются потребностью в общении и самовыражении, а содержание исходит из недовольства материальным и социальным положением, отношения к руководителям и идеологическим убеждениям. Эти элементы формируются как в материальной сфере, так и в процессе самоорганизации общества. В свою очередь, общественные отношения оказывают обратное воздействие на материальную сферу, так как здесь создаются мотивы и этика труда и притязания на доходы — важнейшие двигатели экономики.

НАША ИДЕОЛОГИЯ НЕ ИМЕЕТ НИЧЕГО ОБЩЕГО С НАУКОЙ...

Почему-то философия марксизма никогда не считалась с психологией. Общество рассматривалось как самодовлеющая система, не имеющая корней в людях и поэтому позволяющая ставить на них любые эксперименты. Хотелось бы исправить этот недостаток, но в наших моделях не хватало экспериментальных данных.

Прямые измерения психики очень трудоемки, и мы пытаемся заменить их экспертными оценками. Именно для этого я обратился в «Литературную газету» с просьбой напечатать анкету, чтобы читатели оценили психологические качества человека по предложенной схеме.

Получено 4500 ответов, из которых отобраны письма психологов, социологов, философов, педагогов, врачей и — для контроля — лиц других профессий.

Соотношение биологического и социального начал респонденты определили 1:1. Под биологическим понимаются врожденные чувства: жадность, страх, лидерство, агрессивность и другие. Социальный фактор выражен как в изменении врожденных качеств, так и в создании конкурирующих с ними убеждений. Воспитуемость — масштаб таких изменений. Наши респонденты оценили ее очень низко — всего в 25 процентов. Например, жадного не сделаешь щедрым, а только уменьшишь жадность наполовину. Вывод из всего этого прост: идеологии должны больше ориентироваться на биологические потребности. Тем более что среди этих потребностей есть вполне «социалистические» — общение, подражание, соперничество и даже основы этики — чувство справедливости, потребность в правде, вере, идеалах, игре, которая служит основой искусства.

Относительное значение различных чувств мы изучали по мотивам труда. Каждый опрошенный выбирал три пункта из списка. 85 процентов назвали «экономику», 35 — «удовольствие от дела», 11 — «престиж», 8 — «страх», 1 — «власть». Идеология выразилась в «полезности людям», ее выбрали 58 процентов, то есть поставили на второе место.

Биологическое чувство собственности — важнейший мотив деятельности. Коллективная собственность неизмеримо слабее и действует только в малых группах.

Наша идеология не имеет ничего общего с наукой. Ограничусь перечислением терминов, обозначающих догмы и характерные черты. Коллективизм, социализм, коммунизм, атеизм, мировая революция. Диктатура пролетариата, а фактически диктатура партии, в партии — аппарата, в аппарате — Политбюро, в Политбюро — «первого». И так — сверху донизу. Выдвижение партаппаратчиков по принципу кооптации угодливых и глупее себя. Отсюда — вырождение. Монополия партии на идеологию и информацию, подбор кадров управленцев. «Железный занавес». В экономике: государственная собственность, план, ограничение личного имущества, уравниловка, привилегии элите, бесплатность социальной сферы и полная занятость.

Остановлюсь на некоторых деталях экономики, поскольку она определила состояние нашего общества. Приоритетный оборонный сектор поглощает лучшие ресурсы и силы, но из-за сверхсекретности не обогащает «гражданскую» технологию. Плановое управление огромным объемом и разнообразием производств практически невозможно и существует лишь фиктивно. Карьерные стимулы управленцев не заменяют личной заинтересованности собственников. Монополизм и отсутствие конкуренции ведут к дефицитам, снижению качества продукции, потерям и торможению научно-технического прогресса.

Все это привело к тому, что вместо одной хорошей современной машины приходится выпускать две-три. Теперь представьте

себе порочную цепочку: плохая горная промышленность требует лишних машин и обслуживания и дает много отходов. Плохая металлургия требует лишней руды и угля, выплавляет плохой металл, плодит отходы и снова требует лишних машин и рабочих. Машиностроение работает в тех же условиях и производит плохие «рабочие» машины для легкой промышленности и сельского хозяйства. Все вместе они загрязняют природу и требуют лишней энергии. Если прибавить к этому военную промышленность, поглощающую до четверти всей индустриальной мощи, то и получим порочное соотношение производств «А» и «Б». Во всем мире оно 1:2, а у нас 2:1. Соответственно кпд по проценту потребления у нас 30, а за рубежом — 70. Все это легко доказать сравнением нашей промышленности и США. У нас примерно одинаковое вооружение, а следовательно, и производство оружия. Но мы производим в 1,5 — 1,8 раза больше средств производства (сталь, руда, станки, вывоз древесины, цемент, удобрения, тракторы, комбайны). Пропорция по продукции, удовлетворяющей потребности в товарах и услугах, — 0,6—0,7 (зерно, мясо, бумага, квадратные метры квартир, автомобили, аэробусы, дороги, синтетические волокна, электроэнергия, в быту). Соотношение того и другого получается $1,8:0,6=3$. Выходит, что наша промышленность работает в три раза менее эффективно. Изменить структуру производства простыми сдвигами в плане, как собирается правительство, невозможно. Если перестать вкладывать деньги в «А», то через пять лет остановится «Б»! Более того, вообще нельзя рассчитывать на повышение потребления, так как для этого придется увеличить

всю тяжелую неэффективную промышленность, что не позволяет сделать ни ресурсы, ни экология.

ПРЕЖДЕ ВСЕГО БРОСАЕТСЯ В ГЛАЗА ОДИНАКОВОСТЬ НАШИХ ГРАЖДАН...

В общем, мрачная картина. Может быть, она неверна? Может, при плохой статистике народ доволен жизнью, строим, правительством?

Чтобы прояснить проблему, было проведено еще одно социологическое исследование. «Неделя» любезно напечатала мою большую анкету, на которую получено свыше 6000 ответов.

Пользуясь избытком материала, мы сформировали массив из 2000 анкет, соответствующих соотношению социальных групп в стране.

Прежде всего бросается в глаза одинаковость наших граждан. Распределение по доходам, по труду, по убеждениям, отношению к властям оказалось удивительно близким между рабочими, служащими, пенсионерами, старыми, молодыми, беспартийными и членами КПСС, живущими в разных регионах страны.

Хорошо потрудились идеология: добились-таки равенства!

Наши граждане «не удовлетворены жизнью» и даже «несчастливы». Таких 55—60 процентов среди рабочих, молодежи и пенсионеров и 78 — среди интеллигенции. «Счастливых» — единицы, «удовлетворенных жизнью» — 15 процентов, остальные 20—30 — «средние». Причины недовольства всем известны. 95 процентов — бедность. Менее 100 рублей на душу у 17 процентов, более 200 рублей — у 13. Остальные 70 процентов — между этими границами. Собственность соответственно минимальна: автомобили имеют 15 процентов, кооперативную квартиру или дом — 18.

Человек несчастен не только тем, что мало имеет, но и тем, как это соотносится с его притязаниями. Пал «железный занавес», поглядели на людей, на себя — ужаснулись, притязания резко возросли. Люди считают, что для «приличной жизни» нужно увеличить доход в три раза.

Нет сомнений, люди живут бедно, осознают это и мириться больше не хотят. Да и в самом деле: средняя собственность советской семьи — 5—6 тысяч рублей, а в США и Западной Европе — 50—60 тысяч долларов. В царской России собственность была больше: 80 процентов людей жили в своих домах; в среднем на семью приходилось 1,1 лошади, 1,1 коровы, 5 овец, 0,5 свиньи. А теперь — 0,16 автомобиля, 0,3 квартиры или дома, 0,13 коровы. Впечатляющий итог семидесяти лет социализма!

Живут люди плохо, но и работают не сильно-то хорошо. 35 процентов рабочих и 59 служащих готовы в 2—3 раза увеличить интенсивность, если будут знать, за что работают. Почти 80 процентов ответили, что не имеют возможности приработать на своем производстве. А те, кто может, не напрягаются, ибо «нет смысла».

Страх перед безработицей испытывают 5—8 процентов.

Оказалось, что все не любят руководство — местное, высшее и правительство. Процент «плохо» колеблется от 60 до 75 процентов. Соответственно «хорошо» — от 7 до 20. Наоборот, к непосредственным начальникам отношение совсем иное: «безразлично» и «хорошо» — пополам.

К другим нациям 79 процентов относятся «хорошо», 18 — «безразлично» и только 3 — «плохо». Проблема, однако, не снята, так как 38 процентов оценили положение своей нации как приниженное.

Общая политизация высокая. «Очень интересуются» политикой 68 процентов.

Убеждения оказались достаточно радикальными. Вот о чем они говорят: по экономике — 89 процентов за то, чтобы отдать землю фермерам в собственность. (Но у нас нет ответов самих фермеров.) 72 процента — за частные предприятия. Но вот кооператорам не везет — 43 процента высказались за развитие, 40 — за ограничение, а 13 — за запрет.

Политические убеждения еще радикальнее. Только 4 процента хотят вернуться назад, диктатуру лидера допускают 12 процентов. 81 процент не удовлетворены уровнем демократии, а 88 — за ее расширение до многопартийности.

На вопрос «Где вы высказываете свои взгляды и недовольство?» ответили так: 20 процентов — дома, 54 — товарищам по работе, а 19 — еще и на собраниях. На митинге говорили только 3 процента. 24 процента считают публичные выступления бесполезными, 9 — просто стесняются, а около 20 — опасаются преследования властей или на работе. Самыми храбрыми оказались рабочие: 28 процентов готовы к забастовке, а отрицают ее только 7. У интеллигентов — наоборот: «не готовы бастовать» 40 процентов, а решительных — 12.

На будущее смотрят мрачно. Улучшения за 2—3 года ожидают только 10 процентов, за 5—10 лет — 31, почти 40 — ждут ухудшений.

Последний вопрос анкеты был о выделении части зарплаты на защиту природы. Совсем отказались давать от 10 до 15 процентов, остальные выбирали разные из предложенных цифр — от 0,1 до 10 процентов заработка. Средний процент отчислений оказался довольно высоким — 6,5.

Подведем итоги. Вот советский человек: усредненный, одинаковый, несчастный, бедный, недовольный уровнем демократии, не любящий руководителей, изверившийся, потерявший надежду. Радикально настроенный: на многопартийность, на частную собственность. Но еще не совсем потерявший страх. Уже с высокими притязаниями, но еще «работающий, не видя, за что».

Добавим к этому: анкеты в «Неделе» были опубликованы в начале 1990 года, и теперь наши данные уже устарели.

Социологические обзоры, что появляются в газетах, указывают на дальнейшее падение авторитета партии и правительства. Экономика разваливается, от дружбы народов не осталось и следа. Бушуют экологические страсти, угрожая еще больше подорвать производство. Только свобода процветает, зачастую перехлестывая в демагогию. В полной мере проявилось противоречие между демократией и командной экономикой. Трудящиеся потеряли страх, но не ощутили ответственности за свое положение. Работают все хуже и только требуют от государства: «Давай!» Нужен скорейший переход в одно из устойчивых положений: либо восстановить власть, либо двинуться к частной собственности с личной ответственностью.

Как это сделать?

СЕЙЧАС НУЖНО ДОБЫТЬ ГЛАВНОЕ — 1000 МИЛЛИАРДОВ ДОЛЛАРОВ...

Обратимся к модели. Главная задача — повысить потребление. Для этого нужно увеличить производство товаров, сократить затраты на оборону, на помощь коммунистическим диктатурам.

Производство — это напряженные труд плюс фонды, плюс ор-

ганизация. Труд — это стимулы и тренированность рабочих, фонды — капиталовложения и источники новой техники и снова — стимулы для инженеров. Организация — это выбор: план или предпринимательство и стимулы управляющим. То есть две проблемы на перспективу — стимулы и новая техника.

Иерархия стимулов известна. Страх боли — рабский труд — плохой труд. Работа за хлеб — лучше, но ненамного, если голод утолен и нагота прикрыта. За колбасу и колготки большой работы не жди. Самый сильный и ненасыщаемый стимул — это собственность. Машина, дом, техника, рассрочка — это надежная работа на всю жизнь. Для энергичных нужны еще свобода, инициатива, свое «дело». Ну, а для слабых — угроза безработицы. Теперь можно подсчитать деньги, а потом прикинуть, где их взять.

Наши фонды составляют около 3 триллионов (3000 миллиардов). По крайней мере четверть нуждается в быстрой замене — по износу, устарению и экологической опасности. Это 750 миллиардов. Второе — нужно оснастить техникой будущих фермеров. Для начала, если их будет хотя бы 5 миллионов — по 50 тысяч на каждого, — это еще 250 миллиардов. Конечно, нужно бы увеличить собственность граждан для стимуляции труда хотя бы до 10 тысяч — это всего лишь пятая часть западного стандарта. Но на 100 миллионов семей нужно еще 500 миллиардов. Об этом можно только мечтать. Сейчас нужно добыть главное — 1000 миллиардов. Долларов, не рублей. Сумма колоссальная. Однако и не столь уж страш-

ная. Капвложения в народное хозяйство в 70—80-е годы достигали 100 миллиардов в год. Плюс на вооружение — худо-бедно — столько же. Если бы их пустить на реконструкцию...

Возможно, примерно так рассчитывали фантазеры-планировщики и М. С. Горбачев в 1985 году, когда объявляли «ускорение». И ничего из этого не получилось! Система не приняла. Хуже того — отреагировала «обратным ходом». Не учли «человеческий фактор».

Теперь нам угрожает то же самое и, может быть, еще хуже. Без массивного вливания западной технологии производства не переделать, а без помощи в снабжении населения нам угрожает почти голод.

Запад готов для начала дать 50 миллиардов под Горбачева. Но 1000 должны вложить капиталисты. Они тоже готовы, но ждут доказательств, что перестройка состоялась.

По-честному, уверенности в этом нет.

Рассмотрим два крайних варианта.

Первый — хранить социализм и ничего не менять. Это примерно то, что декларировал XXVIII съезд. За обтекаемыми фразами о многообразии собственности, предпринимательстве ничего нет. Верховный Совет уже принял подобные половинчатые законы, они не работают. Упор делается на коллективную собственность и аренду. То и другое — мифы. Собственность действует только личная, частная. Предположим, что тысяча рабочих на заводе будут называться арендаторами и получают по двадцатке в месяц добавки — стимулов это не приба-

вит. Рынок же частной собственности при монополиях и 80 процентах регулируемых цен тоже фикция. Правда, уже допускают акционерные компании, но какие-то странные: половина акций у государства (читай — ведомства), еще столько-то — у других таких же предприятий, следовательно, тоже наполовину ведомственных. Ну, а оставшиеся 15—20 процентов продать рабочим этого предприятия.

Допустим, так сделают. Будет «свободное» предприятие, работающее на рынок. Регулируемый, социалистический. И все останется по-старому. Те же начальники перейдут из министерств в управления концернов и ассоциаций, и если не ЦК, то Совмин через какие-то комиссии будет ими управлять на правах «собственника». Хозяина все равно не будет, производство не возрастет. Капиталисты не будут вкладывать большие капиталы без частного предпринимательства, а малая западная «подпитка» пропадет, как пропали нефтедоллары. Фермерам председатели хода не дадут, благо и сами колхозники не рвутся на свободу, не имея техники, опасаясь своих же односельчан. Потребительский рынок улучшится, если обуздать инфляцию (что маловероятно) и занимать по 20—30 миллиардов каждый год на пищу и одежду да еще получить прибавку бытовой техники от конверсии. Однако не удастся существенно увеличить потребление, чтобы копилась собственность, так как останутся все дефекты нашей экономики.

А что будет дальше? Перейдем в застой. Если партаппарат восстановит свою власть ценой китай-

ского варианта, Запад это простит, как простил Китаю, лишь бы не вооружались. Но денег не даст.

Ну, а если демократия уцелеет, то общество эволюционирует в правильном направлении с потерей десятилетия (если не более). Между прочим, напомним, что рынок с государственными трестами и синдикатами уже существовал в 20-х годах. Только товары были столь дороги, что мужики купить их не могли и сократили посевы. И это прибавило Сталину довод в пользу колхозов.

Второй крайний вариант — радикальный. Назовем его своим именем — демонтаж прежней идеологии. А может быть, и шоковый.

В политике решающие шаги уже сделаны. Нам скорее всего подходит социал-демократия немцев или шведов. По части экономики тоже уже произнесены все ключевые слова: приватизация, частная собственность, акционерные компании с любым процентом частного капитала, с продажей трудящимся акций в рассрочку. То же и в сельском хозяйстве, и в оборонном секторе. Неограниченные иностранные капиталовложения. Планирование только экономическими методами. Поощрение мелкого предпринимательства. Разумеется, нормальный рынок и антимонопольные законы. Переход на конвертируемый рубль. Социальная защита общепринятыми мерами: гарантируемый минимум доходов, индексация, пособия и переобучение безработных, а временно, может быть, и карточная система параллельно со свободной торговлей. Четкая налоговая политика: 40 процентов с прибылей корпораций, сильно про-

грессивный налог с личных доходов. Не облагаются капиталовложения, идущие на создание рабочих мест. Избыток денег в самом начале мобилизуется при приватизации и через продажу акций, а также земли и квартир. Природа защищается жестким законодательством.

Звучит все очень хорошо... если бы завтра проснуться в этом обществе. Но путь к нему долог и тернист.

НЕЛЬЗЯ РАССЧИТЫВАТЬ НА БЫСТРЫЕ ПЕРЕМНЫ К ЛУЧШЕМУ. ДАЙ БОГ, ХОТЯ БЫ НАМЕТИЛСЯ ПЕРЕЛОМ...

Есть несколько препятствий. И главные — в сфере психологии. Народ не готов к предпринимательству и личной ответственности. Социализм воспитал установку на равенство и иждивенчество, и граждане не допускают, что сильный и энергичный должен жить лучше слабого и ленивого. Слова «капитал» и «эксплуатация» все еще вызывают ярость. К этому прибавятся реальности: инфляция, безработица и неравенство. Расчет показывает, что заметную выгоду от приватизации получают менее половины трудящихся. Государственные предприятия, даже в концернах и при реальном рынке, долго будут работать по-старому и не смогут обеспечить высоких зарплаток. И служащим социальной сферы — тоже. Все обойденные будут требовать прибавки от государства. Плюс национальные и экологические проблемы: групповой эгоизм уже показал свою силу.

Всеобщая детренированность и разрушенная трудовая этика затрудняют повышение работоспособ-

ности, даже если прибавятся стимулы. Низкая мораль в условиях частной собственности даст вспышку коррупции и финансовых преступлений в дополнение к базальной уголовщине. Их невозможно блокировать контролем и милицией. Это тоже повод для недовольства масс.

Все, вместе взятое, сильно затормозит и повредит стабильности общества, уменьшит активность западных вкладчиков капитала и технологии. Поэтому нельзя рассчитывать на быстрые перемены к лучшему. Дай Бог, хотя бы наметился перелом — тогда заработает стимул надежды.

Расчеты неумолимы: любая реконструкция, кроме капитала, требует времени, а наша — вдвойне. На базе новой западной техники нужно перестроить структуру промышленности в сторону увеличения доли производства потребительских товаров и одновременно изменить отношения собственности, стимулы и этику труда. Есть данные о фондах, требующих замены, есть физические сроки строительства и монтажа. Как ни крути, получить прирост потребления более 3—5 процентов в год не удастся. Значит, даже для удвоения дохода понадобится от 15 до 25 лет. Конечно, расчеты не вдохновляют, но примерно такими темпами богатели и другие, более работоспособные и не детренированные социализмом народы. Неравенство, разумеется, возрастет, но прогрессивный налог поможет удержать его в допустимых рамках.

Никто не знает, какой вариант выберет правительство. Возможно, оно боится катаклизмов и ожидает, пока народ созреет до

«шоковой терапии». Данные опросов показывают, что уже созрел. Может перезреть.

Думаю, что дело обстоит проще: правящий класс не хочет уступать власть. Сомневаюсь, что он еще верит в однопартийный командный социализм. Прикидывается, как когда-то дворяне, провозгласившие до самой революции: «Единая, неделимая. Самодержавие, православие, народность».

Мне одно ясно: чтобы управлять государством, хотя бы удовлетворительно, нужна модель общества с отражением в ней психологии социальных групп: их притязания, стимулы, недовольства, отношения и убеждения, организованность и готовность к действиям. Для этого требуются периодические социологические исследования по регионам, социальным группам, типам предприятий и учреждений, по общественным организациям. Мы убедились на своей анкете, что такая работа вполне выполнима и не требует больших затрат. Важно, чтобы была идея модели, дающей представление о том, как соединить психологию с экономикой, экологией, национальными устремлениями.

Нельзя закончить статью, еще раз не вспомнив про идеологию. Наше общество в основном уже переболело иллюзиями на базе самой материалистической философии. Они стоили сорока миллионов жизней, а страдания еще многих сотен миллионов продолжают и сейчас. Пусть человечество будет нам благодарно за опыт, а то две тысячи лет разным фантазерам не терпелось попробовать рай на земле.

Сейчас мы возвращаемся к ре-

альностям, к реальному человеку.

Так что же, вопрос об оптимальной идеологии можно считать решенным? Демократия и частное предпринимательство с регулируемым личным доходом, чтобы энергичным сохранить стимул и бедных не раздражать. С защитой несчастных от нищеты и с поддержанием альтруизма религией и искусством. Примерно так говорят прагматики. Они хотя люди надежные, но без полета. А впереди у человечества длинная дорога научно-технического прогресса и экологических проблем, но эта тема требует особого разговора. Пока же я перечислю ограничители для составителей партийных программ, выведенные из природы человека.

Вот они. Равенство неестественно. Если его насадить силой, общество будет неэффективно и несчастно. То же касается собственности. Она нужна — священная и неприкосновенная. Нельзя человеку максимально облегчать труд. Он детренируется и опять будет несчастным. По той же причине нужно дозировать альтруизм. И свободу тоже, иначе общество может потерять устойчивость. Не следует пытаться заменить религию разумом. Вера заложена в нас так же, как справедливость и правда.

И вообще в человеке много всего заложено — плохого, но и хорошего. И — противоречивого. Поэтому основа всякой идеологии — компромиссы. Они достигаются через разум. Хотя он и привел на край экологической катастрофы, но только он может и отвести.

А может ли?

Уверенности нет. Нужно исследовать...

ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

- ┌ «Ирен, я расскажу Вам о маме...»
- ┌ Диагноз или приговор?
- ┌ Дельный совет ээка

┌ В 6-м номере журнала я прочитала обращение к читателям Ирен Франке из Бельгии с просьбой помочь ей узнать о судьбе ее русской матери. Высылаю письмо и фотографии для Ирен.

«Дорогая Ирен!

Я, Чалдушкина Наталья Семеновна, прочитав статью «Зинаида и Франсуа» и взглянув на фотографию, узнала свою двоюродную сестру Зинаиду Антоновну Паничеву, которая родилась в селе Печки (а не Пички) Карочевского района Брянской области (но не Донецкой, как указано в журнале). В Донецке Паничева Марфа Григорьевна и ее дочь Зинаида Антоновна проживали до начала войны. Во время войны семью эвакуировали.

После окончания войны я с ними встретилась в Брянске. При встрече Зинаида и тетя Марфа рассказали мне о том, как складывалась их жизнь в военные годы, о том, что Зинаида была угнана в Германию. Я узнала, что в Бельгии у нее осталась маленькая дочь. Зинаида очень переживала и до конца своей жизни писала ей письма, но ответа она не получала.

Я с ними была в хороших от-

ношениях. Тетя Марфа, Ваша бабушка, умерла в 1977 году, а 27 апреля 1979 года умерла Ваша мать, и похоронена она в Москве, где жила последнее время. Мне пришлось за ней ухаживать в последние дни ее жизни. Я многое могу рассказать — в письме всего не опишешь, поэтому, если Вы имеете возможность, приезжайте ко мне в гости. Я буду очень рада.

Высылаю пока две фотографии — я их после похорон Зинаиды взяла на память. У меня есть еще фотографии, и я могу их выслать Вам в следующем письме. У Зинаиды в Брянске трое двоюродных — брат и две сестры, еще трое в Крымской области — брат и две сестры и много других родственников. Родных сестер и братьев у нее не было. На одной из фотографий Ваша мама с двоюродным братом Григорием Матюшиным».

НАТАЛЬЯ ЧАЛДУШКИНА,
Брянск, улица Чернышевского,
52, кв. 167.

┌ Хочу поблагодарить за публикацию статьи К. Тиновицкого «Вспомогательная школа», поскольку считаю, что это серьезная попытка поднять в центральной прессе проблему так называемых детей-олигофренов.

Думаю, что по материалам вашей статьи Госкомитет СССР по народному образованию должен в кратчайший срок выйти с предложениями в правительство.

У наших ученых есть концепции развития спецшкол, которые ничем не хуже западных. Но нашей науке не предоставлена возможность поиска оптимальной модели школы для данной категории детей. Ведь какой-нибудь министерский клерк может годами «согласовывать» разработанные научными коллективами проекты документов, наслаждаясь своей «значимостью», а когда появится этот документ, то очень часто на нем «забивают» поставить подпись истинного автора. Да и могут ли наши учителя-дефектологи получить новые учебники и программы, если те проходят «выдержку» в шкафах редакций чуть ли не пятилетку!

Отдельного разговора заслуживает работа медико-педагогических комиссий всех уровней. Украинские дефектологи уже давно ставят вопрос о создании профессиональных МПК, состав которых был бы укомплектован высококвалифицированными освобожденными специалистами из числа ученых и педагогов — практиков.

Я знаю чудовищный случай, когда сельскому мальчику поставили диагноз «олигофрения» и лишь благодаря человечности учителя он после окончания 1-го класса вспомогательной школы пошел в 1-й класс школы массовой, поскольку учитель посоветовал маме скрыть факт обучения ее способного сынишки в нашей школе, сменив даже место жительства. Сейчас этот человек с диагнозом «оли-

гофрения степени дебильности» — студент технического вуза! Что кроется за этим? Безответственность? Преступная халатность? Как жить ребятам с нормальным интеллектом, но с диагнозом «олигофрения»?

Если Госкомнаробраз не найдет деньги для создания принципиально новых медико-педагогических комиссий, мы и далее будем калечить судьбы тысяч детей. Спрашивается, на чем экономим? На материнских и сиротских слезах?

Как это страшно, когда диагноз (читай — приговор) «увствительная отсталость» выносит лицо, которое не несет абсолютно никакой юридической ответственности. Даже во многих развивающихся странах психологическая служба поставлена гораздо солидней, и там возможен переход ребенка из школы одной категории в другую в обоих направлениях, а у нас же пока только в одном — из массовой в специальную. В других странах члены МПК принимают лишь по нескольку детей в день (в отличие от нашей МПК, которая за пару дней работы обязана принять детей целой области или крупного города!). Кроме того, наши западные коллеги на протяжении всех лет обучения ребенка в спецшколе вместе со школьными психологами ведут тщательные наблюдения за ним. Нам остается только мечтать об этом...

Продолжения требует и начатый редакцией разговор о подготовке детей-сирот к дальнейшей жизни. Конечно, при всем нашем сочувствии к их сиротской доле надо признать и то, что уже само общество делает их иждивенцами. Хорошо, что

шефы одаривают подростков ящичками сладостей, но еще лучшие, еще нужнее для них создать хорошие мастерские. Педагоги и шефы школ должны всегда помнить: после школьного «оранжерейного» воспитания у выпускника начинается взрослая жизнь со множеством далеко не простых задач, к решению которых наш ученик часто просто не готов...

НИКОЛАЙ СУПРУН,
мл. научный сотрудник
НИИ педагогики УССР

P.S. Гонорар за это письмо, если оно будет напечатано, прошу перечислить на счет Детского фонда имени В.И. Ленина.

Прочел в № 4 журнала письмо Л. Копаневой из Братска и решил написать пару строк в свою защиту, в защиту заключенных. Л. Копанева пишет, что о гуманности не может быть и речи, но, по-моему, ужесточать режим или оставлять таким, как он был до последнего времени, уже нельзя. Объясню — почему. Большая часть, можно сказать, две трети, сидит за мелкие преступления. И вот такие люди, попав в зону, где царит жесточайший режим, любым путем стараются как-то облегчить себе существование. То отправить нелегально письмо, потому что разрешалось писать всего два письма в месяц. То в ларьке купить чего-нибудь на большую сумму, чем положенные пять рублей, то перешигнуть через множество других ограничений — в итоге каждый второй становится нарушителем режима содержания. Да разве может в таких условиях человек исправиться? Я согласен, что за зверские преступления должно быть строгое наказание. Сейчас зоны коснулась волна гуманиза-

ции, люди стали чувствовать себя намного вольнее, и самое главное — разрешили письма писать неограниченно. А я уверен, что самый верный путь к исправлению преступников — это общение с родственниками.

Я также думаю, что большую роль в росте преступности сыграло и общество: бессмысленные запреты, чудовищные жилищные условия, малый заработок. Молодежи вечерами зачастую некуда пойти, негде развлечься. Отсюда и массовые жестокие потасовки, кражи, и в итоге — тюрьма. А ведь можно бы за мелкие преступления и не наказывать административно.

Не знаю, напечатаете ли вы это письмо, главное — я высказал все, что меня мучило в последние годы.

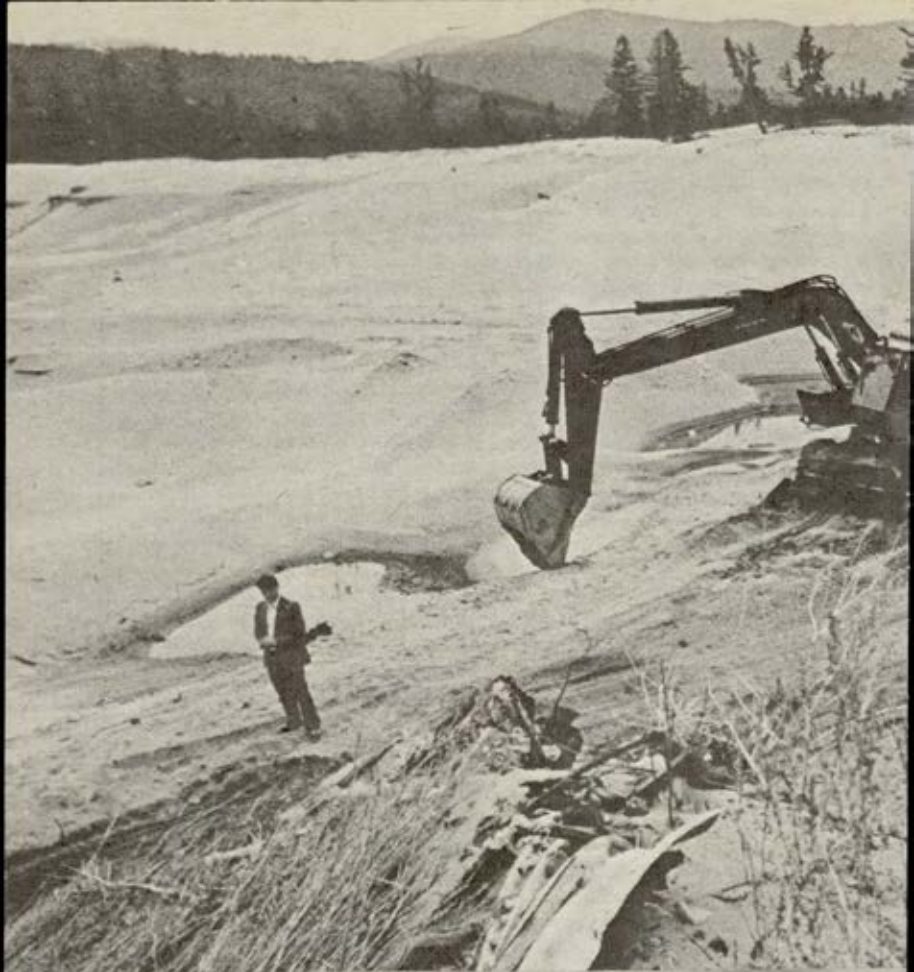
ДМИТРИЙ КРАВЦОВ,
22 года,
с. Малая Токмачка
Запорожской области

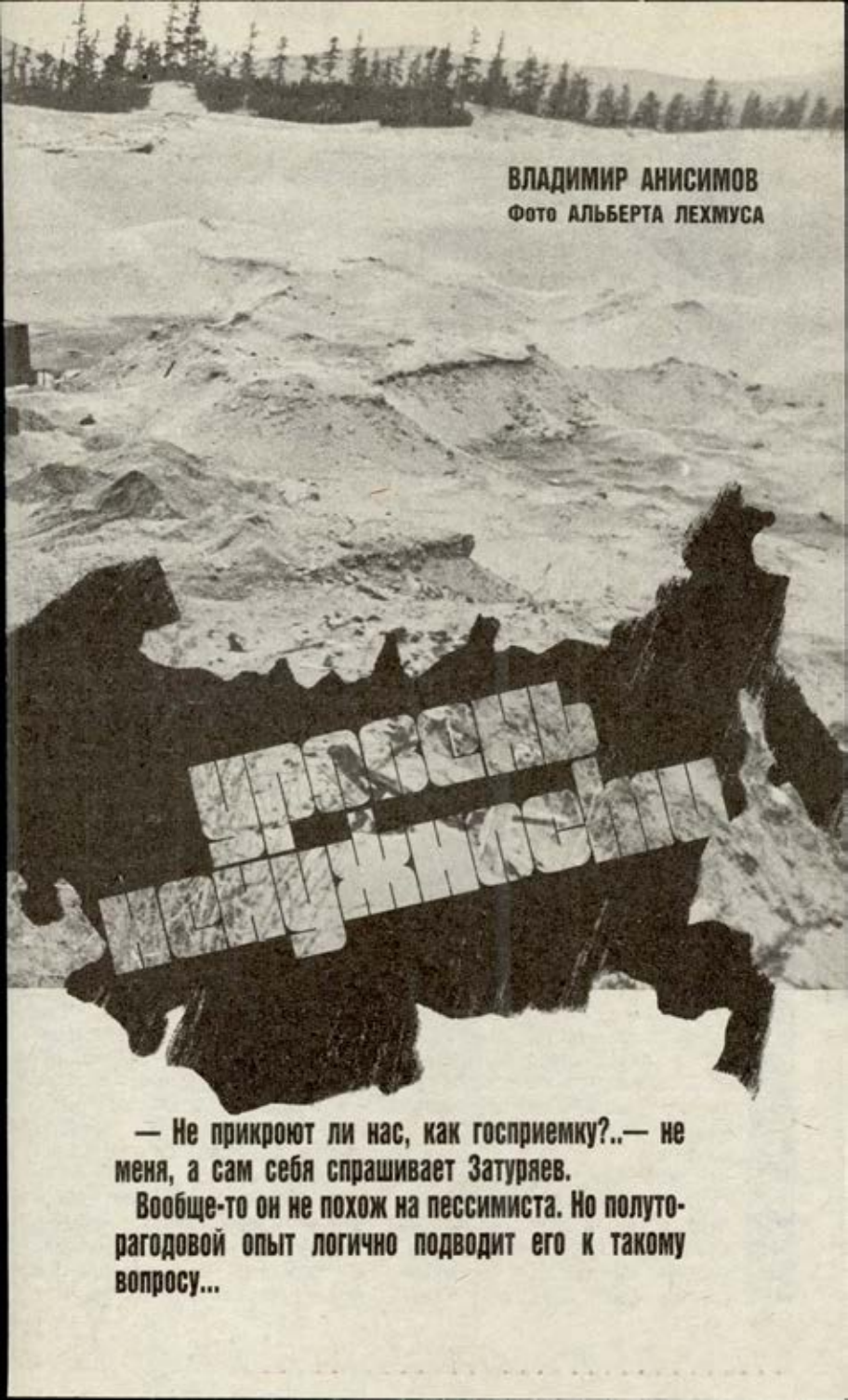
Я читаю «Смену» с 1989 года, и журнал мне нравится. Новый вид журнала меня не возмутил — наоборот, обрадовал: сейчас в нем больше статей, в каждом номере — целый роман.

Я не могу вам описать свой восторг от романа Дэвида Зельцера «Знамение» (№ 2, 1990). Прочитала его благодаря нашей еженедельной газете «ПСИХОТРОНИКА», где была маленькая часть из романа под заголовком «Сын Сатаны». Спасибо вам за этот роман! Печатайте сколько можете таких — связанных с таинственностью, религией, оккультизмом.

ПАНАЙОТ ДМИТРИЕВ,
Болгария, г. Велико Тырново

ОТ РЕДАКЦИИ: В 1991 году мы опубликуем продолжение романа Д. Зельцера «Знамение».

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ
Фото АЛЬБЕРТА ЛЕХМУСА

— Не прикроют ли нас, как госприемку?..— не меня, а сам себя спрашивает Затуряев.

Вообще-то он не похож на пессимиста. Но полуторагодовой опыт логично подводит его к такому вопросу...

Мз пятнадцати претендентов на должность председателя Каларского районного комитета по охране природы выбрали его, Сергея Затуряева: выпускник Ленинградского университета, географ по специальности, десять лет работает на БАМе — со всех сторон кандидатура подходящая.

Сразу встал вопрос: а чем, собственно, заниматься? Если даже союзный комитет не имеет ни правового статуса, ни своей экологической концепции — какова роль районного?

Когда мы первый раз писали об экологических бедах Чарской долины («Смена» № 16, 1987 г.), комитета по охране природы еще не существовало. Браконьерству бамовских организаций противостоял лишь маломощный лесхоз. Строители, вооруженные в отличие от лесников могучей техникой, рубили тайгу, рыли бесчисленные «подпольные» карьеры, устраивали пожары, сгубившие тысячи гектаров. Лесники в меру сил и возможностей боролись. Но что в их силах?

Прочитую слова директора лесхоза Е. Борисенко из прошлой публикации: «Ловим, штрафуем, сигнализируем в вышестоящие инстанции. Но это мало помогает».

Мы тоже «просигнализовали» — направили тот номер «Смены» в ГлавБАМстрой, Минлесбумпром, Минлесхоз. Помогло? Ответы из ведомств пришли обнадеживающие: дескать, накажем... исправим.

В этот приезд мы Борисенко не застали — был в отпуске. Зато познакомились с природоохранным комитетом в полном составе. Штат невелик: председатель и госинспектор Олег Хретинин. Живут,

мягко говоря, небогато. В райцентре — Чаре — отдельного помещения для комитета пока не нашлось. Небольшую комнатку делят с охотинспекцией и рыбоохраной. Транспорта нет. Съездить куда-либо для проверки — проблема. Иногда вынуждены просить «колеса» у тех предприятий, кого по долгу службы приходится инспектировать. Положение, конечно, двусмысленное... В очередную инспекционную поездку мы отправились с Олегом на автобусе, выделенном строителями на полдня.

Лунный пейзаж вокруг Чары...

Для любой стройки требуется песок, гравий. Добывать их законным путем хлопотно: надо согласовать отвод земли с лесхозом и райисполкомом; после выработки карьера обязательно его рекультивировать и сдать комиссии. Кто-то так и делает. Но гораздо проще воровски, набегами выбирать в ближайšie окрестности «десанты» с экскаваторами и самосвалами. Быстро взял песок — и был таков.

Для непосвященного брошенный нерекультивированный карьер — некрасивая яма, и только. (В народе их окрестили «свинороями».) Специалисты знают: вскрыша земли нарушает жизненные процессы в природе. Браконьеру все равно — и он сводит тайгу в водоохранной зоне, вгрызается в почву до водного горизонта. В результате — хиреют ручьи и речки, лишённые естественной защиты. Заболевает рыба. Брошенные незакрытые карьеры быстро превращаются в места незаконных свалок...

На четвертом по счету самовольном карьере застаем, наконец, нарушителей — экскаваторщика и водителей самосвалов. Они люди нескандалные («Нам что?

Начальник приказал — работаем»), без особых эмоций сообщают имена свои и начальника, не спорят, когда Хретинин дает официальное предписание прекратить работу.

Отъезжаем, и я отлично вижу: Олег вовсе не уверен, что его предписание будет выполнено. Скорее уверен в обратном.

Следующая наша точка — поселковая свалка. Огромный пустырь в тайге, предназначенный для твердых отходов. Но если походить по нему, можно обнаружить и нечистоты, и трупы животных.

— А вот здесь, — показывает Олег, — истоки двух ручьев, впадающих в Чару. Вся грязь течет туда.

— Кто ж спроектировал свалку в таком месте?

— По проекту она должна быть дальше. Сэкономили...

На обратном пути останавливаемся возле бывшей хариусовой речки Ункур. Хариус исчез, когда высадился тут мостоотряд из Тынды. Поставили бытовки, многотонную емкость с соляровкой. Если б они хоть обваловку*сделали! А так, когда емкость почему-то лопнула, вся солярка — в речку. С тех пор Олег никак не может застать здесь хоть какого-то руководящего работника из мостоотряда. Скрылись за шестьсот верст в Тынде, оставив одного сторожа.

С него много не спросишь...

Ничего не изменилось с 1987 года — в пору перепечатывать без всякой правки давнюю публикацию. Министерства обманули — по всему видно, и не думали заниматься охраной природы. А как повлиял на экологическую обстановку новообразованный комитет? Смею утверждать — никак. И не его в том вина...

Смотрите, что получается. Функции комитета еще шире, чем

лесхозовские. Он обязан контролировать состояние атмосферы, земли, животного и растительного мира, водоемов. Глупо надеяться, будто с этим справятся два работника, лишенные к тому же собственных средств передвижения. Но я не за то, чтобы увеличивать штаты (что в реальных условиях абсолютно бессмысленно). Поставь инспектора к каждой котельной — все равно она будет посыпать пеплом головы бамовцев. Посади природоохранника на каждую речку — не спасет он ее от отравляющей дряни. Нет рычагов воздействия на нарушителей — вот в чем загвоздка!

Собственно, методы работы остаются теми же, какие сформулировал три года назад Евгений Борисенко: поймать, оштрафовать, просигнализировать. Да, чуть не забыл — появилось право останавливать вредоносные предприятия. Сигналы давать — это пожалуйста, сколько угодно, если бумаги не жалко. Ловить — труднее, тут все зависит от случая. А вот что касается штрафовать и закрывать...

В январе 1988 года ЦК КПСС и Совмин СССР приняли постановление «О коренной перестройке дела охраны природы в стране». Формально оно вроде бы дало большие права природоохранным комитетам. Но...

Взял я себе на память чистый гербовый бланк постановления о приостановке производства. Заполняя и подписывая его, работники комитета заранее знают, что зря тратят время и бумагу: предприятия чихать хотели на все их постановления. Они не несут никакой ответственности за невыполнение любых комитетских запретов — закон этого не предусматривает. Правда, есть одна возможность наказать руководителей-нарушителей: штраф от 50 до 100

рублей. А в случае особо крупного ущерба природе — аж до трехсот. Но это, как показывает жизнь, самый бездейственный вид наказания. Дело даже не в том, что руководители на БАМе весьма прилично зарабатывают и потеря полусотни — пустяк. Существует отработанная практика компенсации сих расходов. Заплатив сегодня пятьдесят, завтра руководитель получит двухсотрублевую премию. Или ему повысят коэффициент трудового участия — тоже немалая прибавка к зарплате...

Если руководителя можно наказать — пусть символически, — то оштрафовать предприятие никак нельзя. К примеру, согласно Закону РСФСР об охране атмосферного воздуха каждое производство обязано иметь разрешение на выброс загрязняющих веществ. Для этого по нашим порядкам оно само должно разработать и согласовать с комитетом нормы предельно допустимых выбросов (ПДВ). Никто этого делать не хочет и не делает. Требовать штраф через арбитраж бессмысленно — там прежде всего спросят: есть ли превышение норм ПДВ? Ах, и норм таких нет? Значит, и нарушений нет!

Затуряев покритиковал в районной газете местных руководителей, которые не обращают внимания на давний приказ министра транспортного строительства, предписывающий разработать и согласовать нормы предельно допустимых выбросов. Об этом приказе я напомнил начальнику управления строительства «Бамстройпуть» Виктору Абдурахманову. Он ничуть не смутился.

— Это все декларации — я сам могу издать тысячу таких приказов! Что значит — согласовать выбросы? Изменение технологии, дополнительные затраты, материаль-

ные ресурсы — где я деньги возьму? А вот если б мне сказали: тебе, мол, выделено 800 тысяч на экологию — почему не освоил? — была б серьезная постановка вопроса.

Затуряев оказывается в беспросветном тупике и тогда, когда пытаются заставить платить за ущерб. Казалось бы, законы о недрах, земле, воде, воздухе предусматривают возмещение такого ущерба. Фактически все зависит от воли предприятий. Принудительно снять деньги с их счетов комитет не может. Захотят — заплатят.

Хотят немногие...

Всего за полгода комитет предъявил исков на полтора миллиона рублей: за сброс в воду нефтепродуктов, за выбросы из труб котельных, за карьеры. Выплачено (по недосмотру бухгалтеров или совесть заела?) меньше сорока тысяч.

Взыскать через арбитраж? Пробовали. Как правило, безуспешно. Дело в том, что любое нарушение экологии должно выражаться количественно — сумма ущерба в рублях и копейках. Но существует только одна надежная, признаваемая арбитражем методика подсчета ущерба — она относится к загрязнению водоемов. Что касается незаконной разработки недр, загрязнения атмосферы и многого другого — арбитраж возвращает эти иски: нет отлаженной методики расчета — стало быть, нельзя объективно и точно определить сумму. Типичное противоречие наших дней — неработающий закон. На районном уровне его, естественно, не разрешить.

Председатель комитета, выходит, бесправней рядового рыбинспектора: у того на все есть четкий прейскурант — на сети, лишний крючок на удочке, любую породу рыб, лов в непопленном месте и т. д. Охотинспектор твердо знает

(равно как и браконьер), сколько стоит сохатый без лицензии, сколько — кабан. Госинспектор же, кроме бланков невыполняемых постановлений, ничем не «вооружен».

Теоретически можно привлечь злостных нарушителей к уголовной ответственности — есть такие статьи в Кодексе. Но и они бездействуют по причине отсутствия все той же методики...

Впрочем, если вдуматься, какой смысл во всех этих штрафах, уголовных наказаниях? Ну, переложат деньги из одного кармана в другой (добро бы в карман местных властей, а то ведь уйдут в неизвестность — государству) — что это даст? У нас и так почти все предприятия в постоянных штрафах ходят. Платят за простоя вагонов, за недопоставку продукции, за брак, за срыв договоров... Улучшается от этого что-нибудь? И перспектива сесть за решетку почему-то не снижает уровня преступности...

А что думает об экологической обстановке в районе местная власть?

— Природа у нас исключительно ранимая. Прошел вездеход — через несколько лет эрозия почвы достигает 15—20 метров... Любую производственную деятельность необходимо вести с учетом особенностей Чарской долины.

Пикантность ситуации в том, что мой собеседник — председатель Каларского райисполкома Евгений Иващенко — в прошлом работал начальником управления строительства «Бамстройпуть» и самолично причастен к экологическим нарушениям в Чаре.

— Мы шли осваивать Чарскую долину зимой, не имея даже схемы маршрута. Шли развернутым фронтом, как в атаку на неприятеля, и некому было остановить нас. Забросили автотранспортом де-

сант, завезли технику, строили дома, котельные, электростанции. Все подчинялось одной цели — как можно быстрее отрапортовать... Бездумно уничтожили, вырубил деловой лес. Мне для строительных нужд требовалось 30 тысяч кубометров, а заставляли рубить вдвое больше...

— Но и сейчас мало что изменилось. Взять те же карьеры: как рыли их самовольно, так и роют.

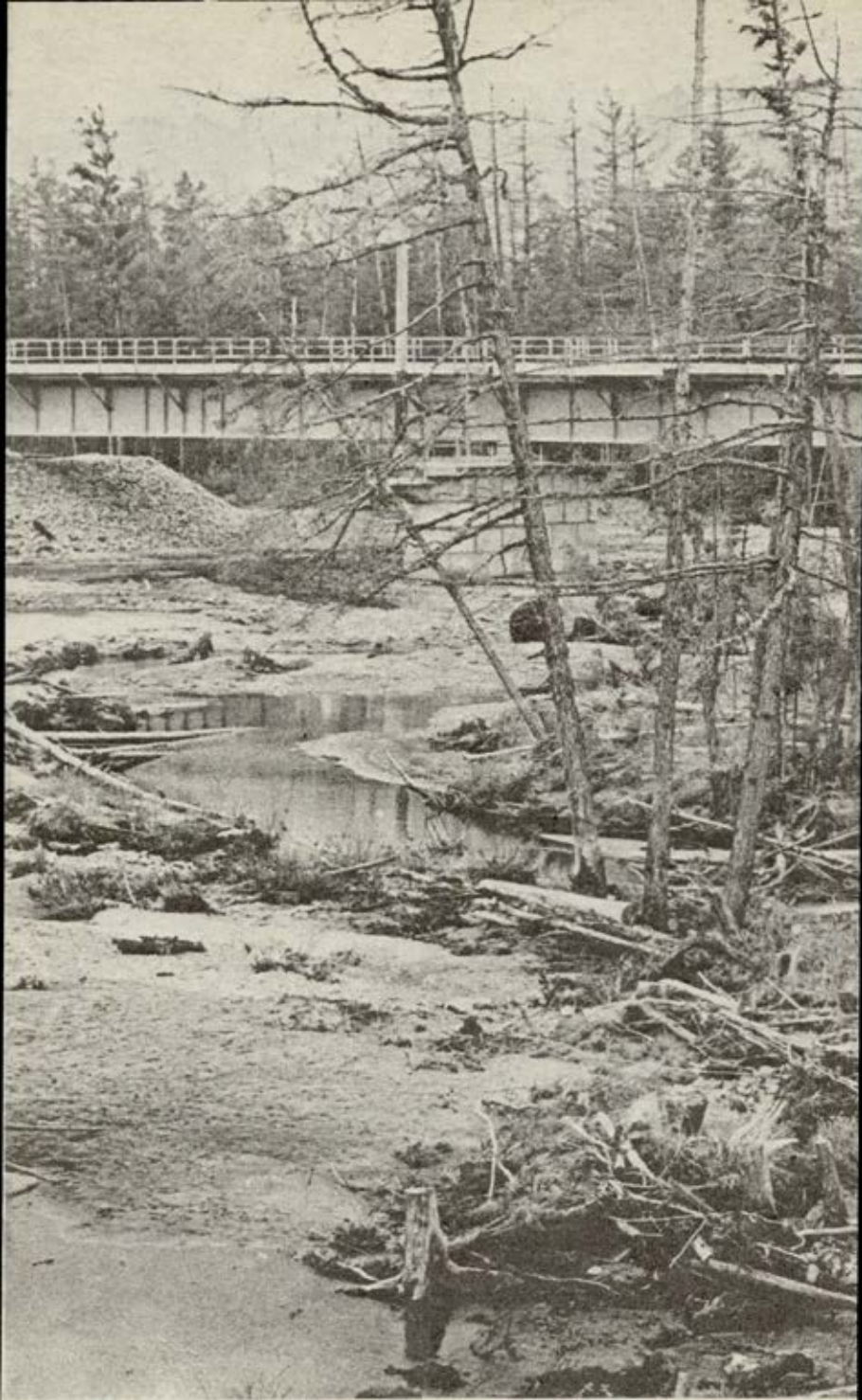
— Ну, это еще старая система работает. И сознание осталось прежним. Сегодня идет спекуляция на том, что «это нужно району!». То есть можно вырыть карьер, а уж потом оформить разрешение. У нас «Бамстройпуть» — монополист. Мы ему скажем — нужен новый аэропорт, а он ответит: не дашь карьера — не построю. Приходится идти на какие-то нарушения, просить, умолять. Мы тоже в роли просителей, мы все просим... как и комитет по охране природы.

— Вы надеетесь, поможет Закон об охране природы?

— Как оказалось, у нас к любому закону нужен Указ Президента, а потом и механизм его реализации. Этого нет. Мы даже Закон о местном самоуправлении не можем пока применить...

Очень сложная особенность района: все экологические проблемы имеют национальный аспект. Бамовцы пришли не в безлюдную пустыню: здесь испокон веков жили эвенки. Занимались традиционными промыслами — охотой, оленеводством, рыболовством. БАМ прошел по эвенкийским землям. Что он принес старожилам?

...В паре километров от железной дороги, на берегу Чары, лежит эвенкийское село Чапа-Олого. Бамовские поселки Икабья, Чара — выше по течению. Что там в реку сливают — кто знает? Только

воду теперь пить нельзя. Покупают привозную — 20 копеек бочка. С приходом изыскателей, строителей расплодилось браконьерство, участились пожары. Магистраль, поселки заняли охотничьи угодья, олени пастбища. Вездеходная техника уничтожила немало ягельников... В совхозе «Северный» жалуются: бамовцы спаивают народ. А после известного Указа вовсе расцвело самогоноварение. За самогонку нередко расслаиваются шкурками — по неофициальным данным, около 40 процентов добытой пушнины уходит налево.

Коренные люди по всем статьям живут хуже пришлых. Было «золотое» время бамовской торговли: особое снабжение, любой дефицит. Национальных сел это время не коснулось — они всегда снабжались через райпотребсоюз. Ну, в этом отношении теперь все уравнилось (на каком уровне — сами догадываетесь). Другая несправедливость осталась: у бамовцев коэффициент 1,7, у местных жителей — 1,3. Будто оленевод живет комфортней строителя БАМа.

Точности ради надо сказать: строители взялись возвести новый благоустроенный поселок. Не за свой, за совхозный счет. Но происходит это только на семнадцатом году строительства БАМа. А кто расплатится за старые грехи, компенсирует потери? Ущерб природе — это прежде всего ущерб людям, живущим на этой земле.

Главный бухгалтер совхоза «Северный» Вячеслав Бадлаев рассказывал: в 1979 году подсчитали ущерб от деятельности строителей. Вышло три с половиной миллиона. Подали иск на «Бамстройпуть», да бывший первый секретарь райкома наложил вето.

И об этом мы говорили с «монополистом» Абдурахмановым. Он

отлично понимает, сколько неудобств принес БАМ звенкам, сколько они потеряли. Понимает, но...

— Как я могу компенсировать потери, если компенсация не заложена в смете строительства?!

Не заложили ее, наверное, по простой причине: земля считалась ничьей. Формальный владелец — Гослесхоз — вряд ли был кровно заинтересован в рачительном хозяйствовании на своих угодьях, в судьбе народов, населяющих Чарскую долину. Да и сейчас ни одно ведомство, включая Госкомприроды, не имеет такой заинтересованности.

Евгений Иващенко тоже пришел к мысли, что звенки должны владеть землей предков:

— Мы захватили ее и оставили их практически ни с чем...

В прошлом году райисполком выделил тридцатикилометровую зону вокруг Чапа-Олого. Она не представлялась некоей резервацией. Просто производственникам ставилось условие: хочешь вести какие-либо работы в зоне — плати определенную сумму звенкискому сельсовету либо оказывая конкретную помощь местным жителям. Но под давлением райкома прокуратура опротестовала решение райисполкома. (Интересно — не первый случай! Еще раньше по той же схеме было отменено решение местной власти об увеличении строительства жилья и сферы соцкультбыта за счет промышленных объектов...) Сейчас исполком вернулся к идее передачи земель сельсовету, создания национального территориального образования. Райком-то «давить» не станет — заметно ослабло его влияние. Другой вопрос: будет ли толк?

15 марта 1989 года Совмин России принял постановление о выплате ущерба за потраву оленьих пастбищ. Но к этому моменту ос-

новые работы на БАМе были закончены (напомню: «золотое звено» уложили еще в 1984 году!). Как говорится, дело сделано. Кто будет платить задним числом? Тем более что заказчик дороги — МПС — не получал от государства денег на эти цели. Удастся ли выкроить нужные суммы в тощем госбюджете?

Сомневаюсь...

Вот и задается Сергей Затуряев вопросом: не прикроют ли их, как госприемку? Райкомитет в сегодняшнем виде, с одной стороны, ни на что не влияет, с другой —

ни за что не отвечает. (Госприемка — та хоть пробовала влиять на точное соблюдение технологии.) Иначе и быть не может, пока и верховный Госкомприроды — всего лишь бесправный «надзиратель» за природой, неспособный регулировать хозяйственную деятельность, не имеющий стратегии охраны природы, научной базы, концепции собственного развития. Наш журнал и об этом уже писал (см. № 3 за 1990 г.). Госкомприроды скромно отмолчался...

Выходит, природа не нужна никому — ни на районном, ни на союзном уровне?

Протоиерей
АЛЕКСАНДР МЕНЬ

СЫН ЧЕЛОВЕЧЕС- КИЙ

Глава восемнадцатая
СУД ПРОКУРАТОРА
7 апреля

Преторию, временную резиденцию Понтия Пилата, опоясывали толстые стены; внутри же крепость была оборудована с роскошью, подобающей царскому дворцу. Там были просторные галереи, покои, богато обставленные залы для приемов. Дорогая утварь и украшения сохранились еще со времен Ирода Великого. Иосиф Флавий, видевший ансамбль до его разрушения, в восторженных словах описывал это детище последнего тирана Иудеи. Теперь здесь останавливался прокуратор, когда необходимость вынуждала его покидать Кесарию.

Утром в пятницу Пилату доложили, что Мятежник, Который

ГЮСТАВ ДОРЕ. Унижение Иисуса.

с его согласия был арестован накануне вечером, доставлен под вооруженной охраной. Приказав сторожить Его в претории, Пилат вызвал к себе обвинителей и свидетелей. Однако ему сказали, что они не желают войти: быть в доме язычника в день пасхальных обрядов считалось у иудеев осквернением. Раздраженный правитель вынужден был сам выйти к ним на открытый помост, с которого обычно говорил к народу.

У помоста стояли священники и старейшины в сопровождении толпы. Хотя город был занят приготовлениями к Пасхе, архиереям удалось найти праздных зевак, чтобы те криками поддерживали их петицию.

— Какое обвинение вы выставляете против этого Человека? — спросил Пилат. Когда же он понял, что Назарянин является в их глазах проповедником ложных теорий, он сказал:

— Возьмите Его вы и по Закону вашему судите.

Однако Ханан и Кайафа были уже готовы к такому повороту дела. Прокуратору объяснили, что речь идет о политическом преступлении, поскольку Иисус «запрещает платить налоги кесарю и называет Себя Мессией, Царем». Пилат насторожился. В том, что архиереи озабочены престижем римского правительства, не было ничего удивительного. Прожив в Иудее четыре года, он уже знал, что интересы иерархии совпадали с интересами Рима. Она боялась собственного народа. По-видимому, действительно предстает серьезный процесс.

Пилат вернулся в преторию, чтобы допросить Арестованного. Собравшиеся напряженно ждали. Минуты шли за минутами.

Результат допроса оказался неожиданным. Став на возвышении, Пилат сказал:

— Я не нахожу вины в этом Человеке.

Это могло показаться странным. Почему прокуратор, известный своей беспощадностью, проявил сегодня столь необычную мягкость? Что произошло в претории?

Разговор Пилата с Иисусом не мог остаться тайной. Он шел при свидетелях — слугах и карауле. Кто-то из них рассказал о подробностях, которые были бережно сохранены первым поколением христиан.

Прежде всего прокуратор задал вопрос:

— Ты Царь иудейский?

— От себя ли ты это говоришь, — в свою очередь, спросил Иисус, — или другие сказали тебе обо Мне?

— Разве я иудей? — презрительно заметил Пилат. — Народ Твой и первосвященники предали Тебя мне. Что Ты сделал?

— Царство Мое не от мира сего, — сказал Иисус. — Если бы от мира сего было Царство Мое, служители Мои боролись бы за то, чтобы Я не был предан иудеям. Теперь же Царство Мое не отсюда.

Прокуратор из всего этого уловил лишь одно: Подсудимый действительно претендует на какую-то власть.

— Ты все-таки Царь? — пожелал уточнить он.

— Ты говоришь, что Я Царь.

Это была обычная на Востоке форма утвердительного ответа. Но тут же, чтобы рассеять заблуждение Пилата, Иисус добавил:

— Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине. Всякий, кто от истины, слушает Моего голоса.

Слова Иисуса показались римлянину лишенными смысла. Как многие его соотечественники, Пилат был скептиком.

— Что есть истина? — усмехнулся он.

Он решил, что имеет дело с Проповедником, Который едва ли опасен для режима. К тому же прокуратор вовсе не хотел вмешиваться в религиозные распри и тем более идти на поводу у иерусалимских интриганов. Довольно он делал уступок этим варварам! Настал для них случай убедиться, что такое неліцеприятное имперское правосудие. Его часто обвиняли в незаконных расправах. Так вот, теперь он будет безупречен и заодно покажет, кто подлинный хозяин в Иерусалиме...

Однако архиереи не собирались брать назад свои требования. Снова посыпались обвинения, приводились новые улики. Они кричали, что Иисус «возбуждает народ, уча по всей Иудее, начав с Галилеи».

— Этот Человек из Галилеи? — спросил Пилат. У него возникла мысль если не избавиться от процесса, то хотя бы подтвердить свое мнение у компетентного лица, лучше знающего местные обычаи. Он приказал отвести Иисуса в Хасмонейский дворец, куда на время Пасхи прибыл тетрарх Галилеи.

Все эти годы отношения между прокуратором и Антипой были натянутые. Оба подчинялись легату Сирии, но Антипа хотел бы видеть себя единственным хозяином страны. Отсылая Галилеянина к Ироду, правитель Иудеи достигал двух целей: примирялся с соперником, происки которого были для него опасны, и облегчал себе задачу в запутанном деле.

Тетрарх был польщен жестом римлянина. Его обрадовала также возможность увидеть Назарянина, молва о Котором будила его любопытство и тревогу. Вот Он наконец пред ним, загадочный Пророк, превзошедший, как говорили, самого Иоанна! Быть может, Он покажет какое-нибудь знамение, чтобы скрасить Ироду скучные дни в Иерусалиме? Но его постигло разочарование. Иисус не ответил ни на один его вопрос, и никакого чуда от Него нельзя было добиться. Антипа сразу потерял к Нему интерес. Обвинения архиереев он пропустил мимо ушей. Поиздевавшись со своими воинами над Иисусом, он велел одеть Его в шутовской царский наряд и отослать обратно к Пилату. Это был знак примирения между двумя представителями власти.

Пилат пришел к выводу, что духовенство просто из зависти мстит популярному Проповеднику, согласно же римскому закону, осудить Его на смерть нет оснований. Он опять вышел на помост и, сев в судейское кресло, объявил: «Вы привели ко мне этого Человека, как смущающего народ. И вот я, произведя расследование в вашем присутствии, не нашел за этим Человеком никакой вины из тех, что вы выставляете против Него. Но не нашел и Ирод, ибо он отослал Его к нам. И вот ничего достойного смерти Он не совершил. Итак, **наказав** Его, отпускаю».

Он считал бичевание достаточной мерой устрашения для Человека, Который Своими словами нарушил общественное спокойствие.

Архиереи поняли, что их план близок к крушению. Они стали шумно протестовать. Пилат же, надеясь найти поддержку в толпе, сказал, что освободит Иисуса хотя бы ради праздника. В тюрьме ждали казни на кресте три бунтовщика, в числе которых находился некий Иисус Бар-Абба, или Варавва, узник, хорошо известный в городе¹. Обвинители воспользовались этим и стали требовать, чтобы был отпущен именно он. Подстрекаемая ими толпа начала выкрикивать это имя. Варавву в Иерусалиме не только знали, то и считали героем, а Иисус был пришлец, имя Которого мало что говорило горожанам. Даже когда Пилат назвал Галилеянина «Царем иудейским», это не повлияло на толпу, хотевшую избавить Варавву от казни.

Пилат, однако, не спешил. Против собственной воли он проникся сочувствием к Обвиняемому. Его желание настоять на своем еще больше окрепло после того, как жена прислала к нему слугу, прося за «Праведника». Она уверяла, что во сне ей было грозное предостережение о Нем, а римляне, даже неверующие, придавали большое значение снам. Словом, все сходилась к тому, что Пилату не следует менять своего приговора.

По его приказу Узник был отведен в караульное помещение претории и отдан в руки палачей. Там собралась вся когорта, вероятно, та самая, которая участвовала в задержании Иисуса. Его привязали к столбу и подвергли бичеванию. В ход были пущены римские бичи с шипами, которые раздирали тело до крови. После такой экзекуции человек обычно находился в полубоморочном состоянии, но солдат это только забавляло.

У Пилата служили в основном греки, самаряне и сирийцы, ненавидевшие иудеев. Пользуясь случаем, эти люди выместили всю свою злобу на Страдальце. Затем один из воинов накинул на Него свой красный плащ, другой сунул Ему в руки палку, чтобы Он походил на шутовского царя. На голову Иисуса надели импровизированную «корону», сплетенную из терновника. Все это время Он не проронил ни слова. Солдаты же кланялись Ему до земли и кричали: «Да здравствует Царь иудейский!» Некоторые из них плевали на Иисуса и били Его палкой по лицу и по голове.

Пилат думал, что можно ограничиться этим наказанием, но пока длилось бичевание, архиереи не теряли времени и возбудили толпу до крайности. Сейчас уже все в один голос требовали, чтобы Назарянин был отдан на распятие вместо Вараввы.

Едва на помосте появился Иисус, жестоко избитый, израненный, в кровавом плаще, как над площадью пронесся крик: «На крест! Распни Его!» — «Вот Он перед вами!» — воскликнул прокуратор, пытаясь, вероятно, сказать, что именно Он достоин быть освобожденным. Но в ответ слышались вопли: «Варавву! Отпусти нам Варавву!..»

Пилат не знал, что и подумать. Он велел снова увести Иисуса. — Какое же зло сделал Он? Возьмите Его вы и распните, ибо я не нахожу в Нем вины, — с досадой сказал он.

— У нас есть Закон, — ответили книжники, — и по Закону Он должен умереть, потому что сделал Себя Сыном Божиим.

Суеверный страх закрался в душу римлянина. Он отказывался понимать происходящее.

— Откуда Ты? — спросил он Христа, вернувшись в преторию. Иисус молчал.

— Мне ли не отвечаешь? Разве Ты не знаешь, что я власть имею отпустить Тебя и власть имею распять Тебя?

— Ты не имел бы надо Мною никакой власти, — сказал Узник, — если бы не было дано тебе свыше. Поэтому тот, кто Меня предал тебе, больший грех имеет.

Эти слова понравились Пилату. Он больше был не намерен торговаться и ронять свой престиж. Однако, когда он в последний раз занял судейское кресло, его ждал неприятный сюрприз. Обвинители выдвинули новый, но самый веский аргумент: Галилеянин называл Себя Мессией, за это одно Его следует считать бунтовщиком. «Если ты Этого отпустишь, ты не друг кесарю, — говорили они. — Всякий, делающий себя царем, восстает против кесаря».

Пилат отлично уловил угрозу и понял, что речь идет о его собственном благополучии. Зная строгость Тиберия, пристально наблюдавшего за спокойствием провинций, он и без того имел основания опасаться. Жалобы на его бесчинства все чаще стали приходить в Рим. Недруги прокуратора могли использовать этот процесс против него, а Пилат отнюдь не хотел лишиться выгодной должности и нести ответ перед легатом Сирии или самим императором. Уже колеблясь, он сделал слабую попытку еще раз повлиять на чувства толпы. Иисус был поставлен на возвышение Габатту, или Лифостротон, и, указав на Него, прокуратор воскликнул:

— Вот Царь ваш!

— Долой, долой! Распни Его! — завывала чернь.

— Распять вашего царя?

— Нет у нас царя, кроме Цезаря! — ответили архиереи.

Такое верноподданническое заявление не оставило Пилату выбора. В конце концов что для него судьба какого-то еврейского Пророка, когда на карту поставлено его, Пилата, благополучие? Желая показать, что он действует не по Закону, а в угоду просьбам, прокуратор велел принести воды и, как требовал восточный обычай, демонстративно умыл руки: «Не виновен я в крови Праведника».

Но люди у помоста по-прежнему бушевали, нисколько не смущаясь жестом судьи. «Кровь Его на нас и на детях наших!» — кричали они, давая понять, что все совершается по их настоянию².

Весть о помиловании Иисуса Вараввы была встречена шумными овациями; и в них потонули слова приговора, обращенные к Иисусу Назарянину: «Ibis ad crucem», «Ты будешь распят».

Осужденный был передан в руки солдат.

В Иерусалиме до сих пор показывают «Скорбный путь» (*Via dolorosa*), по которому люди вели на смерть Спасителя мира. С евангельских времен многое изменилось в топографии города, и поэтому трудно отстаивать достоверность предания. Несомненно, однако, что именно по такой же узкой восточной улице двигалась процессия, вышедшая из претории в полдень пасхальной пятницы 14 нисана.

Никого из близких не было рядом с Осужденным. Он шел в окружении угрюмых солдат; два преступника, вероятно, сообщники Вараввы, делили с Ним путь к месту казни. Каждый имел *titulum*, табличку с указанием его вины. Та, что висела на груди Христа, была написана на трех языках: еврейском, греческом и латинском, чтобы все могли прочесть ее. Она гласила: «Иисус Назарянин, Царь иудейский».

Синедрион пытался протестовать против такой надписи, видя в ней оскорбление патриотических чувств народа. Но Пилат на этот раз остался непреклонен. «Что я написал — то написал», — ответил он, довольный, что хотя бы таким образом смог досадить людям, принудившим его к уступке.

По жестокому правилу обреченные сами несли *patibulum*, перекладки крестов, на которых их распинали. Иисус шел медленно. Он был истерзан бичами и ослабел после бессонной ночи. Власти же стремились кончить с делом поскорее, до начала торжеств. Поэтому центурион задержал некоего Симона, иудея из Киренской общины, который шел со своего поля в Иерусалим, и приказал ему нести крест Назарянина. Впоследствии сыновья этого человека стали христианами и, вероятно, от него узнали основные подробности Голгофской трагедии.

У Эфраимских ворот шествие окружили люди. Послышались плач и причитания женщин. Иисус повернулся к ним и впервые за долгое время заговорил. «Дочери иерусалимские, — сказал Он, — не плачьте обо Мне, но о себе плачьте и о детях ваших. Ибо вот приходят дни, когда скажут: «счастливы неплодные и утробы, никогда не рождавшие, и сосцы, никогда не питавшие!» Тогда начнут говорить горам: падите на нас! — и холмам: покройте нас! Ибо если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что будет?» В эти последние часы Он продолжал думать об участи, которая постигнет Иерусалим через сорок лет...

Выйдя из города, повернули к крутому главному холму, расположенному недалеко от стен, у дороги. За свою форму он получил название *Голгофа* — «Череп», или «Лобное место»¹. На его вершине должны были поставить кресты. Римляне всегда распинали осужденных вдоль людных путей, чтобы их видом устрашать непокорных.

На холме казнимым поднесли напиток, притупляющий чувства. Его делали еврейские женщины для облегчения мук распятых. Но Иисус отказался от питья, готовясь перенести все в полном сознании.

Распятие на кресте не только считалось позорным концом, но и было одной из самых бесчеловечных казней, какие изобрел древний мир. Оно соединяло физическую пытку с нравственным унижением. Не случайно в империи от этого «ужаснейшего и гнуснейшего» вида смерти избавляли всех, кто имел римское гражданство. Распинали обычно мятежных варваров и рабов. Заимствованная римлянами из Карфагена казнь широко применялась уже в дни Республики.

Осужденного нагим привязывали, а иногда и прибавляли к столбу с перекладиной и оставляли на медленное умирание. Удушье мучало его, солнце жгло голову, все тело затекало от неестественного положения, раны воспалялись, причиняя нестерпимую боль. Он звал смерть как освобождение, но она не приходила. Бывали случаи, когда люди висели на крестах много дней; иногда им, еще живым, птицы выклевывали глаза...

Чтобы близкие не могли спасти распятых, у крестов выставалась вооруженная охрана. И на этот раз было выделено четыре солдата с приказом привести приговор в исполнение и остаться у «Лобного места» в качестве караула. Конвоем командовал уже не трибун, как в Гефсимании, а только центурион.

Власти поняли, что тревога оказалась напрасной: никаких беспорядков процесс не вызвал. Сторонники Галилеянина разбежались, а многие, наверно, узнали о случившемся, когда было поздно. Арест, суд и казнь были проведены быстро, как и планировал Синедрион. Если кто и поверил в мессиянство Иисуса, то сейчас они парализованы. Ведь крест значил только одно: Назарянин — лжемессия. О Его притязаниях напоминала теперь только ироническая надпись, прибитая ко кресту.

Издали за казнь следила толпа галилейских женщин. То были: Мария Магдалина, Мария Клеопова, Саломея и другие. Среди них находилась и Мать Господа со Своей сестрой. Горе и отчаяние их были беспредельны. Вот он — «престол Давидов», уготованный Мессии! Из всех пророчеств исполнилось только одно: «оружие пронзило душу Марии». Как могло случиться, что Бог допустил это? Иисус, воплощенная Вера и воплощенная Любовь, стоял беззащитный перед Своими палачами. Давно ли Саломея просила у Него почетного места для сыновей? А сейчас Он должен умереть вместе с преступниками...

Женщины видели, как солдаты сорвали с Иисуса одежды, оставив на Нем лишь набедренную повязку; видели, как был приготовлен крест и Осужденного положили на него. Послышался страшный стук молотков, которыми вгоняли в запястья рук и в ступни огромные гвозди. Это был ни с чем не сравнимый ужас. Стоявший рядом Симон Киренский слышал слова Иисуса: «Отче, прости им, ибо не знают они, что делают». Поистине ни бездушные палачи, ни иерархи, добившиеся осуждения Иисуса, не понимали, что совершается в этот час. Для одних

казнь была просто перерывом в скучных казарменных буднях, а другие были уверены, что оградили народ от «месита», опасного богохульника и соблазителя.

После того как кресты с повешенными были водружены, их завалили у подножий камнями. Теперь конвою предстояло ждать последнего вздоха осужденных. Чтобы скоротать время, солдаты перекидывались шутками, играли в кости. По обычаю, им полагалось забирать себе одежду смертников. Они разорвали ее на части, только цельнотканый хитон Иисуса решили не портить и бросили жребий — кому он достанется.

Нередко говорят, что смерть Христа была событием, которое прошло почти незамеченным в тогдашнем мире. Это вполне справедливо. Даже сто лет спустя римский историк Тацит посвятил ему только одну короткую фразу, отметив, что Основатель христианства был «в царствование Тиберия казнен прокуратором Понтием Пилатом»². Однако и в Иерусалиме распятию Иисуса Назарянина не придавали слишком большого значения. Переполненный богомольцами город жил своей жизнью. За четыре года правления Пилата народ привык к многочисленным казням.

Люди, спешившие в Иерусалим, не удивлялись, видя кресты на холме. В дни праздников показательные расправы были нередки. Прохожие останавливались и с холодным любопытством читали надписи. Некоторые, слышавшие о Назаряnine, злобно кричали: «Эй! Разрушающий Храм и воздвигающий его в три дня! Спаси Себя самого, сойди с креста!»

84 Те члены Синедриона, которые не могли отказаться от мстительного удовольствия видеть конец Осужденного, тоже пришли на Голгофу. «Других спасал, — со смехом переговаривались они, намекая на крики «Осанна!»*, — а Себя Самого не может спасти! Царь Израилев, пусть сойдет теперь с креста, чтобы мы видели и уверовали. Он возложил упование на Бога; пусть избавит Его теперь, если Он угоден Ему. Ибо Он сказал: Я Божий Сын».

Между тем подул ветер, и хмурые тучи заволокли небо. Казалось, само солнце скрылось, чтобы не видеть безумия людей. А они продолжали глумиться над Христом, безмолвно терпевшим нечеловеческую муку. Глумились солдаты, глумились старейшины, глумились случайные зрители. Даже один из мятежников, повешенный рядом с Ним, присоединился к злобному хору...

Три года, проходя по этой земле, Иисус учил людей быть сынами Отца Небесного, облегчал страдания, проповедовал Евангелие Царства. Но люди не захотели войти в это Царство. И язычники, и иудеи верили в царство мира сего, а Христово Царство сходило с Неба и вело к Небу.

Но вот теперь Он умолк, Он побежден и никогда больше не будет вселять в них тревогу.

* Возглас «Осанна!» буквально означает «Спасай нас».

Вдруг произошло нечто неожиданное. Второй осужденный сказал своему товарищу, который вместе с толпой насмехался над Галилеянином: «Не боишься ты Бога! Ведь сам ты приговорен к тому же. Мы-то — справедливо, ибо достойное по делам получаем. Он же ничего дурного не сделал». Быть может, человек этот еще раньше слышал проповедь Иисуса; быть может, лишь в этот миг ощутил какую-то силу, исходящую от распятого рядом с ним, только в душе его внезапно вспыхнул луч веры, исторгнутый предсмертной тоской.

— Вспомни меня,— сказал он, взглянув на Христа,— когда Ты придешь как Царь.

Запекшиеся уста Иисуса разомкнулись, и Он ответил:

— Истинно говорю тебе, сегодня со Мною будешь в раю.

Толпа постепенно редела. Стоявшие поодаль женщины осмелились, невзирая на солдат, приблизиться. Крест был высок, однако с распятым можно было говорить. Увидев Свою Мать, подошедшую с Иоанном, Иисус в последний раз обратился к Ней. «Вот сын Твой,— сказал Он, а потом взглянул на любимого ученика: — Вот Мать твоя». И после этого Он умолк...

Тучи сгустились; к трем часам дня стало темно, как в сумерках. Неимоверная тяжесть, которая начала спускаться на Иисуса еще в Гефсиманскую ночь, достигла предела. Уже давно ждал Мессия этой последней встречи со злом мира, окутавшим Его теперь, как черная пелена. Он поистине сходил в ад, созданный руками людей.

— *Элахи, Элахи, лема шабактани!* Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты меня оставил!

В этом вопле псалмопевца Христос излил всю глубину Своего беспредельного томления. Конца молитвы Он не дочитал...

Стоявшие на Голгофе не разобрали Его слов. Солдаты решили, что Распятый призывает Гелиос, Солнце, а иудеям по созвучию послышалось имя Илии-пророка³. «Вот Илию зовут!» — сказал кто-то.

Начиналась агония. «Шахена!», «Пить!» — просил Иисус. Один из воинов, движимый состраданием, подбежал к кувшину с «поской», кислым напитком, который солдаты постоянно носили с собой, и, обмакнув в него губку, протянул на палке Умирающему. Более черствые отговаривали его: «Оставь, посмотрим, придет ли Илия спасти Его».

Едва только влага коснулась воспаленных губ Иисуса, Он проговорил: «Совершилось». Он знал, что смерть уже рядом, и снова стал молиться, повторяя слова, которые Мать учила Его произносить перед сном: «Отче, в руки Твои предаю дух Мой...»

Внезапно у Страдальца вырвался крик. Потом голова Его упала на грудь. Сердце остановилось. Он был мертв.

Сын Человеческий выпил Свою чашу до дна.

В это мгновение люди почувствовали, как вздрогнула земля, и увидели трещины, пробежавшие по камням. Воздух был душным, как перед грозой. Центурион, который долго всматривался в лицо Распятого, воскликнул: «Поистине этот Человек —

сын богов!» Что-то таинственное открылось римлянину в последние минуты казни⁴.

Грозные явления природы подействовали на всех угнетающе. Смущенные и испуганные, возвращались люди в город. Они били себя в грудь в знак скорби, догадываясь, что совершилось нечто ужасное.

На фоне сумрачного неба высились контуры трех крестов. Но не только о жестокости и злобе человеческой говорили они. Отныне это орудие казни станет символом Искупления, символом жертвенной любви Бога к падшему человечеству...

Глава двадцатая

ПОСЛЕ РАСПЯТИЯ

7—8 апреля

Голгофа опустела. Люди разошлись по домам, где их ждали родные для совершения праздничной трапезы. Только солдаты по-прежнему сидели у холма. Они не имели права покинуть пост, пока не умрет последний из осужденных.

Римляне часто оставляли тела на крестах, чтобы трупы долго напоминали о каре, которая ждет их врагов. Но Синедрион ходатайствовал перед Пилатом, прося снять казненных, пока не зашло солнце*. Этого требовал иудейский обычай, а соблюсти его было особенно необходимо ввиду вечера, совпадавшего с сидром¹. Пилат дал согласие.

86 Двое разбойников были еще живы. Солдаты, получив приказ, перебили им голени, чтобы ускорить смерть. Потеряв опору, распятые повисли на руках и через несколько минут задохнулись. Сомнения в том, что Иисус мертв, не было, но один из воинов для проверки пронзил Ему грудь копьем. В ране оказались «кровь и вода» — бесспорный признак наступившего конца². Теперь оставалось только, выдернув гвозди, снять мертвецов и опустить в общую яму. Так обычно хоронили преступников.

В это самое время к прокуратору явился Иосиф Аримафейский — богатый, уважаемый в городе человек, член Совета. Он не принимал участия в суде «Малого Синедриона», потому что сам был тайным приверженцем Иисуса. Как и апостолы, Иосиф «ожидал Царства Божия», но сейчас он думал, что обманулся. Тем не менее, преодолев страх, он пришел попросить у Пилата тело Усопшего для погребения. Иосиф не хотел допустить, чтобы Иисуса лишили даже отдельной могилы.

Пилат удивился, узнав, что Назарянин умер так скоро. Может быть, Он только в обмороке? Но центурион подтвердил, что в три часа пополудни Иисус действительно скончался. У Пилата не было причин отказывать Иосифу. Возможно, он даже по своему обыкновению получил от него мзду. Так или иначе наместник предоставил Иосифу поступить с телом, как он пожелает.

* Субботний покой начинался с вечера пятницы.

Времени для необходимых приготовлений оставалось совсем мало. Если бы наступил вечер, похороны пришлось бы отложить на сутки. Но Иосиф успел купить полотняный саван, а фарисей Никодим, тот, что прежде приходил ночью беседовать с Иисусом, принес большие сосуды с благоуханным раствором смирны и алоэ, которым пропитали материю.

При помощи слуг тело положили на носилки и перенесли в соседний сад. Участок принадлежал Иосифу, который недавно заготовил себе здесь склеп. Искать другую могилу возможности не было, так как каждая минута была дорога. Но, вероятно, Иосиф был рад хотя бы таким образом в последний раз послужить Учителю.

Усопшего завернули в благоухающие пелены, внесли в пещеру, прочли заупокойные молитвы и завалили вход круглой каменной плитой, для которой был вытесан специальный желоб. Исполнив печальный долг, оба удалились для совершения седера.

Мария Магдалина и Мария Иосиева тоже присутствовали в саду при погребении. Они стояли «напротив гробницы» и, плача, смотрели на поспешный обряд. Им хотелось самим умастить тело Господа ароматами и долго оплакивать невозвратимую утрату. Но было уже поздно. Правда, теперь они знали место могилы и надеялись по прошествии субботы снова прийти сюда.

Между тем первосвященники, услышав, что Назарянина похоронили в саду у Голгофы, а не с другими казненными, встревожились. Что, если почитатели станут устраивать паломничества к Нему на гроб или похитят тело, а потом заявят, будто Он жив? Желательно было искоренить самую память о Нем. Поэтому группа старейшин снова пришла к Пилату с просьбой, чтобы на первые дни у пещеры была поставлена охрана.

«Имеете стражу,— недовольный, ответил им прокуратор,— идите и охраняйте, как знаете». Он больше не желал иметь ничего общего с этим неприятным делом.

Однако от Пилата ждали только санкции. Получив ее, Ханан приказал опечатать склеп и выставить в саду стражу³.

Иерархия могла теперь спокойно проводить праздник и воссылать молитвы к Богу. Все прошло лучше, чем ожидали власти. А ученики? Они ничего не знали ни о месте погребения, ни о караульных у могилы. Ужас сковал их. Им казалось, что всех сторонников Учителя могут схватить в любую минуту. Пока их не трогали. Но долго ли это продлится? Если бы не суббота и праздник, они, конечно, бросили бы все и поспешили назад, в родную Галилею.

То была самая мрачная Пасха в их жизни.

«Я и спутники мои,— читаем мы в апокрифическом Евангелии от Петра,— были в тоске и с болью в сердце скрывались, ибо нас искали как преступников, намеревавшихся поджечь Храм. Мы пребывали в посте и скорби и в слезах день и ночь»⁴. Пусть это и не подлинные слова апостола — они верно передают состояние галилеян после распятия.

Но еще больше, чем боязнь преследований и укоры совести, терзала их мысль, что Сын Человеческий отнят у них. Он, Который ходил с ними по зеленым холмам у озера, Кто был так добр и могуществен, Кто одним словом мог исцелять болезни, Кто свидетельствовал об истине и обещал привести учеников в Царство Божие, лежит теперь бездыханный. Им не услышать больше знакомых слов: «Истинно, истинно говорю вам», не увидеть рук, преломляющих хлеб...

Ученики были в отчаянии: зачем Бог покинул Его, покинул их всех?

Некоторые раввины говорят, что Мессия должен быть смертен, как и прочие люди. Но почему Иисус погиб в расцвете сил, а не отошел в мире, «насыщенный годами»? Почему он так мало успел сделать? Ведь Он не оставил скрижалей, как Моисей, не написал книг, как пророки, не создал школы, как Гиллель. Единственное Его наследие — они сами: простые, слабые люди, которые оказались недостойными Учителя и бросили Его в решающий час. Синедрион, когда торопился, знал, что делал. Дерево срублено, не поднявшись высоко над землей, не успев принести плода.

Он умер. Но умер не как Помазанник Божий, а как отверженный, ибо сам Закон почитает проклятыми тех, кого настигла подобная смерть. Его осудил и еврейский, и римский суд.

Он умер даже не как мудрец, перешагнувший грань обычных человеческих чувств, победивший страдание силой духа. Он мучился как миллионы людей, как каждый ребенок или раненая птица, как любое живое существо. Никто не помог Ему, когда Он истекал кровью на страшном кресте. Никакой ангел не облегчил агонии. Правы оказались те, кто говорил: «Других спасал, а Себя не может спасти».

Но, значит, Иисус не тот, за кого они Его принимали? Не Избавитель Израиля и мира? И, следовательно, напрасной была их вера в Него, а Петр, сказав: «Ты Мессия», произнес лишь пустые слова? Это было крушение окончательное, непоправимое. Рухнули надежды и ослепительные мечты. Никогда еще люди не испытывали более тяжкого разочарования.

Что оставалось им делать? Бежать! Скорее бежать из этого зловещего города! Вернуться в Галилею к своим домам и лодкам. Забыть о Человеке, Который обманулся Сам и ввел в заблуждение Своих простодушных последователей...

Глава двадцать первая ПОБЕДА НАД СМЕРТЬЮ 9—14 апреля

С заходом солнца 8 апреля кончился срок субботнего покоя, но женщинам еще нужно было купить душистые порошки и мази, из которых приготавливалась смесь для бальзамирования. Поэтому посещение гробницы было отложено до утра следующего дня. О страже они не знали; их беспокоила только мысль: кто поможет им откатить тяжелый камень.

Мария Магдалина пришла раньше своих подруг. В предрасветном сумраке, подойдя к склепу, она в смятении остановилась: камень был сдвинут. Что это значит? Неужели даже после смерти Учителя враги Его не успокоились?..

Тем временем подросли Саломея с Марией Клеоповой и, заглянув в пещеру, убедились, что она пуста. Магдалина в слезах побежала к Петру и Иоанну и сообщила им горестную весть: «Взяли Господа из гробницы, и не знаем, где положили Его». Оба ученика, немедленно покинув дом, в котором скрывались, поспешили за Марией в сад Иосифа.

Сначала они бежали вместе, но потом Симон отстал, и Иоанн достиг пещеры первым. Видя, что Мария права, он терялся в догадках: кто мог, нарушив Закон, оскорбить место вечного упокоения? Юноша наклонился к отверстию, но решимости войти у него не хватило.

Когда в ограде показался Петр, он еле переводил дыхание. Но не таков был этот человек, чтобы долго размышлять. Не останавливаясь, Кифа тотчас вошел в темный склеп. Это ободрило Иоанна, и он последовал за Симоном. Рядом с каменным ложем они увидели саван и покров для лица.

Погребенный исчез.

Расспрашивать, протестовать, искать тело ученики побоялись. Они побрели назад в город, полные печального недоумения. Видно, недруги решили глумиться над ними до конца...

У могилы осталась одна Магдалина. Погруженная в свое горе, она не заметила, что остальные женщины куда-то ушли. Словно не веря несчастью, Мария еще раз приблизилась к отверстию пещеры и неожиданно увидела там двух неизвестных в белых одеждах.

— Женщина, почему ты плачешь? — спросили они.

— Потому что взяли Господа моего, и не знаю, где положили Его.

В ней проснулась надежда: может быть, эти люди объяснят ей случившееся? Но в тот же миг Магдалина почувствовала, что сзади нее кто-то стоит, и оглянулась.

— Женщина, почему ты плачешь? Кого ищешь? — спросил Незнакомец.

Думая только о своем, Мария решила, что перед ней садовник, который, наверно, должен знать, где тело.

— Господи,— умоляюще заговорила она,— если ты унес Его, скажи мне, где ты Его положил, и я Его возьму.

— Мирьям! — прозвучал до боли знакомый голос. Все всколыхнулось в ней. Сомнений не было. Это Он...

— Раввун! — вскричала Магдалина и упала к Его ногам.

— Не прикасайся ко Мне,— предостерег ее Иисус,— ибо Я еще не взшел к Отцу Моему; но иди к братьям моим и скажи им: «Восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему».

Обезумевшая от радости, едва сознавая происходящее, Мария бросилась из сада...

Вестницей неслыханного, небывалого вбежала она в дом, где царил траур, но ни один из друзей не принял ее восторженных

слов всерьез. Все решили, что бедная женщина с горя потеряла рассудок. То же самое подумали они, когда вслед за ней появились Иоанна, жена Хузы, Мария Клеопова и Садомея и стали, перебивая друг друга, уверять, что Учитель жив, что они видели Его своими глазами. Они рассказали, как спустились в пещеру, когда Магдалина уходила позвать учеников, и нашли там юношу в белой одежде. «Не ужасайтесь! — сказал он. — Иисуса ищите Назарянина, распятого. Он восстал. Его нет здесь. Вот место, где положили Его. Но идите, скажите ученикам Его и Петру, что Он предваряет вас в Галилее. Там вы Его увидите, как Он сказал вам». Женщины признались, что сначала им было страшно говорить о виденном, но потом Сам Иисус явился им на дороге и повторил повеление всем идти в Галилею.

Апостолы, переглядываясь, слушали рассказ. «Показались им, — замечает св. Лука, — слова эти бредом, и они не верили женщинам»¹. После того, что стряслось, ученики были далеки от надежд на чудо и меньше всего они предполагали, что скоро Бог превратит их самих из трепещущих, раздавленных катастрофой людей в провозвестников новой веры.

Много непостижимого хранят анналы истории, но можно смело сказать, что самое невероятное в ней — жизнь Иисуса Назарянина и тайна, которой Его жизнь увенчалась. Справедливо считают, что эта тайна выходит за пределы, доступные человеческому знанию. Однако есть и осязаемые факты, находящиеся в поле зрения историка. В тот самый момент, когда Церковь, едва зародившись, казалось, навсегда погибла, когда здание, возведенное Иисусом, лежало в развалинах, а Его ученики потеряли веру, — все внезапно коренным образом меняется. Ликующая радость приходит на смену отчаянию и безнадежности; те, кто только что покинул Учителя и отрекся от Него, смело возвещают о победе Сына Божия.

Что-то произошло, без чего не было бы самого христианства...

Самое раннее и непосредственное свидетельство об этом событии принадлежит человеку, в жизни которого встреча с Иисусом произвела полный переворот. Встреча же произошла спустя пять-шесть лет после Голгофы. Этот человек — Савл Тарсийский, впоследствии апостол Павел, — писал христианам Коринфа: «Я передал вам, во-первых, то, что и принял; что Христос умер за грехи наши, по Писаниям, и что Он погребен, и что Он воздвигнут в третий день, по Писаниям, и что Он явился Кифе, потом — Двенадцати, затем свыше чем пятистам братьям одновременно, из которых большая часть доныне в живых, а некоторые почили; затем явился Иакову, потом всем апостолам, а после всех явился и мне, словно недоноску. Ибо я — наименьший из апостолов, я, который недостойн называться апостолом, потому что гнал Церковь Божию»².

Это Павлово свидетельство вместе с пасхальными повествованиями Евангелий приводит нас к реальному факту, который духовно воскресил учеников и подвиг их на проповедь Благой Вести.

Архиереи думали, что с галилейским Мессией покончено, но теперь они оказались бессильны остановить новое движение. Рассказ стражников о необычайных феноменах, сопровождавших исчезновение тела, мог, конечно, смутить Синедрион. Понадобилась своя официальная версия. Как сказано в Евангелии от Петра, жрецы решили, что лучше прибегнуть к обману, чем «попасть в руки народа иудейского и быть побитыми камнями»³. Было объявлено, что ночью, когда стража задремала, ученики Иисуса похитили Его тело и стали говорить, будто Он жив. Века спустя это обвинение все еще повторялось теми, кто хотел «рационально» объяснить пасхальную веру христиан⁴. Они не приняли во внимание одну психологическую трудность: если апостолы участвовали в подлоге или знали о нем, откуда взялась бы у них сила духа и смелость отстаивать сознательный обман даже перед лицом смерти? За проповедь Воскресшего был распят Кифа, обезглавлен Иаков Зеведеев, побит камнями Иаков Праведный; за нее многие другие апостолы выдержали бичевание, тюрьмы, преследования властей Рима и Иудеи и пожертвовали жизнью.

Но не могло ли случиться, что тело Распятого было унесено кем-то другим, разумеется, не по приказу Пилата или Синедриона, — ибо тогда они могли бы легко разоблачить обман, — а людьми неизвестными? Сторонники этого мнения забывают, что то же самое думали ученики, увидев опустевшую гробницу, и впали в еще большее уныние.

Перемена же наступила в них лишь *после* того, как они воочию **увидели** Господа.

Галлюцинация? Плод расстроенного воображения? Оставим это объяснение тем, кто думает, что в мире все можно познать одними средствами науки. В действительности же гипотеза, сводящая начало христианства к умственному помрачению нескольких галилеян, маловероятна. Иисуса видели самые разные лица. Он являлся при различных обстоятельствах и во многих местах отдельным людям, группам и большим толпам. Эти явления с полной достоверностью убедили их в том, что смерть не властна над Иисусом, что она «не могла удержать Его». Если это был бред душевнобольных, как мог он охватить сотни столь непохожих друг на друга очевидцев и дать столь прочные результаты? И наконец, были ли серьезные предпосылки для иллюзий такого рода? Ведь подавленные смертью Иисуса ученики разуверились в Его мессианстве. Слова Учителя о Воскресении остались ими непонятыми, а смысл служения Христова открылся им гораздо позднее.

Сводить все к субъективным переживаниям апостолов — значит преувеличивать их роль в возникновении христианства. Евангелия были написаны в среде, где авторитет апостолов был неоспорим, но евангелисты отнюдь не изображали Петра и его друзей натурами могучими и гениальными, пророками, способными создать мировую религию. Они любили своего Равви — это правда, тем не менее одной любви для такого переворота недостаточно. Недостаточно и ссылки на «впечатление», которое произвела личность Иисуса на их души. Никто не говорил, что

Исайя, Будда или Конфуций воскресли. А ведь этих людей тоже окружала любовь последователей, о чем свидетельствуют саркофаги над их останками.

Только о гробе Господнем было сказано: «Его здесь нет...»

Некоторые скептики предполагали, что Иисус не умер на кресте, а был без сознания и, очнувшись в пещере, пришел к Своим ученикам. Но совершенно непонятно, как человек, ослабевший от потери крови и пыток, нуждающийся в уходе, полуживой, мог выглядеть триумфатором. И где тогда скрывался Он впоследствии? Да и вообще распятый после того, как ноги его были пробиты гвоздями, не может ступить ни шагу.

Кроме того, слова апостола Павла и другие источники, несомненно, имеют в виду не просто возвращение к Жизни, подобное чуду в Вифании, но — полную перемену, совершившуюся в Иисусе. Лицо Его порой менялось столь сильно, что многие не сразу узнавали Учителя. Апостол Павел видел лишь ослепительный свет и слышал голос Воскресшего, говорившего с ним на арамейском языке. Христос проходил через закрытые двери, появлялся внезапно и внезапно исчезал, словом, был не прежний Учитель, подчинявшийся, как и все люди, законам земного мира. Не случайно в первое мгновение некоторые принимали Его за призрак, и Он должен был убеждать учеников, что Он воистину воскрес во плоти.

Выражение Павла «тело духовное» является, по-видимому, ключевым для понимания пасхальной тайны⁵. Оно означает, что в саду Иосифа Аримафейского произошла единственная в своем роде победа Духа, которая, не уничтожив плоти, дала ей новую, высшую форму существования. Камень был отвален лишь для того, чтобы ученики увидели, что могила пуста, что Воскресший отныне не ведает преград. Пройдя через агонию и смерть, Он непостижимым для нас образом приобрел иную, **духовную телесность**. Апостол говорит о ней, как о ступени бытия, ожидающей всех людей, но в тот момент Богочеловек был первым, предварившим всеобщее преобразование.

Это было явление Сына Божия во славе, которое предсказал Сам Иисус на суде Кайафы. Первосвященник усмотрел в Его словах богохульство, и жалкий конец Назарянина должен был подтвердить мнение Синедриона. Апостолам же пасхальные явления показали истинность пророчества. Иисус открылся им теперь не только как Христос и Учитель, а как **Маран**, Господь, как воплощение Бога Живого*.

Воскресшего не видели ни члены трибунала, ни Пилат. Если бы неоспоримая очевидность чуда принудила их признать его, это стало бы насилием над духом, который противится Богу. Лишь те, кто любил Христа, кто был избран Им на служение, смогли «увидеть Славу Его, Славу как Единородного от Отца, полного благодати и истины».

Для апостолов Воскресение было не только радостью вновь обрести Учителя; оно знаменовало победу над силами тьмы,

* Маран — арамейское слово, соответствующее греческому Господь.

стало залогом конечного торжества Правды Божией, неодолимости Добра, олицетворенного в Иисусе Назаряanine. «Если Христос не восстал,— говорит ап. Павел,— тщетна наша проповедь, тщетна и вера наша»⁶. Этой мыслью будет жить христианство, ибо в день Пасхи Церковь не просто исповедует веру в бессмертие души, но преодоление смерти, тьмы и распада.

«Если сила физическая,— говорит Вл. Соловьев,— неизбежно побеждается смертью, то сила умственная недостаточна, чтобы победить смерть; только беспредельность нравственной силы дает жизни абсолютную полноту, исключает всякое раздвоение и, следовательно, не допускает окончательного распада живого человека на две отделимые части: бессмертный дух и разлагающееся вещество. Распятый Сын Человеческий и Сын Божий, почувствовавший Себя оставленным и людьми, и Богом и при этом молившийся за врагов Своих, очевидно, не имел пределов для Своей духовной силы, и никакая часть Его существа не могла остаться добычей смерти... Истина Христова Воскресения есть истина всецелая, полная — не только истина веры, но также истина разума. Если бы Христос не воскрес, если бы Кайафа оказался правым, а Ирод и Пилат мудрыми, мир оказался бы бессмыслицею, царством зла, обмана и смерти. Дело шло не о прекращении чьей-то жизни, а о том, прекратится ли *истинная* жизнь, жизнь совершенного праведника. Если *такая* жизнь не могла одолеть врага, то какая же оставалась надежда в будущем? Если Христос не воскрес, то кто же мог воскреснуть?»⁷.

Мессия-Искупитель, Он добровольно отдал Себя во власть разрушительной стихии и богочеловеческой мощью восторжествовал над ней, приоткрыв нам завесу грядущего. С этого священного дня не умолкает над землей благовестие свободы и спасения. «Пусть никто не рыдает о своем ничтожестве, ибо явилось общее для всех Царство. Пусть никто не плачет о своих грехах — прощение воссияло из гроба. Пусть никто не боится смерти — освободила нас смерть Спасителя. Пленный смертью, погасил смерть, Сошедший во ад, покорила ад.

Смерть, где твое жало,

Ад, где твоя победа?

Воскрес Христос, и ты низвержен, воскрес Христос, и пали демоны, воскрес Христос, и радуются ангелы, воскрес Христос, и жизнь воцарилась» (св. Иоанн Златоуст).

Не только грядущее озарено светом Пасхи. Воскресение означает реальность присутствия Христа среди верных Ему. «Учения», «идеи» приносили людям многие вожди и пророки, Иисус же Сам остается с Церковью как Брат и Собеседник, как Друг и Спаситель, как вечно пребывающий лик, обращенный к миру...

Евангельские рассказы о явлениях Христа уделяют много внимания тому, как новый опыт раскрывал ученикам значение библейских пророчеств. Только теперь они поняли, почему унижение и крест Сына Человеческого есть признак Его мессианства. Только теперь они смогли другими глазами прочесть строки Библии об искупительных Страстях Служителя Господня. Этот

процесс прозрения наиболее полно изображен в повествовании св. Луки о Клеопе и другом апостоле, которые встретили Воскресшего на пути в селение Эммаус.

Они вышли в дорогу вечером того же дня, когда женщины принесли первые известия о пустом гробе и о загадочных явлениях в саду. Но, как и прочие, эти двое приняли их слова за бред. Покинув Иерусалим, они отправились в селение, где, вероятно, жил один из них. Эммаус был расположен в двух часах ходьбы от столицы, и путники все это время беседовали о своих несбывшихся мечтах. Клеопа и его близкие были искренне преданы Иисусу. Но теперь им оставалось только оплакивать роковую ошибку, которая погубила Учителя и сломала жизнь их семьи⁸.

Солнце уже близилось к закату, когда к ним присоединился неведомый Путник, тоже шедший из города. Он спросил, какое горе их угнетает.

— Один Ты в Иерусалиме не знаешь о случившемся в нем в эти дни! — удивился Клеопа.

— О чем?

— О том, что было с Иисусом Назарянином, Который был Пророк, сильный в слове и деле перед Богом и всем народом; как предали Его первосвященники и начальники наши для осуждения на смерть и распяли Его. А мы надеялись, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля. При всем том идет третий день с тех пор, как это произошло. Но и некоторые из наших женщин изумили нас: придя рано утром к гробнице и не найдя тела Его, они вернулись, говоря, что видели и явления ангелов, возвестивших, что Он жив. И пошли некоторые из тех, что с нами, к гробнице и нашли так, как женщины сказали, Его же не видели.

Никакой радости странные обстоятельства исчезновения тела у них не вызывали. Кто мог поверить таким немислимым вещам? Полное разочарование было итогом этих лет.

Реакция Незнакомца была неожиданной.

— О бессмысленные и медлительные сердцем, чтобы верить во все, что сказали пророки! — упрекнул Он их. — Не это ли надлежало претерпеть Мессии и войти в Славу Свою?

И шаг за шагом этот таинственный Человек стал объяснять им мессианские места Библии. О чем говорил Он? Быть может, о символе Агнца и Его крови, о Камне, который отвергли строители, о скорби Праведника и спасении Его, о Новом Завете, обещанном Богом, но больше всего, вероятно, о пророчестве из Книги Исаии, где изображен был Служитель Сущего, прошедший через муки, чтобы исцелить раны мира и стать «светом народов». Постепенно как бы пелена спадала с глаз Клеопы и его друга. Трагические события этих дней исполнялись смыслом. Если так, то смерть Иисуса не означает конца...

С этими мыслями приблизились они к Эммаусу. Спутник, казалось, готов был уже проститься с ними. Но апостолам не хотелось отпускать Человека, Который почти вернул им надежду: «Останься с нами, потому что уже наступает вечер». Незнакомец согласился. Все трое вошли в дом и сели за ужин.

Ученики невольно признали своего Спутника старшим и просили прочесть положенную молитву. Он произнес слова благодарения и преломил хлеб. Памятный жест! Столько раз слышанный голос! В тот же миг оба поняли, **Кто** находится с ними за одним столом. Изумленные, они не успели произнести ни слова, как Он «стал невидим для них»...

Опомнившись, апостолы начали горячо обсуждать чудесную встречу: «Не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам в пути, когда Он открывал нам Писания?» Разве можно было теперь оставаться в Эммаусе? Скорее обратно, в Иерусалим, поделиться с остальными невероятной радостью! Хотя уже было темно, друзья поспешили в город. Увы, их встретили так же, как и женщин. Поверить им никто не хотел. Но тут же пришло новое известие: Господь явился Кифе. Мог ли обмануться старший из апостолов? Некоторые почти уверовали, другие все еще сомневались. Обсуждение и горячие споры длились до глубокой ночи. Внезапно все услышали знакомое приветствие: «Шалом!» — Мир вам! — Ученики увидели Иисуса...

Ужас сковал их. Привидение! А Он смотрел на Своих трепещущих «братьев», ожидая, пока они придут в себя. Зачем они смущаются и колеблются? Среди них не бесплотный призрак, а их Учитель. Пусть коснутся Его, чтобы оставить мысль о видении. И спокойно, словно ничего не произошло, Он спросил: «Есть ли у вас здесь какая пища?»

Снова, как бывало, Он мог разделить с ними трапезу.

Они едва верили своим глазам.

Произнеся благодарственную молитву, Иисус заговорил. Наступают иные времена для апостолов, пробил час их служения. «Как послал Меня Отец, и Я посылаю вас». Спаситель будет действовать через Своих посланцев, которых преобразит силою Своего Духа. «Примите Духа Святого, — сказал Он. — Если кому отпустите грехи, отпущены будут им, если на ком удержите, удержаны».

В эти светлые дни апостолы окончательно утвердились в вере. Из Двенадцати только Иуда Фома не видел Господа⁹. Когда он слушал восторженные слова братьев, ему трудно было разделить их чувства. Слишком уж неправдоподобна радостная весть! Не произошло ли ошибки? Быть может, это все-таки тень Наставника, пришедшая из загробного мира утешить их? «Если не увижу на руках Его следа от гвоздей и не вложу пальца моего в ребра Его, никак не поверю», — твердил Фома.

Кончались дни праздника. Ученики намеревались вернуться в Галилею, куда Господь обещал прийти к ним. Последний раз собрались вместе, вероятно, в доме Марии, матери Иоанна Марка. Дверь плотно заперли: страх преследований еще не утих. И опять, как в первый день, все внезапно увидели Иисуса, стоящего среди них. Он обернулся к Фоме: подойди, протяни руку, проверь! «Господь мой и Бог мой!» — только и мог вымолвить апостол. Он не помышлял больше о доказательствах...

«Ты потому уверовал, — сказал Христос, — что увидел Меня. Блаженны невидевшие и поверившие». Зримые явления должны были лишь помочь ученикам выйти из состояния мрака

и безнадежности, показать им, что смерть бессильна над Мессией. Но скоро присутствие Господа станет иным, доступным каждому, кто с открытостью идет к Нему навстречу.

Глава двадцать вторая

«Я ПОСЫЛАЮ ВАС»

14 апреля — 18 мая

Словно на крыльях вернулись одиннадцать назад в Капернаум. К тому времени от богомольцев многие уже знали о казни. Однако всех приводили в недоумение ученики Назарянина. Они совсем не были удручены, напротив, в них опускалась просветленная радость, почти экстаз. Что могло так подействовать на Симона и его друзей? Над этой загадкой ломали голову знавшие их люди. Тогда-то, быть может, апостолы и поняли, для чего Учитель велел им оставить Иерусалим. Там их ежедневно подстерегала опасность, а дома, вдали от врагов, они могли вновь собрать рассеявшихся последователей Господа и сообщить им о дивном событии: «Он воскрес!»...

Постепенно жизнь апостолов вошла в прежнее русло. Рыбаки взялись за свой привычный труд; но мысли их постоянно полны были Иисусом. О Нем напоминала каждая тропинка, каждый уединенный уголок на берегу. Здесь Он учил их притчами, сидя на холме, там говорил с толпой, на этой улице рыбацкого поселка исцелил больного. Апостолы как бы заново переживали чудо тех трех лет, которые открыли им Небо. Однако Сам Господь еще не появлялся. Ученики ждали, веря Его обещанию.

Однажды вечером Кифа, сын Зеведеевы, Фома и Нафанаил вышли в лодке на Тивериадское озеро. Лов оказался неудачным, и к утру им пришлось сложить на дно пустые сети. Рыбаки были уже метрах в ста от берега, как увидели в голубой предрасветной дымке Человека, стоявшего у воды. Он громко окликнул их: «Друзья, есть у вас что-нибудь к хлебу?» В этом вопросе не было ничего необычного: окрестные жители часто покупали рыбу прямо из лодок. Узнав, что они ничего не поймали, Человек предложил им закинуть сеть с правой стороны, и, едва они последовали Его совету, невод тотчас наполнился.

Странное чувство овладело всеми. Ведь когда-то подобное уже было: был и берег, и пустая сеть, и неожиданный улов... Иоанн, пытаясь разглядеть Стоящего, вдруг шепнул Симону: «Это Господь». Петр, не говоря ни слова, тут же опоясался, прыгнул в воду и поплыл к берегу. Остальные, налегая на весла, поспешили за ним.

Незнакомец, казалось, ждал их. Среди камней был разложен костер, на углях пеклась рыба. Рыбаки в смущении остановились. Кто бы мог предположить в этих загорелых полуобнаженных людях будущих покорителей мира, чьи сети станут символом духовного лова?

«Принесите и тех рыб, что вы поймали сейчас», — сказал Неизвестный. Они пошли к сетям, и скоро трапеза была готова. Ели молча. Над озером поднималось солнце. В тишине звучали

*Положение во гроб.
Явление ангела женам мироносицам.*

*Испрошение тела Христа
у Понтия Пилата. Снятие с креста.*

Бичевание Христа.
Поругание Христа.

Ведение ко кресту.
Восхождение на крест.

АНДРЕЙ РУБЛЕВ. Спас.

голоса птиц, слышался плеск волн. Запах костра смешивался с запахом воды, рыбы и трав. Ни один не осмеливался спросить: «Кто ты?» — но в душах их пела неземная радость. Каждый с неоспоримой уверенностью знал, что это Иисус преломляет с ними хлеб, хотя облик Его был иным.

Кончив, все встали. Господь подозвал Петра и отвел его в сторону.

— Симон, сын Ионы, любишь ли ты Меня больше, чем они? — спросил Он торжественно, как тогда — в Кесарии Филипповой, называя ученика его полным именем.

— Да, Господи, — ответил тот. — Ты знаешь, что я люблю Тебя.

— Паси ягнят Моих, — сказал Иисус, а потом вновь испытующе повторил вопрос:

— Симон, сын Ионы, любишь ли ты Меня?

— Да, Господь, Ты знаешь, что я люблю Тебя.

— Ты будешь наречен пастырем овец Моих.

Этим искусе не кончился. В третий раз Христос спросил:

— Симон, сын Ионы, любишь ли ты Меня?

Апостолу стало горько. Вероятно, троекратный вопрос напомнил ему, как в припадке страха он трижды отрекся от Учителя.

— Господи, — печально сказал Симон, — Ты все знаешь, Ты знаешь, что я люблю Тебя.

— Паси овец Моих.

И чтобы Петр понял, что это не привилегия, а призыв к крестному пути, Христос добавил:

— Истинно, истинно говорю тебе: когда ты был молод, ты опоясывался сам и шел, куда хотел, когда же состаришься, протянешь руки свои, и другой тебя препояшет, и поведет, куда ты не захочешь.

Сзади подошел Иоанн.

— Господи, а он что? — спросил Петр.

— Если Я хочу, чтобы он пребывал, доколе Я не приду, что тебе? *Ты за Мной следуй*².

Впоследствии, размышляя над этими словами, первые христиане решили, что Иоанн не умрет до нового явления Христа, но, как поясняет Евангелие, Иисус указал лишь на различие в судьбе апостолов. Любимому ученику было предназначено проповедовать слово Господне до глубокой старости, а Петру — быть распятым за свидетельство веры. К искупительному кресту Царя Иудейского присоединился крест человека, которого Христос нарек Скалой и Пастырем и которому предстояло, «обратившись, утвердить братьев своих»³.

Утро Церкви занималось над страной Геннисаретской. С каждым днем увеличивался приток верующих. В Галилее никто не чинил им препятствий. Иногда сотнями уходили они в пустынные места для молитвы, ожидая встречи с Господом.

Назаретскую семью, особенно Марию, Мать Спасителя, окружило благоговейное почитание. Скоро к общине примкнули даже те родные Иисуса, которые прежде сторонились Его. Обратился и Иаков, старший из сводных (или двоюродных) братьев Христа, человек истового благочестия. Сохранилось древнее

предание, что он дал обет полного поста, пока не увидит Воскресшего собственными глазами. И тогда Иисус предстал перед ним, благословил хлеб и протянул его Иакову: «Брат Мой, вкуси хлеба сего, ибо Сын Человеческий восстал».

Подробности сказания едва ли достоверны⁴. Но очень возможно, что будущий глава Иерусалимской Церкви слышал о явлениях и хотел, подобно Фоме, удостовериться в их реальности сам.

Сколько времени первая община оставалась в Галилее? Евангелист Лука говорит о сорока днях явлений, после чего апостолы уже вновь собрались в Иерусалиме и встретили там праздник Шавуот, или Пятидесятницы. Некоторые толкователи думают, что этот срок — лишь символ некоего подготовительного периода*. По их мнению, за месяц Церковь не могла достичь численности в несколько сот человек, а следовательно, Лука имел в виду Пятидесятницу 31 года. Хотя вопрос этот не представляется существенным, традиционная дата кажется более вероятной. Сила воздействия проповедников, вдохновленных свыше, могла очень быстро принести обильные плоды. К тому же трудно предположить, чтобы апостолы, призванные Господом для благовестия, стали медлить.

Савла видение в Дамаске сделало не просто учеником Иисуса, а миссионером нового Откровения. То же самое произошло с одиннадцатью.

Вероятно, в середине мая верующие поднялись на одну из гор в Галилее, куда повелел им прийти Иисус. Там они увидели Его стоящим на вершине. Собравшихся было около пятисот человек. Все опустились на колени, хотя иные все еще не могли поверить, что Он воистину жив. И тогда над толпой прозвучали слова, которым и доныне внимают столетия: «Дана Мне всякая власть на небе и на земле. Итак, идите и научите все народы, крестя людей во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я заповедал вам. И вот Я с вами во все дни до скончания века».

Завершился мессианский путь Сына Человеческого, но его благовестников, которых Он посылал «проповедовать Евангелие всей твари», ждала впереди долгая дорога.

За восемь веков до этих великих дней Израиль, сдавленный со всех сторон могущественными врагами, услышал пророчество, которому тогда было трудно поверить:

Утвердится гора Дома Господня во главе гор,

и возвысится над холмами,

И соберутся к ней все племена,

и придут народы многие...

Ибо из Сиона выйдет учение,

и слово Господа — из Иерусалима⁵.

Теперь предреченное сбывалось. Основание Церкви нужно

* Ср. сорок лет пребывания Израиля в пустыне, сорокадневная молитва Моисея на Синае и сорокадневный пост Христа в пустыне.

ГЮСТАВ ДОРЕ. Затмение.

было закладывать в городе пророков, там, где Мессия принес Себя в жертву.

В Иерусалим двинулись в середине мая. К одиннадцати присоединились и Семьдесят апостолов. Всего вместе с женщинами и другими учениками было около ста двадцати человек. Со стороны это первое воинство Христово выглядело как обычный караван пилигримов, идущий на праздник Шавуот.

В город вошли уже без боязни, зная, что Воскресший не покинет их. Когда собрались в доме, где еще недавно встречали Пасху Нового Завета, где пережили ужас катастрофы и радость возрождения, Спаситель вновь явился освятить трапезу братьев. Он еще раз объяснил им значение пророчеств: «Так написано, чтобы Мессии пострадать и воскреснуть из мертвых в третий день и чтобы было проповедано во имя Его покаяние для отпущения грехов во всех народах, начиная от Иерусалима. Вы свидетели этому. И вот Я посылаю обещанное Отцом Моим на вас. Вы же оставайтесь в городе этом, доколе не облечетесь силою свыше».

Затем Иисус, как пишет св. Лука, «вывел их до Вифании». Шел ли Он с учениками незримо для других или только повелел им идти к селению, которое всегда любил, мы не знаем. Когда взошли на Елеонскую гору, у многих при виде Его на миг проснулись прежние иллюзии: им казалось, что уже настал день всемирного явления Мессии во Славе.

— Господи, не в это ли время восстанавливаешь Ты Царство Израилю?

— Не вам знать времена и сроки, которые Отец установил Своей властью. Но вы примете силы, когда найдет Дух Святой на вас, и вы будете Моими свидетелями и в Иерусалиме, и во всей Иудее, и Самарии, и до пределов земли.

Воскресший поднял руки, благословляя Своих посланников, и постепенно «стал отдаляться от них».

Однако апостолы не испытывали печали. Уже не трех избранных, как на горе Преображения, а всех собравшихся осенил небесный свет, «облако Славы Господней». Победитель смерти восходит «одесную Отца»⁶.

Отныне Его присутствие не будет иметь границ. Он — всюду: и в тайниках души, и в просторах земли и неба, и в беспредельности звездных миров: Он будет обитать в Церкви, в Своих апостолах, которым сказал: «Я посылаю вас...»

Человек идет по Земле. Пересекает пустыни, реки, моря, горные хребты. Голод и властолюбие, алчность и любопытство влекут его все дальше. Он везет с собой дорогие товары и свитки книг; он приносит порабощение и мудрость, открытия и гибель. Но вот к этим неисчислимым караванам прибавляются новые путники. Ими движут любовь и вера, воля Христа и Дух Божий; они несут людям радостную весть о Сыне Человеческом.

И откуда стоит мир — апостольский путь будет продолжаться.

ЭПИЛОГ

Пронеслись века...

Возникали и рушились империи, гибли цивилизации, воен-

ные, политические и социальные перевороты меняли самый облик земли, но Церковь, основанная Иисусом Назарянином, возвышается, как скала, среди этого клокочущего моря.

Вера, которую в первые дни исповедовало всего несколько десятков человек, движет сегодня миллиардом жителей земли, говорящих на разных языках и создавших бесчисленные формы культур.

Когда евангельская проповедь, подобно свежему ветру, ворвалась в дряхлеющий античный мир, она принесла надежду опустошенным и отчаявшимся, вдохнула в них энергию и жизнь. Христианство соединило мудрость Афин и чаяния Востока с мечтой Рима о всеобщем «согласии»; оно осудило угнетателей, возвысило женщину, способствовало искоренению рабства.

Позднее в молодых варварских странах Запада оно стало опорой гуманности и просвещения, заставив грубую силу признать духовный и нравственный авторитет. Постепенно христианская «закваска» превратилась в Европе и Новом Свете в источник динамизма, которого не знали все пятьдесят тысяч лет существования человека.

Христианство влекло к себе людей, казалось бы, абсолютно непохожих: от рабов Рима до Данте, от Достоевского до африканских пастухов. Оно укрепляло мучеников Колизея и давало силу своим исповедникам в XX веке.

В каждую эпоху Новый Завет обнаруживал скрытые в нем неистощимые импульсы к творчеству. Если первыми учениками Иисуса были простые галилеяне, то впоследствии перед Его крестом склонились величайшие умы всех народов. Его откровение озарило мысль Августина и Паскаля, любовь к нему возводила рукотворные утесы храмов, вдохновляла поэтов и ваятелей, вызывала к жизни могучие звуки симфоний и хоралов. Образ Богочеловека запечатлен Андреем Рублевым, Микеланджело, Рембрандтом; на пороге третьего тысячелетия Евангелие, повествующее о Христе, переведено почти на две тысячи языков и расходится по миру, не уступая прославленным творениям человеческого гения.

Даже когда многие христиане забывали, «какого они духа», а их измены Завету Спасителя вооружали против Церкви множество врагов, Евангелие «неприметным образом» продолжало действовать на людей. Идеалы справедливости, братства, свободы, самоотверженного служения, вера в конечную победу добра и ценность человеческой личности — словом, все, что противостоит тирании, лжи и насилию, черпает, пусть и бессознательно, живую воду из евангельского родника.

Грозы и ураганы проносились над Церковью, внешние и внутренние опасности подстерегали ее. Властолюбие вождей и непреодоленное язычество толпы, мирские и аскетические соблазны, натиск открытых противников и грехи христиан, распри и расколы порой, казалось, ставили под удар само существование Церкви. Но она выдержала все исторические битвы и кризисы.

Тайна ее неодолимости заключена в *Сыне Человеческом*, Который, по слову апостола, «вчера, сегодня и вовеки — Тот же», в дарах Духа, сходящего на верных Ему.

Непросветленное сознание человека ищет внешнего величия, поклоняется зримой силе; но не это дает ему Евангелие. «Мы проповедуем Христа распятого, для иудеев — соблазн, для эллинов — безумие». Открывается миру и спасает Бог уничиженный, умаленный в глазах «века сего».

Каждая душа, обретшая Иисуса Христа, отныне знает, что человек — не одинокий скиталец, которого некому окликнуть в черной космической пустыне, а — дитя Божие, соучастник божественных замыслов. Воплотившийся на земле указал людям на их высшее предназначение, освятил и одухотворил человеческую природу, посеяв в ней семена бессмертия. В Его лице сокровенный и непостижимый Творец стал близок нам, и это наполняет жизнь радостью, красотой, смыслом. Нет больше «пугающего безмолвия бездны», над всем — свет Христов и любовь Небесного Отца...

Вот почему всякий раз, когда христианство считали уже похороненным, оно, как Распятый и Воскресший, вставало из гроба, являя непреложность обетования: «Ты Петр, и на этой Скале Я построю Мою Церковь, и врата ада не одолеют ее».

Не доктрины или теории, а Сам Христос вечно обновляет христианство и ведет его в бесконечность.

Столетия, минувшие с пасхального утра в Иудее, не более чем пролог к богочеловеческой полноте Церкви, *начало* того, что было обещано ей Иисусом. Новая жизнь дала только первые, подчас еще слабые ростки. Религия Благой вести есть религия будущего. Но Царство Божие уже существует: в красоте мира и там, где среди людей побеждает добро, в истинных учениках Господа, в святых и подвижниках, в тех, кто хочет идти за Ним, кто не покинул Христа среди тяжких испытаний Его Церкви...

Дай же нам, божественный Учитель, мощь их веры, несокрушимость их надежды и огонь их любви к Тебе. Когда, заблудившись на жизненной дороге, мы остановимся, не зная, куда идти, дай и нам увидеть во мраке Твой лик. Сквозь рев и грохот технической эры, столь могущественной и одновременно столь нищей и бессильной, научи внимать тишине вечности и дай услышать в ней Твой голос, Твои вселяющие мужество слова: «Я с вами во все дни до скончания века».

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 18

¹ Варавва тоже носил имя Иисус, об этом свидетельствуют древние манускрипты Мф, на что обратил внимание еще Ориген (На Мф 131). Ин (18,40) называет Варавву просто *ληοζής*, «разбойником», или (как в некоторых рукописях) *ἀρχιληοζής*, «предводителем разбойников». Однако Мф и Мк уточняют, что этот человек был осужден «вместе с повстанцами, которые во время восстания совершили убийство» (Мк 15, 7), а Мф (27,16) отмечает, что в городе Варавва был «узник известный» (*δεσμιον ἐπίσημον*). Все это дает право отнести Варавву к числу партизан-зелотов и понять, почему толпа так страстно добивалась его помилования. Обычай отпускать осужденного в день праздника был, вероятно,

римским. Ср. *Ливий*. История, V, 13.

² В Мишне подчеркивается, что, если показания свидетеля приводят к казни обвиняемого, он тем самым «берет на себя кровь этого человека» (Санхедрин, IV, 5).

Глава 19

¹ Место Голгофы в настоящее время почти не вызывает сомнений. Оно находилось за старой стеной у Эфраимских ворот. Там, по-видимому, был пустынный карьер для добывания камня. Голгофа рано стала местом почитания у христиан. Ее расположение не было забыто и после того, как в 30-х годах II века император Адриан воздвиг там новые здания. Неподалеку находился и гроб Господень, над которым в IV веке соорудили храм Воскресения. См. A. Benoit. *Le Calvaire et Le Sépulcre*. — ВТ 8, 1963, № 53.

² *Таштг.* *Анналы*, XV, 44.

³ Пс 21. Еврейский текст этой строки псалма звучит: «Эли, Эли, лама азабати!» Христос же произнес молитву в арамейском варианте (если судить по греческой транскрипции слов у Мф и Мк). Произнесение Христом этой молитвы на языке, который Он употреблял в повседневности, указывает на глубоко личное переживание Им слов псалмопевца. Имя Илии-пророка произносилось как «Элиягу», что объясняет ошибку находившихся у креста. В некоторых древних рукописях стоит: «зовет Солнце». Для язычников эта ассоциация со словом Элиос (Гелиос) более естественна.

⁴ Мф 27, 54. В устах римлянина-язычника более вероятно выражение «сын богов». Из текста Мк 15, 39 следует, что центуриона поразил облик и слова Иисуса перед смертью. Мф (27, 51—53) говорит о знамениях, сопровождавших смерть Иисуса (разорванная завеса в храме, землетрясение, явления умерших). Древнее Евангелие от Назарян поясняет, что землетрясение повредило балку храмовых дверей (см.: *Иероним*. Письмо 120 к Эбидию). Некоторые экзегеты рассматривают эти сообщения просто как символ конца Ветхого Завета. Однако вполне вероятно, что в тот день действительно произошло землетрясение. Тектонические явления в Иудее были нередки.

Глава 20

¹ «По иудейскому обычаю, — пишет Флавий, — приговоренных к распятию до заката снимают и хоронят» (*И. Флавий*. Иудейская война, IV, 5, 2; см. также Санхедрин, IV, 4—5). Орудия казни полагалось зарывать (Тосефта, 9, 8 к Санхедрин, VI). Это косвенно подтверждает сказание о находке креста царицей Еленой.

² Ин 19, 34. По мнению медиков, эта «вода» есть жидкость, которая скапливается в области сердца в результате разрыва сердечных перегородок. Этот разрыв вызывается некрозом сердца. При такого рода смерти у людей вырывается непроизвольный крик. Ср. Мф 27, 50; Мк 15, 37.

³ Мф 27, 62—66. Согласно Евангелию от Петра (II в.), стража была римской (IX, 45), но, вероятней всего, она состояла из наемных надзирателей, которых прокуратор держал при храме (ср. выражение в Мф 27, 65). Римские солдаты не могли бы ссылаться на то, что заснули; по их воинскому уставу за это наказывали смертной казнью. В Мф 27, 62 сказано, что архиереи пришли со своей просьбой к Пилату в субботу. Могли ли они сделать это, забыв о субботнем покое? Вопрос снимается, если учесть, что срок покоя истекает в субботу вечером (через час после захода солнца).

⁴ Апокрифическое Евангелие от Петра, VII, 26—27.

Глава 21

¹ В евангельских повествованиях о явлениях Воскресшего есть ряд расхождений, естественных в том случае, когда речь идет не о вымышленном событии, а о свидетельстве многих очевидцев. Согласовать их во всех деталях едва ли возможно. Ясен лишь основной ход событий: 1) первыми на рассвете к гробу идут Мария Магдалина и другие женщины (Мф 28, 1; Мк 16, 1—3; Лк 24, 1); 2) Магдалина опережает их, придя, когда было еще темно. Она находит гроб

пустым и зовет Петра и Иоанна (Ин 20,1—10); 3) в ее отсутствие женщины заглядывают в пещеру и видят юношу, а позднее на дороге им является Иисус (Мф 28, 5—10; Мк 16, 4—8; Лк 24, 2—12); 4) Магдалина, вернувшись к гробу, видит Иисуса и сообщает об этом апостолам (Мк 16, 9—11; Ин 20, 11—18); 5) Иисус в этот же день является двум ученикам, идущим в Эммаус (Мк 16, 12—13; Лк 24, 13—33), Петру (Лк 24, 34; I Кор 15,5) и одиннадцати (Мк 16, 14; Лк 24, 36—43; Ин 20, 19—25; I Кор 15,5); 6) в конце праздничной недели было второе явление одиннадцати вместе с Фомой (Ин 20, 26—29). О явлениях в Галилее см. след. главу.

² I Кор 15, 3—9. Обращение Павла произошло около 36 года. Послание написано им в 50-х годах уже после того, как он узнал подробности пасхальных событий от Петра, Иоанна и Иакова. Павел не упоминает о Марии Магдалине и других женщинах по вполне понятной причине. Свидетельства женщин не считались в ту эпоху заслуживающими внимания. Во II веке Цельс с презрением писал о «полубезумной женщине», которой «пригрелись», будто она видела Воскресшего. См. **Ориген**. Против Цельса, 11, 55.

³ **Евангелие от Петра**, XI, 49. Евангелист Матфей, единственный из авторов канонических Евангелий, упоминает о страже у гроба. Он же говорит о том, что в момент воскресения стерегущие были утрачены колебаниями земли и явлением ослепительно блистающего ангела. Они «стали, как мертвые», то есть потеряли сознание. По Мф камень от входа отвалил молниевидный ангел (28, 2—4).

⁴ Мф, говоря о подкупе стражи и версии о похищении тела, утверждает, что «слово это было разглашено среди иудеев до сего дня» (28, 15). Ср. св. **Иустин**. Диалог с Трифоном, 108. В XVIII в. эту теорию пытался оживить немецкий деист Г. С. Реймарус.

⁵ I Кор 15, 35—44; Флп 3, 21. Синонимом «тела духовного» (ἄσματος σώμα) является у Павла «тело небесное».

⁶ I Кор 15, 14.

⁷ Вл. **Соловьев**. Собр. соч., т. 10, с. 36—47.

⁸ Среди ближайших учениц Христовых названа в Евангелии сестра Девы Марии, Мария Клеопова (Ин 19, 25). Она могла быть либо дочерью, либо женой Клеопы. Некоторые толкователи считают, что Иаков Алфеев (Мф 10, 3; Мк 3, 18; Лк 6, 15) был сыном Марии и Клеопы, поскольку арамейское имя Халпай (Алфей) по-гречески могли произносить как Клеопа (Клопас).

⁹ Мы говорим «Двенадцать», как это иногда было принято в Новом Завете (I Кор 15, 5), хотя после отпадения Иуды апостолов осталось одиннадцать. Но священное число сохранялось неизменным и скоро было восполнено (Деян 1, 15—26).

Глава 22

¹ Из Лк 24, 33—53 можно сделать вывод, что Вознесение произошло в первый же день после явления Воскресшего. Но позднее сам евангелист внес поправку, указав на «сорок дней» (Деян 1, 3). О галилейских явлениях говорит Мф и Ин. Как было уже сказано, установить точную их хронологию трудно. «Создается впечатление, — замечает Ч. Додд, — что описанные случаи были не того рода, чтобы могли войти в последовательное повествование. Они были спорадическими, неуловимыми, мимолетными и все же оставляли в сознании тех, с кем это происходило, непоколебимую уверенность в том, что они действительно на короткое время были в непосредственном присутствии живого Господа». (H. Dodd. The Forinder of Christianity, London, 1971, p. 169).

² Ин 21, 1—22. Эта глава, вероятно, добавлена к Евангелию уже после смерти Иоанна одним из его учеников. Но в ее рассказе ощущается живое воспоминание очевидцев. Толкования, вызванные вариациями слова «любишь ли» (ἀγαπᾷς, φιλεῖς), едва ли оправданы, потому что на арамейском языке для слова «любить» нет соответствующих синонимов.

³ Лк 22, 32; Ин 21, 23. О кончине Иоанна и Петра см.: **Евсевий**. Церковная история, II, 23—25; **Тертуллиан**. Против Маркиона, IV, 5; **Лактанций**.

О смерти гонителей, 2. *Иероним*. О знаменитых мужах, 1; *Ириней*, II, 22, 5; III, 3, 4.

⁴ Предание это сохранилось в древнем «Евангелии от евреев», которое цитирует *Иероним* (О знаменитых мужах, 2). Оно, по-видимому, изображает явление Иакову в храме (по Егезиппу, Иаков постоянно находится там; см. *Евсевий*. Церк. История, II, 23). Идя к Иакову, Христос «отдает Свою верхнюю одежду слуге священника». Но из I Кор 15,7 можно скорее заключить, что явление Иакову было в Галилее.

⁵ Ис 2, 2 сл.; Мих 4,1 сл.

⁶ Лк 24, 44—53; Деян 1, 4—11.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Когда я в свое время писал предисловие к книге отца Александра Меня, я как будто позабыл и о нем, и даже о самом его труде, чтобы всецело сосредоточиться на проблеме служебного, проповеднического пересказа Евангелий. Я верил тогда и верю сейчас, что такой характер предисловия отвечал воле автора книги, — чтобы читатель думал не о нем, а о Христе.

Но пришло время, когда мы должны подумать об отце Александре. Говорить о нем теперь трудно, ответственно — и необходимо.

Его не стало в живых. 9 сентября 1990 г., за день до Усекновения главы Иоанна Предтечи, топор убийцы рассек его голову. Голову священника на пути в храм. Недруги столько корили его нерусской его кровью (кровью ветхозаветных патриархов); и вот теперь кровь его навсегда смешана с русской, с московской землей. С землей края преподобного Сергия. Более нерасторжимой связи и быть не может. Как часто за это столетие земля наша орошалась священнической кровью! Настал черед и для его крови.

Было бы неправдой утверждать, будто уважение к мученической кончине свойственно одним только христианам. Оно, это уважение, отличает живую душу от мертвой, людей — от нелюдей. Но христианин приучен понятиями своей веры видеть в такой кончине высшее подтверждение смысла прожитой жизни, славу, которая дается не всякому и которую нужно заслужить. (Как говорил однажды покойный, мы поднимаемся на гору, и по пути у нас столько ошибок, столько открытий! Но на самой вершине горы — крест.) Подумаем: день за днем священник по богословскому смыслу литургии участвует в крестной Жертве своего Учителя; и вот собственная его жертва сливается с той Жертвой.

Пролитая кровь — великая сила. Если о ней забывают, это — проклятие. Если о ней помнят, как должно, это — благословение земле. Нашей, русской, земле.

Стратотерпический удел постиг очень радостного человека. Скажем проще, по-житейски: веселого человека. Одного из тех, что простым своим присутствием гонят вон глухонемого беса уныния, излечивают от черной немочи, очищают воздух, которым стало невозможно дышать. Многочисленные чада отца Ферапонта — помните антагониста отца Зосимы из «Братьев Карамазовых»? — находили, находят и будут находить эту веселость несовместной с духовным подвигом, со священническим саном. Однако не они, а он был избран для такого конца; поневоле задуматься. Их серьезность — рукотворная, от человеков; а его кончина — от Бога. Что до обыкновения отца Александра вести себя, мне вспоминаются слова очень злого критика христианства — Фридриха Ницше. Последний говорил, что христиане — де неубедительны для него самым своим видом, потому что больно уж они «unerlöst» — по ним не чувствуется, что Христос их вправду искупил, избавил, вызволил из кабалы зла. Христианам стоит иногда вполуха прислушаться к таким нападкам — может быть, удастся излечь для себя «от противного» духовную пользу. Но сейчас я веду к тому, что про отца Александра сам Ницше не смог бы повторить своего словечка «unerlöst». Ликующая свобода чад Божиих, твердое знание, что смерть и ад в самом деле бессильны, что от любви Христовой вправду ничто не может отлучить — «ни смерть, ни жизнь» (Рим. 8:38), — в каждом жесте, в каждой интонации, сквозь отчаянную каждодневную усталость. Это могло казаться «живиальностью» — а было едва ли не буквальным исполнением слова апостола Павла: «Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь!» (Фил. 4:4).

108

Судить о веселости отца Александра следует с тем большей осторожностью, что ведь за ней опыт верности вере в годы Великого Отступничества, когда верных оставалось очень, очень мало, и каждый из верных непосредственно ощущал на себе отяжелевшую руку князя мира сего. Верность эта была унаследована от матери. Елена Семеновна крестилась вместе со своим семимесячным сыном у «катакомбного» священника, когда на дворе стоял 1935 год, атеисты без малейшего смущения официально именовали себя безбожниками, а исчезновение христианства в советском обществе планировалось запросто на общих основаниях с другими подробностями пятилеток. Александр Владимирович Мень был рукоположен в сан диакона и затем священника, когда война на уничтожение против христианина перешла в менее кровавую, но весьма разрушительную стадию хрущевских гонений. И ведь не в одних внешних гонениях было дело. Те участники религиозно-философских кружков, которые позднее, при Брежневле, теряли работу или даже шли в тюрьму, ощущали хотя бы пассивное сочувствие интеллигенции, хотя бы непоследовательные попытки помощи из-за рубежа; о них знали, их уважали. Напротив, в сталинские

и даже хрущевские годы имело место единственное в своем роде психологическое давление: общество навязывало верующему роль не то чтобы «инакомыслящего» — какое там! — а попросту глупца из глупцов, который по вредной своей дикости все еще не узнал того, что обязан знать каждый грамотный человек. «Но наука доказала, что души не существует», — как сказано у Николая Олейникова. Против верующего — всё: не только «органы», не только «официоз», но и общественное мнение снизу доверху, включая либералов «оттепельной» формации. Трудно не дрогнуть, когда все шагают в ногу и атеизм наслаждается статусом самоочевидной аксиомы. Кому охота быть белой вороной! Когда в свои школьные и студенческие годы Алик Мень неуклонно пополнял свое религиозное образование, за этим стоял такой подвиг верности, о котором трудно составить себе понятие современному юноше, щеголяющему знанием Отцов Церкви, Владимира Соловьева, отца Павла Флоренского. И хочется спросить: где были тогда нынешние судьи недостаточно строгого православия отца Александра — на комсомольских ли собраниях, или еще на пионерских? Но я-то помню время, когда и те православные, которые были по типу ментальности резко отличны от отца Александра, отзывались о его деятельности очень уважительно. Уж слишком уникальной была эта деятельность для 60-х годов. Из всех религий христианство менее всего может быть сведено к «отправлению культа», но именно так поступали с ним на официальнойшем уровне законодательных и конституционных формулировок, не говоря уже о каждодневной практике. Недалеко самая святая часть христианского канона называется Благой Вестью; в самом центре христианской веры — весть, которую надо принять и передать дальше. На каждого христианина, тем более на каждого священника долг апостольства и миссионерства возложен евангельскими словами Христа: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Матф. 28:19). Но на языке времени исполнение этого долга называлось «религиозной пропагандой» и приравнивалось к наказуемым преступлениям. Здравомысленные люди успокаивались на том, что невозможное невозможно. И когда среди недоброго, враждебного молчания, разлившегося по всей нашей земле, зазвучал одинокий голос в защиту веры, апостольский, миссионерский голос, обращенный прямо к современнику, — как объяснить молодым, что это означало в те годы?

Подчеркнем еще раз, что голос этот с самого начала адресовался точно и конкретно — к современнику. Есть искушение вывести Церковь из движения истории, «дабы подальше от людей она была еще святее», как давно сказано в эпиграмме поэта-символиста Вяч. Иванова. Оно, конечно, от людей одни неприятности, так что было бы куда благообразнее устроить Церковь без людей, из одних

ангелов, но ничего не поделаешь: это противоречило бы ясно выраженной воле Христа, основавшего Свою Церковь для спасения несовершенных, грешных людей — мытарей, блудниц, разбойников и даже, что особенно трудно, книжников. Людей, каковы они есть. «Фарисеи сказали ученикам Его: для чего Учитель ваш ест и пьет с мытарями и грешниками? Иисус же, услышав это, сказал им: не здоровые имеют нужду во врачах, но больные» (Матф. 9:11—12).

...И даже книжников. Как все знают, специальным объектом миссионерских усилий отца Александра стало совсем особое туземное племя, которое зовется советской интеллигенцией. Племя со своими понятиями и преданиями, со своими предрассудками, по степени дикости в вопросах религии подчас превосходящее (и уж подавно превосходившее лет тридцать назад) самые дикие народы мира. Племя, с которым миссионер должен разговаривать на его собственном туземном языке; если нужно — на сленге. Только не надо с нажимом повторять, до чего же хорошо отец Александр владел языком светской культуры, с удивлением констатировать, что он, подумать только, мог наилучшим образом поговорить с людьми науки, искусства и литературы на темы, близкие для них. Все это чистая правда, однако не в меру умиляться этому — несоразмерно с масштабом его жизненного дела. Поразительно не его разносторонняя образованность; он был человек очень одаренный, очень живой, очень сильный, и этим все сказано. Поразительно другое: как эта образованность без малейшего остатка отдавалась на служение Богу и людям! О чем думать куда полезнее, чем о его эрудиции, так это о его умной, свободной и в основе своей смиренной открытости навстречу своим современникам — сбитым с толку, духовно искаженным творениям Божиим и носителям образа Божия. Ибо, для того чтобы помочь ближнему, не отпугивая непомерно высокой и непомерно тонкой духовностью, не подавляя строгостью вкуса, не сковывая мощью собственной индивидуальности, смирения нужно больше, чем для самых смиренных словес и телодвижений. Как сказано в одном стихотворении Киплинга, «не выглядеть чересчур хорошим и не говорить чересчур мудро», don't look too good nor talk too wise. Может быть, труднее всего не оказать помощь, а помочь принять помощь.

Мы назвали его очень сильным человеком; это едва ли не самая очевидная из его характеристик. Но бывает сила, которая крушит и глушит все вокруг, а от его силы все кругом расцветало.

Апостол книжников, просветитель «образованщины». Отец Николай Голубцов, его духовник и наставник в молодые годы, предупреждал его: «С интеллигенцией больше всего намучаешься». Вот он и мучился. Не будем перечислять поименно знаменитых на весь мир людей, которым он

помог прийти к вере; было бы тяжким заблуждением, вообрази мы хоть на минуту, будто для него (или для Бога) любая знаменитость была важнее, нежели самый безвестный из его прихожан. В Церкви нет привилегированных мест — а если есть, то они принадлежат самым убогим. Интеллигент не лучше никого другого, может быть, хуже всех; но он на общих основаниях со всеми прочими мытарями и разбойниками нуждается в спасении своей бессмертной души, а для того чтобы его спасти, его необходимо понять именно в его качестве интеллигента. В противном случае духовный руководитель рискует либо оттолкнуть чадо по вере, либо заронить в нем мечтательность, побуждающую вообразить себя совсем даже и не интеллигентом, а чем-то совершенно иным, высшим, не нынешнего века. Слово бы сидит раб Божий не в квартире своей, а в афонской келье или же в покоях незримо-го града Китежа, и оттуда с безопасной дистанции наблюдает, сколь неосновательна светская культура и сколь неразумна «образованщина». Антиинтеллигентский комплекс интеллигента — проявление гордыни, которой не надо поощрять; вся православная традиция учит нас, что человек может начать свой возврат к Богу единственно от той точки в духовном пространстве, где находится реально, а не мечтательно. Отнюдь не для угождения интеллигенции, но для ее вразумления ей нужен пастырь, который понимал бы ее интеллигентское бытие со всеми его проблемами, искушениями и возможностями изнутри. Этим определяется значение жизненного дела отца Александра.

То, что он писал книги, было лишь частью его пастырских трудов. Его читатели — непосредственное продолжение его прихода, включая, разумеется, и тех, кто лишь готовится принять крещение. Одно непонятно: как этот человек, до предела отдавший себя своим священническим обязанностям, находил силы, чтобы читать новую научную литературу и неумолимо вносить дополнения в написанное им?

Он писал и говорил на языке века, чтобы его услышали. Он мог бы сказать о себе словами апостола Павла:

«Будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы большее число приобрести... Для немощных я был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы пасти по крайней мере некоторых» (1 Кор. 9:20, 22—23).

Князь мира сего никому еще не прощал такого поведения.

И на вершине горы — крест.

С заместителем начальника
Главного управления ГАИ МВД СССР
генерал-майором
ВАЛЕРИАНОМ ИШУТИНЫМ
беседует журналист
ВАЛЕРИЙ МАЙОРОВ

ДОРОГАЯ ДОРОГА

ФОТО ВЛАДИМИРА ЧЕРШВИЛИ

— Мы беседуем с вами вечером, после окончания рабочего дня. Как прошел для вас этот день? Какими делами пришлось, Валериан Георгиевич, заниматься?

— Огорчу, если ждете чего-то остроюжетного. Обычный день... Довольно напряженный, длился, как видите, допоздна.

С утра по давно заведенному порядку знакомился с оперативной информацией, текущими служебными документами. Как вы догадываетесь, они о дорожно-транспортных происшествиях; анализ их причин и последствий. Об этом мы поговорим еще более подробно, но если в двух словах: картина по стране, мягко говоря, неутешительная...

Затем вместе с сотрудниками отделов Главного управления был занят проработкой, обсуждением поступивших с мест предложений и замечаний к проектам законодательных актов, которые наше министерство готовит для внесения в Верховный Совет СССР. Тут и Закон о советской милиции, и предложения по изменению прежнего законодательства об административной ответственности за нарушение правил дорожного движения. Ну и особо хочется отметить Закон о дорожном движении. Подобные государственные акты действуют во многих развитых странах... Что еще? После обеда был в управлении ГАИ Мосгорисполкома, где проходило совещание по проблемам работы столичных автоинспекторов...

— Хроника дня позволяет судить в общих чертах о круге проблем, стоящих перед вашим ведомством. И все же, какой вопрос вы бы выделили, как руководитель?

— Знаете, служба в системе МВД не располагает к абстрактному мышлению. Особенно сейчас. Жизнь настолько криминогенно

плотна и насыщена, что трудно вычленишь, абстрагировать какой-то отдельный узел проблем. Все взаимосвязано. За какой конец ни потяни — выйдешь на факты, статистику, характеризующие масштаб проблемы.

Назову вот такую цифру. В прошлом году в нашей стране в дорожно-транспортных происшествиях погиб 58 651 человек. Вдумайтесь в этот страшный показатель! Сравните с другим, что саднит память: в Афганистане, по данным Министерства обороны, за десять лет войны погибло около 13 тысяч советских граждан. Но то война. И десять лет. А тут за один год — больше чем в четыре раза. А приплюсуйте к этому почти 350 тысяч покалеченных...

— Цифры страшные. Даже на фоне всех социальных, экономических, стихийных потрясений выглядят зловеще... Но не кажется ли вам, что на обывательском уровне это будет воспринято довольно индифферентно, что ли. В сознании людей издавна коренится некий статистический стереотип: чем больше машин, тем больше аварий. Есть ли тут вообще какая-нибудь закономерность?

— Есть. Но только — приходится с горечью признать — сугубо нашего, отечественного свойства. Конечно, дорога, транспорт в любой стране не застрахованы от чрезвычайных происшествий, случайностей, ведущих к катастрофам, авариям. Но вот, скажем, трудно предположить, что, к примеру, в Австрии, Франции, ФРГ, Югославии, многих других странах не увеличивалось бы число автомашин. А между тем количество аварий и пострадавших в этих странах с каждым годом сокращается. Особенно заметно уменьшение количества трагических жертв... У нас же — наоборот. За три последних года число дорож-

но-транспортных происшествий, равно как погибших и раненых, увеличивается, не подчиняясь каким-либо умозрительным пропорциям. Причем крайне высок процентный рост смертельных случаев.

— *Чем же это объяснить?*

— Как я говорил, из суммы причин нельзя оторванно вычленишь какую-либо одну, определяющую. Ситуация складывается из комплекса причин. Анализируя, наши специалисты делят их как бы на три блока. Первый: недисциплинированность, низкий профессиональный уровень водителей. Второй: отсталость материально-технического, медицинского, правового обслуживания в сфере дорожного движения. Третий: организационное несовершенство всей системы, призванной обеспечивать безопасность на автодорогах страны.

Все узлы проблем одинаково остры. Но, если так можно выразиться, на лидирующие позиции в последние годы выдвинулись те, что объединены в первом блоке. А именно: резко ухудшилась дисциплина водителей. И государственных, и частных машин. Стали системой умышленное игнорирование правил дорожного движения, правовой нигилизм, агрессивная реакция на действия работников ГАИ, невыполнение их требований, наплевательское отношение к закону. Возьмем хотя бы такой факт: более чем в полтора раза увеличилось число неуплаченных штрафов...

Появились среди водителей и лихачи с купеческими замашками. Вот «классические» образцы из последних сводок. Инспектором ГАИ Волгоградского района Москвы был подвергнут штрафу за превышение скорости на 10 рублей водитель Найденов. Нарушитель демонстративно, на глазах

милиционеров порвал десятирублевую купюру. В Загорске водитель Ратушный, оштрафованный на 30 рублей, принес в автоинспекцию не одну, а четыре квитанции по 30 рублей и заявил, что оплатил авансом и будущие штрафы, так как и в дальнейшем не намерен подчиняться «каким-то там правилам»...

Но это, так сказать, «гуляют» новоявленные нувориши. За большинством же оштрафованных приходится инспекторам бегать и бегать.

— *Эти гримасы могут «прочитываться» как сколок с нынешнего нравственного состояния нашего общества, чему академик Лихачев дал точное и всеобъемлющее определение — «тотальное бескультурье». В данном случае оно проявлено на профессиональном водительском срезе. Но профессионализм базируется-то на подготовке, на обучении. Как тут обстоит дела?*

— Хуже, думаю, некуда. В стране громадный дефицит на организации, готовящие водителей. Шутка ли — в Москве, Ленинграде, многих других крупных городах желающие поступить на шоферские курсы ждут своей очереди по году-полтора. Положение усугубляется неукomплектованностью автошкол, недостатком учебных автомобилей. Как следствие, в прошлом году выявлено почти два миллиона водителей, не имеющих водительских прав. А ведь именно «бесправными» и совершено почти сорок процентов аварий. Другой пример: с переходом на новые принципы хозяйствования многие ведомства, имеющие в своих структурах автохозяйства, стали экономить по мелочам. В частности, сокращать должности инженеров по безопасности движения.

Непроинструментированный, не-

опытный, а то и просто случайный человек за рулем большегрузного самосвала или пассажирского автобуса сейчас, увы, не редкость. Такими фактами пестрят протоколы дорожно-транспортных происшествий. Если так обстоят дела с профессионалами, то что уж тут говорить об автолюбителях! (В свое время возлагались немалые надежды на их добровольные общества. Но общества эти не получили государственной поддержки...)

...В стране более тридцати миллионов владельцев машин и мотоциклов. По сути дела, все они предоставлены сами себе. Лишь пятнадцать процентов из них являются членами любительских обществ, возможности которых весьма и весьма ограничены, что исключает какую-то воспитательно-правовую деятельность. Да и вообще о какой целенаправленной работе среди автолюбителей можно говорить, если над ними довлеют проблемы, как построить гараж, где достать запчасти, а сейчас еще прибавились: где заправить баки горючим, как уберечь машину от угонщиков... Наше дорожное хозяйство не идет ни в какое сравнение с европейским или американским: даже самые лучшие автострады на первобытном уровне. Что говорить о какой-то там Англии или Канаде — у наших ближайших западных соседей все трассы оборудованы системой телефонной связи, оснащены сетью бензозаправочных колонок, станций техобслуживания. Там если что-то произошло на любой дороге — не проблема найти телефон, позвонить в соответствующую службу и быть уверенным: вскоре придет помощь. Медицинская, техническая. А у нас? Шутка ли — половина попавших в аварии (такую статистику дают оперативные сводки) доставляются в медицин-

ские пункты на попутных машинах. Иначе говоря, помощь в половине драматических случаев запаздывает только из-за того, что о происшествии невозможно вовремя сообщить. Отсюда и такой большой процент гибнущих на дорогах. Тех, к кому помощь безнадежно запоздала.

— Кстати, я знаю, что в развитых странах сама полиция может оказать первую медицинскую помощь. Говорят, даже роды способны принять тамошние полицейские...

— Да, это так... У нас инспекторы ГАИ тоже проходят соответствующую подготовку. Но одно дело — учебные классы. Другое — ежедневная служебная практика. Наши работники имеют при себе только аптечку, где единственно доступные препараты — бинт и йод. В развитых же странах полицейские машины оснащены специальным медицинским оборудованием, приборами, лекарствами. Нам такое и не снилось!

— Мы подошли к теме материально-технической оснащённости ГАИ. Может, есть смысл, говоря об этом, еще продолжить сравнения. Чтобы было видно, к чему следует стремиться, на что ориентироваться?

— Помню, в то время, когда у нас только-только стали устанавливаться контакты с коллегам из капстран, один из ответственных работников управления поехал в Финляндию. Оттуда звонит посреди дня в Москву. Говорит, меня пригласили участвовать в патрулировании одного из регионов Хельсинки. «Ну что ж, участвуй!» — говорим ему. А он: «Так я и участвую. Звоню из пятнадцатой машины». Вернулся, рассказывал: все очень просто — набираешь кнопками нужный телефон, выходишь на спутник, через него — на абонента. Можно зво-

нить в любую точку земного шара. Слышимость отличная... Так все это обыденщина. В Соединенных Штатах можно не то что из машины — с полицейского мотоцикла — по компьютеру связаться с главным вычислительным центром в Вашингтоне и за две минуты, опять же через спутник, получить данные о любой машине и ее владельце.

У нас же...

Давно собирались ввести на дорогах компьютерную систему связи «Алтай». ГАИ готово было даже войти в долю по ее оборудованию. Но идеи и планы дальше бумаг и разговоров не пошли. И мы, как были с допотопным карточным учетом, так с ним и остались. Причем только пономерным. Пофамильного нет. То есть, если я захочу узнать, например, имеете ли вы машину или нет, мне надо или «пройти» всю московскую картотеку, или... спросить об этом у вас.

Сейчас, правда, кое-что меняется. Вводятся компьютерные системы в Ленинграде, Томске, на Украине. Но отстали мы — и не только в информационном обеспечении — здорово. О чем говорить, если подразделения ГАИ испытывают элементарную нехватку машин! Притчей во языцех стал транспорт, на котором нельзя догнать нарушителей или преступников. Шестьдесят процентов автомобилей уже выработали свой ресурс и должны быть списаны. А мы все их латаем и используем. Хотя, казалось бы, и не такую уж прорву их нужно: нынешняя потребность по стране — 1700 штук... В прошлом году промышленность поставила 285 машин...

— *Извините, я вас перебую... В Москве и других городах можно увидеть «гаишные» машины иностранных марок. Это ваши приобретения?*

— Они приобретены за счет целевого выделения средств. И в очень малом количестве — только для спецподразделений, обслуживающих высшие сферы руководства страны. Сопровождают правительственные кортежи, ранее (насколько я знаю, сейчас это отменено) сопровождали персональные машины высших руководителей... В общем, через МВД, через ГАИ ни одной такой машины не поступало. Что же касается других городов, это дело местных властей.

— *Выходит, у нас существуют как бы два ГАИ? Одно — для простых смертных, другое — для руководителей.*

— Ну, я бы так не сказал. В любой стране есть службы безопасности, несущие охрану глав государств и правительств... Так что спецподразделения — это закономерное явление. Другое дело — столь видимое различие в технической вооруженности. Но это уж от нашей бедности...

— *Кстати, о тех двух случаях, что произошли с машинами, в которых ехали Рыжков и Ельцин. Эти происшествия проходили по вашему ведомству?*

— Случай с Ельциным — по нашему. Он ведь, как известно, отказался от спецслужб, в том числе и спецохраны. В случае с Рыжковым было несколько иначе. Как только в Московском управлении ГАИ было получено сообщение об этом дорожно-транспортном происшествии, туда, как и положено, прибыли инспектора нашей службы, выезжал и один из ответственных работников Главного управления. Протокол составили. Но разбор происшествия проводился не нами. Так что каких-то подробностей к тому, что было опубликовано в газетах, я добавить не могу.

Да и потом, надо вообще учесть одну особенность. ГАИ ведь не

следственный орган. Случилось ДТП, наше дело — все четко и досконально зафиксировать в протоколе. И передать дело следователям, при необходимости помочь им...

— Такие же функции в случае ЧП на дорогах и у ваших коллег за рубежом?

— В основном да. Но в разных странах свои нюансы. И тут мне бы хотелось сказать вот о чем. Возьмем, к примеру, дорожную полицию Австрии — она там называется жандармерией. Она имеет четко обозначенные функции: наблюдение, регулирование дорожного движения, разбор дорожных происшествий, сопровождение грузов с негабаритным грузом, организация порядка на спортивных соревнованиях (не удивляйтесь, ведь почти все зрители приезжают на своих автомобилях). Примерно таков диапазон обязанностей дорожных служб и в других развитых странах.

А теперь посмотрим, что у нас. К тому, чем занимаются наши зарубежные коллеги, прибавляется: контроль за состоянием дорог; контроль за техническим состоянием всех без исключения автотранспортных средств страны; контроль за водительской квалификацией; сбор налогов на машины и даже контроль за тем, чтобы нарушители вовремя платили штрафы...

А ведь если взглянуть со здравым смыслом, то первое — это дело местных властей; второе — автохозяйств или владельцев транспорта (ведь они-то в конце концов несут убытки!); к ним же относится и третье по логике вещей; наконец, четвертое — разве не дело это фискально-налоговой инспекции, как и происходит во всем мире?

То есть что получается. Во всех цивилизованных странах службы,

подобные нашей, являются лишь звеном в системе, обеспечивающей безопасность дорожного движения. Мы же стали ведомством-системой. Вот в чем главное и принципиальное различие, навещающее на глубокие размышления.

Поэтому мы так ждем разработки сейчас Закона о дорожном движении, в котором все было бы расставлено по местам согласно здравому смыслу...

— В общем, в деятельности ГАИ проявилось все уродство сверхцентрализованного административно-командного устройства... А как сказываются на функционировании служб и подразделений вашего ведомства идеи децентрализации власти, демократизации общества?

— Все сводится к тому, что чем быстрее полнота власти, а вместе с ней и финансовые возможности обретут Советы, тем успешнее можно будет решать все вопросы на местах.

А то ведь ситуация сложилась прямо-таки парадоксальная. Даже в том, что ГАИ своего рода монополичный контролер всего, что касается дороги и колес. Казалось бы, она в таком случае всеильна. Ан нет! Вот в прошлом году мы получили в виде штрафов 300 миллионов рублей. Знаете, сколько из них перепало в наш бюджет? Ни копейки...

Сейчас, когда с передачей власти Советам изменены принципы формирования местных бюджетов, на муниципальном уровне гораздо оперативнее и успешнее можно будет решать те же вопросы материально-технического обеспечения служб дорожного надзора. Многие будут зависеть уже не от центра, а от республиканских парламентов, от депутатов, от избирателей. Местная власть посредством законодательных установлений (не противоре-

чащих, естественно, государственным актам) сможет эффективнее влиять на автодорожную ситуацию в подконтрольном регионе.

— Перемены, конечно, затронут и Главное управление ГАИ?

— Безусловно. Часть директивных функций просто отпадет. Управление станет не столько ведомством, дающим директивы и осуществляющим жесткий контроль, сколько координирующим центром, хотя, разумеется, и с властными функциями. Произойдет и сокращение аппарата.

— Болезненный момент... А что ждет тех, кто будет сокращен?

— В основном заслуженный отдых и пенсии. Но на улице никто не останется. Хотя бы потому, что у каждого за плечами — хорошая автодорожная школа.

— Мне говорили, что и вы начинали шофером.

— Да, было такое. Под Барнаулом, а позже в краевом центре. Шоферил. Потом, окончив политехнический институт, продолжал работать в АТП-1245. Там, между прочим, по моему проекту была построена авторемонтная база, действующая и нынче... Вообще-то тогда, нужно сказать, между автотранспортниками и местным ГАИ были весьма натянутые отношения. Меня-то и рекомендовали в автоинспекцию со своего рода дипломатическим умыслом.

Вот с того, 1972 года, и начался путь, приведший в этот кабинет...

ВНИМАНИЮ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ПЕРСОНАЛЬНЫХ

ЭВМ!

СОВЕТСКО- АМЕРИКАНСКОЕ СП «РОСИНТЕРТЕАТР»

*предлагает
свои услуги
по ВОССТАНОВЛЕНИЮ
И ОБМЕНУ КАССЕТ
С КРАСЯЩЕЙ
ЛЕНТОЙ*

*для принтеров
всех типов*

*Качество работ
гарантируется
использованием
оборудования
и красителей
производства США.*

Наш почтовый адрес:
103031, Москва,
Страстной бульвар, 10.

Звонить по телефонам:
229-30-83, 229-37-87.

ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

Жить коммуной невыносимо

«Прошу вашего милосердия, люди»

Случайно попался в руки июньский номер «Смены». Перелистывая журнал, я увидела имя «Андрей Седых» и подумала — явно однофамилец того (Якова Цвибака). Развернула и ахнула — тот. Я много лет работала в редакции «Литературного наследства». Бунинский том я не вела, но читала его и была в курсе всех дел.

122 Знаю, что Седых упоминался в томе много раз и с подробным комментарием. Но уже во время верстки пришло распоряжение издательства Академии наук немедленно снять все упоминаемые этого имени, так как он выпустил книгу «Иерусалим — город радости». Сняли и фото — он в группе с Буниным во время вручения Нобелевской премии. Все мы были очень огорчены.

Какое хорошее дело вы совершили, возвратив его имя русской литературе!

Я с наслаждением, не отрываясь, прочла воспоминания о Шаялине и Куприне. Не знала, что Седых такой талантливей!

Пишу вам, чтобы реабилитировать «Литературное наследство».

КСЕНИЯ БОГАЕВСКАЯ,
Москва

Скажите, куда обратиться за помощью? Мы — матери-одиночки, работаем на обувной фабрике, живем в общежитии. Вот уже три года две наши семьи мучаются в одной комнате. Много раз обращались мы в профком и к директору с просьбой расселить нас, но нам отказывали, ссылаясь на то, что нет свободных комнат. Сейчас свободные комнаты есть, но администрация фабрики нам ответила, что нужно проработать на производстве не менее десяти лет, чтобы получить комнату. И еще пугают нас, что вообще выгонят на улицу, если мы будем возмущаться. Говорят: «Скажите спасибо, что хоть такая крыша есть над головой». А разве это «крыша», если мы живем вчетвером — я, моя соседка и двое наших детей — в шестнадцатиметровой комнате? Негде вернуться. Дети часто болеют. Один малыш ночью хорошо спит, другой иногда плачет и будит всех. Мы нервничаем. Словом, живем как на вулкане. Мы не можем больше так жить и поэтому просим о помощи. Пришлите корреспондента — пусть он опишет наше житье, пусть расскажет всем, как заботятся у нас об одиноких матерях и детях.

Н. И. ЕРЕМИНА,
С. Г. ЛОГУНОВА,
Туансе

От редакции:

Мы надеемся, что администрация фабрики найдет возможность расселить эти семьи, чтобы дети жили в нормальных условиях, росли здоровыми, ведь через два десятка лет они будут работать для нас с вами.

Я много лет выписываю «Смену», но с просьбой обращаться впервые. Прошу о милосердии людей, которым верю, с которыми давно мысленно говорю.

Уже двадцать лет страдаю я тяжёлым недугом. У меня рассеянный склероз. В последние шесть лет я прикована к стулу или кровати. У меня недвижны не только ноги, но и руки — двигаются лишь два пальца на правой руке. И много лет я воюю с недугом: уже больная, окончила вуз и даже родила дочь (ей сейчас 17 лет). Десять лет работала старшим инженером в НИИ, но болезнь постоянно наступает. А ведь мне 43 года, я очень люблю думать, читать.

Но сейчас хочу сказать о другом. Пять лет назад сосед смастерил мне стульчик на роликах, и я на нем худо-бедно ездила по квартире; опоры мне прибили вдоль стен, и я, держась за них, передвигалась от кухни до ванной. Но всемо приходит конец, стул мой вот-вот сломается, и я обратилась с просьбой в горсобрес предоставить мне инвалидную коляску. С помощью Общества Красного Креста я получила коляску Ставровского завода, однако обрадовалась рано: квартира у меня малогабаритная, дверные проемы уже, чем коляска, и хотя все двери с петель мы сняли, по коридору я не проезжаю, в спальне между кроватью и шкафом «без мыла» не пролезу, а с кухни пришлось выставить почти всю

мебель, лишь бы мне к раковине подъехать — там я теперь и умываюсь, и стираю, и готовлю. Но и это не самое печальное. Колеса у коляски двойные — резиновые с металлическими ободами, крутить их под силу крепкому человеку, а мои полупарализованные руки с этим не справляются. Кроме того, расстояние между спинкой коляски и моей парализованной спиной не менее тридцати сантиметров, а подтянуться у меня нет сил. Ноги до педалей не достают и висят (размеры педалей для ног примерно сорокового размера, а у меня размер тридцать четвертый). Пробовали мы обе ноги к одной педали привязать — опять неудача: правая нога неподвижна, а левая «ускользает» и тащит меня на пол. Видимо, в коляске удобно высокому человеку с крепкими руками, но я, сами понимаете, не подхожу: мой рост — сто пятьдесят сантиметров, весу я всего сорок пять килограммов — мне нужна малогабаритная коляска по размерам моей квартиры, желательнее с рычажным управлением.

Я писала в Минздрав, в Минскбес, в редакцию журнала «Здоровье» и Общество Красного Креста, но все так или иначе уходит от решения, утверждая, например, что этим вопросом должно заниматься Управление бытового обслуживания населения. Так вот, я хочу попросить: ради бога, вышлите мне адреса таких управлений или хотя бы кооперативных мастерских, где мне за деньги сделают удобную коляску.

Помогите мне, люди!

ВАЛЕНТИНА ПАНЧЕНКО,
142100, Подольск
Московской области,
ул. Карла Маркса, д. 2/23, кв. 10.

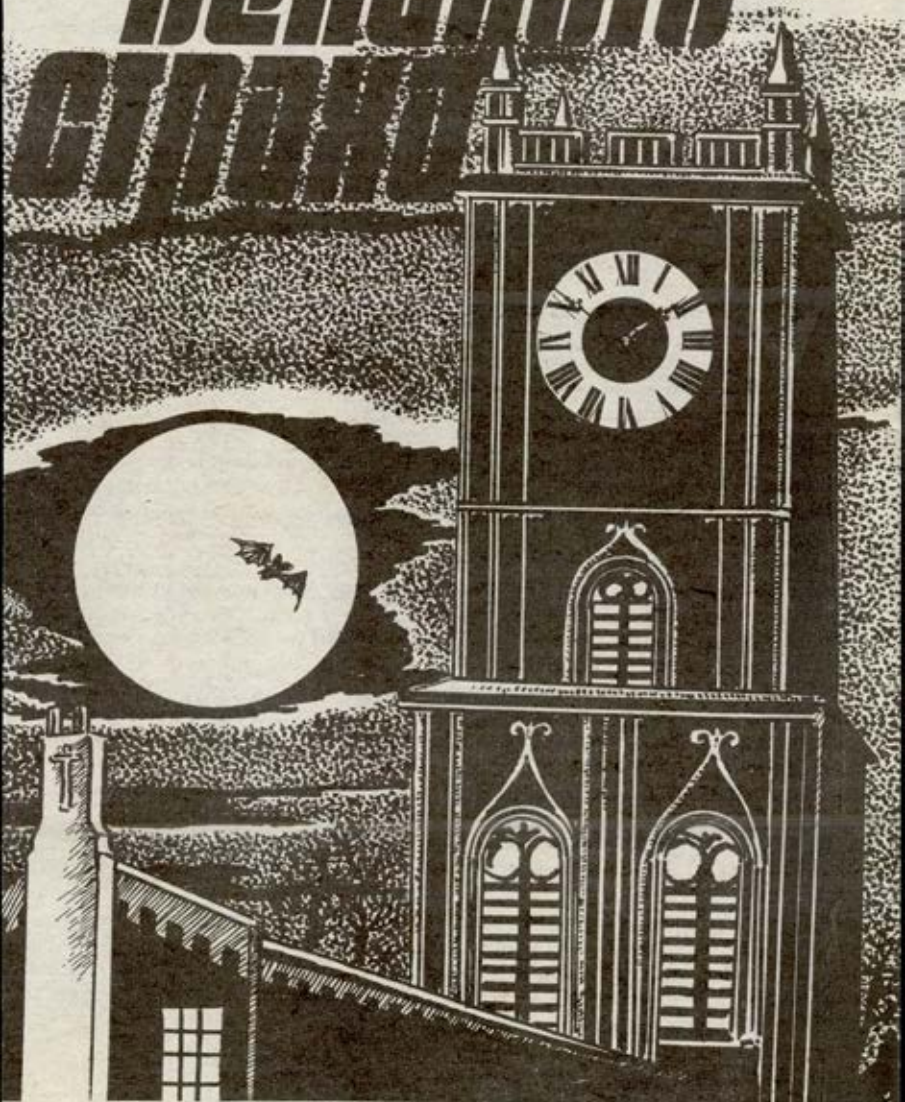
Город

ЖАН РЕЙ

Журнальный вариант

Рисунки
ИСА СОПИНА

Великого Страна

С может ли это краткое вступление развеять вековой мрак? Много ли в нем откровений, дабы осветить путь охотнику за тайнами? И какую роль сыграл в трагедии Ингершама «Великий Страх», который более пяти веков правил за кулисами истории Англии?

Вторая половина XIV века.

Чосер заканчивает некоторые из своих чудесных «Кентерберийских рассказов», добивается славы, богатства, почестей, но, будучи учеником Уиклифа, без всякой выгоды для себя борется за проведение церковной реформы, накануне которой стоит Европа. В Англии вспыхивают беспорядки. В них замешаны лорд-мэр Лондона и его ближайший соратник Чосер. Гвардейцы регента собираются схватить писателя, но он скрывается, ищет убежища в Голландии, во Фландрии, в Ганнегау. Тяжело переживая разлуку с родной, Чосер тайком возвращается в Англию и первую ночь проводит в своем любимом городке Саутворке.

Его будят странные шорохи, и он выглядывает в окно.

По темной улице бредет толпа бледных безмолвных людей, несущих горящие факелы. Они принимаются возводить из тумана и лунного света стены мрачной тюрьмы.

Чосер догадывается, что эти создания возвещают ему скорую потерю свободы.

Резкий голос разрывает ночную тишь и произносит незнакомое имя — Уот Тайлер.

...Чосер отбывает тяжкое заключение в Тауэре и остается в полном неведении по поводу Уота Тайлера и ужасного бунта 1640 года, которое он, сам того не ведая, подготовил за три века до его начала.

После выхода из тюрьмы ему возвращаются все почести, и в своем лесном убежище вблизи Вудстока Чосер рассказывает о пророческом видении и нарекает призрачных строителей тюрем именем «Существа...»

Сто лет спустя, в канун 1500 года, орды оголодавших, измененных лихорадкой людей бредут из Каледонии, усыпая трупами путь от Балморала до Дамфри. Они не грабят, не попрошайничают... они тащатся из последних сил, падают и умирают с криком: «Существа идут! Существа...»

Горцы Шивиота покидают свои дома из дубовых бревен и присоединяются к беглецам, вестникам скорого прихода ужасных «существ»...

Кто они, эти «существа»? Об этом не знает никто, и вестники Великого Страха умирают, не раскрыв своей тайны.

1610 год. Мэр города Карлейля готовится принять у себя друзей и знатных людей округа.

Стоит чудесный осенний вечер; по улицам под звуки флейты следует кортеж с фонарями.

Все усаживаются за стол, разливают по бокалам португальские и испанские вина. Кортеж исчезает, последние отблески фонарей тают в синих вечерних сумерках.

И вдруг раздается ужасающий вопль: «Существа идут!»

Потрясая факелами и вилами, бегут люди! Доносятся крики: «К воротам! К воротам!»

«Существа» не появляются, окрестности, залитые лунным светом, пусты, но триста жителей города, и среди них семь гостей мэра, умирают от страха.

Никто и никогда не узнает, почему.

1770 год. Безрадостный город Престон. Таким он пребывал до наших дней и таким он пребудет, наверное, до скончания веков. Жизнь в городе идет размеренная и спокойная. Жители его, пуритане, обладают здравым смыслом, практичны, любят деньги и ненавидят все, что относится к фантазиям.

Однажды, в воскресенье, когда двери и окна закрыты, ибо люди молятся, расппевают гимны и читают библейские тексты, начинают звонить все колокола набожного города.

«Существа» явились!»

С высоких стен города видны убегающие в поля люди; лодочки Риббла, яростно гребя веслами, спешат к городу.

Мэр Сэдвик Эванс высылает вооруженных людей навстречу возможному врагу.

К вечеру в город возвращается лишь половина людей.

Что произошло? Никто не знает... Пришел Великий Страх.

Может, таинственный ужас и безмолвные нападения невидимок по сей день случаются в Англии?

В ледяных водах Лох-Несса живут неведомые чудовища. Джек-потрошитель по-прежнему держит Лондон в страхе. На шотландских пустошах в лунном свете и поныне пляшут лешие, заманивая путников в глубокие пропасти и озера.

Все так же в полночь поет баньши, дух смерти, а по Тауэру бродят окровавленные призраки.

И не поселился ли ужас, полноправный гражданин городов и селений Англии, в Ингершаме, дабы дергать своими призрачными руками за веревочки, управляющие движением людей-марионеток?..

I

СИДНЕЙ ТЕРЕНС, ИЛИ СИГМА ТРИГГС

Сидней Теренс Триггс никогда не был настоящим полицейским.

Его отец, Томас Триггс, служил лесничим во владениях сэра Бруди и в своих отеческих мечтах прочил сыну славную и благородную карьеру воина.

В Олдершоте о Сиднее Теренсе Триггсе сохранилась добрая память. Это был учтивый и любезный юноша, которым помывкал всякий кому не лень, несмотря на его богатырское сложение и недожонную физическую силу.

Он служил в Рочестерском гвардейском полку, но полковник Эрроу, пузатый бочонок, до краев налитый виски, не любил его и отравлял жизнь всяческими придирками.

После окончания армейской службы Триггс, благодаря протекции сэра Бруди, получил место в столичной полиции и десять месяцев регулировал движение на Олд Форд Роуд, самом спокойном перекрестке Боу, совершая одну ошибку за другой.

Сэр Бруди вмешался в его судьбу в тот самый момент, когда начальники настоятельно советовали Триггсу открыть торговлю либо бакалейными товарами, либо французскими винами. Юного здоровяка отправили в самый захудалый полицейский участок Ротерхайта — участок № 2 по Суон Лэйн. К счастью, его почерку могли позавидовать лучшие каллиграфы Чартерхауза, и ему было поручено переписывать рапорты, месячные отчеты и вести скромную административную переписку с участком № 1.

В низших полицейских кругах его именовали Сигмой Триггс. Ему стукнуло пятьдесят, когда была учреждена почетная должность квартального секретаря.

Супер-интендант наткнулся в административных архивах на рекомендацию сэра Бруди двадцатилетней давности и назначил на эту должность Сиднея Теренса Триггса.

Триггс занимал темный, заросший сажей кабинетик. И этот загончик, пропитанный запахами мастики для печатей, бурого угля, дымящегося в железной печурке, и пота самого Сигмы Триггса, стал свидетелем единственных в его жизни приключений. Их было два.

Однажды утром, когда Триггс только-только приступил к несению службы, два «бобби» привели к нему симпатягу пьянчужку, на которого наткнулись в соседнем складе и который нагло отказался подчиниться строгому приказу блюстителей порядка немедленно очистить помещение.

128 — Мистер Триггс,— сказал один из полицейских,— сержант Баккет очень занят и просит вас записать приметы этого типа.

В просьбе не было ничего необычного. Полицейским участкам Ротерхайта было предписано заносить в карточки приметы всех бродяг и проходимцев, которыми кишел речной квартал, на случай возможной кампании по его оздоровлению.

Сигма Триггс приступил к порученной ему работе.

Обычно чиновники этой службы не проявляют особого рвения, и в описаниях портретов, которые никто никогда не читает, фигурируют отметки: «носы средние», «лица овальные», «особых примет нет».

Но Сигма Триггс вложил в работу всю страсть неопита. Он тщательно описал хитрющее лицо пьяницы, с помощью лупы рассмотрел крохотный у-образный шрам над левым глазом и даже извлек из забвения старую линейку с деревянными подвижными рейками для измерения преступников.

Бродяга поначалу с большой охотой подчинялся и даже с долей юмора комментировал ухищрения Триггса, но затем принялся взирать на его действия с беспокойством. Он пустился в пространные и путаные объяснения по поводу своего необычного шрама.

— Только не пишите, кэп, что он от рождения; я заработал его в Пуле, когда грохнулся на причале, и при моем падении

присутствовало два или три почтенных джентльмена, они могли бы засвидетельствовать это под присягой...

Подобная велеречивость пьяницы показалась Сигме странной.

Он совершенно поразил Гэмфри Баккета, испросив разрешения отлучиться на несколько часов и оставить под замком человека, чьи приметы только что записывал.

В первый и последний раз в своей жизни Сигма Тритгс взошел по широким ступеням Скотленд-Ярда.

Он бродил из кабинета в кабинет, терпеливо сносил насмешки судебных приставов, пробудил нездоровое любопытство часовых и наконец, истекая потом, проник в архивный отдел.

Два часа спустя, с трудом переводя дыхание, он ворвался в полицейский участок на Суон Лэйн, потребовал стакан воды и заявил Гэмфри Баккету, смотрящему на него круглыми, словно блюдца, глазами:

— Так вот, сержант! Тип, приметы которого я записывал, — Банни Смокер, убийца Барнеса, и его разыскивают уже целых семь лет. Я нашел в архивах Скотленд-Ярда его портрет — на нем хорошо виден шрамик в форме «у».

Банни Смокера судили и повесили; его последние слова относились к Сигме Тритгсу, которого он обозвал грязным сыщиком, доносчиком и наемным убийцей.

Перед тем, как ступить на роковой люк, он поклялся вернуться из загробного мира, дабы пугать по ночам Сигму Тритгса. Сигма получил премию в сто фунтов от полиции и вознаграждение в пятьсот фунтов от родственников жертвы Смокера. Он тут же положил сию солидную сумму на свой довольно круглый банковский счет, ибо отличался не столько бережливостью, сколько скуповатостью.

Второе происшествие не принесло Сигме Тритгсу ни новых лавров, ни новых капиталов.

Однажды вечером, когда он с обычным прилежанием раскладывал перья, линейки и карандаши и мечтал о вечернем гроге, в соседнем помещении раздался ужасающий грохот. Стены сотрясались от ударов тяжелых предметов, на пол падали стулья, слышались громкие вопли и проклятья.

Тритгс бросился на помощь.

Гэмфри Баккет лежал на полу, а какой-то субъект пытался расколоть головой сержанта каминную решетку.

Сигма бросился на бандита и ударил его, но тот оказался и увертливей, и сильнее.

Тритгс почувствовал, как железная рука сдавила ему шею, он попытался освободиться, но получил сильнейший удар в подбородок и рухнул на пол.

Когда Баккет пришел в себя, он первым делом поблагодарил своего секретаря.

— Клянусь Господом, Сигма, без вашего вмешательства этот негодяй вполне мог заставить администрацию столичной полиции раскошелиться на перворядные похороны полицейского, погибшего при исполнении. Мне повезло, но повезло и Майку Слупу.

— Майк Слуп, фальшивомонетчик?

— Собственной персоной, малыш. Королевская добыча для полицейского участка № 2, на долю которого успех выпадает не так уж часто, и боюсь, что нам его теперь не изловить.

Так и случилось. Схватить Майка Слупа не удалось, и Сигме Триггсу пришлось примириться с полученным ударом в подбородок без всякой надежды вернуть долг обидчику.

Тридцать лет честной и лояльной службы давали Триггсу право на пенсию, но он не очень стремился выходить в отставку, ибо до той суммы, которую ему хотелось иметь, сажая в огороде капусту, недоставало еще нескольких сот фунтов.

«Ну что ж, еще пять лет в Ротерхайте,— сказал он себе,— и я достигну того, к чему стремился».

Но он достиг желаемого уже через шесть месяцев.

В возрасте восьмидесяти лет в своем владении в Ингершапе скончался сэр Бруди, не забывший в завещании о своем протеже.

Кроме двух тысяч пятисот фунтов, он отказал ему прекрасный домик на центральной площади Ингершама, выразив желание, чтобы дорогой Сидней Теренс Триггс поселился в нем.

Сигма вышел в отставку, тщательно проверив, дают ли его ценные бумаги и пенсия максимальную ренту, нашел итог удовлетворительным и без сожаления и радости решил покинуть Ротерхайт.

Гэмфри Баккет вручил ему подарок — свой любимый малайский кастет — и произнес:

— В знак дружбы и в память о дне, когда ты спас мою голову.

— Я напишу вам! — пообещал Сигма.

И действительно, он написал один раз...

Но не будем забегать вперед...

Последние двадцать лет пребывания в Лондоне Триггс жил у вдовы Кроппинс на Марден-стрит в квартире из трех мрачных комнатушек.

Эта дама, знававшая лучшие дни, гадала женщинам квартала и тем самым округляла свои тощие доходы.

Она предсказывала будущее на игральных картах, на гадальных картах, на кофейной гуще, на часах с подсвечниками эпохи короля Генриха, утверждала, что умеет гадать, бросая землю, хвасталась, что по прямой линии происходит от знаменитой Ред Никсон, снискавшей себе громкую славу прорицательницы в начале прошлого века, и что до сих пор хранит некоторые из ужасных тайн своей прапраорудительницы.

В тот день, когда в Пентонвильской тюрьме повесили Банни Смокера, миссис Кроппинс опрокинула во время гадания лампу, и огонь опалил три карты из ее гадальной колоды.

В этом происшествии она усмотрела предзнаменование.

Гадальные карты остались немymi, и она прибегла к гаданию с помощью земли. Горсть песка, собранная в полночь на могильном холмике и брошенная на стол, образовала необычные фигуры, поведавшие ей, что ее дом посетит призрак. Миссис Кроп-

пинс тут же начертала древесным углем на всех западных стенах комнат магическую пентаграмму, ибо нет ничего страшнее ее для грешных душ, избегших геенны огненной.

Сигма Триггс отказался от защитной эмблемы, но не потому, что не верил в тайный культ, основанный на глупейшем из предрассудков, просто пентаграмма, нарисованная древесным углем, оскорбляла его эстетические вкусы.

Вооружившись тряпкой, он решительно стер ее со стены.

Ночью его сон был прерван тремя глухими ударами по изголовью кровати, и в лунном луче, проходившем через неплотно закрытые шторы, Сигма увидел странный маятник, качающийся перед люстрой.

Он схватил трость, с помощью которой гонял крыс, и принялся безуспешно сражаться с туманной тенью, болтавшейся в трех футах от пола.

Триггс ничего не сказал миссис Кроппинс, но понял, что Банни Смокер сдержал свою страшную клятву.

Ему хотелось испросить совета у своего друга Гэмфри Баккета, но тот был занят. Начальство упрекало его в победе Майка Слупа и требовало блистательного реванша.

И Триггс понимал, что столь занятого полицейского не могли волновать истории с призраками.

Проведя еще два раунда тщетной борьбы с болтающимся около люстры призраком, он поспешно уложил чемоданы, твердо отклонил предложение миссис Кроппинс организовать прощальный ужин, заплатил ей за три месяца вперед, прибавил к этой сумме королевские чаевые для единственной грязнули служанки и погрузился в дилижанс, следующий в Ингершам — городок, которого не коснулся железнодорожный прогресс и который вовсе не сожалел о подобной забывчивости.

Ингершам больше походил на деревню во Фландрии, чем на маленький городок Миддлсекса или Суррея.

Крохотные окошечки домов были затянуты зеленым муслином; бакалейные лавочки освещались керосиновыми лампами и свечами; малочисленные таверны с низкими потолками из каледонского дуба пропахли кислым элем и невыдержанным ромом.

Встаньте на главной площади лицом к западу и внимательно оглядите стоящие перед вами уютные домики и магазинчики.

«Галантерейная торговля» сестер Памкинс, где, кроме грубых тканей и жестких шнурков, продают ментоловые и анисовые конфетки и шоколадки в фантиках; злые языки утверждают, что женской части клиентуры подают сладкие ликеры.

Мясная лавка Фримантла, известная своими паштетами из телятины и ветчины, седлом барашка, наштигованным салом, а также розовыми миддлэндскими колбасками, приятно пахнущими черным перцем, тимьяном и майораном.

Булочная-кондитерская весельчака Ревинуса, общепризнанного мастера по части изготовления пудингов, кексов, слоб, ватрушек, бисквитных пирожных с кремом, вафель с корицей и итальянских марципанов с фисташками.

Затем взгляд останавливается на большом доме с нескончаемым фасадом, по которому идут двадцать пять сводчатых окон. Дом принадлежит мэру Ингершама, почтенному мистеру Чедберну.

«Торговая Галерея Кобвела» устроена, по словам ее владельца мистера Грегори Кобвела, на манер больших магазинов Лондона и Парижа, где продают все подряд, а особенно пыль, которой пропитаны груды уцененных товаров.

Аптека мистера Теобальда Пайкрофта, от которой на всю округу разит валерьянкой, чей запах манит к себе всех местных кошек и котов.

На аптеке Пайкрофта обрывается цепочка фасадов и начинается зеленое царство сумрачного и мокрого парка, малой части обширных владений покойного сэра Бруди.

Дом, который унаследовал Сигма Триггс, располагался на другой стороне площади, напротив этих богатых зданий.

За домом присматривали Снпграссы, старая супружеская чета, занимавшая крохотный домик в глубине сада и считавшая свою судьбу вполне устроенной.

Они заявили, что с радостью поступят на службу к мистеру Триггсу, дабы не покидать мест, ставших дорогими для их бесхитростных душ.

«Наконец-то,— сказал тебе Триггс, удобно устраиваясь в глубоком вольтеровском кресле и набивая трубку крупно нарезанным табаком,— наконец-то я впервые в жизни нахожусь в собственном доме».

Сигма решил жить отшельником, не зная, что маленький провинциальный городок зачастую решает по-своему.

Вскоре его спокойствие было нарушено визитами; мэр пригласил его к себе в ратушу, принял в своем кабинете под вымышленным административным предлогом и, узнав, что Триггс служит в столичной полиции, тут же назвал супер-интендантом.

— Бывший супер-интендант Скотленд-Ярда... Великая честь для Ингершама.

В душе каждого смертного тлеет искорка тщеславия. Сигма Триггс не был исключением и получил от лестных слов удовольствие. Через неделю он мог запросто посещать, с поводом или без одного, ратушу, а также большой и богатый дом мистера Чедберна.

Затем сердце пожилого одиночки покорила аптекарь Пайкрофт, прислав ему эликсир от кашля собственной рецептуры — ведь он слышал, что мистер Триггс, знаменитый детектив из Скотленд-Ярда, покашливает.

Сигма Триггс вовсе не кашлял, но почувствовал себя польщенным и, нанеся визит мистеру Пайкрофту, стал его другом.

Когда он шествовал по тротуару, три сестры Памкинс выходили на порог своего галантерейного магазина, учтиво приседали перед ним и награждали его еще более учтивыми улыбками.

Фримантл без всяких церемоний затащил его к себе отведать колбасок, а весельчак Ревинус напомнил ему, как они в детстве ловили щеглят в парке сэра Бруди.

Даже мистер Кобвел, в котором Триггс усмотрел сходство с препротивнейшим мистером Сквирсом, снискавшим всеобщую

ненависть школьным учителем из Грета Бридж, оказался на деле любезным человеком, охотно показавшим ему свой запыленный магазин и угостившим стаканом тутового вина, пахнущего долгоносиком...

С ним здоровались все, величая кто «капитаном», кто «инспектором».

«Теперь-то мы будем спать спокойно, ведь в наших краях появился такой человек», — говорили одни, а другие верили их словам.

Увы...

Мы познакомились со знатными людьми Ингершама; однако не следует забывать и о его скромных гражданах.

Тем более что Сигма Триггс искренне привязался к одному из них, тихому мистеру Эбенезеру Дуву, служащему ратуши.

Мистер Эбенезер Дув не был бесполезным человеком, более того, он был человеком незаменимым, ибо неустанно трудился, возрождая былую славу Ингершама.

В одной своей брошюре он на ста двадцати страницах изложил комментарий к коммунальным счетам по приему и содержанию Оливера Кромвеля и его приспешников, а также к их расходам на отправление правосудия.

Он отыскал двенадцать страничек шуточной пьески, счел, что она принадлежит перу Бена Джонсона, собственноручно окончил ее, создав тем самым солидное произведение на двухстах страницах, исписанных убористым почерком.

Найдя в одной из гостиничных записей, что Соути целых восемь дней прожил в ныне исчезнувшем постоялом дворе «У Чэтхэмского герба», он подписал этим известным именем семь крохотных анонимных поэм, написанных зелеными чернилами в старом альбоме для стихов, извлеченном из коммунальных архивов.

Мистер Дув, которому администрация и лично мистер Чедберн выплачивали скромное вознаграждение, прирабатывал написанием ходатайств для вечных просителей королевских и прочих милостей, составлением протестов и рекламаций налогоплательщиков, обиженных налоговым управлением, а также сочинением нежных посланий для влюбленных с соблюдением всех правил орфографии и привлечением витиеватых фраз.

Одно из таких посланий случайно попало в руки Сигмы Триггса; его стиль показался ему претенциозным и даже смешным, но его поразил тонкий почерк и гармоническое сочетание слов и интервалов между ними.

Триггс не находил себе места, пока не познакомился с этим человеком, в котором сразу заметил хороший вкус и большой талант.

Дув открыл ему, что имеет образчик почерка самого Уильяма Чикенброкера, бывшего королевского каллиграфа, который переписал часть «Истории Англии» Смолетта.

Этого оказалось достаточно для установления в кратчайший срок теснейших уз дружбы, построенной на взаимном уважении друг к другу.

Вскоре Эбенезер Дув стал своим человеком в доме Тритгса, и его принимали с большим удовольствием.

Дув и Тритгс, сблизившиеся на почве общей любви к красивому письму, открыли в себе и общий вкус к рагу из ягненка с луком, лимонному грогу и пивному пуншу.

И вот однажды, в час откровений, мистер Дув поведал своему новому другу большой секрет.

— Я бы никому не доверился. Уважаемый мистер Чедберн смертельно обозлился бы на меня, половина жителей Ингершамма сочла бы меня лжецом, если не сумасшедшим, а вторая половина лишилась бы аппетита.

— Ах так! — воскликнул Тритгс. — Неужели все так серьезно?

— Серьезно? Хм... Для меня, который читал и комментировал Шекспира, слова Гамлета «И в небе, и в земле сокрыто больше, чем снится вашей философии...» стали девизом. Вам понятно?

— Ну... конечно, — ответил Сигма Тритгс, хотя ровным счетом ничего не понимал.

— Вы известный детектив и, будучи таковым, должны занимать позицию умного и недоверчивого человека.

— Конечно, конечно, — поспешил ответить Сигма, все меньше и меньше понимая, куда клонит почтенный старец.

Бледные руки общественного писателя слегка вздрогнули.

— Доверяюсь вам, мистер Тритгс. По ратуше бродит привидение!

Бывший секретарь полицейского участка в Ротерхайте закашлялся, засунув чубук своей трубки слишком далеко в глотку.

— Б... Быть того не может! — выдавил он, и глаза его налились слезами.

— Однако все обстоит именно так! — заявил мистер Дув.

— Не может быть! — с еще большей твердостью повторил Тритгс.

Но в душе обозвал себя лгуном; он вспомнил о веревке, качавшейся в его квартире на Марден-стрит.

II

МИСТЕР ДУВ РАССКАЗЫВАЕТ СВОИ ИСТОРИИ

Однажды вечером, попивая особенно удавшийся грог и наслаждаясь ароматным дымом голландского табака, Тритгс поведал Дуву историю Банни Смокера, сообщил о страхах миссис Кропшинс, о пентаграмме и, наконец, о зловещем качающемся призраке.

Эбенезер Дув не стал смеяться над ним и долго размышлял, глубоко затягиваясь своей трубкой.

— Следует поразмыслить... Да, да, поразмыслить.

И только неделю спустя, после интереснейшей беседы о влиянии некоторых готических букв на каллиграфическое оформление церемониальных государственных актов, Дув вдруг сказал:

— Дорогой Тритгс, я уверен, вы не страдаете галлюцинациями. К счастью, ими не страдаю и я. Невозможно дать так называемое рациональное объяснение некоторым явлениям,

которые вызывают безграничное удивление, а иногда самый настоящий животный страх.

Хочу вам рассказать, в свою очередь, одну подлинную историю. Истинность ее подтверждается тем, что я сам пережил сие приключение, и воспоминание о нем навечно запечатлелось в сокровеннейших уголках моей души.

Говорят, что любой уважающий себя англичанин раз в жизни готов поверить в привидения, но я знаю многих наших соотечественников, которые с глубочайшим неверием относятся к потустороннему миру.

Они заблуждаются, и я во всеуслышание заявляю об этом. Я говорил вам о привидении, бродящем по ратуше, а сегодня поведаю иную историю и постараюсь, чтобы вы услышали не сухой пересказ о делах минувших дней, а ощутили дыхание истины.

...При этих словах Сигма Тригге вздрогнул; ему вполне хватало своего собственного призрака, и он втайне надеялся, что мистер Дув развеет его страхи, как легкий дым.

Эбенезер Дув продолжал:

— Некогда мне случилось заблудиться в тумане. Таких туманов не бывает в Лондоне даже в период смога.

Забыл вам сообщить, что проживал тогда в Ирландии, на берегах Шеннова. Весь тот день я провел в городке с богатейшим историческим прошлым, тщетно разыскивая манускрипты каллиграфов XVIII века, написанные разноцветными чернилами, а с наступлением вечера рассчитывал вернуться в Лимерик.

В моем распоряжении был плохонький велосипедик с растянутой цепью. Однако, соблюдая некоторые предосторожности, я бы спокойно проделал обратное путешествие, не поднимись этот проклятый туман.

Гнусная велосипедная цепь, по-видимому, заключила пакт с дьяволом — как только туман рассеялся, она соскочила.

Пришлось идти пешком и толкать велосипед перед собой.

Я обратил внимание, что следую по травянистой дорожке, вьющейся по мокрой пустоши, на которой кое-где произрастали дубы и карликовые бирючины.

Просветление оказалось кратковременным — темно-серый горизонт затянули тяжелые черные тучи, поднялся порывистый ветер, и вскоре полил ужасающий дождь.

В полумиле от меня высился заросший травой холм, и я направился к нему, чтобы осмотреть окрестности и с Божьей помощью найти укрытие для своей промокшей до мозга костей персоны.

Нюх меня не подвел, я действительно заметил убежище.

Неподалеку высился двухэтажный деревянный дом с небольшим запущенным садом и железной кованой решеткой, преграждавшей путь к нему.

Сквозь шумную завесу дождя я разглядел отблеск огня в одном из окон первого этажа, и это пламя стало для меня призывным светом маяка.

Толкая перед собой упрямый велосипед, я добрался до решетки в тот момент, когда сильнейший раскат грома расколол небо.

Тщетно пытался я нащупать кнопку или рукоятку звонка — их не было, но стоило мне толкнуть калитку, как она распахнулась.

Шагах в тридцати от меня плясало пламя, бросая красные блики и разгоняя окружающие тени. Я подошел к окну, чтобы рассмотреть комнату, но увидел лишь высокий камин, где весело пылали сухой тростник и сушняк. Остальная часть комнаты была погружена во мрак.

И хотя я насквозь промок и над моей головой гроыхала гроза, я не мог не соблюсти правил приличия и постучал в запыленное стекло.

Ожидание показалось мне долгим, потом я услышал шум шагов, дверь отворилась, на мгновение выглянула бледная голова.

— Разрешите войти? — спросил я.

Голова исчезла, но дверь осталась открытой.

Дождь полил с новой силой, и я, волоча за собой велосипед, вбежал в коридор.

Через открытую дверь комнаты я видел, как на стенах плясали красные отсветы пламени.

Стены были в запущенном состоянии — широкие трещины разбегались по отслоившейся штукатурке, испещренной серебристыми следами улиток. Я прислонил велосипед к стене и решительно вошел в комнату.

Она была грязна и пуста, но рядом с камином стояло великолепное кресло, обтянутое испанской кожей. Оно манило к себе, и я устроился в нем, поставив ноги на изъеденную ржавчиной решетку и протянув озябшие руки к огню.

Я не услышал, как появился хозяин дома.

Рядом со мной стояло самое странное существо, которое мне когда-либо доводилось видеть — тощий старик, в котором непонятно как теплилась жизнь. На нем был ниспадавший до пола длинный сюртук, а его узловатые прозрачные руки сложились словно для молитвы.

Но самой странной частью его облика была голова — совершенно лысая и с необычайно бледным лицом. Я боялся заглянуть ему в глаза, ибо на таком лице они должны были внушать ужас.

Но глаза оставались сомкнутыми, и я понял, что человек слеп.

— Отсюда до Дублина далеко, — тихо произнес он, и по его тону я угадал хорошо воспитанного человека.

— Я направляюсь в Лимерик, а не в Дублин, — ответил я недоумевая.

Мой ответ, казалось, удивил его.

— Прошу простить меня.

Он расцепил запястья, и длинная рука мелькнула у меня перед лицом. Я почувствовал его пальцы у себя на шее, он ощупал ее и с ужасом отдернул руку. Странное и тягостное прикосновение! Словно меня коснулось ледяное дыхание ветра, а не живая плоть.

— Вы сели в кресло.

— Может, мне встать?

— Нет, нет, но, когда наступит ночь, будет разумнее пересесть на одну из скамеек.

Он повернулся, подошел к шкафчику с неплотно закрытыми дверцами, достал оттуда бутылку и поставил ее на стол.

— Угощайтесь.

Затем направился к двери, открыл ее, и я больше его не видел.

Содержимое бутылки манило меня, и я с удовольствием осушил добрую половину.

Затем, сморенный хмельным напитком, теплом огня и усталостью, заснул в уютном кресле.

Среди ночи я проснулся.

Огонь еще горел, и, хотя пламя угасало, света было достаточно, чтобы видеть комнату. Она была пуста, однако сон мой прервался от сильного удара и боли.

Я вспомнил о бутылке и протянул к ней руку, но она без всяких видимых причин отлетела в сторону и с грохотом разлетелась на куски, ударившись об пол.

Я вжался в кресло, но меня схватили за шею и вышвырнули на середину комнаты, словно я весил не больше кролика.

Кресло заскрипело, послышался глубокий довольный вздох.

Я чувствовал себя оскорбленным и направился к креслу, намереваясь вновь занять его.

Но в кресле уже кто-то сидел. И этот кто-то, хотя и оставался невидимым, тут же доказал мне свое присутствие.

Меня схватили, встряхнули и отбросили прямо к двери.

Я не стал ждать продолжения. Охваченный безотчетным ужасом, я ринулся в коридор, схватил велосипед и выскочил на улицу.

На рассвете я был уже в Лимерике и поведал обо всем своему другу доктору О'Нейлу.

— Я знаю этот дом,— промолвил доктор.— Он принадлежал семейству Кернс и покинут уже добрых пять лет.

— А огонь, кресло, вино и бледный человек!

— Слепец, которого вы описали, мне известен. Это старый слуга Кернсов, Джозеф Сумброз, но он умер пять лет тому назад. Последний из Кернсов свернул на дурную дорожку. Этот громила двухметрового роста и медвежьей силы отяготил свою совесть ужасными убийствами. Вчера его повесили.

Я молчал, онемев от ужаса, а доктор продолжал:

— Кажется, я понимаю ваше странное ночное приключение. «Отсюда до Дублина далеко»,— сказал вам старый слуга. Он принял вас за Джеймса Кернса, последнего из его хозяев.

— Разве это объяснение! — возмутился я.

— Конечно, нет, но я не могу предложить иного. Можете смеяться и считать меня болтливым стариком — тень старого слуги поджидает тень своего хозяина в его доме. Вернувшись в дом, сия свирепая тень находит вас в своем любимом кресле и поступает с вами, как вы этого заслуживаете.

Мистер Дув помолчал и закончил:

— Вот, собственно говоря, вся моя история.

Триггса охватило возмущение.

— Послушайте, мистер Дув, вы, несомненно, докопались до истины и узнали, что призрачный слуга оказался обманщиком, который опоил вас вином с наркотиками, и вам приснился ужасный кошмар.

Старец отрицательно покачал головой.

— Увы, мой друг, в вас сидит детектив! Я ничего не нашел, и все, что сказал доктор О'Нейл, мне кажется истиной.

Однако я поступил, как разумный человек, следующий здравым законам логики. Запасшись рекомендацией доктора, я в тот же день съездил в Дублин, и мне показали труп преступника.

Это было ужасное создание, и служители морга с отвращением отворачивались от него.

— А дом? — с трудом выдавил из себя Триггс.

— Здесь передо мной возник непреодолимый барьер. В ту ужасную ночь молния ударила в дом и дотла спалила его.

— Черт подери! — проворчал Триггс.

Мистер Дув допил грог и вновь набил трубку.

— Могу только повторить слова нашего великого Вилли: «И в небе, и в земле сокрыто больше...»

Предмет разговора был на некоторое время забыт; к нему вернулся Сигма Триггс, хотя в душе поклялся никогда этого не делать.

— Повешенные любят возвращаться на землю, — сказал он, усаживаясь за стол.

Мистер Дув ответил с привычной серьезностью.

— Я считаю себя книголюбом. О! Не столь серьезным, ибо у меня не хватает средств, но у одного лавочника с Патерностер Роу я как-то наткнулся на прелюбопытнейший трактат, напечатанный у Ривза и написанный анонимным автором, который подписался Адельберт с тремя звездочками. Не окажись на его полях свидетельств и цитат, я счел бы книжицу гнусной литературной подделкой.

Свидетельства заслуживали доверия, а примечания показались мне правдивыми.

Изложив множество мрачных примеров о более или менее злостных призраках мучеников, а особенно висельников, автор писал:

«Можно сказать, что после виселицы эти жертвы правосудия продолжают вести некое подобие жизни, посвящая свои силы делу мести лицам, отправившим их на эшафот.

Они являются во сне своим судьям и полицейским, изловившим их. Они могут появиться даже днем, когда их жертвы бодрствуют.

И многие сошли с ума или предпочли самоубийство, расставшись с наполненной кошмарами жизнью.

Некоторые из них умерли таинственной смертью, и там действовала преступная рука из потустороннего мира».

— Ну и ну! — с трудом вымолвил Сигма Триггс.

— Если хотите, я перескажу вам историю судьи Крейшенка, случившуюся в Ливерпуле в 1840 году.

— Приступайте! — храбро согласился Триггс, хотя сердце у него ушло в пятки.

— Итак, вспомним, как писал сей Адельберт с тремя звездочками.

Хармон Крейшенк заслуженно считал себя справедливым и строгим судьей. Верша правосудие, он не знал жалости.

Однажды ему пришлось судить юного Уильяма Бербанка, который в пьяной драке прикончил своего приятеля.

Хармон Крейшенк возложил на голову черную шапочку и бесстрастным голосом зачитал приговор:

— Повесить за шею до тех пор, пока не умрет,— и, еле шевеля сухими губами, добавил: — и пусть Бог сжалится над вашей заблудшей душой!

Юный Бербанк вперил в него горящий взор:

— А над вашей душой Бог никогда не сжалится, клянусь в этом.

Убийца без страха взошел на эшафот, и судья забыл о нем. Но ненадолго. Однажды утром Хармон Крейшенк собирался выйти из дома. Одевался он всегда безупречно и, бросив последний взгляд в зеркало, вдруг увидел качающуюся в глубине зеркала веревку.

Он обернулся, думая, что увидел отражение, но не тут-то было — веревка болталась лишь в зеркале.

На следующий день, в тот же час, он снова увидел веревку, на этот раз с петлей на конце.

Хармон Крейшенк решил, что страдает галлюцинациями, и обратился к известному психиатру, который порекомендовал ему отдых, свежий воздух, физические упражнения и соответствующий режим.

Две недели все зеркала в доме исправно отражали то, что им положено отражать, а затем призрачная веревка появилась вновь.

Теперь ее петля лежала на плечах отражения Крейшенка.

Несколько недель все оставалось спокойным, а затем наступила скорая и ужасная развязка.

Когда Крейшенк посмотрел в зеркало, привычное окружение растворилось в глубине зазеркалья. Поднялся белый дым и образовался густой туман.

Он медленно рассеялся, и судья увидел узкий тюремный двор с виселицей.

Палач завязал осужденному руки за спиной и положил ладонь на рычаг рокового люка.

Вскрикнув, Крейшенк хотел было убежать — в призрачной фигуре палача он узнал Уильяма Бербанка, а в человеке, осужденном на позорную смерть, самого себя.

Он не успел сделать ни одного движения. Люк открылся, и его двойник повис в пустоте.

Хармона Крейшенка нашли бездыханным у зеркала, в котором отражался привычный мир. Он был удушен, и на его шее виднелся след пеньковой веревки.

Свои истории Эбенецер Дув рассказывал прекрасным летним вечером, и, хотя не было ни тумана, ни дождя, ни ветра, Триггс чувствовал себя неуютно.

Мысли о приведениях не покинули его и утром, несмотря на яркое солнце и голубое небо.

Триггсу не сиделось на месте. С трудом дыша, он ходил взад и вперед по своей громадной гостиной, занимавшей большую часть бельэтажа.

Через окна, выходящие в сад, Триггс стал рассматривать площадь, разделенную надвое полосой дымящегося асфальта. Ужасающая жара приковала толстяка Ревинуса к порогу его дома. Ратуша золотилась, словно вкуснейший паштет, вынутый из горячей печи, а фасады домов окрасились в винный цвет.

И вдруг Сигма зажмурился от болезненного удара по глазам — его ослепил солнечный лучик, вырвавшийся из глубин «Галереи Кобвела».

— Ох, уж эта провинция! — пробурчал он. — Каждый развлекается, как может... Этот идиот Кобвел только и знает, что пускать зайчики в глаза порядочным людям!

Сигма и не подозревал о существовании теории подсознания, и его собственное подсознание осталось немым.

Ну что могло быть ужасного в этой детской игре, в этом солнечном зайчике, на мгновение ослепившем его?

III

БЛИКИ СОЛНЕЧНОГО И ЛУННОГО СВЕТА

Когда мистер Грегори Кобвел утверждал, что его «Галерея» устроена на манер больших магазинов Лондона и Парижа, ему никто не противоречил. Жители Ингершама, врожденные домоседы, не любили Лондона, а Парижа и вовсе не знали. Их вполне устраивал и сам магазин, и его организация — при достаточном терпении всегда можно было отыскать нужную вещь, будь то роговая расческа, фарфоровая мельница, аршин плюша, косилка или трогательные открытки с образом Святого Валентина.

Мистер Кобвел и руководил своим торговым заведением, набитым товаром, словно брюхо сытого питона, и обслуживал покупателей, ибо к персоналу магазина нельзя было отнести ни миссис Чиснатт, которая три раза в неделю тратила пару часов на видимость уборки, ни прекрасную Сьюзен Саммерли.

Мистер Кобвел был крохотным сухоньким человечком с тусклыми серыми глазами, страдавшим воспалением век. Несмотря на слабое сердце, он не прекращал муравьиной суеты, непрерывно переставляя с места на место и перекладывая с полки на полку пыльное барахло.

Его отец, архитектор, разбогател, понастроив множество лачуг на пустырях Хаундсдича и Миллуолла, а Грегори Кобвел мечтал присоединить к богатству и славу.

Он посещал рисовальную школу в Кенсингтоне и прославился, сочинив оскорбительный пасквиль, порочащий память великого Рена, и малопонятные комментарии к Витрувию.

Когда фортуна отвернулась от юного фанфарона, крохи отцовского состояния позволили ему заняться торговлей в мирном и тихом Ингершама.

Он осел в городке, жил в полном одиночестве и оставался

закоренелым холостяком, несмотря на явные авансы некоторых местных дам. Он был вежлив и услужлив, хотя и смотрел на своих клиентов свысока, прочих людей совершенно не замечал, в душе ненавидя их и завидуя всем.

В этом зачерствелом сердце теплилось нежное чувство лишь к одному странному существу — мисс Сьюзен Саммерли.

Так ее окрестил Кобвел, ибо это стройное эlegantное создание имени не имело, поскольку никому, кроме Грегори Кобвела, и в голову бы не пришло давать ей таковое.

Он наткнулся на нее в заднем помещении лавки старьевщика в Чипсайде, где за гроши покупал заложенное барахло. В тот день на ней были зеленая туника, проеденная молью, и сандалии из красного драпа. Он приобрел мисс Сьюзен с ее туникой и сандалиями всего за восемнадцать шиллингов.

Сьюзен Саммерли, манекен, изготовленный из дерева и воска, несколько раз выставлялась в ярмарочном балагане со зловецей табличкой на шее: «Гнусная убийца Перси, зарубившая топором мужа и двух детей».

Если верить слухам, в бедняжке совсем не наблюдалось сходства с кровавой убийцей, это был просто манекен из одного модного магазина Мэйфера, который потерпел крах.

Мистер Кобвел сделал ее немой наперсницей своих тайн.

В долгие часы безделья он беседовал с ней, не требуя ответов: — Итак, мы утверждали, мисс Сьюзен, что Рен... Как? Ах! Ах! Я вижу, куда вы клоните! Нет, нет и нет! Не продолжайте, вы идете по ложному пути. Национальная слава? Вы говорите о Вестминстере и прочих ужасах из камня, которые позорят страну. Не хочу вас слушать, мисс Саммерли. Видите, я затыкаю уши. Такое умное и утонченное существо, как вы, не должно становиться жертвой подобных заблуждений! Поверьте, я глубоко сожалею об этом! Согласитесь, улыбнитесь мне судьба...

В конце концов мисс Сьюзен Саммерли соглашалась со всем, что утверждал Грегори Кобвел, и между ними царило самое сердечное согласие.

Крохотный великий человек иногда печально вздыхал, вспоминая, что торгует сахарными щипцами и мисками, но быстро утешался, думая о «Великой Галерее Искусств Кобвела», которая размещалась позади его магазина в просторном зале.

Туда вела лестница из шести ступенек, покрытая ковром. Зеленые занавеси и грязно-желтые витражи придавали ей сходство с моргом. И стоило переступить порог галереи, как это впечатление усиливалось, ибо зал пропах клоамаи, древесным жучком, пережаренным луком, нафталином и мочой.

Но вы забывали об этой вони, бросив взгляд на ослепительное убожество сего печального музея, удручающей безысходности которого не замечал лишь сам мистер Грегори Кобвел.

И хотя он приобрел свои экспонаты по бросовой цене, Кобвел считал подлинниками развешанные по стенам убогие репродукции французских живописцев — все эти Верне, Арпиньи, Энгры, Фантен-Латуры (персонажам последнего вернули приличие, облачив в плотные одежды); в вечном полумраке прозябали поддельные гобелены, фальшивый севрский фарфор, изгото-

вденный в Бельгии мустьерский фаянс и, словно покрытая изморозью, стеклянная посуда.

Он с бесконечной нежностью взирал на варварские скульптурные группы, которые считал вышедшими из-под резца Пигаля и Пюже, и даже самих Торвальдсена и Родена.

В каждом уголке, словно бесценные сокровища, прятались абсурдные, гротескные изделия, раскрашенные во все цвета радуги — непристойные фетиши заморских островов, гримасничающие святые Испании в изъеденных молью одеяниях, фигуры, напоминающие о Брюгге, Флоренции или Каппадокии, — безумное скопище скучнейших предметов, по которым, не останавливаясь, скользил равнодушный глаз.

Дрожащей ружой Кобвел ласкал, будто не имеющие цены раритеты, эти грубые поделки, найденные по случаю и обреченные на уценку с момента их появления на свет. Когда он стоял, созерцая унылую белизну дриад из искусственного мрамора, стыдливо прячущихся во мраке ниш, его душа начинала стесняться от непонятной языческой набожности.

Он отказывался продавать выполненный из крашеного гипса макет Дархэмского собора. А на видное место, рядом с застывшей маской неизвестного диумвира, водрузил миниатюрный дромон из разноцветного дерева.

— Мисс Саммерли, — торжественно восклицал он, будучи в особо меланхолическом настроении, — Лондон не признал меня, а я не хочу признавать Лондон. О, я вижу, куда вы клоните, мой распрекрасный друг! Вы считаете, что после моей смерти сии бесценные сокровища заполнят какую-нибудь залу Британского Музея, а на двери ее, обитой железом, начертает «Коллекция Грегори Кобвела». Ну, нет! Этого не будет! Неблагодарный город никогда не удостоится чести лицезреть эту красоту!

Он ни разу не открыл своей посмертной воли, а мисс Сьюзен ни разу не проявила любопытства.

Грегори Кобвел в одиночестве съел свой завтрак — салат из портулака и жареного лука, изготовленный в запущенном закутке, который гордо именовался «офисом», выпил каплю любимого бодрящего напитка — смеси джина с анисовкой и в почтительном безмолвии постоял перед потемневшим полотном кисти непризнанного гения. Затем покинул «Галерею искусств» и уселся перед широкой витриной магазина, выходящей на главную площадь, совершенно безлюдную в этот час, ибо вдова Пилкартер, дремавшая в плетеном кресле на пороге своего дома, за человека не считалась.

На фоне кабачка, где возчики ожидали, когда спадет жара, чтобы продолжить свой путь, вырисовывался приземистый силуэт телеги, нагруженной блоками белого камня.

— Камень из Фовея, — заявил мистер Кобвел. — Он ничего не стоит, ибо мягок и ломок.

Он призвал в свидетели невозмутимую мисс Саммерли, чья сверкающая нагота была прикрыта голубой мантией, придававшей ей некоторое высокомерие.

Мистер Кобвел ухмыльнулся.

— Прекрасная и высокомерная дама, мне кажется, вы снова ошибаетесь. Я призываю на помощь оптику.

Он взял с полки большой бинокль и навел его на телегу.

— Камень из Аппер-Кингстона, моя прелесть... Эх! Есть ли на сей многострадальной земле гений, могущий использовать эти камни по назначению? В нашей ратуше из него возведены две самые красивые башни.

Мрачно-презрительная ратуша относилась к тем редким архитектурным творениям, которые признавал нетерпимый мистер Кобвел.

Он часто рассматривал в подзорную трубу ее циклопическую кладку, вздыхал и говорил, что только сие здание примиряло его с навязанным ему судьбой существованием.

Забыв о телеге, он принялся разглядывать величественный фасад.

— Прекрасная работа, мне следовало жить в ту эпоху величия.

Вдруг он слегка подпрыгнул.

— О! Вы только подумайте, мисс Сьюзен, отныне никто не посмеет утверждать, что муниципальные служащие ведут праздную жизнь. Я вижу движение позади вой того крохотного окошечка, на котором никогда не останавливаю свой взор, ибо оно лишь портит красоту камня.

Он тщательно отрегулировал резкость бинокля и принялся наблюдать.

— Что я говорю, мисс Саммерли! Где же моя солнечная дразнилка?

Солнечную дразнилку он изобрел сам, чему по-детски радовался. Этот небольшой оптический аппарат состоял из линз и параболического зеркала и позволял посылать на далекие расстояния солнечные зайчики, слепившие нечаянных прохожих.

— Глядите, мисс Сьюзен. Одной рукой я направляю бинокль на окошко, а другой посылаю туда же солнечный лучик из дразнилки. Вам ясно?

Мисс Саммерли промолчала, и Кобвел счел нужным дать дополнительные объяснения.

— Усиленный свет позволит мне заглянуть в комнату, а затем я награжу слишком усердного чиновника солнечной оплеухой. Раз, два, три...

— Ох!

Он испустил крик ужаса.

Солнечная дразнилка дрогнула в руках человека, и неуправляемый солнечный луч ударил по глазам Сигмы Триттса.

У Грегори Кобвела пропала всяческая охота продолжать любимую забаву. Он выронил дорогой бинокль, удалился в глубь магазина, рухнул на ступеньки лестницы, ведущей в «Галерею искусств», охватил голову руками и принялся размышлять.

Некоторое время спустя он перенес в галерею мисс Саммерли, установил ее перед одной из ниш, а сам уселся на плюшевый диванчик, позади которого торчала засохшая пальма.

Прошло несколько часов, пока он снова не стал рассуждать вслух.

Солнце медленно клонилось к западу, и его лучи золотили крыши домов на главной площади.

Наступал мирный час сумерек. Маленький мост, соединявший травянистые берега Грини, превратился в толстую темную черту, на которой китайской тенью вырисовывался рыбак, ловящий плотву.

— Мисс Сьюзен,— пробормотал Кобвел,— вы ведь тоже видели!

Он поднял голову, и его испуганные глаза забегали между Сьюзен и прочими неподвижными фигурами, которые не заслуживали права быть доверенными лицами.

— Я не вынесу тяжести сей тайны!— простонал Кобвел.— А вы как считаете, мисс Сьюзен?

Мысли дамы в голубой мантии были сообщены ему неким неведомым путем, и он продолжил:

— Из Лондона прибыл детектив. Говорят, весьма умелый. Такие вещи касаются не только меня. Что?

Фигура мисс Сьюзен незримо растворялась в зеленоватом сумраке галереи.

— А вдруг он приехал именно из-за этого... Ах, мисс Саммерли, на этот раз вы, кажется, абсолютно правы!.. Да, я пойду к нему... Это мой долг! Вы действительно считаете, что это мой долг? Я вам верю, не бойтесь.

Мирные вечерние шорохи почти не проникали в «Большую Галерею Кобвела», где ночь уже вступала в свои права. Вдали слышались детские голоса, привносящие малую толику радости в этот угасающий день.

Они напомнили Грегори Кобвелу давно ушедшие годы, беззаботные часы полного счастья в саду Вуд Роуда.

— Я не смогу уснуть и обрести душевный покой,— захныкал он.— Вы слышите, мисс Сьюзен? Я должен немедленно отправиться к мистеру Тригтсу! Но никто не должен видеть меня. Пусть стемнеет, совсем стемнеет.

Это решение успокоило его. Он встал, закрыл двери, ставни, затем вернулся в галерею, освещенную лампой, и вновь уселся перед мисс Саммерли.

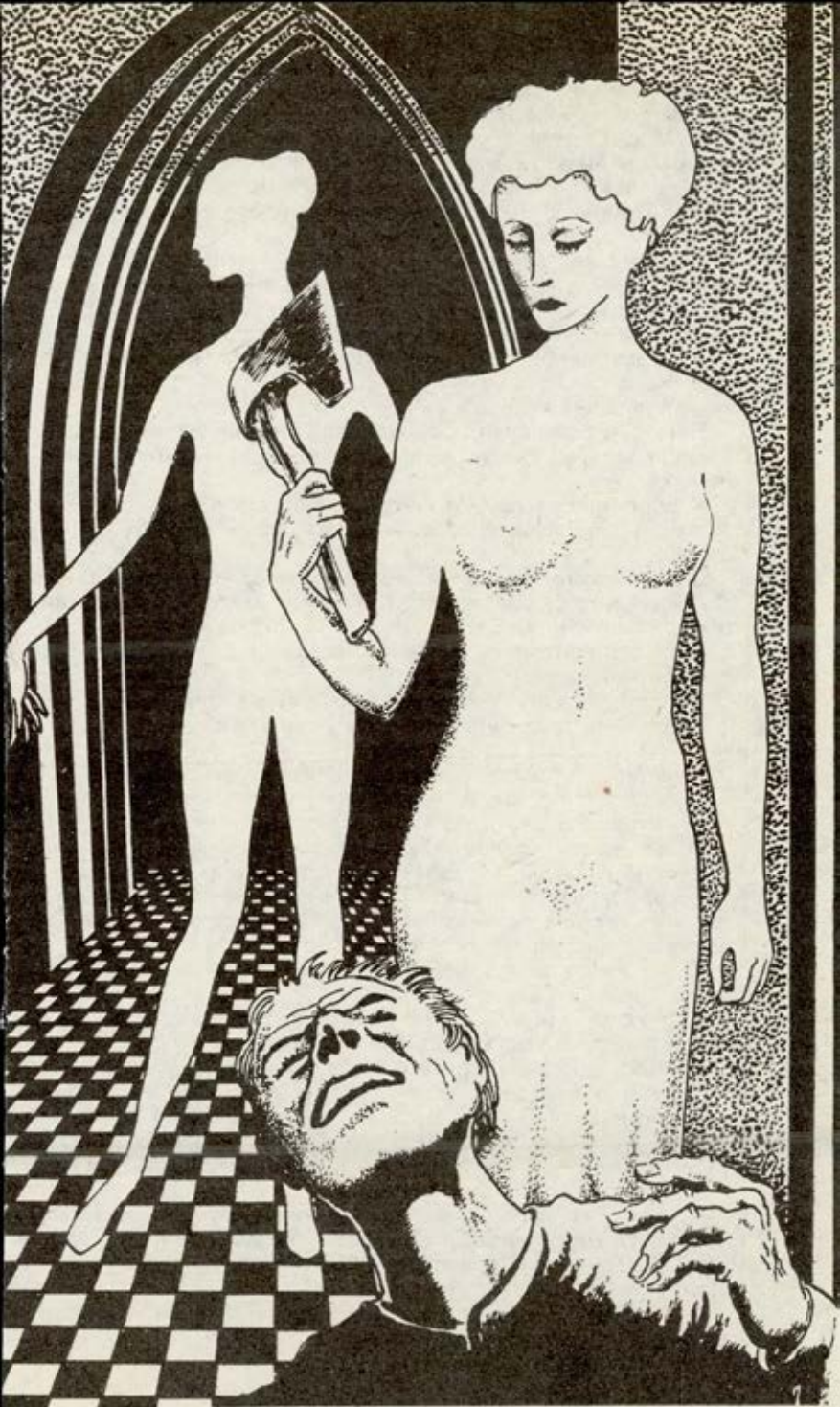
— Когда стемнеет... станет совсем темно, я обязательно пойду, даю вам слово!

Было темно, а лампа, в которую он забыл подлить масла, быстро гасла; это его мало беспокоило, ибо над деревьями сада взошла луна, и ее свет просачивался сквозь занавеси. Мисс Сьюзен Саммерли словно закуталась в серебристое сияние, и этот тончайший феерический наряд радовал мистера Кобвела.

— Нет, нет,— бормотал он,— не думайте, что я изменил своему решению. Я подожду еще немного, совсем чуть-чуть, уверяю вас. Жаль, что придется будить мистера Тригтса, но, право, детективам Скотленд-Ярда не привыкать к таким мелким неприятностям... Мисс Сьюзен...

Он не окончил тирады, обращенной к молчаливой подруге, и с ужасом уставился на нее.

Свет и тени подчеркивали нежные округлости ее фигуры, но они вдруг стали живыми. Зеленая занавеска, пропускавшая

лунный свет, вздулась, как парус, словно окно распахнулось от дуновения ветерка. Но Кобвел знал, что оно закрыто.

— Мисс Сьюзен...

Ошибки быть не могло — колыхалась не только занавеска, в движение пришла дама в голубой мантии. Только что она стояла лицом к нему, а теперь взору предстал ее суровый профиль.

В голову ему пришла глупая мысль — ведь за время своей карьеры мисс Сьюзен выступала и в роли «Миссис Перси, гнусной убийцы».

Почему вдруг вернулось бессмысленное прошлое?

Дважды, пытаясь спасти ускользающий разум, мистер Кобвел протонал:

— А ошибка не в счет!

Потом он вскрикнул, и то был единственный пронзительный вопль, в котором сквозили ужас и надежда на чью-то случайную помощь извне.

Как ни странно, но крик был услышан, и услышал его сержант Лэммл, единственный констебль, блюститель порядка в Ингершаме.

В этот момент он стоял на тротуаре перед «Большой Галереей Кобвела» и глядел в сторону Грини, где надеялся сегодняшней ночью изловить браконьера.

Крик не повторился, и Лэммл пожал мощными плечами:

— Опять кошки!

А мистер Кобвел закричал снова, увидев топор.

То был его последний призыв в этом мире.

Мисс Чиснатт вошла, как обычно, через садовую калитку. Она заваривала чай в офисе и позвонила в большой медный колокольчик, который будил и звал к завтраку ее хозяина.

146
Ответа не последовало. Она поднялась на второй этаж, вошла в пустую спальню, увидела несмятую постель, наткнулась на мистера Грегори Кобвела в «Галерее искусств» и тут же завопила, ибо, как она позже поведала всему городку, «вид он имел ужасный, а глаза его почти вылезли из орбит».

Через десять минут мэр Чедберн, аптекарь Пайкрофт и сержант Лэммл стояли перед трупом.

Еще спустя десять минут явился старый доктор Купер, по пятам которого шел мистер Сигма Триггс.

В особо серьезных случаях мэр имел право на месте назначать одного или нескольких помощников констебля, и мистер Чедберн назначил таковым бывшего полицейского секретаря.

— Я склоняюсь к мнению, что смерть наступила естественным образом,— заявил Купер,— но окончательный диагноз сообщу только после вскрытия.

— Естественная смерть... Ну, конечно! — пробормотал мистер Триггс, уже мечтавший снять с себя будущую ответственность.

— Вид у него странный,— задумчиво произнес сержант Лэммл и принялся сосать карандаш.

— Слабое сердце,— вставил аптекарь Пайкрофт.— Я иногда продавал ему сердечные капли.

— Интересно, куда он так смотрит,— пробормотал сержант Лэммл.— Вернее, куда он смотрел перед смертью?

— На ту картонную ведьму,— проворчала миссис Чиснатт, не упустив счастливой возможности вставить словцо.— Он только и смотрел на эту бесстыжую девку. Когда-нибудь небо должно было его покарать.

— А я ведь слышал его крик,— как бы в раздумье продолжал Лэммл.— Не сомневаюсь, что кричал он.

— Что такое? — осведомился мистер Чедберн.

Карандаш сержанта проследовал изо рта в волосы.

— Трудно сказать. Сначала мне показалось, что выкрикнули имя. Слышалось Гала... Гала... Галантин; странно как-то, студень здесь ни при чем. Потом раздался вопль, и все стихло.

— Он смотрел на манекен,— тихо проговорил доктор Купер.— Мне не часто приходилось видеть выражение такого ужаса на лице мертвеца.

— Без дьявола здесь не обошлось,— снова вмешалась в разговор миссис Чиснатт.— И в этом нет ничего удивительного.

— А можно умереть от страха? — спросил мистер Чедберн.

— Конечно, если у человека слабое сердце,— ответил мистер Пайкрофт.

— Окно открыто,— заметил Сигма Триггс.

— Такого никогда не случалось! — взвизгнула миссис Чиснатт.

— Ему не хватало воздуха, и он решил подышать,— ухмыльнулся аптекарь.— Не так ли, доктор?

— Мда... безусловно,— согласился врач.

Сержант Лэммл обошел магазин, вернулся с биноклем в руках и сообщил:

— Он валялся у витрины.

— Дорогая вещь,— вставил Триггс.— Удивительно, что он его бросил.

— Там же валялось и это,— продолжал сержант, протянув ему солнечную дразнилку.

Мистер Триггс осмотрел крохотный аппарат и в раздумье покачал головой.

— Не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы догадаться, каким целям служит эта вещь,— назидательно произнес он.— Грегори Кобвел забавлялся, посылая солнечные зайчики в глаза прохожим. Черт подери!.. Бедняга даже до меня добрался вчера во второй половине дня.

— Несчастное взрослое дитя! — громко произнес мистер Чедберн.

— И все же у него не все были дома,— с горечью сказала миссис Чиснатт.— Вы только подумайте, он выбрал себе эту грошовую куклу вместо настоящего божьего создания, ведущего праведную жизнь и имеющего незапятнанную репутацию.

— Вскрытие покажет,— решительно подвел итог дискуссии доктор Купер.

В заключении говорилось о естественной смерти, наступившей от эмболии.

Двенадцать честных и лояльных граждан, члены жюри, соб-

рались в красивейшей зале ратуши и вынесли свой вердикт, а потом угощались за счет муниципалитета портвейном и печеньем.

Дело Грегори Кобвела было закрыто.

В тот же вечер Сигма Триггс и Эбенезер Дув с удобством разместились в уютных креслах перед громадными бокалами с холодным пуншем и раскурили свои трубки.

— Теперь мой черед рассказывать истории,— начал Сигма Триггс и в мельчайших деталях пересказал трагические события, благодаря которым он несколько часов исполнял обязанности почетного констебля.

— Подумайте только, этот толстый разиня Лэммл слышал его крик «Галантин!» Смешно. Почему студень, а не окорок или сосиска?

Мистер Дув извлек изо рта трубку и начертал ею в воздухе некие кабалистические знаки.

— Кобвел учился на архитектора, мечтал об известности и обладал обширными познаниями в мифологии.

— И какова же роль этой мифологии — Боже, до чего трудное слово — во всей случившейся истории? — осведомился Сигма Триггс.

— Он крикнул не Галантин, а Галатея,— заявил мистер Дув.

— Галатея? Не знаю такой...

— Так звали статую, в которую боги вдохнули жизнь.

— Статуя, которая ожила...— медленно пробормотал мистер Триггс. Он больше не смеялся.

148 — Итак, мой дорогой Триггс, историю придется рассказывать мне.— Старый каллиграф отпил добрый глоток пунша и щелчком сбил пепел с трубки.— Во времена античных богов жил на острове Кипр молодой талантливый скульптор по имени Пигмалион...

IV

ЧАЕПИТИЕ У СЕСТЕР ПАМКИНС

Над галантерейным магазином сестер Памкинс имелась вывеска «У королевы Анны» — деревянное панно, на котором красовался лик дамы со старинной прической на английский манер, и в даме этой совершенно не замечалось сходства с книжными изображениями Анны Стюарт и Анны Клевской. Даже искусственный знаток геральдики с трудом объяснил бы присутствие орленка без клюва и лап в углу картины, а тем, кто проявил бы излишнее любопытство, сестры Памкинс ответили бы, что вывеска уже находилась на своем месте, когда они купили торговлю у предыдущего владельца.

Три сестры Памкинс, жеманные дамы с желтым цветом лица, всегда одетые в строгие платья из сюра, расшитого стеклярусом, пользовались солидной репутацией и считались богатыми. Их дела процветали.

В тот вторник величественная Патриция, старшая из сестер, подбирала разноцветные шелка для вышивок миссис Пилкартер, которую пригласили на традиционное чаепитие.

— Уокер! — позвала она. — Уокер... Где же носит черт эту тупую девицу, коли она не отвечает на мой зов?

Служанка, молоденькая бледная девушка с голубыми глазами, звалась Молли Снагг, но мисс Памкинс, беря её в услужение, нарекла Молли Уокер, с тем чтобы к ней, как в знатных домах, обращались по фамилии.

Молли Снагг явилась без спешки, вытирая руки передником.

— Уокер, — строго произнесла мисс Патриция, — я вам запретила носить в доме эту мятую шляпку после вручения вам кружевного чепца.

— Вручения! А стоимость его из моего жалованья вычли. Я могла бы обойтись и без чепца, — возразила Молли.

— Молчать! — гневно воскликнула хозяйка. — Я не потерплю никаких возражений. Вы помните, что сегодня вторник?

— А как же, у меня на кухне тоже висит календарь, — ответила Молли.

— Ну раз вы уж такая ученая, то должны знать, сегодня на наше чаепитие явятся наши приятельницы.

— Что им подать?

— Савойское печенье, по три штучки на человека, фунт фламандского медового пирога с пряностями, баночку абрикосового джема и вазочку апельсинового мармелада с леденцовым сахаром. Поставьте на стол графинчик с вишневым бренди и бутылочку мятного эликсира. Затем наши гости, а также уважаемый мистер Дув отужинают.

— Осталось холодное седло барашка, горчичный салат из селедки и молок, шотландский сыр и мягкий хлеб, — перечислила Молли.

Мисс Патриция на мгновение задумалась.

— Пойдите, Уокер! Сходите-ка, пожалуй, к Фримантлу и купите голушиного паштета.

— Неужели? — переспросила служанка.

— Неужели, моя дорогая! И оставьте этот наглый тон, который не приличествует людям вашего положения. Накрывая на стол, не забудьте поставить еще один прибор. Мы пригласили к ужину почтенного мистера Сиднея Теренса Триггса.

— Боже! — воскликнула служанка. — Детектива из Лондона!

— И не забудьте, Уокер, поставить красное велюровое кресло слева от камина для леди Хоннибингл.

— Где уж забыть!

Это было святейшей традицией дома в дни приемов. Уютное кресло из утрехтского велюра ставилось рядом с каминной решеткой независимо от того, разжигался или не разжигался огонь в очаге, но оно всегда оставалось пустым.

Молли Снагг ни разу не довелось лицезреть леди Хоннибингл, но люди, приходившие на чаепития сестер Памкинс, не переставали говорить о ней.

Служанка, которая прибыла из Кингстона три года тому назад, не могла не осведомиться о столь высокопоставленной персоне.

Аптекарь Пайкрофт таинственно ухмыльнулся и ответил, что сия знатная дама иногда пользуется его услугами, но не мог или не хотел сказать, где она живет.

Мясник Фримантл, человек грубый и неприветливый, пробормотал:

— А, леди Хоннибингл! Оставьте меня в покое, это не мое дело. Спросите у своих хозяек. Им-то известно больше, чем мне.

А весельчак Ревинус рассмеялся ей прямо в лицо.

— Я ей не продал и крошки сухарика, моя милая. Но, если вас раздражает любопытство, могу вам сообщить, что во времена моей молодости в веселом квартале Уоппинг проживала некая Хоннибингл. Правда, она была не леди, а торговала вразнос устрицами и маринованной семгой. Быть может, речь идет о ней или об одной из ее семерых сестер.

Художник Сламбот предложил ей купить портрет леди, исполненный его собственной рукой.

Молли решила обратиться к служащим мэрии, но мисс Патриция провела про ее любопытство.

Последовал бурный разговор с угрозами увольнения, и служанка поклялась не говорить ни слова о незримой леди, кроме как по поводу приема.

Однако кое-какие мысли у нее возникли. В глубине необъятного парка сэра Бруди, на окраине лиственной рощи, стояла престранная постройка — двухэтажный павильон с окнами, зашторенными бархатом гранатового цвета.

Однажды, гуляя с рассыльным из соседней округи, Молли оказалась в окрестностях этого домика.

Вдруг перед ними возник лесничий, бесцеремонно изгнавший их из запретных владений; с этого момента Молли уверилась, что лесной домик служил приютом для леди Хоннибингл.

— Предупредите моих сестер,— приказала мисс Памкинс,— что пора оставить свои повседневные занятия и приступать к туалету.

Дебора и Руфь Памкинс пересчитывали в заднем помещении катушки с нитками, укладывали булавки, мотали шерсть и шнуровку.

Молли не любила Дебору, женщину зловредную и мстительную, но ее влекло к мисс Руфь, младшей из сестер Памкинс, которая выглядела бы красивой, не одевайся она по устаревшей моде.

И пока средняя сестра, бляя овечкой, поднималась по лестнице в свою комнату, Молли успела шепнуть на ухо Руфи:

— Вы знаете, мисс Руфь, детектив из Лондона сегодня ужинает у нас!

— А он придет? — с сомнением спросила Руфь и скорчила гримаску. — Говорят, полицейские не очень общительные люди.

— Я его видела, — возразила Молли Снагг. — Он мне кажется ласковым и добрым, а с сержантом Лэммлем его и сравнить нельзя, у того только и на уме, что надеть на вас наручники.

— Быть может, он расскажет нам, что приключилось с бедным мистером Кобвелом, — печально сказала Руфь Памкинс.

— Приключилось?

— Конечно, и только он это знает. Лондонские полицейские знают все тайны.

— Может, я спрошу у него... — начала было Молли.

— Что, моя милая?

— А ничего, мисс Руфь! — спохватилась служанка, и щеки ее чуть порозовели.

Она подумала о леди Хоннибингл, но не осмелилась открыться даже Руфи.

За несколько минут до того, как часы пробили четыре часа, в гостиную величественно вплыла мисс Патриция, она уткнулась носом в стекло и рывкнула:

— Миссис Пилкартер закрывает свою лавочку и готовится перейти площадь! Дебора, Руфь, спускайтесь!

Через несколько минут все общество было в полном составе — сестры Памкинс, миссис Пилкартер, уморительная старая дева мисс Эллен Хесслоп, величественная вдова дорожного инспектора миссис Бабси и вертлявая низкорослая дама по имени Бетси Сойер, которая немного красилась.

— Мои дорогие дамы, — жеманно начала мисс Патриция и с улыбкой обвела взором лица присутствующих, — будем ли мы ждать прихода леди Хоннибингл? Она не отличается пунктуальностью.

Все дамы единодушно согласились подождать невидимую леди Хоннибингл до того, как пробьет полпятого.

Могло ли быть возмущено великое и нерушимое спокойствие сего забытого временем мирка событиями, происшедшими в чуждых безмятежному Ингершаму сферах? Какой злоредный прорицатель осмелился бы предсказать, что город в ближайшем будущем попадет во власть великих страхов и что трагической прелюдией этому оказалась кончина мистера Кобвела? Но не будем забегать вперед.

Кукушка возвестила половину пятого, и Молли Снагт внесла горячий чай.

Сестры Памкинс ели мало; миссис Пилкартер потребовала стаканчик вишневого бренди перед второй чашкой чая; мисс Эллен с виноватым видом грызла одно печенье за другим; мисс Сойер пробовала все подряд, утверждая, что ест не больше пташки, но в конце концов побила все рекорды, хотя и сидела рядом с грузной вдовой Бабси, почти не скрывавшей своего чревоугодия.

Разговор не клеился... Все ждали ужина и уважаемого мистера Дува, чтобы дать волю своим языкам.

С кухни доносился шум и струился аромат жаренной в сале картошки кружочками, любимого лакомства мистера Дува.

Разговор вертелся вокруг мелких новостей истекшей недели, которые были в мгновение ока обсуждены, рассмотрены и получили надлежащие оценки, согласно тому, как понимали справедливость эти дамы.

О покойном мистере Кобвеле почти не говорили — только пожалели его, воздали хвалу его добродетелям, со скорбью перечислили его мелкие прегрешения, безоговорочно осудили злобствующую миссис Чиснатт, которая, забыв о приличиях, чернила память усопшего, и под конец с таинственным и знающим видом заявили, что мистер Триггс из Скотленд-Ярда еще скажет свое последнее слово...

Когда семь раз прозвучало звонкое «ку-ку», Молли Снагт, то и дело выходящая на порог дома, ворвалась в гостиную с криком:

— Идут, оба!

Мистер Дув представил своего приятеля, и все дамы немедленно прониклись добрыми чувствами к тому, кого за глаза величали «его знаменитый друг детектив».

Подали ужин. Еда была превосходной — Молли Снагт превзошла себя, а голубиный паштет оказался вне конкуренции.

Во время десерта мисс Патриция настояла на том, чтобы мужнины закурили, и поставила перед ними коробку из лакированного кедра с превосходными сигарами.

— А теперь,— сказала миссис Бабси, чье лицо совершенно побагровело от возлияний,— теперь слово детективу из Лондона.

И Сигме Триггсу пришлось расплатиться за трапезу. В конце концов скрывать ему было нечего: все, о чем он мог рассказать, за исключением некоторых второстепенных деталей, уже давно стало темой пересудов местных жителей.

Его сухой сдержанный рассказ не мог захватить аудиторию, но дамы восхищенно шептались друг другу, что он изложил факты с ясностью и точностью, достойной бывшего служащего столичной полиции.

А Триггс говорил и ощущал непонятные угрызения совести. Ему было неприятно тревожить покой мертвеца ради забавы охочих до сплетен дам.

До сих пор перед его взором стоял бедняга, умерший от таинственного ужаса среди убогих декораций, единственного утешения его тщеславной мечты.

Он кратко пересказывал события трагического утра и не мог забыть жалкого апофеоза поддельной красоты, составлявшей все счастье покойного, от наяд из облупившегося гипса до помпезных будд, задрапированных в тяжелые ткани.

— Итак,— подвел итог мистер Дув,— следует допустить, что бедняга Кобвел умер от страха. Происшествие не является уникальным. вспомните о сэре Ангерсоле с Баузери Роуд. Сколько чернил пролили писаки с Флит-стрит по этому поводу!

— Конечно, конечно,— согласился Сигма Триггс, хотя абсолютно ничего не помнил.

— Сэр Ангерсол был прекрасным рисовальщиком и, если мне не изменяет память, сотрудничал в нескольких вечерних газетах. Однажды ему в голову пришла фантазия сделать рисунок с подписью: «Так я представляю себе Джека-потрошителя».

Какой ужас! Наверное, рукой Ангерсола водил сам дьявол, и художник понял это, ибо засунул рисунок в самый дальний ящик стола с тем, чтобы утром уничтожить его.

Ночью он проснулся от шума открывающегося окна.

Ангерсол зажег свет, увидел прижавшееся к стеклу ужасное лицо созданного им самим чудовища, вперившего в него свирепый тигриный взгляд, позвал на помощь и потерял сознание.

— Галлюцинация! — сухо произнес Триггс.

— Ничуть не бывало,— тихо возразил мистер Дув.— Слуги

сэра Ангерсола бросились в сад, преследуя ужасного пришельца, и прикончили его двумя выстрелами.

Два констебля и инспектор перевезли труп в ближайший полицейский участок, откуда он таинственным образом исчез.

Сэр Ангерсол скончался через несколько часов, и врачи сочли, что он умер от страха.

— Чиснатт — прошу прощения у дам и господ за упоминание имени особы столь низкого происхождения, — вмешалась миссис Бабси, — рассказывает всем и вся, что бедный мистер Кобвел лежал, устремив полный ужаса взгляд на всем известную дуррацкую куклу из воска.

— Долго же она пугала его, — не преминула съехидничать мисс Сойер.

И тут Сигма Триттс, не подозревая ни о чем, как говорят, дал маху. Он не имел в виду ничего дурного, и, не выйдя в этот вечер чуть больше положенного, промолчал бы.

— Мистер Чедберн, мэр, доверительно рассказал мне, что эта восковая фигура некогда изображала на ярмарке ужасную убийцу Перси. За время службы в полиции мне частенько случалось листать альбом с описаниями преступлений и портретами преступников, один экземпляр которого обязательно имеется в каждом полицейском участке. Так вот, могу вам сообщить, что сходство с убийцей Перси удивительное, особенно в профиль!

— О Боже! — простонала мисс Руфь Памкинс, поднося руку к сердцу. — Чему же верить, мистер Триттс?

— Ничему, мисс Памкинс, совершенно ничему. Все может оказаться ничего не значащим совпадением. Так часто случается. Вот, например...

Он улыбнулся, будучи в полной уверенности, что его слова заинтригуют присутствующих дам, особенно хозяек дома.

— С самого первого дня в Ингершаме я часто задавал себе вопрос, почему ваша вывеска «У королевы Анны» притягивает мой взгляд. И я нашел сходство изображенного лика с портретом некоей знатной лондонской дамы, за которой полиция охотилась добрых десять лет. Проигравшись в пух и прах, она вернула с лихвой свои убытки, с потрясающей ловкостью грабя плохо охраняемые ювелирные магазины.

— Боже правый! — воскликнула мисс Патриция, а мисс Дебора была на грани обморока.

— И что же стало со столь гнусной преступницей? — спросила мисс Сойер.

Мистер Триттс пожал плечами.

— Вы, наверное, не знаете, уважаемые дамы, что полицию мало интересует судьба тех, кого она передала в руки правосудия.

У нее нашлись заступники среди влиятельных лиц. Воровка предстала перед судом под чужим именем, ибо следовало уберечь от грязи ее собственное, весьма почтенное имя. Психиатры изложили со свидетельского места массу теорий, касающихся kleptomании. Дама отделалась легким наказанием и исчезла

с горизонта. Никто не стал искать ее сообщников, а они у нее были, и довольно ловкие...

Мистер Триггс умолк, довольный произведенным эффектом.

Мисс Патриция еле слышным голосом заявила, что завтра же снимет вывеску, и все, в том числе и Триггс, хором выразили несогласие с таким решением.

Стоило ли принимать так близко к сердцу совершенно случайное сходство?

Разошлись они поздно.

Мисс Сойер, приподняв полы своего платья из красивой полосатой ткани, проворковала «Доброй ночи» мистеру Триггсу и выразила надежду на скорую встречу.

Мисс Руфь протянула ему горячую ладонь, и он задержал ее в руке дольше положенного; заметив, что Дебора исподлобья наблюдает за ней, она резко вырвала руку и отвернулась, не сказав ни слова.

— Триггс, вы произвели впечатление на дам, а особенно на мисс Руфь Памкинс.— Мистер Дув пересекал с Триггсом тихую главную площадь.

Триггс возблагодарил темноту, мешавшую мистеру Дуву увидеть, как пунцовый цвет заливает его щеки.

— Хм... хм...— промышчал он и расстался со старцем, чьи глаза оказались слишком зоркими, несмотря на дымчатые стекла очков.

Событие, вторично потрясшее Ингершам, произошло через несколько дней после дружеского чаепития.

Исчезли сестры Памкинс!

Проснувшись в то утро, Молли Снагт нашла в доме полнейший беспорядок: из ящиков и шкафов пропали все ценности, в открытом сейфе валялись только ненужные бумажки, куда-то делись лучшие платья.

После некоторых колебаний мистер Чедберн велел произвести следствие, хотя ничто не указывало на преступные дела.

Расследование не дало результатов; сестры не нанимали экипажа, и на ближайших железнодорожных станциях не были замечены путешественники, отвечающие приметам сестер.

Покой мистера Триггса оказался нарушенным еще одним событием — исчезла и вывеска с портретом королевы Анны. Но какие выводы можно было сделать по поводу столь странной пропажи?

Он открылся мистеру Дуву. Выкурив две трубки, мистер Дув ответил:

— Думаю, полезно расспросить некоего Билла Блоксона. Кстати, загляните в календарь и скажите, в котором часу восходит луна.

— Луна... А она-то здесь при чем? — воскликнул окончательно ошарашенный мистер Триггс.

— И все же посмотрите, — настойчиво повторил Дув.

Луна восходила очень поздно: едва поднимаясь над горизонтом, она тут же опускалась обратно, вполне удовлетворенная своим кратковременным явлением миру.

— Прекрасно! Вам не хочется совершить прогулку около полуночи? Погода стоит отменная.

В названный час мистер Дув в сопровождении мистера Тритгса направился к Грини.

Полуночники обогнули мостик и пошли по полю вдоль речки и парка сэра Бруди.

— А вот и Блоксон! — вдруг сказал мистер Дув.

Мистер Тритгс увидел лодку, стоявшую поперек Грини, а потом различил тень, бросавшую в ведро серебристых рыбешек.

— Рыбная ловля приносит свои плоды, — усмехнулся старый писец, — и завтра многие ингершамцы будут лакомиться дешевыми карпиками и лещами, ибо следует отдать должное Биллу Блоксону, он не грабитель, хотя и браконьер.

Мистер Дув решительно направился в сторону лодки и позвал человека по имени.

— Билл, идите-ка сюда. Мне не хочется мочить ноги.

— Меня что, зацапали? — спросил Блоксон, не проявляя особых эмоций. — Я заплачу штраф. Ах, незадача!.. Лондонский детектив. Слишком много чести за трех несчастных лещей!

— Вам ничего не придется платить, Билл, — продолжал мистер Дув. — Напротив, вас угостят стаканчиком рома.

— Что же вам надо? Детективы не каждый день проявляют такую щедрость.

— Посмотрим, — загадочно произнес мистер Дув. — Идите сюда, Билл! Часик разговора, кварта старого рома, добрая трубка, и возвращайтесь ловить рыбку.

— Ну ладно, иду.

Обратный путь к дому Тритгса они совершили в полном молчании.

Усевшись в уютное кресло, с трубкой в одной руке и стаканом рома в другой, Блоксон, не сомневаясь, что его совесть чиста, улыбнулся.

— Думаю, вы желаете сделать заказ на крупную партию рыбки, — начал он. — У меня есть на примете хорошая щука, фунтов на восемь. Вам подойдет?

Билл был здоровенным парнем с веселым лицом и смешливыми голубыми глазами.

— Ваше предложение мы обсудим потом, — перебил его мистер Дув, — а пока повторите-ка то, что вам сообщила Молли Снагг.

Улыбка сбежала с лица Билла Блоксона.

— Если вы хотите доставить неприятности девочке, я ничего не скажу, — проворчал он. — Она ни в чем не виновата, даю вам слово!

— А кто утверждает обратное? — возразил мистер Дув. — Я слышал, вы собираетесь пожениться.

— Что правда, то правда, — гордо сказал браконьер.

— Женщина, которая навсегда связывает свою судьбу с любимым мужчиной, ничего от него не скрывает, — назидательно произнес старец. — Итак, мы вас слушаем, Билл.

Блоксон кивнул и затянулся трубкой.

— Если вы говорите об исчезновении трех обезьян, простите,

я исключая мисс Руфь, она добрая душа, мне сказать нечего, ибо Молли ничего не знает.

— Я склонен вам верить,— согласился мистер Дув,— но присутствующий здесь мистер Триггс разузнал, что она кое-что утаила от следствия.

Блоксон недружелюбно глянул на великого человека из Лондона.

— Ох уж эти детективы! — проворчал он.— Не люди, а демоны.

Триггс молчал и яростно курил трубку; он ничего не понимал и в душе проклинал своего друга.

— Мистер Триггс,— продолжал мистер Дув,— желает защитить Молли Снагг.

Демоном был, как видно, мистер Дув, ибо он попал в самую точку.

В голубых глазах Билла Блоксона сверкнула искорка радости.

— Правда? Ну, это совсем меняет дело. Если Молли ничего не сказала, то только от страха.

— А кого она боится? — живо спросил мистер Триггс.

Блоксон испуганно оглянулся и тихим голосом произнес:

— Ее... Кого же еще... Леди Хоннибингл!

И Билл Блоксон заговорил.

Случалось, что Молли Снагг мучила бессонница, и тогда она вспоминала о своем женихе, который по ночам в одиночестве ловил рыбу в Грини.

Сестры Памкинс всегда отличались крепким сном. Правда, иногда Молли слышала, как ворочается в постели Руфь, но служанка относилась к самой молодой из хозяек иначе, чем к другим, и совершенно не боялась ее.

В такие ночи Молли тайно покидала свой приют под крышей и, зная, какие ступеньки скрипят и потрескивают, бесшумно выбиралась на улицу.

Через четверть часа она оказывалась на берегу Грини или в лодке Блоксона, и пару часов они нежно ворковали, строя планы на будущее.

В тот памятный вечер ее чудесная ночная беседа оказалась короче обычной, поскольку начал накрапывать дождик.

Она бегом возвратилась в магазин «У королевы Анны», с привычной осторожностью отворила и затворила дверь, остановилась в темном коридоре и прислушалась.

Со второго этажа доносилось шумное сопение мисс Патриции. Молли с облегчением вздохнула и ужом скользнула к лестнице, чьи массивные формы угадывались в темноте.

Ей надо было пройти мимо двери желтой гостиной.

Дверь, как обычно, была закрыта, но в ней светилось маленькое пятнышко — замочная скважина.

Служанка застыла на месте, то ли от удивления, то ли от ужаса. Но любопытство, свойственное всем дочерям Евы, пересилило страхи; она наклонилась и заглянула в скважину.

Поле зрения было небольшим, и в него попадала опаловая

луна одной из ламп. Она еле светила, и свет от нее падал на вечно пустое кресло леди Хоннибингл.

Молли покачнулась, словно от удара.

Кресло красного велюра не было пустым: в нем сидела женщина с застывшим восковым лицом, которое обрамляли тяжелые черные кудри. На корсаже ее сверкали драгоценности.

Молли никогда не встречала этой женщины, но ее сердце томительно заняло при виде глаз незнакомки, устремленных на дверь с выражением холодной жестокости; еще немного, и девушка поклялась бы, что этот горящий зеленым пламенем взор вот-вот пронзит стены и обнаружит ее присутствие.

Не помня себя, она бегом добралась до своей комнаты и закрылась на тройной оборот ключа.

Наутро она не решилась открыться своим хозяйкам; но Руфь, заметив подавленное состояние служанки, с мягкостью попыталась расспросить ее.

— Ничего, мисс Памкинс, ничего, я немного разнервничалась,— пробормотала Молли.— Наверное, будет гроза.

Руфь не стала настаивать, но вечером наткнулась на служанку, рыдавшую, уткнувшись лицом в передник.

— Успокойтесь, Молли,— прошептала Руфь, погладив ее по волосам.

И Молли, которую тяготила ее тайна и которая боялась новой ужасной ночи, доверилась Руфи Памкинс.

— Я видела леди Хоннибингл!

Лицо Руфи окаменело.

— Я видела ее в полночь, она сидела в своем красном кресле.

Руфь промолвила: «О Боже!» — и удалилась.

Вечером разразилась гроза. Она длилась большую часть ночи, поэтому Молли Снаг не пошла на встречу со своим женихом, а с раннего вечера заперлась в своей комнате. Вскоре она заснула, и всю ночь ее мучили кошмары.

Наутро оказалось, что сестры Памкинс исчезли.

Билл Блоксон выбил трубку: — Вот что мне рассказала Молли, и, клянусь, больше она ничего не знает.

— Билл,— спросил мистер Триггс, ожидавший другого конца,— хм... появление, хм... этой женщины в кресле и исчезновение сестер... что вы об этом думаете?

Мистер Триггс заикался, будучи явно не в своей тарелке, но Блоксон ничего не заметил.

— Коли желаете знать мое мнение, это — привидение. Я родился здесь и не знаю никакой леди Хоннибингл ни в Ингершаме, ни в округе. Сестры Памкинс говорили о ней и верили в нее. Вот привидение и явилось.

— Чушь! — воскликнул мистер Триггс.

— Вовсе нет.— Мистер Дув был слишком серьезен.— Наш друг Билл выдвинул гипотезу, которую можно защищать перед любым физическим либо философским обществом. Но в данном случае я не согласен с ней, хотя вам, мой дорогой Триггс, еще придется встретиться с подлинным привидением.

Все более и более недовольный Сигма проворчал:

— Злые дела легче всего объяснить вмешательством дьявола

и призраков — они без зазрения совести конкурируют с полицией. Хотелось бы поискать в другом месте или не искать вовсе.

Коли сестры Памкинс удрали, увидев одно из своих созданий, они могли бы окружить свой отъезд меньшей тайной и оставить в покое вывеску.

— В ту ночь,— сообщил Билл Блоксон,— разразилась такая гроза, что многие дубы разнесло в щепки, дождь лил до самой зари, и по фасаду дома сестер Памкинс вода струилась потоками, но квадрат, который раньше прикрывала вывеска, остался сухим. Значит, ее сняли ранним утром, и сняли не сестры, поскольку они скрылись ночью.

Но это вряд ли имеет какое-либо значение...

V

УЖАС БРОДИТ ПО ПЕЛЛИ

«Наполеона «господином» не величают».

Таков был девиз мэра Ингершама, который не только разрешал своим подчиненным называть себя просто Чедбери, но даже хмурился, если они обращались к нему иначе.

Мэр был человек громадного роста — шесть футов и несколько дюймов. Его массивная голова сидела на широченных квадратных плечах, а под безупречным костюмом из плотного сукна перекатывались мышцы борца.

В маленьком городке он олицетворял закон, закон феодального владыки, но такое положение дел устраивало всех, ибо его можно было выразить в нескольких словах: тишина, спокойствие и нетерпимость к возмутителям спокойствия!

Странная смерть мистера Кобвела шокировала мэра, словно оскорбление нанесли его собственной персоне; исчезновение же сестер Памкинс повергло его в холодный гнев.

— Сержант Ричард Лэммл!

Когда Чедберн прибавлял имя к фамилии и званию, констебль Ингершама знал, что надвигается буря.

— Постарайтесь вдолбить женщине по имени Чиснатт, что ей придется покинуть развалюху, которую она арендует у муниципалитета, не платя ни гроша, если она не замкнет на замок свою гадючью пасть, и что у нее есть все шансы не найти жилища на всей территории Ингершама. Это во-первых.

Если коммунальные службы пересмотрят право на пенсию миссис Бабси, сия болтливая матрона узнает, что ей положена лишь треть суммы, которую она получает каждые три месяца. Мне не хотелось бы прибегать к подобным мерам, но если некоторые высказывания, рожденные бурным воображением сей дамы, не прекратятся... Это во-вторых.

Мисс Сойер должна сразу и без экивоков понять, что моя любимая пословица: «Слово — серебро, а молчание — золото». Она поймет, ибо не лишена ни ума, ни сообразительности. Это в-третьих.

Брачный контракт Билла Блоксона и мисс Снагт готов и будет вручен им без всякой оплаты. На пустоши Пелли имеется небольшая нежилая ферма, а поблизости пруд, который, как

говорят, кишмя кишит рыбой; отдел муниципальных владений получил приказ подготовить арендный договор сроком на девять лет на имя Блоксона; стоимость аренды — три фунта в год вместе с налогами.

— Черт подери,— вставил сержант,— это недорого.

— Вы верно подметили, сержант Ричард Лэммл, это совсем недорого. К стати, предупредите официальным путем вдову Пилкартер, что я даю ей отсрочку в уплате штрафа в шестнадцать фунтов и восемь шиллингов, назначенного ей по статье незаконной продажи табака и спиртных напитков. Даю отсрочку, но не аннулирую штраф.

— Прекрасно, это называется «надеть намордник»!

— Идите, Лэммл!

Гроза миновала.

Сержант шагнул к двери, но через порог переступить не решился.

— Обязан вам доложить, господин мэр,— быстро проговорил он,— вчера в ратуше вновь объявилось привидение.

Как ни странно, но Чедберн не рассердился; он поудобней устроился в своем большом кожаном кресле, вытащил из коробки черную сигару, медленно раскурил ее и спросил вполголоса:

— Где же?

— Оно стояло перед стеклянным закутком мистера Дува.

— А мистер Дув?

— Его лампа горела, он перестал работать, положил на стол свое перо и стал смотреть на привидение.

— Дальше!

— Я удалился, мне надо было закончить ежевечерний обход помещений. Привидение обогнало меня около кабинета записки актов гражданского состояния и пересекло внутренний дворик. Оно меня не видело.

— Ладно,— вздохнув, промолвил мэр.— Я поручил мистеру Дуву вступить с ним в переговоры; ему это не удалось. Привидение совершенно равнодушно ко всему. Ба! Оно никому не мешало... До свидания, Лэммл.

Когда Чедберн остался в одиночестве, выражение безмятежности исчезло с его лица, и лоб мэра прорезали глубокие морщины.

— Чтoб он к дьяволу провалился, проклятый призрак, и без его забот по горло.

Чедберн взял акустическую трубку со свистком и издал сигнал.

— Пригласите мистера Дува! Но сначала принесите на подпись бумаги.

Через несколько мгновений в кабинет вошла девушка в роговых очках и поставила перед мэром плетеную корзинку с тонкой ачковой бумагой.

— Здравствуйте, мисс Чемсен. Как ваши дела? Лечение свежим воздухом пошло на пользу?

Девушка покраснела и замялась.

— Мы возвращаемся в город,— сказала она после долгого молчания.

Мэр с удивлением взглянул на нее.

— Мы предоставили вам чудесный коттедж.

Мисс Чемсен опустила голову, как нашкодивший ребенок, и жалобно произнесла:

— Сестра не хочет там оставаться, и служанка грозится покинуть нас.

Чедберн еле сдержал гневный жест, потом ласково сказал:

— Ну-ну, малышка, расскажи-ка мне, что там у вас не ладится.

Весь облик девушки выражал отчаяние.

— Я ничего не знаю. Люди боятся. Не спрашивайте меня ни они, ни я не можем ничего объяснить, господин мэр. Пелли — очаровательное место, цветы среди диких трав, пьянящий аромат шиповника, птицы, кролики. Но когда наступает вечер — ночь!

— Вечер, ночь? — повторил Чедберн. — И тогда?..

Мисс Чемсен заломила белые худые руки.

— О, не сердитесь на меня, я больше ничего не могу сказать. Неизвестно почему, на вас нападает страх. Может, существуют незримые ужасы, которые в определенный момент становятся явью? Вы будете отрицать, господин мэр, но, клянусь вам, я верю в это.

— Дитя мое, — произнес Чедберн с доброй улыбкой, — когда нервы подводят бедных смертных, последние не стесняются в выражениях.

Назовите мне факт, дайте реальное доказательство, и я постараюсь помочь вам. А пока хочу сделать кое-что для вас и ваших близких. Нам повезло — среди нас живет детектив из Скотленд-Ярда; говорят, он очень способный. Конечно, трудно наводит его на несуществующий след, требовать, чтобы он надел наручники на невидимку. Но ради вашего спокойствия я попрошу его заняться этим делом.

Мисс Чемсен сцепила ладони, и в ее глазах появились слезы признательности.

— О, господин мэр, вы слишком добры!

— Доброта никогда не бывает излишней, моя милая, и не благодарите меня. Боюсь, почтенному мистеру Триггсу придется приложить немало усилий, чтобы изловить Ужас собственной персоной. А пока не заставляйте ждать мистера Дува, я слышу его шаги.

Дув вошел, держа в руках толстую папку.

— Рисунки очень хороши, — начал он, — но не стану утверждать, что превосходны. Вестминстерское аббатство изображено штрихами, без теней и рельефности, нет, это не искусство.

— Хорошо, хорошо, — примирительно ответил Чедберн, — я не требую от вас большего. Я ценю в рисунке четкость, правильность и законченность линий. А в настоящем искусстве ничего не смыслу; следует простить мне сей недостаток.

Мистер Дув молча покачал головой и застыл в позе подчиненного, ожидающего указания от своего начальника.

— А как поживает привидение? — вдруг спросил мэр.

— Оно совсем не изменилось, — спокойно ответил мистер

Дув,— и, думаю, никогда не изменится, так как существует в измерении, откуда время изгнано. Вчера вечером оно остановилось перед большим стеклом моего кабинета, и я посмотрел на него.

— Что сообщают по его поводу архивы?

— Незадолго до отбытия Кромвеля был арестован один из граждан Ингершама, почтенный Джеймс Доббинс. Он громко заявлял о своей невинности — не знаю, что ему инкриминировали,— но умер на эшафоте и, как многие казненные, поклялся вернуться на место своих мук.

Я думал, что Доббинс сдержал свою клятву, но наткнулся в архивах на два прекрасно исполненных портрета мученика. Он не носил ни рясы капуцина, ни шапочки, ни бороды; это был упитанный человек с поросычьим личиком.

По нашей ратуше бродит призрак другого человека, а не Джеймса Доббинса. К счастью, история Ингершама бедна преступлениями и преступниками. Но лет сто тому назад торговец по имени Джо Блексмит прикончил дубиной на крыльце ратуши стражника, преграждавшего ему путь алебардой.

Блексмит сбежал в Лондон и исчез. Быть может, его отягощенная грехами душа, избежав человеческого правосудия, оплачивает долги на месте своего преступления?

— Не знаю и потому спрашиваю вас,— ухмыльнулся Чедберн.

— Блексмит косил и ужасно хромал, кроме того, был рыжим, за что и получил прозвище Красный Джо. Он не похож на наше привидение.

— Хватит! — приказал мэр.— Забудем о загадочном персонаже до того дня, пока он сам о себе не расскажет. Кстати, мисс Чемсен вам ничего не говорила?

— Она обо всем рассказала,— ответил мистер Дув.

— Что вы думаете по этому поводу?

Старый писец покачал головой.

— Похоже на таинственные «существа» прошлых веков.

Чедберн вскипел:

— Это не объяснение, Дув, а я жду от вас именно такого. Вернее, от вашего друга Триггса. Его следует заинтересовать случаем мисс Чемсен. Пусть он погостит денек-другой у нее в коттедже. Сестра нашей сослуживицы в совершенстве освоила искусство кулинарии, и вашему другу ни о чем не придется сожалеть, если он любит полакомиться.

Мистер Дув согласился побеседовать с Сигмой Триггсом.

В ближайшее солнечное воскресенье мистер Триггс разместился в «Красных Буках».

Коттедж получил свое название из-за полдюжины чудесных деревьев, золотистая сень которых укрывала домик от палящего солнца.

Лавиния Чемсен и ее сестра приняли его, словно принца.

Даже старая Тилли Бансби, их служанка, в честь лондонского детектива, «который, конечно, наведет порядок», отложила церемонию сдачи передника на несколько дней.

Триггс мучился, спрашивая себя, какой же порядок он будет наводить, но вслух ничего не говорил, ибо доверие дам льстило ему.

Сестры Чемсен заранее осведомились у мистера Дува о вкусах и привычках его знаменитого друга.

Дув ничего не знал, но обладал достаточно богатым воображением, чтобы их придумать. А посему мистер Триггс был усажен за стол, где стояли всяческие яства: шучьи тефтели, каплун, фаршированный белыми грибами (мистер Триггс смертельно боялся грибов), говяжий пудинг (столь неудобоваримое блюдо мало подходило для капризного желудка мистера Триггса) и пирог с творогом (мистер Триггс ненавидел его).

Он отыгрался на десерте, состоявшем из лимонного суфле, ананасного компота и превосходного французского вина.

После снесты, которую украсили чудесные сигары, дар мистера Чедберна, и которую пришлось устроить из-за адской жары, мистер Триггс сообщил, что желает совершить небольшую разведывательную прогулку.

Под ярким солнцем Пелли — громадная живописная пустошь с малопродуктивными пастбищами — показалась ему совершенно лишенной каких-либо тайн. Он шел, ни о чем не думая, срубал тростью квадратные стебли коричника, кривился от горького запаха буквицы, росшей по берегам анемичного ручья; рассеянно следил за беспорядочным полетом хищника, которого преследовала стая разъяренных воробьев.

«Интересно, где же спрячутся «существа»?» — твердил он про себя, даже не представляя, о каких существах идет речь.

Гуляя по Пелли, он заметил, что она не столь безобидна, как кажется на первый взгляд: складки местности, вьющиеся дорожки, ныряющие в глубокие ямы, выглядели настоящими ловушками.

Из одной впадины поднималась тонкая струйка дыма, и Триггс удивился, что нашли люди, решившие развести огонь в подобный день.

Через четверть часа он добрался до табора цыган. Их было человек пятнадцать — мужчин, женщин и детей, толпившихся около двух убогих кибиток.

На костре из сушняка с шипением жарился, распространяя вокруг запах падали, кусок мяса, над которым колдовала скрюченная старуха.

Предводитель племени учтиво ответил на вопросы Сигмы Триггса.

Им было запрещено находиться на территории Суррея, но в одной миле отсюда проходила граница Миддлсекса, и они остановились здесь из-за наличия воды и тени.

Он не станет чинить им неприятностей? Они надеялись, что нет, ибо были бедны! Их, словно прокаженных, гнали отовсюду, хотя они никому не причиняли зла и не трогали чужого добра.

Они дрессировали прусаков, насекомых противных и не столь послушных, как блохи, и зарабатывали жалкие гроши, показывая их успехи прохожим. Если их превосходительство пожелают посмотреть, ему все покажут бесплатно.

Какой-то мальчуган выпустил на широкую картонку семь или восемь этих глянцевых насекомых, и те начали бегать по кругу, делать кульбиты на соломинках и вертеться.

Триггс заметил, что дрессировщик пользовался длинной стальной иглой, нагретой в пламени свечи, чем и подчинял насекомых своей воле. Он не стал протестовать против подобной жестокости, ибо питал отвращение к прусакам, в то время как нищета цыган его равнодушным не оставляла.

— Вы могли бы пройти через Ингершам,— сказал Триггс,— и собрать там немного денег. Я поговорю с мэром, надеюсь, он разрешит вам краткое пребывание в городе.

Цыган смущенно почесал подбородок.

— Я... Мы предпочитаем перебраться в Миддлсекс.

— До ближайшего городка этого графства миль десять, а Ингершам в двух шагах,— возразил Триггс.

Остальные цыгане подошли поближе и с беспокойством прислушивались к беседе; наконец, одна из женщин осмелилась вмешаться в беседу:

— Мы не хотим идти в Ингершам.

Предводитель подтвердил ее слова:

— Сэр, мы действительно не хотим туда заходить.

— Правда? — искренне удивился детектив. — А почему?

— Ингершам — проклятый город, — с неохотой сказал предводитель. — В нем поселился дьявол.

— Ну-ну, — Сигма вытащил из кармана горсть монет, — объяснитесь.

— Э! — ответил ему собеседник. — Я все сказал: дьявол есть дьявол.

— Мы бедны, как церковные крысы, — выкрикнула одна из женщин резким голосом, — но это не мешает нам любить наших детей, и мы не хотим видеть, как они умирают от страха!

— Мы застряли на этой проклятой Пелли, — проворчал предводитель, — но ночью нас уже здесь не будет.

Триггс опустил пару шиллингов в пустую ладонь цыгана и жестом показал, что ждет продолжения.

— Сэр, даже вам не следует здесь оставаться, после захода солнца надо опасаться встречи с Быком.

— Быком?

— Вы не из местных? И ничего не знаете?

Триггс подтвердил, что он приезжий.

— Вы знаете мэра, сурового Чедберна? Не говорите ему о нашем разговоре, — умоляюще произнес цыган. — Он рассвирепеет и постарается наделать нам кучу неприятностей. Мэр не любит, когда говорят о Великом Страхе Ингершама.

— Бык... Великий Страх... — недоуменно повторил Триггс.

— Страх есть страх, и его не объяснить, — продолжил цыган. — Мне кажется, каждый чувствует приближение дьявола; Бык — кошмарный зверь, призрак, у него бычья голова, он изрыгает огонь, рога у него с молодое дерево, а глаза... глаза...

Молодая цыганка собрала детишек вокруг себя, словно насадка, и Триггс заметил, что, несмотря на грязь, они были прелестны, как амурчики.

— Они могут умереть от голода, такова их судьба, но я не хочу, чтобы им, как кроликам, пускали кровь всякие чудовища! Никогда! — Она с ненавистью погрозила далеким башням ратуши, чьи золотые конусы горели в лучах жаркого солнца.

Раздав множество мелких монет, Триггс направился к «Красным Букам», спрашивая себя, что же он, собственно говоря, узнал.

После чая с сэндвичами и кексами, которые примирили Триггса с его желудком, мисс Лавиния Чемсен предложила гостю послушать музыку в ее «святилище».

Триггс с трудом подавил в себе желание взбунтоваться — он любил только военные марши и с тревогой подумал, что дым его трубки не очень-то подходит к атмосфере «святилища» мисс Лавинии.

Однако нашел в себе силы улыбнуться и сказать, что восхищен.

— Как вы находите мой маленький музей? — жеманно спросила мисс Лавиния, когда они прошли в «святилище».

Слово «музей» поразило Триггса, ибо в памяти его тут же возникла унылая галерея Кобвела. Он ответил:

— Вы мне кажетесь поклонницей искусств и античности. Вот и бедняга Кобвел...

В глазах девушки показались слезы.

— Вы верно сказали «бедняга», мистер Триггс, — печально молвила она. — Мы его очень любили, мистер Кобвел всегда делал нам скидку.

— Он умер престраннейшим образом.

Мисс Лавиния вздрогнула.

— О да! Я спрашиваю себя...

Она умолкла и отвернулась, но гость проявил настойчивость:

— Вы что-то хотели сказать, мисс Чемсен?

— Говорят, он умер от страха. Что же могло ужаснуть его до такой степени? Человек он был мирный и спокойный, ему нельзя было отказать в некоторой практической сметке, несмотря на неумеренную страсть к старым вещам; по правде говоря, я разделяла с ним его тяготения к античности. Но... умоляю вас, мистер Триггс, не повторяйте моих слов мистеру Чедберну.

— Вы мне ничего не сказали, мисс Чемсен, — мягко возразил Сигма.

— А что я могу сказать, коли ничего не знаю. Но господин мэр сердится, когда об этом говорят.

«Чедберн, — подумал Триггс, — любит, чтобы люди держали рот на замке, когда речь идет о спокойствии городка».

— Я вам сыграю...

Пианино издавало меланхолические звуки, которые едва не усыпили гостя. Наконец, мисс Лавиния звучным аккордом завершила игру.

— Наступает вечер, — сказала она. — С вашего места видна Венера — прямо над вершиной итальянского тополя. Я называю веранду «святилищем» не из-за прелестных вещичек и нескольких музыкальных инструментов, а за вечерние красоты,

которыми люблю отсюда. Я вижу, как на пустошь опускаются первые тени, как из-за песчаных дюн Миддлсекса восходит луна, как становятся синими, а потом черными золотые кустарники, как падает ночь. Может, приказать Тилли принести лампу, мистер Триггс?

Он сообразил, что утвердительный ответ огорчит хозяйку, и заявил, что с большей радостью будет наслаждаться сумерками.

— Ах, какое счастье вы мне доставляете! — воскликнула девушка. — Скоро, когда запад окрасится в акварельно-розовый цвет, над домом пролетит козодой. Тилли говорит, что он приносит несчастье, но я не верю этому. Вы слышали песню про козодоя? Я перевела ее с немецкого, послушайте.

*Фей ночные ему подарили
Мягкие крылья, бесшумные крылья.
Но за какие грехи и разбои
Вором зовут его и козодоем?
Что же украл он? Лунные блики,
Юрких лягушек звонкие клики;
Звезд серебро, золотые рассветы —
Чтоб в зобу звенели, как монеты!*

Ах, мистер Триггс...

Ночь пала на землю; детектив даже удивился, как быстро растворилась в полной темноте пустошь, и пришел в замешательство, почувствовав на своей руке ладонь мисс Чемсен.

Она была влажной, и Триггс ощутил сладковатый запах ее пота.

— Не проговоритесь, — шепнула девушка, совершенно невидимая в темноте, — никогда не проговоритесь мистеру Чедберну, что я пишу стихи. Он не любит и не понимает подобных вещей. Увы, это заурядный человек.

По стенам скользнул желтый отсвет, и появилась Тилли Бансби с керосиновой лампой в руке.

— Не сидите в темноте, — проворчала она, — темнота притягивает нечистую силу. Скажите, мисс Лавиния, а куда подевалась мисс Дороти?

Мисс Чемсен вскрикнула от ужаса.

— Как, Дороти нет дома? Она опять ушла на пустошь. Боже, когда-нибудь с ней обязательно приключится несчастье!

— Какая опасность может подстергать ее на Пелли? — вмешался в разговор мистер Триггс. — Ну, заблудится или свалится в канаву.

— Нет опасности! — вскричала старая Тилли. — Хотелось бы посмотреть на вас, уважаемый сэр! Уже не в первый раз мисс Дороти...

— Замолчите, Тилли!

— Хорошо, хорошо, молчу, тем более что меня здесь никто не слушает. Поступайте как хотите, мои красавицы, но завтра же я покину этот дом и, клянусь своей доброй репутацией, ногой не ступлю больше на эту чертову пустошь.

Вдруг Лавиния протянула дрожащую руку к стеклам.

— Что это?.. По пустоши словно бегут огоньки?

Тилли заорала от ужаса.

— Люди, лошади... Они там... Существа!

Триггс выскочил на крыльцо и с удивлением воззрился на странный спектакль.

Три смолистых факела горели рыжим пламенем и бросали зловещие отсветы на группу людей в лохмотьях с корзинами и посохами в руках. Они тащились за двумя скрипучими кибитками, которые с трудом влекли тощие клячи.

— Не бойтесь,— воскликнул детектив,— это цыгане! Они стояли в долине и направляются в Миддлсекс! Я им скажу пару слов.

Предводитель, шедший во главе процессии, узнал его.

— Мы уходим,— прокричал он,— здесь плохо!.. Уходите с нами!

— Что случилось? — спросил детектив.

— Дети видели Быка! — крикнула одна из женщин. — Он хотел унести мою крошку Типпи!

— И «существа» идут! — поддержала ее другая. — Мы их чувствуем... Там «существа»! Надо уходить!

— Сэр,— сказал на прощание человек с головой хищника. — Я вас предупредил, поскольку вы щедры и добры. Ничего больше я добавить не могу. Мы уходим!

Они двинулись дальше. Триггс, ошеломленный больше, чем сам признавался себе, смотрел, как тает во тьме пламя их факелов. Вскоре они скрылись из глаз.

— Дороти! О, Дороти! — рыдала мисс Лавиния. — Я боюсь за нее!

И тут тишину разорвал пронзительный вопль.

— Это Дороти! — закричала Лавиния, падая на колени. — Боже! Защити ее!

Триггс с тревогой огляделся. Он жалел, что не захватил оружия. К счастью, среди смешных безделушек он углядел тяжеленную трость из чашкового дерева, обвязанную розовым бантом, схватил ее, сдернул шелковую ленту и потребовал фонарь.

Тилли дала ему небольшой кучерской фонарь с огарком свечи.

— Не двигайтесь с места,— приказал детектив испуганным женщинам. — Крик раздался в направлении, противоположном тому, куда ушли цыгане. Я пошел.

Он не сделал и двадцати шагов по пустоши, как ему показалось, что он очутился в пустоте; лампа почти не помогала, ибо ее бледный свет рисовал только желтый кружочек света у ног.

Но боги услышали его безмолвную молитву: далекие дюны Миддлсекса зазолотились. Взошла луна.

Мрак немного рассеялся, и Триггс стал различать треугольники карликовых хвойных деревьев и темные массивы черной калины, но тут раздался новый истерический вопль, за которым последовало ужасающее рычание.

— Бык! — пробормотал Триггс, и у него в висках заломило, словно от ледяного компресса.

Рог полумесяца выглянул из-за вершины дюны, и Сигма увидел чудовище, застывшее шагах в двадцати от него.

Оно вырисовывалось на фоне луны неправдоподобно взъерошенной тенью.

Триггс различил громадную бычью морду с рогами, вонзающимися в небо, толстая кожа мощными складками спадала вниз, две толстенных человеческих руки сжимали стонущее тело.

Окажись у Триггса револьвер, он всадил бы в чудовищную тень всю обойму, ибо был плохим стрелком; но у него в руках было оружие, которым он владел виртуозно,— палка.

Мистер Триггс наострил в упражнениях с палкой на обязательных курсах оборонительной гимнастики и даже был отмечен наградой.

Быстро примерившись, он бросился вперед.

Когда чудовище заметило его, у него уже не было времени на нападение. Оно заняло оборонительную позицию, опустило рога, уронило в траву свою добычу и вытянуло вперед громадные черные кулаки.

Сокрушительный удар в бедро, резкий тычок острием в живот и сильнейший удар по морде тут же сломили сопротивление ужасного чудовища.

Испуская жалобные крики, оно попыталось убежать, но Триггс не желал упускать его.

— Сдавайся! — закричал он.

Существо неловкой трусцой ковыляло к рожице, надеясь скрыться от преследователя.

Триггс настиг его, когда бычья морда с рогами сползла на мощное плечо.

Трость описала широкую дугу, и чудовище рухнуло на землю.

Луна взошла над дюной, словно желая разделить с детективом сладость победы.

— Ну, бандюга! — закричал Триггс. — Покажи-ка мне свою грязную рожу, а то получишь еще!

Он яростно потрясал палкой, а его жертва жалобно стонала.

Ногой Сигма откинул в сторону осклизлую коровью шкуру.

— Боже мой, я где-то видел это лицо, — проворчал он, склоняясь над толстяком, по лбу которого текла кровь.

— Не притворяйтесь мертвецом, дружок. У вас такой же крепкий череп, как и у быка, с чьей помощью вы пугали людей!

Встать!

— Не бейте меня больше. Я сдаюсь, — простонал голос.

— И правильно делаете! Встать! Идите вперед... и не вздумайте ничего выкидывать, а то получите пулю.

— Ради бога, не стреляйте! Я иду... Ох, как вы меня избили!

Триггс сложил руки рупором и позвал:

— Сюда, мисс Чемсен! Сюда, Тилли Банси!

Вскоре на пороге «Красных Буков» появилось два огонька.

— Мисс Дороти здесь!

Мисс Дороти уже встала на ноги, но говорить не могла и показывала на свое распухшее горло.

— О! Он хотел вас задушить! — вскричал Триггс. — Его песенка спета!

Последнее слово в ночном приключении осталось за Тилли Банси.

Преодолев ужас, она подошла к побежденному, который, опустив голову, стоял и ожидал приказа своего победителя.

— Фримантл! — крикнула она. — Мясник! Каналья, а мы к тому же его клиенты.

И она влепила ему пощечину.

Мистер Чедберн, старый доктор Купер и Сигма Триггс сидели в громадном кабинете мэра. Мэр держал речь:

— Поздравляю вас, мистер Триггс. Кстати, я и не ожидал ничего иного от бывшего инспектора Скотленд-Ярда.

— Хм, — с неловким видом начал Триггс, — я не... благодарю вас, мистер Чедберн.

— Просто Чедберн, — прервал его мэр, — но я собрал вас не только ради того, чтобы воздать вам хвалу. Благодаря вам ужаса Пелли больше не существует. Вы пришли и победили. Фримантл развлекался, разыгрывая людей таким ужасным способом...

— Простите, — тихим голосом вмешался в его речь Триггс, — мисс Дороти Чемсен едва не лишилась жизни; следы на ее щеках хорошо видны. Все это заставляет меня думать, что бандит был жесток и по отношению к цыганским детишкам, которые с табакеркой проходили по Пелли.

Мистер Чедберн жестом отбросил его аргументы.

— Прежде всего этим бродягам запрещено останавливаться на Пелли и даже просто пересекать ее; кроме того, жалобы не поступали и преступление зарегистрировано не было. Этому негодяю Фримантлу нет никаких извинений, но я берегу репутацию Ингершама и спокойствие его обитателей. Стоит заговорить о происшествии, как на город налетит ядовитая стая лондонских репортеров. Я не желаю их нашествия.

— Им будет трудно помешать, — заметил Триггс.

— А вот и нет, Триггс. Я заткну рот своим людям; они меня знают и понимают, что в моих руках имеется немало средств заставить молчать самых болтливых.

— Мне кажется, подобное дело замять нелегко, — заявил Триггс. — Я, со своей стороны, не смогу этого сделать, господин мэр, поскольку вы послали меня туда в качестве помощника констебля.

— А кто собирается замять дело? — воскликнул мэр. — Напротив, оно получит свое завершение в полном согласии с законом и нормами правосудия. Доктор Купер освидетельствовал Фримантла и вынес заключение: полная неменяемость субъекта. Через час его отвезут в сумасшедший дом, где он и будет отныне пребывать.

— Действительно, — кротко сказал доктор Купер. — Мое заключение будет подтверждено дипломированным психиатром. Перед лицом подобных фактов судебное разбирательство прекращается, как, впрочем, и следствие по данному делу.

Все было ясно и понятно, и мистеру Триггсу не оставалось ничего иного, как уступить.

Когда мэр протянул ему чек, он заколебался:

— Не знаю, должен ли принимать его.

— Это ваш гонорар,— сказал мистер Чедберн.— Повторяю, вы положили конец ужасу, от которого страдали все. Вы великий мастер своего дела, мистер Триггс!

Триггс удалился, смущенный и довольный.

Днем он получил громадный букет роз и поэтический альбом, на первой странице которого красовалась «Песнь о козодое» с эпиграфом: «Моему спасителю — великому детективу Триггсу».

К альбому был приложен тщательно завязанный пакет. Триггс нашел в нем цитолу с новыми струнами; на визитной карточке, прикрепленной к грифу, было начертано: «Да воспоем она ваше счастье и вашу славу!»

Мистер Триггс вздохнул; он вновь ощутил резкий запах пота влажной руки мисс Лавинии Чемсен и, неизвестно почему, вспомнил таинственно исчезнувшую мисс Руфь Памкинс.

Вечером он по-царски принимал своего приятеля Дува. И вместо обычного грога они пили во славу победного дня французское вино.

— Сегодня утром,— заявил Триггс, наполняя бокалы,— мистер Чедберн сказал мне, что я покончил с ужасом Пелли... Так вот, Дув! Я не верю в это. Жалкий безумец Фримантл не мог быть воплощением Великого Страха, по крайней мере полным его воплощением.

Мистер Дув курил и хранил молчание.

И тогда мистер Триггс понял, что он не так уж доволен самим собой.

VI

МИСТЕР ДУВ СНОВА РАССКАЗЫВАЕТ СВОИ ИСТОРИИ

Мистер Триггс стал великим человеком Ингершамы.

Конечно, никто открыто не говорил о Фримантле, о таинственных ужасах Пелли, но втихомолку все восхваляли заслуги человека из Скотленд-Ярда, с лихвой оплатившего свой долг признательности покойному сэру Бруди.

Когда Триггс шел по улице, все шляпы и шапки взлетали над головами в приливе энтузиазма, и, кажется, только энергичное вмешательство самого мистера Чедберна избавило его от шумных ночных серенад при фонарях.

Отовсюду сыпались приглашения на обеды, чай, на партии в вист, и миссис Снипграсс каждый день с гордостью опорожняла почтовый ящик, набитый восторженными посланиями.

Мистер Триггс вежливо отклонял все предложения либо оставлял их без ответа, но по настоянию мистера Дува принял одно — предложение мистера Пайкрофта, аптекаря.

И сделал это не без удовольствия. Его детские воспоминания были довольно смутными, ибо еще малым ребенком его отправили за счет доброго мистера Бруди в дальний пансионат; во время единственных каникул, проведенных в Ингершаме, он частенько забредал в аптеку, владельцем которой в ту эпоху был мягкий, приветливый старичок, передавший дело мистеру Пай-

крофту после женитьбы последнего на единственной дочери аптекаря.

Мистер Триггс еще помнил бледную красивую девчущку со светло-голубыми глазами.

Войдя в эту старенькую деревенскую аптеку, мистер Триггс совершил волнующее путешествие в прошлое, узнав запахи и формы далекого детства.

Пайкрофт принял гостей в голландской столовой, похожей на уютную кают-компанию.

— Мистер Триггс,— торжественно произнес аптекарь,— заяц из басни почтенного Лафонтена предавался в своем логове бесплодным мечтаньям, ибо у него не было иных дел. Житель же маленького городка следит за своим соседом, болтает, делится своими воспоминаниями и ест — у него тоже нет занятий. Чаще всего его болтовня приятна, а еда вкусна. И посему предлагаю продолжить приятную беседу за вкусной едой.

Так и произошло — в ценной посуде были поданы отличные блюда.

— Отведайте этих жаренных на вертеле раков из Грини, мистер Триггс. Нет, эта сочная птица не гусенок и не фазан, а павлин. Лучшей дичи не сыскать, но не следует его фаршировать трюфелями.

Конечно, жаль негодяя Фримантла, но ему не было равных в изготовлении паштета из телятины и окорока, и я уверен, что простофиля, который заменил его в надежде жениться на глупейшей миссис Фримантл, если она овдовеет, и в подметки ему не годится по части кулинарии. Но это не причина забывать о паштете, я изготовил его собственными руками. Он вам нравится? Я очень рад. А напитки... Если я вам скажу, что готовлю их сам по рецептам великого Распая?

Вечер начинался превосходно, но на чистом небе оставалось одно облачко, которое мистер Триггс поспешил бесхитростно развеять.

— Я знавал вашу супругу,— сказал детектив.

— Вот как? — пробормотал аптекарь, и губы его задрожали.

— Тогда ей было лет семь или восемь, да и мне не больше!

— Бедняжка Ингрид! Она была красива... Ее нордическое очарование происходило от матери, шведки. Как я ее любил, мистер Триггс. Но она никогда не отличалась крепким здоровьем и простудилась — в Ингершаме ужасные зимы. Ее стал мучить кашель... Лондонские специалисты посоветовали долгое пребывание в Швейцарии. Она не вернулась, мистер Триггс. Она спит на крохотном кладбище в Анодине под сенью громадных сосен...

Мистер Дув ловко сменил тему разговора.

— Предлагаю выпить за успех нашего друга Триггса. Думаю, детективы Скотленд-Ярда позавидовали бы столь полному и решительному успеху, с каким он уничтожил ужас Пелли.

— Э... — промычал Сигма, — я, право, не заслуживаю...

— Некогда,— продолжил мистер Дув,— я знавал в Лондоне знаменитого Мецла Репингтона. Это имя вам что-нибудь говорит, мистер Триггс?

— Конечно,— солгал мистер Триггс.

— Джентльмены, вы любите детективные истории?

И Триггс, и Пайкрофт любили их.

— В те времена,— начал мистер Дув,— я состоял членом некоего довольно известного лондонского литературного клуба. О, не смотрите на меня такими глазами — я исполнял в нем функции переписчика, не более.

Однажды Мепл Репингтон поручил мне работу, с которой я успешно справился, и в знак признательности рассказал одно из своих приключений, историю, весьма позабавившую меня.

Я перескажу ее вам в том виде, как услышал сам.

Итак, передаю слово мистеру Репингтону.

Мои родители прочили мне преподавательскую деятельность, и, кажется, я слыл прилежным учеником. Но, добившись всех возможных званий и дипломов, я понял, что карьера преподавателя слишком трудна, и решил зарабатывать на хлеб насущный на ином поприще.

Один из литераторов той эпохи оказал мне протекцию, помог и друзья. Я дебютировал в журналистике, вернее, в литературе.

Скажу сразу, у меня, по мнению издателей и ответственных секретарей, не было ни стиля, ни воображения.

Однако один из этих почтенных людей заказал роман, чтобы дать мне немного подзаработать.

Еженедельник, для которого следовало выполнить заказ, назывался «Уикли Тейлс» и платил по пенни за строчку, что казалось мне сказочным гонораром.

Мне предоставили право самому выбрать сюжет при условии, что он окажется занимательным и читатель найдет в нем достаточное количество ужасов, чтобы подрожать от страха.

Я оказался в большем затруднении, чем казалось. Прошла неделя, но вдохновение отказывалось посетить меня.

В то время я жил в тесной квартирке из двух комнат на старой улочке около Ковент-Гардена. Соседние комнаты занимал старый отставной военный, майор Уил, человек доброго сердца, который считал своим долгом поднимать дух всех и каждого.

Он частенько приглашал меня выкурить трубку и отведать виски, которое ему присылали из самого сердца Шотландии.

Подметив мою озабоченность, Уил спросил о ее причинах с привычной снисходительной прямотой.

Я не делал тайны из своих забот и рассказал историю заказанного романа, который «не шел».

— Дело необычное, и я ничего в нем не смыслю. Кроме Вальтера Скотта и Диккенса, я ничего не читал и думаю, превзойти этих гениев никому не удастся; все остальные книги — дрянь.

Однако могу вам указать путь, хотя не могу утверждать, что он наилучший.

Как вы относитесь к истории сумасшедшего? Ибо полковник Крафтон — сумасшедший, хотя был в свое время одним из самых блестящих кавалерийских офицеров.

Хотите повидать его? Когда-то мы дружили и продолжаем обмениваться новогодними открытками с пожеланиями здоровья и счастья.

Крафтон живет бобылем в Сток-Ньюингтоне; нанесите ему визит от моего имени. Только не проговоритесь, что собираетесь писать истории, избрав его в качестве главного героя. А не то он вас прикончит.

Вы любите лубочные картинки?

— Станный вопрос, майор... Но отвечу откровенно: я их обожаю!

— В таком случае вы спасены в глазах полковника Крафтона, ибо у него лучшая в мире коллекция лубков. Он отдал большие деньги за множество этих бесхитростных рисунков, поскольку богат и может удовлетворить все свои прихоти.

— Спасибо... Но что за странности у вашего полковника?

Майор Уил с огорченным видом пососал чубук своей трубки.

— Мой старый друг ведет войну с привидением, происхождение которого я не знаю.

Поезжайте к нему, наговорите кучу любезностей от моего имени, скажите, что желаете ознакомиться с его коллекцией лубков, а если он ее вам покажет, не жалеите ни похвал, ни восхищенных слов. Остальное придет само собой.

Меня покорила идея Уила, и на следующий день я отбыл в Сток-Ньюингтон. В те дни то была деревня с чудесными травянистыми лугами, лесом и очаровательными древними трактирами.

Я отобедал в одном из них под вывеской «У веселого возчика».

Я съел омлет с ветчиной, проглотил большой кусок творожного суфле, выпил пузатую кружку пенистого эля и попросил трактирщика указать мне дорогу к дому полковника Крафтона.

Бравый хозяин едва не выронил глиняную трубку.

— Молодой человек, я надеюсь, вы прибыли в Сток-Ньюингтон не для того, чтобы вас забросали поленьями.

Я, по-видимому, скорчил ужасную гримасу, ибо он тут же добавил:

— Именно такой прием ждет вас у полковника Крафтона, коли ваше лицо придется ему не по вкусу, а так случается со всяким, кто звонит в его дверь.

— Он что — сумасшедший или негодяй?

Трактирщик нерешительно покачал головой.

— Ни то, ни другое. Я считаю его ученым человеком, и он жертвует муниципалитету крупные суммы денег для бедных. Но он не любит общения с людьми, однако так было не всегда.

— Будьте любезны, расскажите мне его историю.

— Охотно, хотя многого сообщить не могу. Десять лет тому назад, выйдя в отставку, он купил себе старый красивый дом на окраине деревни.

По натуре своей он не был довольно общительным, но не выглядел и дикарем, каким стал сейчас. Он посещал трактир два раза в неделю, по понедельникам и четвергам, избрав забытое посетителями заведение «У старого фонаря», которое содержал старик Сандерсон со своей дочерью Берилл.

Через год после приезда полковника в Сток-Ньюингтон старый Сандерсон помер, и Берилл осталась одна-одинешенька во главе отягощенного долгами трактира без клиентов.

Берилл нельзя было назвать красавицей, но выглядела она свежей и приятной; более того, поведения она была безупречного.

Крафтон предложил ей вступить в брак, и она без колебаний согласилась.

Два года супруги жили отшельниками, но были счастливы.

Поэтому всех поразило известие, что Берилл сбежала в Лондон с молоденьким студентом, проводившим каникулы в Сток-Ньюингтоне.

С той поры Крафтон заперся у себя в доме, выгнал служанку и взял ведение хозяйства на себя.

Мне сдается, крах супружеской жизни помутил его разум, превратив этого человека в мизантропа чистейшей воды.

Вот, сэр, все, что я могу вам сообщить о полковнике Крафтоне, и, согласитесь, история его банальна, хотя и причинила множество неприятностей старому нелюдиму.

— Ба! — воскликнул я. — У меня превосходная рекомендация, и я, пожалуй, рискну своей спиной!

Дом бывшего военного стоял у коммунального луга, вдалеке от других жилищ.

Фасад старого дома был приятен глазу и выделялся ярким архитектурным стилем.

Стояла редкостная жара, и воздух гудел, словно в печи булочника.

Я дернул за ручку и услышал переливчатый звон в глубине гулкого коридора. Дверь распахнулась только после третьего звонка.

На пороге возник хозяин с тростью из индийского тростника.

— Кто вы такой и что вам надо? — враждебно пробурчал он. — Вы не похожи на торговца вразнос или коммивояжера, однако дергаете звонок, как сии невоспитанные и невежливые индивидуумы.

— Я от майора Уила.

В полковнике Крафтоне не было ничего ужасного. Напротив, он выглядел маленьким упитанным человечком, и только на донышке голубых глаз его кукольно-розового личика таилось некое беспокойство.

Услышав имя майора Уила, он подобрел:

— Уил — истинный джентльмен и не станет понапрасну беспокоить меня. Войдите, сэр.

Мы прошли по широкому, уложенному плитами коридору в гостиную, сверкавшую чистотой.

— Предлагаю вам освежиться, — сказал полковник привычным командирским тоном, — но вам придется пить в одиночестве, я почти законченный трезвенник.

Он вышел и несколько минут спустя вернулся с длинной бутылкой рейнвейнского и старинным хрустальным бокалом.

Холодное вино оказалось превосходным.

Полковник осведомился о цели моего визита.

Я пустился в пространные восхваления нежных лубочных картинок и сказал, что горю желанием ознакомиться с его коллекцией.

— Лубочная картинка,— начал Крафтон печальным тоном,— единственное, что навевает воспоминание о былых людях. Взору понимающего человека, хотя я не могу причислить себя к оным, они открывают новый мир. Я же всего-навсего старый маньяк, коллекционер, раб собственной страсти.

Через час я уже сидел за столом моего нового друга перед коллекцией прелестных картинок, забыв о цели своего визита. Я готов был поклясться, что явился, дабы насладиться чудными наивными миниатюрами.

Среди них встречалось много редких и, несомненно, весьма дорогих рисунков небольшого размера, раскрашенных кисточкой. Тут же лежали миниатюры с гротескными фигурами карликов и большими видами Нюрнберга. Похождения Мальчика с пальчик и Золушки чередовались с грозными набегами Людоеда и с невероятной историей Сахарной головы.

Наступил вечер, и я подумывал, как найти предлог для прощания, но погода решила за меня. Когда я встал из-за стола, с сожалением отложив в сторону ярко раскрашенную серию рисунков с приключениями злосчастного сиротки, раздался сильнейший удар грома.

— Я не могу вас отпустить,— сказал Крафтон.— Вы не морж и не утка и живым до рыночной площади не доберетесь. К тому же сообщение с Лондоном уже прекратилось. Могу предложить вам гостеприимство одинокого человека. Вы согласны?

Я с признательностью принял приглашение.

Гроза то стихала, то принималась бушевать с новой силой; дождь превратился в ревущий водопад.

Комната, куда привел меня хозяин, выглядела очень уютной. Фламандские сундуки сверкали всеми цветами радуги. Над камином из черного мрамора с белыми прожилками висела картина Жерара Доу.

Холодный ужин, поданный на драгоценном голландском сервизе из фаянса, состоял из больших ломтей копченой ветчины, рыбы в маринаде, нежного овечьего сыра и засахаренных фруктов.

Наш разговор перешел от лубочных рисунков к военным приключениям. Полковник говорил, не скрывая своей радости.

— Поймите меня, мой друг,— он уже величал меня другом,— поймите меня... Я молчу целыми месяцами, а сегодня упиваюсь словами — у меня недержание речи! По такому поводу я отступлю от строгих правил воздержания. Как вы относитесь к араковому пуншу? Я выпью капельку вместе с вами.

Гроза ушла к югу, и дождь перестал стучаться в закрытые ставни.

Я глянул на массивные фламандские часы и удивился столь позднему часу.

— Без двадцати час. Как бежит время, полковник!

Мои слова оказали неожиданное действие.

Крафтон с дрожью положил трубку, бросил испуганный взгляд на пожелтевший циферблат и простонал:

— Без двадцати час! Вы сказали, без двадцати час!

— Конечно,— ответил я.— Когда беседуешь о столь интересных вещах и попиваешь столь чудесный напиток...

— Бога ради,— воскликнул он,— не покидайте меня... Скажите, мой друг, который час показывают стрелки?

Он позеленел от страха, и по его подбородку стекала струйка слюны.

— Ну что вы, полковник, минутная стрелка ползет к сорок пятой минуте. Скоро будет без четверти час!

Крафтон издал вопль ужаса.

— Почему же я не сплю в сей поздний час? — крикнул он.— В этом замешаны адские силы. Который час?

— Без четверти час, полковник... Уже бьет три четверти!

— Проклятие! — захрипел он.— Вот она!

Дрожащим пальцем он указал на темный угол комнаты и повторил:

— Вот она! Вот она!

Я ничего не видел, но странное недомогание стеснило мне грудь.

— Тень... Тень, являющаяся без четверти час... Вы видите ее?

Я поглядел туда, куда он указывал пальцем, но ничего необычного не увидел.

Он опустил голову и забормотал:

— Конечно, вам ее не увидеть. Она так легка, так subtilна, эта тень. Но вы можете слышать ее.

— Ваша тень шумит?

— Стучит. Призрак, который ужасно стучит.

Я прислушался и ощутил, как на меня начинает накатывать беспричинный животный страх.

Издали доносились глухие стуки, равномерно отбивавшие какой-то гнетущий дьявольский ритм.

Я растерянно смотрел по сторонам и не мог понять, откуда идет этот угрожающий стук.

Звуки то раздавались рядом и дребезжали, как надтреснутый колокол, то удалялись, как быстрый конский топот, потом возвращались обратно и походили на хлопанье перепончатых крыльев невидимых летучих мышей.

— Откуда этот шум? — нервно прошептал я.

Полковник поднял на меня остекленевший взгляд.

— Это стучит тень.

— Где? — с отчаянием воскликнул я.

— Пойдем и посмотрим,— вдруг с твердостью сказал он, схватил лампу и двинулся по коридору впереди меня.

Звуки стали почти неразличимыми и словно растворились в воздухе, будто чьи-то неуверенные руки постукивали по потолку.

Я сказал об этом хозяину, и тот, подняв голову, прислушался.

— Нет! Они доносятся из-под пола, из погреба. Прислушайтесь!

Из мрака погреба, дверь которого отворил полковник, доносился стук деревянного молотка, обернутого тряпицей.

— Пошли,— приказал он.

Звуки становились все внятней, и я, сам не знаю почему, боялся подойти к месту, где они рождались.

Вдруг Крафтон распахнул дощатую дверь, и я увидел просторный винный погреб с рядами бутылок.

Он поднял лампу к потолку и копотью начертал на своде круг.

— Она стучит! Боже, как она стучит!

— Кто... кто она?

— Тень! Всегда без четверти час. Она всегда стучит в это время, а я сплю и не слышу ее, ибо хочу спать и не слышать. А этой ночью вы заставили меня бодрствовать, проклятое вы существо!

Я глянул на него — он был отвратителен.

Глаза покраснели, и в них вспыхивали яростные огоньки. Открыв рот, он обнажил желтые кривые зубы с огромными клыками. Неужели передо мной мягкий, доброжелательный человек, любитель нежных лубочных картинок?

— Грязный шпион! — закричал Крафтон и поднял руку.

С невыразимым ужасом я увидел, что его кулак сжимает ручку громадной сечки, заточенной словно бритва.

— Скотина!

Лезвие просвистело у самого моего носа, и во все стороны полетели осколки бутылок — в погребе запахло портвейном и ромом.

И тут, как ни странно, ко мне вернулось самообладание: я перестал страшиться невидимки.

— Подковник,— спокойно сказал я,— вам мало одной тени, являющейся без четверти час?

Он замер и тихо опустил сечку, зловещие огоньки померкли в его глазах.

Лампа упала и погасла, но, к счастью, не взорвалась.

Несколько минут я стоял в непроницаемом мраке. Тишина была полной: прекратились все стуки.

Я чиркнул спичкой и увидел мертвого полковника Крафтона, распростертого на плитах погреба...

Не помню, как добрался до трактира «У веселого возчика», а утром вернулся в дом полковника с судебными чиновниками, и врач констатировал, что Крафтон умер от разрыва аневризмы.

— Разрыйте пол погреба,— сказал я полицейскому офицеру.

— Зачем?

— Чтобы извлечь труп миссис Крафтон, убитой мужем несколько лет назад в приступе ревности.

Труп с рубленой раной на голове был найден.

Я рассказал странную и мрачную историю об ударах, звучавших в ночи, и врач, который не выглядел дураком, покачал головой.

— Я понимаю вас, мистер Репингтон. Вы слышали биение сердца преступника, усиленное его собственным ужасом от соде-

янного без четверти час, когда он и совершил свое преступление. Случай исключительно редкий, но не единственный в анналах медицинского факультета. Боже, что выстрадал этот человек!

— Однако,— прервал я,— не это навело меня на мысль о возможной виновности полковника Крафтона... Быть может, доктор, я удивлю вас, сказав, что вечером и во время ночной беседы меня одолевал смутный страх.

— Инстинктивный?

— Вовсе нет, дедуктивный... и он приходил от лубочных картинок, мысль о которых не оставляла меня.

— Объяснитесь,— потребовал врач.

— Я никогда не видел такой полной коллекции, как у полковника Крафтона. В ней имелись все сказки, кроме самой известной истории, о которой знает любой малыш.

— А именно?

— Истории Синеи Бороды! Муж-убийца напоминал Крафтону о его собственном преступлении. Эта странная лакуна заставила работать мою мысль, и задолго до рокового часа я начал догадываться...

Мепл Репингтон добавил, что это печальное приключение положило конец его литературной карьере, открыв ему путь в полицию.

— Чертов Репингтон, я не знал об этом его приключении,— произнес мистер Триггс, присовокупив свой голос к выдумке и простительному греху сочинительства.

Мистер Пайкрофт пробормотал:

— Они пили араковый пунш. Если хотите, я вам приготовлю такой же.

Мистер Триггс обсуждал с миссис Снпграсс меню обеда, которым хотел отблагодарить мистера Пайкрофта, когда явился мистер Дув. Новость, сообщенная им, была ошеломляющей.

— Мистер Пайкрофт умер, он принял такую дозу цианистого калия, что от него несет миндалем, как от итальянского марципана. Мистер Чедберн собрал жюри и поручил передать вам, что вы включены в него. Это займет у вас несколько минут, ибо самоубийство не вызывает никаких сомнений, а вам вручат вознаграждение в шесть шиллингов и пять пенсов.

— Почему он это сделал? — вскричал мистер Триггс.

— А с каких пор доискиваются причин событий, происходящих в Ингершаме? — ответил вопросом на вопрос мистер Дув.

— Я так хотел узнать рецепт аракового пунша,— печально произнес Триггс.— Мне положительно не везет.

VII

СТРАСТЬ РЕВИНУСА

Трагическая кончина аптекаря Пайкрофта стала темой устной хроники, и слава мистера Триггса несколько потускнела.

Он не стал жаловаться, напротив, обрадовался этому, ибо

знал, что не заслуживает ее. И чем больше он размышлял о тайне Пелли, тем яснее понимал, что пленение мясника Фримантла ничего не разъяснило.

Самоубийство Пайкрофта, причину которого он пытался разгадать, вызвало у него состояние угнетенности, быстро переросшее в глубочайшую меланхолию.

Не желая ни с кем встречаться, он сидел дома, курил одну трубку за другой и листал толстые тома Диккенса.

Несколько раз в день его взгляд обегал залитую солнцем главную площадь, и он шептал:

— Кобвел умер от страха... его сосед Пайкрофт покончил с собой... сестры Памкинс исчезли... Фримантл в сумасшедшем доме. Черт подери, остались лишь кондитер Ревинус и мэр Чедберн — только их дома пока еще не раскрыли своих тайн...

В среду, в ярмарочный день, разразилась гроза.

Рыночная торговля прошла без привычного оживления; многие торговцы, напуганные тропической жарой, даже не стали разбивать свои палатки. Кроме того, в округе свирепствовала коровья чума, и многие скотоводы не явились на рынок.

Миссис Снипграсс, подавая чай с кексом, сообщила, что свиньи и бараны тоже поражены болезнью и их нельзя ни продавать, ни есть.

— Сдается мне, на Ингершам обрушилось несчастье,— сказала в заключение славная женщина,— а когда разразится гроза, станет еще хуже.

Мистер Триггс посмотрел на голубое небо и с сомнением покачал головой.

— У нас дома превосходный барометр,— продолжала служанка.— Снипграсс говорит, что ртуть так и падает в трубке.

После четырех часов люди на площади подняли головы к небу, а палатки точильщиков и ножеторговцев из Шеффилда, стоявшие неподалеку от ратуши, вздулись колоколами.

С башни ратуши донеслось шесть размеренных ударов — служитель торопил с закрытием ярмарки.

Мистер Триггс набил трубку и уселся перед окном гостиной.

Посещая он почаше «галерею искусств» Кобвела, отныне закрытую навсегда, он мог бы провести некоторую параллель между поддельной «Грозой» Рейсдаля, красовавшейся в галерее на почетном месте, и мрачной картиной, разворачивающейся перед ним.

Вихри пыли поднимались позади домов, и площадь стала сценой удивительной игры света и тени.

Триггс увидел старого Тобиаша, свечника, который вышел из своей лавочки с черпаком в руке и замахал руками.

Тобиаш торговал заговоренными свечами от молнии и града и зазывал покупателей.

Звучно упали громадные капли, несколько градин ударило по стеклам, взвыл порывистый ветер.

В пять часов площадь опустела, двери закрылись, опустились ставни, но буря еще не началась.

Громадные подвижные тени сливались с общим серо-коричне-

вым сумраком. Триггс ощутил странную угнетенность, затем и настоящую тоску; он позвонил Снипграссам.

Ответа не последовало — звонок тренькал в прихожей на первом этаже, но прислуга скорее всего удалилась в свой домик в глубине сада.

Сумрак сгустился, небо почернело, словно наступило солнечное затмение; желтое пламя пробегало по конькам крыш, а на громоотводах ратуши зажглись огни Святого Эльма.

Вдруг мистер Триггс ощутил чье-то присутствие.

Его взгляд упал на блестящую дверную ручку.

Это была старинная крепкая ручка в виде лебединой шеи, и надо было иметь недожизненную силу, чтобы повернуть ее.

Ручка медленно поворачивалась — кто-то давил на нее снаружи.

— Кто там? — Мистер Триггс с трудом поднялся, сжимая в руке трость, выругался, и крепкая брань вернула ему все его самообладание.

Он бросился к приоткрытой двери и резко распахнул ее, потрясая тростью.

В то же мгновение его ослепила ярчайшая молния, за которой последовал оглушительный раскат грома.

Триггс отшатнулся, прикрыв рукой ослепшие глаза, но успел различить длинную белую руку, сжимавшую тонкое лезвие, блеснувшее в голубой вспышке молнии.

Он инстинктивно метнул свою трость и услышал пронзительный вопль.

180
Еще несколько мгновений Триггс оставался во власти колебаний; молнии и раскаты грома были столь мощными, что бедняга оцепенел. Когда же он справился с минутной слабостью и ринулся в коридор, тот оказался пустым, только гулкое эхо грома перекатывалось по нему.

Дверь на улицу была распахнута настежь.

— Боже! — воскликнул Триггс. — У меня дома и среди бела дня!

Правда, белый день выглядел скорее темным вечером, но он успел заметить зыбкую и быструю тень, уносимую бурей.

— Ну нет! От меня так просто не удерешь!

Триггс нахлобучил на голову фуражку, плясавшую в воздухе словно громадный лист, и бросился в погоню за тенью.

Его большое тело принимало на себя встречный поток воздуха, а хрупкая фигурка таинственного агрессора словно не замечала ветра.

Бывший полицейский явно отставал, а бежавший впереди силуэт все больше и больше растворялся в окружающем мраке.

— Хоть бы молния сверкнула, — пробурчал Триггс, — я бы простил ей ее недавнее пособничество!

Молния словно услышала его мольбу, и яркая вспышка осветила все вокруг. Силуэт жался к фасаду булочной Ревинуса; Сигма различил длинный темный плащ и капюшон, полностью скрывавший крохотную головку.

— Черт подери! — крикнул он. — Женщина!

Мрак снова окутал главную площадь, но Триггс, хотя и потря-

сенный неожиданным открытием, обрел уверенность в победе.

За стеклянной дверью булочной трепетало слабенькое пламя, и Сигма узнал огонек освещенной свечи.

Пламя исчезло и появилось вновь — силуэт на мгновение заслонил его.

— На этот раз ты у меня в руках! — заорал Триггс, бросаясь к двери.

Он услышал шум сдвигаемых ящиков, затем дверь заднего помещения отворилась, и стало светло.

Свет шел от большой лампы с радужным колпаком и падал на приземистую фигуру Ревинуса, с удивлением и недоумением смотревшего на неожиданного визитера.

— Ну и ну... в такую-то погоду... — начал было толстяк булочник. — Клянусь своим колпаком, это же мистер Триггс! Не могу сказать, что вас занес попутный ветер!

Но Сигме было не до шуток.

— Ревинус, у вас в доме женщина. Кто она?

— Женщина?

В голосе булочника сквозил ужас.

Триггс хотел войти в заднее помещение, но Ревинус решительно преградил ему дорогу.

— Триггс, вы этого не сделаете!

— Именем закона приказываю пропустить меня! — рявкнул детектив.

Раздался новый крик — крик испуганной женщины. Хлопнула дверь, и до Триггса донесся удаляющийся топот.

— Ревинус, не превращайтесь в сообщника преступления! — крикнул Сигма, тщетно пытаясь оттолкнуть булочника.

— Преступления... Какого преступления? — выдохнул толстяк. — Триггс, вы сошли с ума или пьяны!

— Вы дадите мне пройти?

— Нет, — крикнул толстяк, — вам не пройти!

Триггс и не думал вступать в борьбу с атлетически сложенным булочником, так как таинственная незнакомка успела скрыться через заднюю дверь булочной, выходящую в проулок.

— Ревинус! — сказал он строгим тоном. — Завтра наступит день, и вам придется ответить за ваше поведение.

— У меня нет поводов бояться вас и закона, — спокойно ответил булочник. — Однако позвольте заметить, мистер Триггс, что я считал вас джентльменом!

Странные слова в устах человека, которого завтра придется обвинить в сообщничестве при покушении на убийство. Триггс размышлял над этими словами по дороге домой, сгибаясь под порывом ветра и с трудом уклоняясь от свистевшей вокруг шрапнели из камешков и черепиц.

Проснувшись, Триггс вспомнил прежде всего не о Ревинусе и его таинственной сообщнице, а о последней истории Дува.

На город изливался проливной дождь, заполняя воздух ревом свирепо бурлящих вод.

Миссис Снипграсс, принеся чай ему в постель, вошла без стука.

— Случилось большое несчастье,— объявила она.

— Какое? — пробурчал Триггс, которому уже стали порядком надоедать сыпавшиеся как из рога изобилия беды.

— Ночью прорвало плотину, и дыра в ней достигает мили, сэр... Грини вышла из берегов. Теперь это не безобидный ручей, а настоящая река. Гляньте в окно.

— О небеса! — прошептал Триггс.— Совсем как в истории Дува.

Там, где вчера расстилалась обширная зеленая Пелли, виднелась серая бесконечность бурной воды.

— Говорят, в низких местах глубина достигает пятнадцати футов,— сообщила миссис Снийграсс.

Триггс завтракал медленно и вяло, с трудом собираясь с мыслями.

От дождя и ветра главная площадь превратилась в мрачную водную пустыню, которую никто не решался пересечь; булочная Ревинуса была закрыта, и в ней не чувствовалось никаких признаков жизни.

«Подождем просветления»,— подумал Триггс. Но к часу дня дождь и ветер усилились, вновь перейдя в бурю.

Когда миссис Снийграсс собиралась пригласить Триггса к ленчу, раздался звонок.

— Проклятие! Кто, если только он не рыба, может выходить в такую погоду? — воскликнула она.

Нежданным гостем оказался Билл Блоксон; на нем были прорезиненный плащ, высокие резиновые сапоги, а на голове — шляпа-звюдвестка.

— А, Билл! — обрадовался Триггс.— Прежде всего выпейте стаканчик рома.

Лицо гостя оставалось озабоченным.

— Вы, наверное, приплыли в лодке?

— Вы правы, мистер Триггс,— ответил рыбак.— На нас обрушилось настоящее бедствие. Залиты огромные площади земли. К счастью, наша ферма стоит на возвышенности, иначе мы бы уже плавали среди лещей и угрей.

Он с видимым удовольствием выпил стакан рома.

— У меня печальная новость,— сказал он.— Думаю, бедняги добирались до «Красных Буков», когда началось наводнение. Только не понимаю, зачем им понадобилось пускаться в путь ночью и в такой ливень!

— О ком вы говорите? — вскричал Триггс.

— Вы еще не видели мистера Чедберна? — спросил Блоксон.

— С какой стати?

— А! Тогда мне понятно ваше неведение. Так вот, мистер Триггс, я привез в город останки мисс Дороти Чемсен и булочника Ревинуса. Они запутались в ветвях ивы в низине, на дороге, ведущей в «Красные Буки».

— Проклятие! — вскричал Триггс.

— Вы правы, сэр,— с грустью подтвердил рыбак.— Опять пойдут скандальные сплетни, если только мистер Чедберн не пресечет их.

— Сплетни?

— А как же? Втихую все говорили об этом, но я не поощрял злые языки. Она — девушка, а Ревинус — вдовец... Я не вижу в этом ничего предосудительного.

— О чем вы говорите?

— Я часто бываю на природе ночью и многое замечаю, но не считаю нужным заводить пересуды.

— Значит, мисс Дороти и Ревинус...

— Они тайно встречались вот уже три года. По вечерам она частенько приходила к нему, а когда в «Красных Буках» никого не бывало, в гости ходил он. Я-то понимаю влюбленных. Будь это моя Молли, я тоже рискнул бы пуститься в такую бурю, чтобы обнять и поцеловать ее! Но повторяю, если мистер Чедберн не стукнет кулаком по столу, этот проклятый городок Ингершам закипит от сплетен!

Они замолчали...

Билл Блоксон мрачно смотрел на мокрую серую площадь. Мистер Триггс зло курил, и трубка, словно раздуваемая кузнечными мехами, жгла ему пальцы.

— Билл! Ужас Пелли. Говорят, я покончил с ним, разоблачив этого негодяя Фримантла... А как вы считаете?

— Нет, сэр, я так не считаю.

— Значит,— прошептал Триггс,— ужас...

— Минуточку, сэр... Разве вы отделяете ужас Пелли от Великого Страха Ингершама?

— О Боже! — воскликнул Триггс.— Разве он существует?

— Существует,— заявил Блоксон решительным тоном.— Он, извините меня за выражение, которое я слышал от мистера Дува, носит сложный характер. Я-то мог бы дать ему имя. Но следует заметить, что даже это имя не поможет объяснить происходящее. Боже, как мне трудно высказаться так, чтобы меня поняли.

— Ну,— подбодрил его Триггс,— чье имя?

— Леди Флоренс Хоннибингл!

— Как? — воскликнул Сигма.— Если я не ошибаюсь, вы сами, Билл, утверждали, что это всего-навсего миф... вымышленное создание. Если вы что-то знаете...

Блоксон покачал головой.

— Нет, я обещал Молли не соваться в эти дела, но однажды помогу рассеять туман, который пока скрывает от ваших глаз причину всех событий.

Блоксон удалился, с силой пожав руку Триггса, посеяв в его душе неуверенность и повергнув его в глубокие раздумья.

К вечеру этого ужасного дня Триггс снова оказался во власти страха, который изредка поднимается из глубины веков.

Дождь стал менее сильным. Вода лилась с монотонным шорохом; по небу неслись черные тучи.

Здания на той стороне площади растворились во мраке; только на втором этаже особняка мэра мягким розовым светом светилось несколько окон.

Сниграсс пришел зажечь лампы, по пятам за ним следовала супруга.

— Хозяин,— произнес он смущенно,— моя жена и я хотели бы попросить вашего разрешения...

— Остаться с вами,— закончила миссис Снийграсс боязливо.— Мы вам не помешаем, а тихонечко посидим в уголке.

— Пожалуйста,— ответил Триггс,— располагайтесь. Однако...

— Нам не хочется оставаться одним в глубине сада,— разъяснил старый Снийграсс, бросая на Сигму умоляющий взгляд.— В такие вечера людям лучше быть вместе. Не случись той дурацкой истории, сэр, я бы побился об заклад, что миссис Пилкартер попросила бы у вас убежища на несколько часов.

— Но почему? — настаивал Сигма.— Конечно, вечер не из приятных, но этим не объяснить желания быть на людях.

— Мы боимся,— просто сказала миссис Снийграсс.— Глядите, сэр, старый Тобиаш убегает из своей лавочки с пачкой свечей под мышкой; он направляется в таверну, чего никогда не делает. А вот появились мистер Гриддл, мисс Масслоп! А вот толстуха Бабси и все семейство Тинни!

Растерянный Триггс смотрел, как люди пересекали площадь, направляясь к скромной таверне с приветливо светящимися окнами.

— Они идут в «Серебряную митру», где есть фонограф,— объяснила миссис Снийграсс.

— Бегут! Даже толстая индюшка Бабси! — вымолвил, заикаясь, Триггс.— Что помутило разум этих людей?

— Сегодня вечером, наверное, явятся «существа»,— прошептала миссис Снийграсс.

— «Существа»! — вскричал Триггс.— Объясните, кто такие эти «существа»?

— Мы не знаем,— тихо ответила служанка.— Мы их никогда не видели, но о них говорили наши отцы и наши деды, и они очень боялись, сэр.

— Призраки? — вздрогнув, спросил Триггс.

Ответа он не получил. Снийграсс задвинул тяжелые шторы из бархата с золотыми кистями. Триггс в последний раз бросил взгляд на опустевшую площадь и вдруг увидел громадное бледное лицо, искаженное гримасой.

Когда шторы скрыли улицу, он облегченно вздохнул.

— Звонят!

Супруги Снийграсс, в молчании застывшие на низеньких стульях около камина, с криком вскочили на ноги.

Звонок дернули с такой силой, что дом наполнился металлическим грохотом.

— Сэр! — взмолилась старушка.— Не заставляйте нас открывать! Клянусь, за дверью никого нет. Никого... Кроме ужасных «существ», которые бродят в ночи под дождем. Нет, не ходит туда!

— Не ходите! — присоединился к ее мольбам муж.

— Оставайтесь здесь! — зарычал Триггс.— Я иду!

Он взял одну из ламп и, подняв ее над головой, как факел, ринулся в темноту коридора.

— Боже, храни его! — заплакала служанка.

— Кто там? — закричал Триггс, решив, что успеет запустить лампой в возможного врага.

Он открыл сотрясающуюся под градом ударов дверь, и его лицо враз стало мокрым от дождя.

На пороге высился громадный силуэт, с которого ручьями стекала вода.

— Инспектор Триггс! Наконец-то!

— Господин мэ́р! — воскликнул Триггс, радуясь, что видит человека во плоти там, где ожидал узреть туманное и мрачное видение.

— Инспектор Триггс, — сурово сказал мистер Чедберн, — приказываю оказать мне помощь. Следуйте за мной в ратушу, где совершено ужасное преступление. Только что убит Эбенезер Дув.

VIII

ВНУТРИ ПЕНТАГРАММЫ

Ратушу и дом Триггса разделяли всего шестьдесят ярдов, но детективу они показались долгим, мучительным путем сквозь мрак и холод.

«Эбенезер Дув убит».

Эти слова звучали в ушах похоронным звоном, словно доносившимся с высоких башен, утонувших в ночи и дожде.

Чедберн держал Триггса под руку и тянул за собой; на крыльце ратуши он проворчал:

— Да не дрожите вы так, черт вас подери!

Но Триггс продолжал дрожать, как осиновый лист в бурю. Он немного успокоился, нащупав во внутреннем кармане кастет, подарок любимого Гемфри Баккета.

В глубине коридора, где зловеще выл ветер, на черном бархате тьмы желтел квадрат света.

— Там, — сказал Чедберн, увлекая его за собой. — Там кабинет Дува. Я разрешал ему работать допоздна.

— Как... как он? — заикаясь, спросил Триггс.

— Ему раскроили череп кочергой. Он умер мгновенно.

Достигнув конца коридора, они оказались в большой круглой зале с витражами в высоких узких окнах; с огромной картины, изображавшей баталию, глядели окровавленные лица агонизирующих и страдающих людей.

— Там! — указал Чедберн.

Триггс очутился перед застекленным закутком, где горела белая фарфоровая лампа с плоским фитилем, освещавшая тело бедняги Дува. На листе веленовой бумаги лежала, словно защищая его, красивая, цвета слоновой кости, рука мертвеца.

Триггс отвел глаза от ужасной глубокой раны и непроизвольно залюбовался каллиграфическими строчками, последними, которые начертала в жизни длань Эбенезера Дува, его единственного друга в Ингершаме. Он машинально прочел их и покраснел.

— Лихо... не правда ли? — ухмыльнулся мэ́р. — Кто бы мог думать, что наш бедный лукавец тайно переводит сонеты Арети-

но? Но оставим это, инспектор. Что вы думаете о столь ужасном деле?

— Что? — переспросил Триггс, вздрогнув, будто его пробудили от глубокого сна.— Я думаю... Что я должен думать? Кто мог совершить столь подлый поступок? Бедняга Дув! Следует предупредить полицию!

— Мне кажется, вы ее и представляете! — рявкнул Чедберн. Триггс запротестовал:

— Нет, я не полицейский, вернее, уже не полицейский. Более того, я не в состоянии вести следствие по этому делу. Следует предупредить Скотленд-Ярд. Это единственное, что я могу посоветовать.

— Стоп! — Чедберн взял Триггса за плечо.— Стоп, Триггс! Представим себе, что мы на острове и помоги нам здать неоткуда. Из-за глупого презрения к прогрессу, о котором я сейчас искренне сожалею, у нас нет ни телеграфа, ни быстрых средств передвижения. Курьер, посланный в дождливую ночь, прибудет в Лондон на заре, но курьера еще следует отыскать. А я, запомните это, хочу изловить сие гнусное создание, совершившее подлое преступление, до наступления дня!

— А как вам это удастся? — воскликнул Триггс.

— Станный вопрос для полицейского,— ухмыльнулся мэр.— Но это не имеет значения — нас будет двое, ибо я прошу вашей помощи. Как вы объясните это?

Мэр указал пальцем на белые линии, начертанные на полу и выделявшиеся в свете лампы.

— Уф...— пробормотал Триггс.— Мне кажется, да, я уверен, это пентаграмма.

— Великое оружие магов. Вы смыслите в оккультных науках, мистер Триггс?

— Нет, но эта фигура и ее смысл мне знакомы. Она служит, чтобы отгонять... привидения.

— Либо пленять их. Убежден, Триггс, наш друг Дув решил сыграть злую шутку с привидением ратуши и заманить его в ловушку.

— Привидение ратуши,— повторил Триггс.— Он мне о нем однажды говорил.

— Быть может, он вам сказал также, что сей настырный призрак весьма реален; у меня есть собственные мысли на его счет. Смейтесь, если хотите, Триггс, но подождите зари. Этой ночью я буду действовать и заявляю вам без обиняков, что призрак отомстил за расставленную ловушку.

— И убил мистера Дува?

— Почему бы и нет?

— Что вы собираетесь делать? — спросил Триггс, растеряв последние силы и мысли.

— Покончить с привидением! Если завтра ваши друзья из Скотленд-Ярда решат работать по-своему, Бог им в помощь, но сегодня ночью я беру дело в свои руки. Следуйте за мной в мой кабинет.

Триггс был сломлен. Он бросил на труп мистера Дува послед-

ний взгляд, в котором смешались ужас и отчаяние, и покорно последовал за мэром.

Просторный кабинет, куда он вошел, напоминал своей строгой обстановкой исповедальню. Единственный семисвечник с горящими свечами безуспешно боролся с окружающим мраком.

И мрак происходил не только от ночной тьмы, но и от общей атмосферы и самих вещей, стоявших в кабинете,— бледно-серых обоев, плотных штор на оконных витражах, панелей из красного дуба. Мрак таился между двумя громадными кожаными креслами, плотным туманом накрывал стол, беззвучно изливался из огромного зеркала, в котором дрожал отблеск семи свечей.

— Триггс,— заявил Чедберн,— закройте двери на тройной оборот ключа и задвиньте засов. Потом тщательно осмотрите комнату. Убедитесь, что здесь нет тайных ходов— даю вам слово, их нет. Затем проверьте, не прячется ли кто за шторами, осмотрите запоры окон.

Сигма подчинился, даже не спросив, чем вызвано данное распоряжение. Осмотр занял некоторое время, и Триггс успокоился, собравшись с мыслями и избавившись от лихорадочного состояния.

Несмотря на ледяной взгляд Чедберна, восседавшего в своем кресле, он даже заглянул под стол и передвинул тяжелое пресс-папье из нейзильбера, прижимавшее пачку чистых листов.

— Камин перекрывается железной заслонкой во избежание сквозняков,— разъяснил мэр.— Там тоже нет выхода. Вы понимаете, к чему я клоню?

— Хм, да... то есть более или менее,— проворчал Триггс.

— Сюда никто не может проникнуть, если только этот кто-то не пройдет сквозь дверь из крепкого дуба, или окна, закрытые тяжелыми ставнями, или стены немалой толщины.

— Конечно!

— И, однако,— продолжал мэр, понизив голос,— я кое-кого жду, и этот кто-то, которому наплевать на подобные преграды, есть убийца Дува.

— Призрак!— с ужасом вскрикнул Триггс.

— Он самый, Триггс,— рявкнул Чедберн,— и я его схвачу! Гляньте себе под ноги!

Детектив увидел белые линии, разбегающиеся по паркету и исчезающие в темноте.

— Магическая пентаграмма!

— Она самая... Думаю, окажусь счастливее покойного бедняги Дува и поймаю в нее преступное привидение.

— Если оно не прикончит нас,— машинально возразил Триггс.

— Если оно не прикончит нас,— эхом отозвался Чедберн.

С тяжелым вздохом Триггс рухнул в другое кресло; некоторое время он думал, что его втянули в какой-то шарлатанский спектакль и вскоре бывшие коллеги будут до упаду смеяться над ним, но постепенно атмосфера начала действовать на него, и он принялся ждать привидение.

— Почему мы должны ожидать молча, Триггс,— тихо произ-

нес Чедберн.— Жалко, у меня здесь нет ни портвейна, ни виски; можете курить свою трубку, если она с вами. И поболтаем, если вы не против.

В голове у Триггса не было никаких мыслей, он произнес несколько слов и умолк; тогда заговорил Чедберн.

Говорил он складно, но Триггса его повествование интересовало не больше, чем рассуждения о романском стиле; он остался равнодушен и сожалел, что больше никогда не услышит занимательных таинственных историй из уст своего друга.

— Дув рассказывал прелюбопытнейшие истории,— сказал Триггс,— и всегда попадал в самую точку. Но более всего я ценю в нем его чудесную руку... Какой почерк, какая каллиграфия, мистер Чедберн! Редко в одном веке живут два подобных художника. Но он был скромным человеком... Думаю, возьмись он за гравюру, он добился бы и славы, и богатства. Он утверждал, что не занимается гравюрой, но я однажды заметил у него на руке пятна от кислоты. «Э, святоша Дув,— сказал я ему,— бьешь об заклад, вы тайком занимаетесь чудесным искусством гравюры!»

Триггс не мог остановиться:

— А в другой раз я буквально оскорбил его. Я заявил: «Дув, будь в ваших чудесных руках тигриные, а не цыплячьи мышцы, годные разве на то, чтобы поднести ложку ко рту, я бы отправил вас к моему бывшему шефу Гэмфри Баккету».

Он удивленно глянул на меня и попросил объяснить.

«Я в свое время познакомился с одним проходимцем — вернее, с его рукой, которая чуть не свернула мне шею, как цыпленку. И этот проходимец — самый умелый гравер на всем острове, он с бесподобной ловкостью имитирует филигранный рисунок банкнот, хотя Английский Банк не просит его об этом». Ах! Дув страшно оскорбился, и мне пришлось извиниться.

Свечи быстро догорали; одна из них, таявшая быстрее других, погасла.

— Мистер Триггс,— предложил мэр,— если мы не хотим остаться в темноте, следует экономить свет. Я не запасся другими свечами.

Они оставили гореть лишь два огарка, и Триггс решил, что нет особой разницы между полной темнотой, о которой с опасением говорил мэр, и оставшимся светом. Он еле различал приземистую громаду кресла Чедберна и густую шевелюру мэра, на которую падал отблеск света.

— Предположим, призрак явится и не сможет выйти за пределы магической пентаграммы, а дальше... Нельзя же схватить привидение,— сказал Триггс, к которому постепенно стал возвращаться здравый смысл.— Нас поднимут на смех.

— Если людям из Скотленд-Ярда придет в голову разыскивать виновных, они найдут, кого схватить,— усмехнулся мэр.— А я пока придерживаюсь своих планов.

Сквозь вой ветра Триггс расслышал далекий перезвон башенных курантов.

— Мистер Чедберн?

— Просто Чедберн, Триггс.

— Я не признаю такое обращение,— возразил Сигма.— Мне оно кажется грубым и невежливым, а потому, нравится вам или нет, я буду вас величать по-прежнему — сэр.

Вы сказали, что несчастный Дув переводил сонет Аретино. Я не знаю, что это значит. До сегодняшнего дня я такого имени не слыхал, но вы говорили о переводе. Меня удивило отсутствие текста, которым он должен был пользоваться...

— Неужели? — спросил мэр.— Разве его не было?

— Нет, не было,— твердо заявил детектив.— На каком языке писал этот ваш Аретино?

— Конечно, на итальянском!

— Значит, речь действительно идет о переводе, но текст оригинала отсутствовал. Это во-первых...

— Продолжайте, Триггс.

— Дув являлся прекрасным каллиграфом. Я видел перо, выпавшее из его руки... С каких пор, мистер Чедберн, такой каллиграф, каким был покойный мистер Дув, пользуется для письма на веленовой бумаге не Вудстоком, а иным пером?

— Что? — вскричал мистер Чедберн.— Я вас не понимаю.

— Господин мэр, строчки были написаны пером Вудсток. Я разбираюсь в этом. А чернила! Медленно сохнущие чернила, которые становятся блестяще-черными, когда высыхают.

— Знай я, куда вы клоните, мистер Триггс...

— А вот куда, мистер Чедберн. Мистер Дув писал нечто другое, когда его убили, писал другим пером, другими чернилами и не на веленовой бумаге.

— И что?

— Убийцу заинтересовало написанное, поэтому он забрал текст и заменил его другим, написанным дней пять-шесть тому назад! Привидения так не поступают, хотя я мало осведомлен о нравах и обычаях этих существ.

— Мистер Триггс,— медленно произнес мэр Ингершама,— вы слишком скромны, утверждая, что вы не детектив.

Триггс молчал, прислушиваясь к бою курантов. Вдруг он ощутил чье-то присутствие и во мраке увидел фигуру,двигающуюся по направлению к нему.

— Мистер Чедберн, сюда кто-то вошел!

Мэр не двигался и не отвечал. Одна из свечей вспыхнула ярким высоким пламенем.

Триггс увидел белый силуэт, висящий футах в шести над ним, а из мрака выплывало лицо, искаженное ужасной гримасой.

Он закричал... Призрачная рука схватила его за затылок.

В глазах Сигмы запрыгали искры; он хотел было позвать Чедберна на помощь, но крик ужаса застрял у него в горле.

Он приподнялся, поскользнулся и упал, но ему удалось вырваться из лап невидимки.

Триггс с воплем вскочил на ноги, махая руками, бросился к камину и схватил подсвечник.

Пять огоньков вспыхнули ярким светом и залили всю комнату...

Констебль Ричард Лэммл с предосторожностями переступил

белую линию пентаграммы и с видимым отвращением склонился над трупом.

— Раскрыт череп, как у мистера Дува... Боже, какое несчастье, это же наш мэ́р, мистер Чедберн!

По щекам его потекли слезы.

Триггс, застывший словно статуя, бессмысленно уставился на останки мэра, распростертого в центре магической фигуры.

— Как это случилось, инспектор? — жалобно спросил Лэммл, устремив безнадежный взор в сторону Триггса.

— Я предупрежу Скотленд-Ярд, — шумно вздохнув, ответил Триггс. — Найдите мне человека, который быстрее всех доберется до Лондона.

Письмо повез Билл Блоксон.

Оно было адресовано Гэмфри Баккету в полицейский участок № 2 в Ротерхайте, но Триггс еще не знал, что его бывшего шефа только-только назначили главным инспектором Скотленд-Ярда и он возглавил бригаду розыска преступников.

IX

28 ДНЕЙ МИСТЕРА БАККЕТА

— У Триггса очень крепкое здоровье, несмотря на возраст, но он едва не умер, — сказал доктор Купер. — Теперь опасность миновала. Лихорадка окончательно спадет до наступления ночи.

190

— Гм, не представляю себе, чтобы Триггс умер от какой-то несчастной лихорадки, — с сомнением произнес инспектор Баккет.

— Вы правы, но его чуть не задушили, вернее, чуть не сломали позвоночник. Боже, ну и ручищи у этого таинственного убийцы.

Баккет, ворча, согласился; вот уже три дня он сидел у изголовья Триггса, который в бреду рассказывал странные и ужасные вещи.

В дверь тихо постучали, и в дверной проем просунула голову старая Снийграсс.

— Пришел Билл Блоксон. Он хочет видеть господина полицейского из Лондона.

Билл Блоксон вошел, теребя в руках фуражку.

— Я нашел, сэръ...

— А, очень хорошо.

— Она утонула в низине, на дороге, ведущей к границам Миддлсекса, где ее застало наводнение. Она умерла несколько дней назад и выглядит не лучшим образом.

— Положите ее в подвал ратуши и снесите туда весь имеющийся лед; надо сделать нечто вроде ледника.

Билл удалился, обещая выполнить порученное дело.

Старый Купер оказался неплохим прорицателем, ибо в сумерки Триггс проснулся и слабым голосом заявил, что голоден.

Когда он узнал Гэмфри Баккета, губы его задрожали.

— А из Скотленд-Ярда приехали? — спросил он.

— Не приехали,— ответил его бывший шеф,— я прибыл один. Уже месяц, как я служу в Скотленд-Ярде, Сигма.

Триггс закрыл глаза.

— Боже, я ужасно рад! Я не должен был никогда... Понимаете меня, шеф?

— Конечно. А теперь, мой милый Триггс, выпейте чашку бульона, съешьте кусочек курятинки и отдохните.

— Я хочу говорить.

— О дожде и солнце, Сигма Тау, хотя до хорошей погоды в этом скверном городишке еще далеко. Серьезные дела отложим на завтра.

Когда Триггс успокоился, он стал настаивать, и Баккету пришлось уступить.

— У вас всегда была чудесная память, Триггс; надеюсь, она вас не подведет, поскольку мы в ней очень нуждаемся.

— Я не опущу ни одной детали, ни одной, слышите меня, шеф?

Триггс говорил допоздна, и Баккету пришлось прервать его речи.

— Продолжим завтра,— приказал он.

И снова Триггс говорил до позднего вечера. Он устал, но выглядел успокоенным.

— Я рассказал все, шеф.

— Превосходно, Сигма Тау. Теперь мой черед рассказывать. Когда я сообщил своим начальникам об Ингершаме, они мне дали карт-бланш и разрешили провести расследование в одиночку, настояв на некоторой сдержанности.

— Неужели?.. Довольно редкое решение.

— Верно, мой милый, но позже вы все поймете и одобрите подобные меры. А пока лежите спокойно, ешьте, пейте, курите трубку и читайте Диккенса. Это самое лучшее успокоительное. Я получил четыре недели отпуска. На завершение дела мне столько времени не понадобится, но хотелось бы заодно и отдохнуть.

Триггс вздохнул. Через час, набивши трубку, он с увлечением принялся за «Николаса Никльби».

— Сигма Тау, вы слышали о Фрейде и психоанализе?

— Никогда, шеф.

— Тогда на эту тему распространяться не будем; я и сам многого не понимаю, но одна из аксиом сей высокоученой теории гласит: в основе многих самых отчаянных преступлений лежит страх.

— Вот как? — удивился Триггс.— Чтобы заявить или понять такое, не надо быть великим ученым.

— Быть может... Теперь перенесемся в Ингершам и рассмотрим его невроз.

— Что? Ужасно непонятное слово.

— Этот невроз характерен для всех крохотных провинциальных городишек; не скажу, что он носит особый характер в Ингершаме, но не будем забегать вперед. Чем занимаются жители маленького городка? Едят, пьют, сплетничают, суют нос в дела

соседа, ненавидят пришельцев и все, что может нарушить покой, необходимый для правильного пищеварения и приятных пересудов.

Причиной такого беспокойства, Триггс, является невроз маленького городка, а здесь невроз — синоним страха.

И вот в один прекрасный день в этом маленьком городке селится полицейский.

— Не полицейский, — проворчал Триггс, — а отставной квартальный секретарь.

— В глазах всех добрых людей все же полицейский. А так как слово «ружье» напоминает о слове «патрон» и наоборот, то слово «полицейский» ассоциируется с преступлением и расследованием. Зачем он прибыл? Вот какой вопрос начали задавать в Ингершама.

Баккет встал и уставился на дома, стоявшие по другую сторону площади.

— И вот инспектор Триггс, а вас здесь величают именно так, селится на главной площади. Он разглядывает дома, на которые я смотрю сейчас: значит, первыми задают себе этот вопрос именно обитатели этих домов. И они же первыми начинают волноваться.

— По какой причине? — спросил Триггс.

— Мы дойдем до этого, Сигма Тау, но я не стану описывать события в хронологическом порядке, когда стану раскрывать тайны, нарушившие спокойствие Ингершама, ведь с некоторых тайн завеса еще не снята. Мне не составляет труда снять ее, но из любви к искусству я кое-что оставлю на закуску.

Посмотрите на угловой дом — дом аптекаря Пайкрофта.

Аптекарь первым признает вас, пытается заручиться вашим доверием, доверием лондонского полицейского, и проникнуть в ваш замысел, а он считает его опасным.

— Опасным? Почему?

— Вечер проходит приятнейшим образом, и Пайкрофт начинает успокаиваться, но Дув приступает к рассказу одной из своих историй. Ох уж эти истории Дува, какую роль сыграли они в провинциальной трагедии и что натворили бы еще, не вмешайся в дело парка со своими ножицами!

— История детектива Репингтона...

— Который существовал лишь в воображении Дува!

— Быть того не может!.. А я подтвердил, что знал этого великого человека, — жалобно промолвил Триггс.

— Большой беды в том нет. Напротив. В свою очередь, вы вспомнили об ужасном и действительном преступлении, о деле доктора Криппена.

Пайкрофту этого оказалось достаточно. Он покончил с собой.

— Но зачем? Я так и не понял, почему он покончил жизнь самоубийством.

— Сегодня утром я исследовал погреб старой аптеки; пришлось копать, поднимать плиты... Там находились останки миссис Пайкрофт.

Сигма застонал от ужаса и огорчения.

— Он узнал себя в преступниках — вымышленном полковни-

ке Крафтоне и подлинном докторе Криппене, о которых вы говорили с Дувом. Пайкрофт счел, что вы оба расставили ему тончайшую ловушку, и сам совершил над собой правосудие.

После продолжительного молчания Гэмфри Баккет продолжал:

— У каждого в жизни есть тайна, у одних преступная, у других просто житейская, и лишь несколько жителей Ингершама без страха приняли лондонского полицейского, который, как считалось, явился разоблачать тайны, могущие нарушить извечное спокойствие. Вам ясно, Сигма Тау? Вот где кроется причина Великого Страха Ингершама.

— Пелли быстро освобождается от разлившихся вод,— сказал Баккет.

— И разъяснится еще одна тайна? — лукаво спросил Триггс.

— Если только история Фримантла, этого чудища, вас удовлетворила полностью,— ответил Гэмфри, платя ему той же монетой — иронией.

— Нет, ни в коем случае,— униженно промямлил Триггс.

— В сущности, трагическая история Фримантла и его соседа Ревинуса есть история сиамских близнецов. Оба любили Дороти Чемсен... Не стану утверждать, что дама не вела двойной игры, но Ревинус — вдовец, а Фримантл женат, тогда как мисс Чемсен прежде всего хотелось иметь мужа. Поэтому она и связала свои надежды с весельчаком Ревинусом. Они окружают свою связь тайной, совершенно необходимой в условиях маленького городка. Фримантл, человек грубоватый и начисто лишенный воображения, решил прибегнуть к жалкому маскараду, завершению которого вы способствовали!

— Но воображение у него все-таки было,— запротестовал Триггс.— Ведь он выдумал чудовище Пелли, и оно царило в течение многих лет, наводя ужас на всю округу.

— Вы в это верите? А если я сообщу вам, что в ночь, когда ваша ловкость во владении палкой восторжествовала над ним, бедняга Фримантл впервые в жизни изображал ужасный персонаж Быка?

— Как?

— Связь Ревинуса с Дороти Чемсен началась не вчера. И, как все робкие, ревнивые люди, особенно если они находятся во власти провинциальных условностей, он выслеживал парочку, мучил себя зрелищем их счастья. Фримантл проводил долгие ночи, наблюдая за «Красными Буками», с предосторожностями разыскивал во тьме пустоши влюбленных, искавших уединения.

И во время своих ночных бдений он столкнулся с Быком, терроризировавшим обитателей Пелли и бродяг в том числе.

— А! — прошептал Триггс.— Вот в чем дело...

— Я отыскал цыган. Они разбили свой табор на границе Миддлсекса, там, где остановились воды разлива. Мне удалось завоевать их доверие. Бедным людям приходилось платить ужасную дань чудовищу Пелли, кравшему и убивавшему их детей!

- Боже, они мне ничего не сказали.
- Они боялись Чедберна,— ответил Баккет.— Мэр Ингершамма не хотел никакой огласки.
- Ужасно! Надо сделать что-нибудь! — воскликнул Триггс.
- Пойдемте,— пригласил его бывший шеф.

Светя фонарем, оба полицейских спустились по спиральной лестнице, ведущей в подzemелье ингершамской ратуши.

Триггс с трудом сдерживал дрожь, чувствуя тьму и сырость; со сводов сыпался мелкий ледяной дождь; во тьме слабо фосфоресцировали таинственные символы; напуганные светом и людьми, грызуны с отвратительным писком разбежались по своим углам.

Баккет толкнул какую-то дверцу, и из нее пахнуло холодом. Свет фонаря заиграл на блестящих глыбах, в которых Триггс узнал блоки льда.

— Что это? — с удивлением спросил он.

— Импровизированный морг,— ответил Баккет.

Триггс различил маленькое сжавшееся тело, лежавшее на плитах пола.

— Попробуйте ее опознать,— тихо сказал Баккет, направляя луч фонаря на неподвижное тело.

Триггс увидел зеленовато-белое лицо с пустыми глазами и странными черными кудрями.

— Я не знаю ее,— пробормотал он.— Хотя погодите, Баккет, мне все же сдается... Я сказал бы, королева Анна! Тот странный портрет, служивший вывеской магазина сестер Памкинс!

Баккет осветил труп и медленно произнес:

— Леди Флоренс Хоннибингл.

Триггс вскрикнул и вцепился в руку своего друга, умоляя покончить с этим кошмаром.

Гэмфри Баккет наклонился над покойницей и резко дернул за черные букли; Триггс услышал треск рвущейся материи и увидел в руках шефа парик.

— Гляньте еще раз.

Не поддержи Баккет Триггса, тот бы рухнул на миниатюрный ледник.

Он узнал Дебору Памкинс.

— Пейте! Пейте этот грог. Слишком горячо? Ничего, Триггс, вам нужно именно такое укрепляющее средство, чтобы прийти в себя и выслушать рассказ об этом чудовище.

Сигма стал послушнее ребенка; грог обжигал, из глаз катились слезы, но ему стало легче.

— И все же, Сигма Тау,— нервно рассмеялся Гэмфри Баккет,— вы и есть подлинный победитель ужаса Пелли.

— Я ничего не понимаю! — жалобно простонал бедняга.

— А кто, как не С. Т. Триггс, рассказал на традиционной встрече добрых соседей, и не без содействия несравненного мистера Дува, историю о знатной даме, совершившей преступление и удивительно похожей на королеву Анну с вывески гостеприимного дома?

— Это был я? — захныкал Триггс.— Но разве мог я знать...

— Дабы не огорчать благородное семейство, ее имя никогда не называлось. И только карточка в секретных архивах Скотленд-Ярда напоминает о леди Хоннибингл. По истечении срока наказания эту отвратительную бабу передали в семейство, которое поручилось за ее поведение. Увы! Она осталась преступницей, превратившись из воровки в кровопийцу, и с помощью страха Ингершама и мании мэра все скрывать начала творить свои преступления.

— Ее семья,— простонал Триггс,— ее сестры...

— Нет, ее надзирательницы, Сигма Тау. Дамы Памкинс не сестры гнусной леди. Но вы понимаете, почему они скрылись, услышав вашу болтовню? И почему исчезла вывеска, являвшаяся портретом одной из ее прабабок, которая передала ей как свою внешность, так и свои отвратительные инстинкты?

— Руфь Памкинс,— выдохнул Триггс, но Баккет прервал его.

— Еще не все сказано,— заявил он.— Не убивайтесь сверх меры, Сигма Тау.

Последний воздел к небу дрожащие руки.

— Вывеску сняли на заре...

— Ну и что?

— Не знаю... Мне трудно выразить свою мысль. Я не думаю, что дамы уехали далеко.

— Не так уж плохо, старина, но всему свое время, как говаривали наши предки. И здесь следует извиниться перед памятью Дороти Чемсен; вы едва не оказались несправедливым к ней, обвинив в покушении на вашу персону. Подлинная виновница покоится на плитах импровизированного морга, который мы только что покинули; вы понимаете, что у нее были все основания покончить со столь опасным человеком, как вы.

— Но Руфь? — продолжал настаивать незадачливый полицейский.

— Еще не все сказано, Сигма Тау!

— Загляните в календарь и скажите, когда над Ингершамом взойдет луна.

— Точно в одиннадцать тридцать.

— Обрекаю вас, Триггс, на бодрствование.

— Мы отправимся на Пелли...— нерешительно начал Сигма, и в голосе его не чувствовалось энтузиазма.

— Вовсе нет, мы не покинем пределов главной площади. Мы отправимся на выяснение тайны Кобвела.

Триггс пересчитал на пальцах: тайна Пайкрофта, тайна Фримантла, тайна Ревинуса, тайна сестер Памкинс — все они растаяли словно снежные бабы под солнцем.

— У нас осталось два убийства,— тихим голосом подытожил он.

— И кое-какие пустячки... Когда появится наша приятельница-луна? В одиннадцать тридцать? Следует немного подождать, я заказал спектакль на традиционный час — на полночь. Время — лучший целитель, говорят деревенские жители, и вскоре солнце согреет своими лучами славный городок Ингершам,— сказал Гэмфри.

— Лишенный всех своих тайн,— с сожалением добавил Триггс, осушая кружку эля,— а станет ли он счастливей?

— Они были бы менее счастливы, не останься у них привидение ратуши.

— Опять? — воскликнул Триггс.

— И навсегда, Сигма Тау.

Триггс, казалось, с интересом погрузился в изучение твердых зеленых горошков в своей тарелке, а также банки с пикулями и горки сухого печенья.

— Куда же мы идем сегодня ночью? — с трудом выдавил он.

— В «Галерею Искусств», где Грегори Кобвел умер от страха. Я хочу познакомить вас с той страшной вещью, которая вызвала его смерть.

— А как мы попадем к Кобвелу? — встревожился Триггс.— Ведь мы не можем прибегнуть к взлому, а ордера на...

— Тю-тю-тю... не будем кипятиться. Я знал, что уважаемая миссис Чиснатт имела дубликаты некоторых ключей. Я нанес ей дружеский визит и забрал их. Когда я уходил, она заклонила меня опасаться Сьюзен Саммерли, дьяволицы, изготовленной из папье-маше, а не из доброго воска.

— Глупости! — проворчал Триггс.

— Не думаю,— серьезно ответил его бывший шеф.

«Великая Галерея Искусств» не изменилась; лишь из-под ног полицейских поднялось пыли больше, чем когда-то поднималось из-под ног покойного Кобвела.

Они уселись на плюшевый диванчик, и Баккет погасил карманный фонарик. Было достаточно светло. Поднималась луна, и шторы налились зловещим зеленоватым светом.

Триггс заметил, что манекен Сьюзен Саммерли, по-прежнему задрапированный в голубую мантию, находился на том же месте и его устрашающая тень становилась все отчетливей.

— Полночь!

Башенные куранты медленно отбили роковой час.

Триггс вздрогнул и посмотрел в сторону окна: шторы медленно вздувались.

— Окно открылось! — прошептал он.

Баккет пожатием руки принудил его к молчанию.

В трех шагах от них стояла Сьюзен Саммерли. Она медленно поднимала руку, сжимавшую топор!

Баккет не шевелился, но чувствовалось, что он внимательно следит за малейшим жестом призрачного воскового чудовища.

Триггс попытался, хрипя от страха.

— Ни слова, что бы вы ни увидели,— шепнул Баккет и зажег свет.

Сьюзен Саммерли стояла рядом, заноса топор для смертельного удара.

Но... Триггс до крови закусил губу, чтобы не нарушить приказа своего шефа. В желтом свете он увидел бледную маску с закрытыми глазами и искривленным ртом, на которой блестели бисеринки пота.

— Ничего не предпринимайте,— еле слышно шепнул Бак-

кет, — она не нанесет удара... она не может этого сделать. Дадим ей возможность спокойно удалиться!

Страшная фигура действительно отступила к окну и исчезла за шторами. И тогда Сигма Триггс увидел манекен, спокойно стоявший на своем месте с невинной улыбкой на устах.

— Вы узнали ее? — спросил Баккет.

— Лавиния Чемсен! — простонал Триггс.

— Вот почему Кобвел умер от страха. И если бы я не знал, что сердце у вас крепче, чем у несчастного владельца «Великой Галереи», я бы не подверг вас такому испытанию.

— Но мне это ни о чем не говорит. Напротив!

— Ба! Вы не такой уж профан и понимаете, что мисс Чемсен страдает лунатизмом и очень восприимчива к гипнозу.

Затворите окно, Триггс, и закройте задвижку, хотя нам нечего бояться повторного визита странного существа. Зажгите свечи в этом подсвечнике, и поболтаем в свое удовольствие. Я открою вам престранный механизм драмы, приведшей к смерти Грегори Кобвела, вызвавший еще одну смерть, механизм, который приведет нас к разгадке последних тайн Ингершама.

— Следите за ходом моего повествования.

В тот памятный жаркий и солнечный день Грегори Кобвел развлекался тем, что пускал солнечные зайчики.

Лучик попал в окошечко некоего закутка ратуши, которое до сего времени не привлекало внимания антиквара.

Он увидел там нечто необычное и захотел рассмотреть все повнимательней. Поэтому взял мощный бинокль и увидел то, из-за чего ему пришлось умереть!

Станок, стол, рисующая рука и пачка фальшивых банкнот — в ратуше Ингершама Грегори Кобвел наткнулся на мастерскую фальшивомонетчиков.

Кобвел — человек честный, но преступная рука принадлежала другу, который часто навещал его дом, разделял его вкус к коллекционированию и к которому он испытывал смутную нежность.

— Лавиния Чемсен!

— В ратуше стало известно, что их увидели.

И Кобвел был обречен.

Среди ночи перед ним возникла Лавиния Чемсен, одетая в темную мантию, с топором в руке, и вызвала у Кобвела приступ ужаса.

Его убил страх...

— Иначе его убил бы топор Лавинии Чемсен! — воскликнул Триггс.

— Нет, — медленно продолжал Баккет. — Нет, она бы его не убила, она не смогла бы этого сделать. Лавиния Чемсен не преступница! Скажем так, страх наилучшим образом послужил целям преступления... И я спросил себя, не предусмотрел ли все это чей-то дьявольский ум!

— Сигма Тау!

— Слушаю вас, шеф.

— Конечно, Лавиния Чемсен принимала участие в преступных работах, проходивших в закутках древней ратуши. В глазах закона она сообщница преступления, но я склонен преуменьшить ее вину. На бедняжку оказывалось губительное воздействие, и это снимает с нее львиную долю ответственности. Теперь вспомните о двух маленьких ожогах кислотой...

— На руках Дува,— простонал Триггс.— О, я понял. Этот великий художник был одновременно великим злоумышленником: он гравировал фальшивые банкноты! Преступник, таинственный негодяй, сеявший ужас своими безумными историями,— добряк мистер Дув!!!

— Однако его убили!

— Конечно... Соучастник избавился от него.

— Перед вашим взором сверкает топор мисс Лавинии, Триггс, и мешает вам разглядеть истину. Рисовал и гравировал действительно Дув, но он и не подозревал о преступном назначении своих тончайших работ.

Ловкий человек может с легкостью заказать граверу части общего рисунка, а затем комбинировать и объединять их по своему усмотрению. Так и произошло.

Однако Дув не относился к наивным людям, и, когда вы довольно крепко подшутили над ним, обозвав фальшивомонетчиком, ему открылась часть истины. Он решил изложить свою историю на бумаге.

Произошло неизбежное: негодяй, околдовавший мисс Чемсен и, по-видимому, прибегавший к гипнозу, чтобы превратить ее в свою рабу, застиг его в момент сочинения исповеди.

Он убил его, а остальное довершили вы, Сигма Тау!

— Он убил его... Но в конце концов вы же не станете обвинять призрак в том, что он гипнотизирует девушек и совершает убийства,— с яростью возразил Триггс.

— Вы по-прежнему не желаете отказываться от своего призрака, старина. Зачем ломать комедию?

— Комедию? — задохнулся от негодования Триггс.

— Комедию,— твердо повторил Гэмфри Баккет.

— Вы запираетесь в кабинете с мэром Ингершама. Кого вы ждали? Вернее, кого ждал мистер Чедберн? Вы молчите, Триггс, тогда скажу я: Чедберн ждал привидение. С последним полуночным ударом мог явиться призрак ратуши. И тогда вы, С. Т. Триггс, бывший служащий столичной полиции, под присягой заявили бы, что видели его. Вы не осмелились бы отрицать перед инспекторами Скотленд-Ярда существование странного привидения. А если к тому же мэр заявил, что уверен в его виновности, вы не осмелились бы ему перечить!

Не возмущайтесь, Триггс, вы не смогли бы поступить иначе, тем более что в вашей жизни уже есть один призрак — призрак поведенного Смокера!

Не стану утверждать, что бедняга Дув не поддерживал в вас подобные верования, приводя в пример сомнительные или сочиненные истории. У вас предрасположенность к вере в привидения, и Чедберн знал это.

Вы ждали призрака... и рассказывали истории. И тогда некто, кто и так косо смотрел на прибытие бывшего полицейского в Ингершам, кто перебрал в мозгу все варианты относительно цели вашего приезда, кто считал вас то никчемным, то опасным детективом, принял вас за талантливого полицейского, явившегося для расследования тайн, и решил с вами покончить.

Вы увидели ужасное лицо, выплывающее из мрака, ощутили на своем затылке железную руку...

И вспомнили...

Вспомнили о другой руке, которая чуть не свернула шею нам обоим.

Вы вспомнили, Тритгс. Более того, вы узнали преступную руку, руку Майка Слупа!!!

Тритгс встал и несколько торжественно произнес:

— Инспектор Баккет, арестуйте меня!

— Как я могу арестовать честного и смелого человека, который находился в состоянии самообороны?

Я не могу арестовать человека, спасшего мне жизнь.

Я не могу арестовать человека, избавившего общество от Майка Слупа, закоренелого преступника, даже если для этого ему пришлось прикончить некоего мистера Чедберна, мэра Ингершама.

Более того, Сигма Тау, в Ингершаме, откуда окончательно изгнан страх, я никого не буду арестовывать.

И мои начальники будут согласны с моими решениями.

— Сигма Тау!

— Слушаю вас, шеф.

— О чем вы думаете?

— О Лавинии Чемсен, шеф! Вы действительно верите, что Чедберн внушал ей столь преступные мысли? Я думал, такое встречается только в романах.

— Хм, это не так, к сожалению, такое встречается и в жизни! Чедберн, вернее Майк Слуп, был весьма сильной личностью.

Думаю, он держал Лавинию Чемсен с помощью чувств — бедняжка любила его, а посему его власть над ней сильно увеличивалась. Но люди, действующие под гипнозом, преступлений не совершают.

Поэтому, как я уже говорил, Лавиния не могла совершить убийства, но Майк Слуп знал, что Грегори Кобвела достаточно сильно напугать.

Баккет вскочил на ноги, словно ему надоело говорить об ужасах.

— День прекрасен, Сигма Тау. Мне хочется совершить прогулку вдоль Грини, которая наконец вернулась в свое русло.

Они прошли вдоль парка Бруди и, оказавшись у решетки, встретили идущего с рыбной ловли Билла Блоксона с корзиной в руках.

— Рыбка в сетке, Билл? — со смехом спросил Баккет.

— И две в верше, сэр.

Парень подмигнул и удалился в отличном настроении.

— Почему же он не достает их из верши? — спросил Тритгс.

— Потому что его не интересует некоторая разновидность рыб,— ответил Гэмфри, отворяя калитку.

Они вошли в пустынный парк, где яростно спорили сойки и звонко свистели дрозды.

— Смотрите,— произнес Триггс,— красный домик открыт. Я бы сказал, что в нем живут.

Они подошли к двери, и она распахнулась перед ними.

— Входите, господа!

Перед Триггсом стояли смущенно улыбающиеся дамы.

— Мисс Патриция... Мисс Руфь...

— Ну, ну, Сигма Тау, пора сорвать последние завесы с тайны, и вы поймете, почему следует оставить незапятнанной печальную память леди Хоннибингл.

Она была внучкой вашего благодетеля, сэра Бруди, а сестры Памкинс большую часть жизни преданно служили ему, пытаясь наставить ее на путь истинный. И не стоит сердиться на них, Сигма Тау, если это им не всегда удавалось.

Но Триггс уже ничего не слышал; он увлеченно шептался с Руфью Памкинс, чьи щеки приятно порозовели.

— Ну ладно,— проворчал Гэмфри,— готов поставить сто против одного, что приключение закончится, как у Тима Линкинуотера и мисс Ла-Криви.

Мисс Патриция вопросительно взглянула на него.

— Это из «Николаса Никльби»! — разъяснил Баккет.

— А могу ли я вас спросить, мистер Баккет, чем кончилось это приключение?

— Свадьбой...

— Это действительно приключение,— серьезно подтвердила мисс Патриция,— но неизвестно, конец его или начало.

* * *

— А я,— проворчал Гэмфри Баккет, оказавшись один в парке, где еще сильнее стрекотали сойки,— как я завершу свой рапорт?! Вдруг в один прекрасный день он попадет на глаза какому-нибудь парню, сочинителю историй? Дувы еще не перевелись на белом свете...

Х

ОДИНОКИЙ СУМРАЧНЫЙ ДЖЕНТЛЬМЕН

Ветер забвения развеял декорации и персонажей нашего повествования, лишив их дыхания жизни. Время иначе не поступает, да и рассказчик тоже.

Устав от тайн, спит Ингершам. К нему вернулся глубокий сон без кошмаров. В высокой башне ратуши начинают хрипеть все колесики курантов, собираясь отбивать полночь — самую тяжкую повинность суток.

По крышам скользит луна, а тысячи звезд превращают Грини в ночное зеркало.

Двенадцать ударов... В основе вечных законов лежит традиция.

Сквозь витражи просачиваются лунные лучики, и по плитам коридора рассыпаются серебряные монетки бликов. Из сумрака возникает безмолвная фигура и входит в луч серебристого света. И рясы, и колпак, и длинная борода придают лицу важность и торжественность. Сей одинокий джентльмен не вызовет у вас страха при столкновении с ним.

Однако это призрак, подлинный призрак, который обитал и будет обитать в Ингершаме, не вмешиваясь в людские драмы.

Он проходит сквозь закрытые двери и каменные стены, ибо субстанция его тонка и таинственна.

Ровным шагом, не похожим ни на змеиное скольжение, ни на человечью походку, он пересекает Залу Защитника бедняков, где было решено предать позорной смерти роялистов. Он не обращает внимания на строгие ряды стульев, навечно запомнивших роковой сеанс правосудия. Он входит в богатый кабинет, где на паркете еще виднеется пятно крови мистера Чедберна; его не трогает сие зловещее свидетельство.

Он проходит через застекленный кабинетик мистера Дува, не склонившись с интересом над каллиграфическими строками, а когда идет по круглой зале, откуда в мир вылетали обманчивые бабочки фальшивых банкнот, он даже не останавливается.

Ему безразлично все: ни радости, ни горести человеческие не трогают его.

Каков же смысл бродящего в ночи призрака? И есть ли он, этот смысл?

Безграничная Мудрость, которую равным образом интересуется и жизнь ничтожного клеща, и трепет травинки, и гибель целого мира, отвела ли она призраку свою роль?

Встреча с теми, кто умер, относится к странной привилегии, в которой сия Мудрость отказывает живым, а если она иногда и происходит, то только по упущению того же самого Божества, не так ли? Может ли Божество забывать?

Носят ли законы абсолютный характер?

Эйнштейновская теория, как кислота, разъела эвклидову безмятежность; поляризация нарушает лучистый кодекс оптики; равенство уровней жидкости в сообщающихся сосудах опровергнуто капиллярами, а ученые мужи, пытаясь скрыть свое невежество, создали из подручных материалов катализ.

Церкви скруглили острые углы Божьего законодательства. Из аксиом, сформулированных Богом, человек вывел свои собственные следствия.

В законе ночи могли образоваться трещины, и в них проскользнули призраки.

Мы превратили Природу в истину, обожествили ее, а она кишит миражами и ложью. Ба, слова, одни слова!.. Эх, Шекспир!

Формы или силы, что-то приходит на смену мертвым, но эти формы не подчиняются нашим законам, и вряд ли уравнения помогут нам рассчитать могущество ночных форм.

Призрак есть.

Он бродит, приходит и уходит.

Поет петух, он исчезает.

Традиция.

Перевел с французского АРКАДИЙ ГРИГОРЬЕВ.

МЕРТВЫЕ ЯБЛОКИ

СЕРГЕЙ
РОМЕЙКОВ

ФОТО
ИГОРЯ
ЯКОВЛЕВА

розовые мифы и черная быль

Юрий Иванов, работник Припятского ОРСа, из притихшей, пораженной радиацией Припяти в первую очередь вывез не ковры, не хрусталь — пятитомник Ильфа и Петрова и виолончель (жена Юрия, Галина, преподавала музыку в школе искусств).

...Нынешней зимой Юрий позвонил мне. Из Московского эндокринологического центра. Рассказал, что по-прежнему работает в ОРСе, но теперь — экспедитором по захоронению радиоактивных отходов.

Киев. Из блокнота 1986 года:

«На знаменитой Бессарабке, как на любом приличном рынке,людно. Но вскоре замечаю: нет в привычной толчее многоголосого гомона, никто ни с кем не торгуется, не просит сбавить цену или «подсыпать кучку». А чего торговаться, если цены на клубнику, малину, яблоки, помидоры и огурцы — на все, чем богат украинский базар, — и так в два-три раза ниже, чем обычно.»

Находятся, однако, смельчаки; протискиваются ближе к торговкам, склоняются к весам, разглядывая ярлычок, удостоверяющий, что, скажем, клубничка эта вот прошла необходимый дозиметрический контроль и пригодна к употреблению. Покупают понемногу... Позже я узнаю, что ярлычок при желании можно купить здесь же, неподалеку. За 3 рубля...»

Дорога на Чернобыль. Она мало изменилась за четыре года.

Все те же желтые флажки вдоль трассы с таким трогательно-безопасным трехлопастным пропеллером — знаком радиационного загрязнения. Знаком беды.

Вдоль трассы же — запрещающе-предупреждающие призывы: на обочину не сходить, в лес — ни-ни, на озеро, речку тоже нельзя: радиация.

В моем чернобыльском архиве

хранится пожелтевший номер чернобыльской многотиражки «Трибуна энергетика» от 25 апреля 1986 года... Историческая ценность этой газеты в том, что вышла в свет она за несколько часов до ядерного взрыва, запечатлев последние, доаварийные, новости на станции... Нехватка стройматериалов, нерадивость одних и успехи других руководителей, темпы строительства на V энергоблоке, спорт, досуг... Все так привычно, так хорошо знакомо: «Провели субботник, посвященный 116-й годовщине со дня рождения вождя и учителя трудящихся всех стран, создателя первого в мире социалистического государства, организатора и творца нашей славной Коммунистической партии, В. И. Ленина».

Автобус, на котором мы въехали в зону, не единственный. Он — один из доброго десятка, составляющего колонну.

Смена вахт.

После полумесячного отдыха дома люди вновь возвращаются сюда, в «зону повышенной опасности», «зону отселения», «отчуждения» — как ее только не называли! Возвращаются, чтобы следующие 15 дней и ночей ступать по земле, побитой «мирным атомом».

Во имя чего, зачем?

Эти вопросы не давали покоя еще в Москве, после первых бесед с Юрием.

Диктофонная запись, Москва, зима 1990 года:

— Юра, все вы, работающие сегодня в зоне, сознательно укорачиваете себе жизнь. Как это компенсируется — морально, материально?

— Насколько я знаю, все там сегодня работают по собственному желанию.

— Добровольцы...

— Добровольцы? Нет... Это

кормушка. Сам народ дал название всей зоне — кормушка.

— И чем в таком случае там кормишься ты?

— Во-первых, идет вредный стаж. Для людей, попавших, как у нас говорят, под самое основное (имеются в виду припятчане. — **С. Р.**), есть смысл дотягивать этот стаж. И женщины работают, дотягивают тоже... Ведь неизвестно, что будет с нами завтра: на государственную пенсию не очень-то поживешь-полечишься.

— Получается, что ты зарабатываешь себе «хорошую» пенсию?.. Мы с тобой встретились в эндокринологическом центре. Ты туда случайно попал?

— Нет, конечно...

— Ты связываешь это с радиационным облучением?

— Как тут свяжешь... не знаю... Еще ни один человек из зоны, какие бы у него ни были болячки, не получил медицинское заключение о том, что его болезнь как-то связана с радиацией. Ни один. Сколько бы ни жаловались, ни писали... Ты знаешь (это должно быть интересно!), первое, чему мы подвергаемся, попадая в лечебное учреждение в Киеве, — это обследование на психическую нормальность...

Летом 1986 года, когда я работал в Чернобыле, к нагрудному карману моей белой куртки было пристегнуто два дозиметра-накопителя: прямоугольный ДПГ-03 и круглый, «пуговица», МИ-1. В самом же кармане имелся ненадежный, так называемый «счетчик Гейгера» (ДКП-50-А). К моменту отъезда из зоны «карандаш» показывал 30 «накопленных» мною рентген. Расшифровать показания ДПГ-03 и МИ-1 мне не удалось; я не знал, где и кто это делает... Медсестра взяла у меня кровь из пальца: все хорошо...

— Несколько раз в разговоре о зоне ты употребил слово «кормушка». Довелось слышать и более благозвучное — «Клондайк». Что это значит?

— Нынешние КПП просто не в силах сдержать потока предприимчивых людей, которые, как жучки, вертятся вокруг зоны, вокруг этих природных «благ»... Здесь, в зоне, срабатывает та же система, что и на гражданке. Сюда из Киева поступает много такого, что и в столицах не купишь: дефицитные товары, деликатесы. Естественно, простой слесарь или водитель не видит, не ведает даже о том, чем пользуется начальство... Кормушка! Самая настоящая кормушка. Она устроена таким образом, чтобы отбирать даже те крохи, которые перепадает простым работягам, в зону. Остается относительно высокая зарплата, заслуженная, но незаработанная.

— Разве ты получаешь ни за что? Ты не нужен зоне?

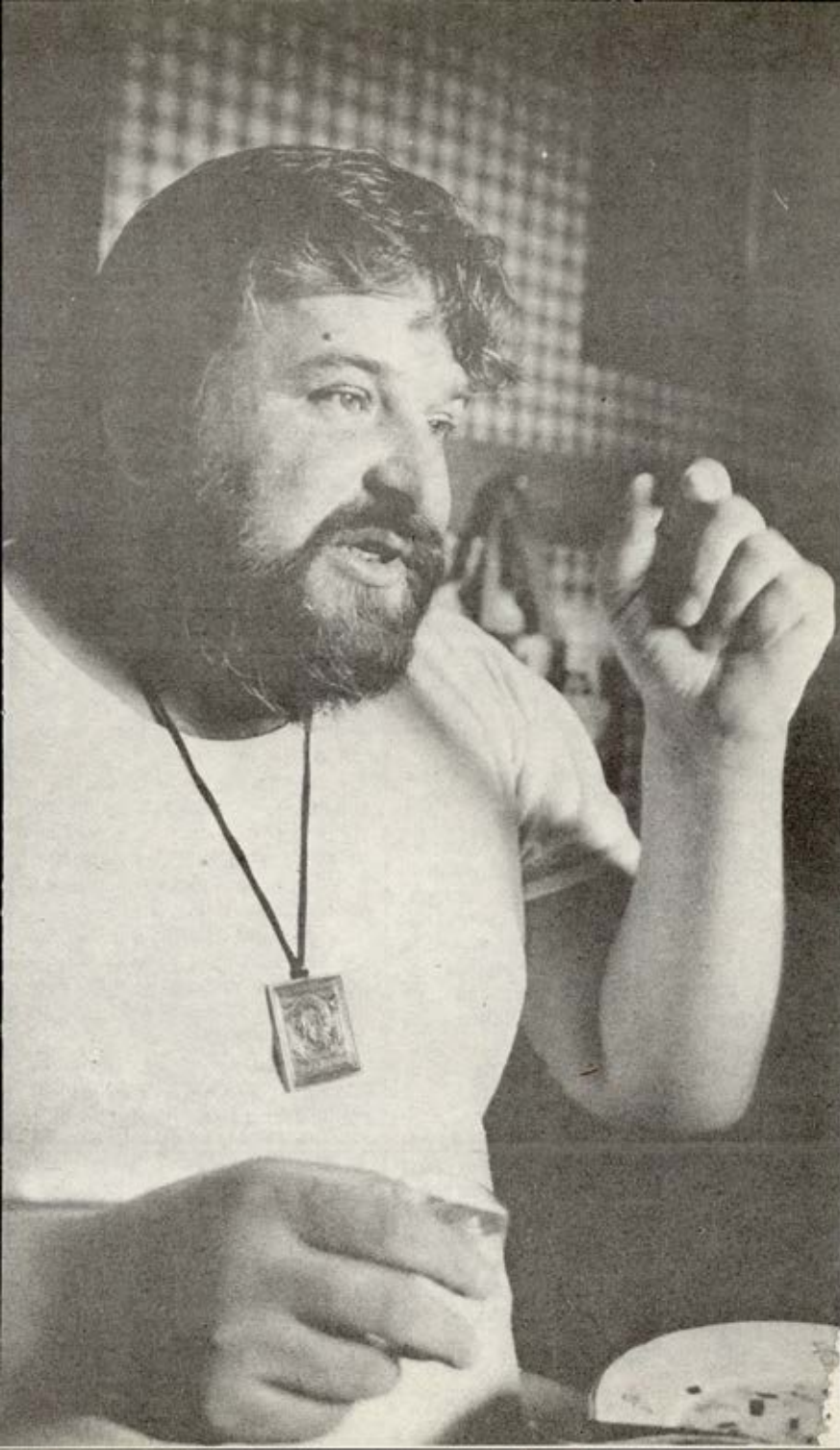
— Нет. Не нужен. Потому что ОРС обслуживает, в сущности, ничего не делающих людей... Они занимаются дурной работой, никому не нужной...

Каждый год в ночь с 25 на 26 апреля (*ночь взрыва*. — **С. Р.**) на бетонной стене саркофага появляется сделанная неизвестными надпись: «Кормилец». Ее, конечно, сразу же стирают...

Разговариваем с Юрием не первый час, уже в Киеве, в его «ликвидаторской» квартире, и окна первого этажа распахнуты прямо в буйный палисадник. Мы только что вернулись из Чернобыля, где Юра нам показывал могильник — место так называемого захоронения РАО¹.

¹ РАО — радиоактивные отходы.

...Расскажу хоть коротко о его квартире, прежде чем перейду к могильнику. Неплохая по планировке 3-комнатная с приличным холлом и нетесной кухней. Но по всем, показалось, стенам — трещины. Никому, во всяком случае, Юре и Галине точно, до этих трещин нет дела. Не дует, и слава Богу. В комнатах — ничего лишнего. Да, есть дорогие вещи: хорошая музыкальная и видеоаппаратура, купленная на «чернобыльские» деньги. Но воспринимается это не как роскошь, скорее, как предметы быта, без которых в этой семье не могут обойтись. (Я бывал и в других киевских квартирах «ликвидаторов». И понял, утвердился в мысли: Чернобыль научил этих людей, переселенцев, не превращаться в скопидомов. Люди, взглянувшие в лицо ядерному небытию, осознали скоротечность и одноразовость жизни. Это, наверное, один из немногих понастоящему усвоенных уроков Чернобыля...)

Итак, окно распахнуто в июльский палисадник, и Юрий продолжает:

— Дезактивационные работы... В Славутиче — новый город! — с деревьев снимают кору, замеряют, и все равно: фонит. Так сколько же можно мыть, вылизывать зону?! Да и со Славутичем, который по традиции строила вся страна, непонятно получилось. Зачем он? Уровень радиации держится, сбор ягод и грибов запрещен...

— Но люди-то живут там...

— Да. Те, кому совсем уже деваться некуда. Да и условие было поставлено жесткое: если ты работаешь на ЧАЭС, обязан переехать из Киева в Славутич. В противном случае в трудовой книжке делают запись: уволен в связи с несогласием на изменение условий работы.

— Я слышал, что некоторые из «чернобыльцев» хотели бы уехать за рубеж...

— Не знаю, может быть... Я такого не слышал. Кому — Америке, Африке? — нужны искалеченные, с покореженными душами люди?

Чтобы платить им пенсии и пособия, которые не платят в Советском Союзе?!

Иван Евдокимович Рогожин, дослужив на Урале до подполковника, вышел в отставку, переехал жить в Припять. Не успел еще как следует обжиться в общежитии (отдельного жилья пока не было), как случилась катастрофа. Занимался эвакуацией, после попал в Полесское, ежедневно ездил в Чернобыль... Мы встретились с ним в сквере, неподалеку от здания поселкового Совета. Иван Евдокимович был вроде как не в себе.

— Что такое?

Он не отвечал, а только потрясал в руке бумажкой.

— Понимаешь, — наконец заговорил он, — я должен заполнить эту штуку, чтобы получить компенсацию за утраченное имущество.

— Ну, и что? Всем припятчанам сейчас такие выдают.

— Ты лучше меня знаешь, что на семью из одного человека положена компенсация — 4000 рублей...

— Правильно...

— Правильно-то правильно... — Он вздохнул. — Да только имущества у меня не то что на 4, на одну тысячу не было! Выходит, на беде наживаюсь? Не по-людски...

Колонна автобусов с вахтовиками рассекает «Клондайк», то бишь зону. Почему определили зону тридцатикилометровым радиусом? Ведь уже тогда было известно, что

радиация, подобно лягушке, «прыгала» в разные стороны. Тде на 10, а где и на все 50 километров...

После безлюдного пространства от КПП до въезда в город Чернобыль оказался перенаселенным. Интенсивное автомобильное движение, множество людей на тротуарах.

Гастроном, универмаг, кинотеатр, церковь — все, как и четыре года назад. Почти ничего не изменилось. Разве что меньше респираторов на лицах да дозиметры в карманах реже попадаются... Впрочем, их и тогда не всем хватало.

— Юра, насколько серьезно работают дозиметристы на выезде из зоны?

— Не хватает необходимой аппаратуры. Можно проехать три поста, и на всех по-разному покажет. Сейчас функции дозиметристов практически те же, что и у милиции: «скачивание» дополнительно вознаграждения...

— С водителей «скачивают?»

— С кого угодно. У тебя, к примеру, закончилась вахта, и ты автобусом или машиной едешь в Киев...

— ...и что-то везешь?

— Что может везти из зоны вахтовик?

— А за что тогда с тебя брать?

— За что? Да за то хотя бы, что он тебя выпустит из зоны, пропустит в Киев. И даем мы им не деньги, а припасенный заранее маргарыч.

— А к чему все-таки дозиметрист может придрататься?

— Грязный автобус. Все. У водителя отбирается путевка. Выходите, ребята, и можете топтать пешком! После 15-дневной вахты, поверь, не хочется проблем на КПП...

— А как сейчас в зоне с спиртным?

— Сухой закон. Официально.

— И что народ пьет?

— Водку. Из Киева, Чернигова, Славутича, из Овруча. Такса — 15—20 рублей за бутылку...

— Ты отработал, сдал дозиметр, прошел медосмотр и... поехал домой?

— Да. Сел в автобус и поехал домой. Медосмотр у нас в ОРСе. Раз в год. Ну, ты знаешь, что это за медосмотр. В нем участвуют все врачи, и первый по важности — нарколог. Терапевт, как положено, делает заключение: здоров. Вот я уже три года... «здоров»... Почему совсем не уезжаю? Ну, платят все же «один к двум». Потом: 15 дней работать, 15 — дома. Вахтовый метод...

— Скажи, Юра, из Припяти сейчас вывозится грязный грунт?

— Речь нужно вести не только о Припяти — о всей 30-километровой зоне. Ведь даже за зоной есть довольно большие «пятна». Да что зона! Ты вспомни, мы жили с тобой в Полесском. Там, во второй школе — помнишь? — дозиметристы стоки дождевые мерили... грязные очень были... А в сентябре того же года я снова был там, и в школу, где летом жили вахтовики, пошли дети. В канаве, где стоки собирались, кораблики пускали...

...С Людмилой Ивановной Овсиенко мы познакомились в Полесском. Вместе с семнадцатилетней дочерью Леной работала она уборщицей в вахтовом общежитии. Только значительно позже я стал понимать, сколько могли они «нахватать», выгребая грязь из-под коек шахтеров, бетонщиков...

В октябре 1986 года Овсиенко писала мне из Полесского:

«...у нас дела неважные... Наши все скрывают, как и раньше. А у нас радиация еще больше, чем была, может, оттого, что упали

листья... В воздухе — 1,2, возле швейной фабрики — 1,5 миллирентгена. С августа нам платят по 30 рублей на каждого члена семьи и будут платить до особого распоряжения... Огороды мы уже не садим. А та «штучка» пыхтит помаленьку... Мы каждый день вспоминаем, как сидели под яблоней, а на нас смотрело столько малины, абрикосы, орехи, но мы тоже только смотрели на них...»

Вопрос о захоронении РАО встал сразу же после катастрофы. (Следует уточнить, что под радиоактивными отходами сегодня понимают не только РАО как таковые. Все, что «фонит», заставляет жужжать дозиметр: все это сегодня РАО, подлежащие захоронению.)

...О могильнике еще в Москве мне рассказывал Юра:

— Могильник «Буряковка» — это километров 12—14 от Припяти в сторону Полесского... Вырывается обычная яма. Туда и валят. Сильноизлучающий «мусор» (более 5 рентген) сперва грузят в металлические ящики. А потом бульдозер спихивает их в могильник. Ящики без крышек, поэтому толку от них — кот на плакал...

На закате приехали в Буряковку. На могильник. Народ здесь работает неразговорчивый. Фамилии и имена просили не записывать. Это понять можно...

Длинная яма, канава, можно сказать. Спросили у мужиков, какие параметры у могильника. В ответ: а зачем тебе? Нам не велено говорить... Если довериться глазомеру — метров 8 глубиной, длиной... метров 100, наверное. И ширина — метров 40—50. Неподалеку от Буряковки, в селе Стечанка, — глиняный карьер. Оттуда возят глину — укатывать на дно могильника... На глину должны укладываться бетонные плиты и потом только в специальных ме-

таллических ящиках радиоактивные отходы.

А вот как на самом деле...

Толщину глиняного, утрамбованного слоя определить сложно.

По свидетельству Ю. Иванова, были случаи, когда водители отмечали в путевках «липовые» ходки. Значит, слой глины тоньше, чем требуется. Из-за наваленного — горой! — радиоактивного хлама и бетонные плиты угадывались едва-едва... Что хорошо было видно — это воду, кое-где примерно по пояс. Дождевая, грунтовая? А не все ли равно, если, омыв радиационную пыль, в землю уйдет...

Чернобыль, увы, продолжается.

Но, слава Богу, что на Украине начались-таки по-настоящему перестроечные (хочется верить — необратимые) процессы. Все громче и тверже звучат голоса украинских ученых, депутатов, общественных деятелей, что требуют полной правды о трагедии XX века. Украинцы (как и белорусы, как и россияне, как все земляне) вправе знать эту правду, какой бы горькой она ни была...

Мы брели опустевшим селом Копачи — до станции 5 километров. Неестественная картина: наполовину разрушенные добротные дома... Изможденные тяжким бременем и жарой ветви клонились долу — яблоневые, грушевые, сливовые... Наивен и велик соблазн: помочь дереву. Снять перезревшие плоды. А потом тщательно вымыть руки...

Чернобыль, Чернобыль, Чернобыль...

Вспоминаю свадьбу той поры: распятая на капоте кукла тоже в респираторе. Пошутили молодожены? Сейчас, четыре года спустя шутят ли?!

МАКСИМАЛЬНАЯ ОТДАЧА КОМПЬЮТЕРОВ — В ЛОКАЛЬНЫХ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫХ СЕТЯХ

ПЕРСПЕКТИВА: ЕДИНАЯ СЕТЬ

ЛВС — это

- электронная почта
- разделение ресурсов
- секретность
- надежность хранения и передачи информации
- гибкие производственные системы
- автоматизация научных исследований
- гибкая связь «Бухгалтерия — Отдел кадров
- Склад — Маркетинг — Руководство — Бухгалтерия»
- САПР
- скорость передачи до 10 Мбит/сек
- кабельная связь до 13 км
- объединение ЛВС через мосты в интернеть

ФИРМА «СОЮЗ» ПРЕДЛАГАЕТ:

- комплексы ЛВС, включая персональные ЭВМ типа IBM PC/XT/AT
- комплектующие 100% импортного производства
- экспресс-обучение
- документация на русском языке
- гарантия работоспособности и поставка в кратчайшие сроки.

МАТЕМАТИКА — БЕСПЛАТНО!

Наш адрес: 129010, Москва, пр. Мира, дом 10, стр. 2.

Телефон: 208-83-95.

Звонить в понедельник, среду и пятницу с 10 до 14 часов.

Факс: 2088164

ОПЛАТА ТОЛЬКО В РУБЛЯХ

АЛЛА БЕРЕЖКОВА

СПАСЕНИЕ ЛЮБОВЬЮ

Этот случай уникален. Московская журналистка знакомится с заключенным, за тяжкие преступления осужденным на пятнадцать лет лишения свободы, влюбляется и выходит за него замуж, несмотря на то, что ему предстоит еще пять лет тюрьмы. Что побудило молодую благополучную женщину из хорошей семьи, имеющую два высших университетских образования, решиться на такой шаг? Алла БЕРЕЖКОВА согласилась рассказать об этом.

Мне придется как бы раздвоиться на журналиста, задающего вопросы, и просто женщину, на них отвечающую. Итак...

— Начну с главного, на мой взгляд, вопроса: имеет ли право человек, совершивший преступление, на прощение? Ведь когда-то он принес боль и страдание, сотворил зло. Не является ли прощение и доброе отношение к нему беспринципностью и жестокостью по отношению к его прежним жертвам?

— Когда я получила первое его письмо, пришедшее просто в редакцию, каким-то седьмым чувством поняла, что написал его вконец отчаявшийся, запутавшийся человек, но с живой, без кожного покрова душой. Я ощутила это необычайно остро и словно бы увидела человека; стоящего на краю пропасти с занесенной над ней ногой. Но он еще ждал, и взгляд его был обращен ко мне, пока неведомой ему.

Я почувствовала и приняла этого человека сразу. Хотя то, что он написал мне о себе, было страшно.

Боюсь скатиться до мистицизма, но сейчас мне уже кажется, что тогда, когда первый раз прочитала его письмо, я уже все решила для себя. И решение это при-

шло не от разума, а от сердца.

— Уже в четвертом или пятом своем письме он сделал тебе предложение стать его женой, и ты ответила моментальным согласием. Что это — легкомыслие, жажда острых ощущений или Судьба? Ведь все-таки ты рисковала, соглашаясь стать женой человека, которого еще не видела даже на фотографии.

— Конечно, риск был. Но я об этом как-то не думала. И в легкомыслии меня трудно упрекнуть. Но я уже знала, что выйду за него замуж. И когда прочитала в письме, что он просит быть его женой, даже не удивилась. Знала, что так и будет, и ждала его предложения.

— Предложение ты получила в январе, а в феврале поехала к нему на первое свидание, чтобы все-таки увидеть его. А допускала ли ты, что жених тебе может не понравиться?

— Мне была безразлична его внешность. Впервые в жизни это не имело для меня никакого значения. Я знала, что полюблю его всякого. Для меня было достаточно понимания того, что неожиданно я встретила своего, единственного человека, свою половинку.

Мое состояние напоминало в тот момент чувство женщины, ожидающей ребенка. Она еще не знает, каким он родится, какие у него будут глаза, нос, волосы, но она его уже заранее любит и принимает любимым. Потому что это ее кровиночка, потому что она уже слышит его родное биение сердца. Я и сама многому удивляюсь в этой нашей истории. Наверное, это и есть то состояние души человеческой, именуемое любовью. А ее законы неподвластны рассудку.

— Ты, конечно, никогда не забудешь тот холодный февраль-

ский день, когда сошла с поезда в маленьком северном городке и по протоптанной в глубоком снегу узкой тропинке пошла через лес и поле к виднеющимся вдали вышкам и заборам, обтянутым колючей проволокой. На свое первое свидание с ним. У тебя не было никакого сомнения, что ты все делаешь правильно?

— Нет, сомнения не было. Но небольшой страх был. Я всегда считала, что преступный мир, тюрьмы — это все так далеко от меня и никогда меня не коснется. Раньше над всем этим я глубоко не задумывалась и жила, как и многие мои соотечественники, со сладкими иллюзиями, что тюрьмы — это спасение общества от преступности, что каждому воздается по справедливости за грехи его и что несколько лет неволи способны заставить кого-то остановиться, исправиться и вернуться в общество порядочными людьми.

В тот день я шла к зоне, а по голому заснеженному полю снова ли бродячие собаки. И я вспоминала этих собак и их глаза, когда передо мной открылась тяжелая, обитая железом дверь, пропуская меня в зону, и я увидела как бы прилипшие к решетке лица заключенных, их по-звериному тоскливые глаза, смотрящие на меня. Я ужаснулась. Да, это были преступники, совершившие зло. Но мы, все остальные, такие хорошие и честные, как мы можем допустить, чтобы люди, пусть грешники, содержались в таких условиях и были подчинены таким бесчеловечным правилам содержания?!

Этих людей, прилипших к решеткам, объединяло с бродячими собаками многое — голод, холод, а главное — ненужность никому в жизни. Но у бродячих собак имелось преимущество — они по крайней мере были свободными.

Человек, оказавшийся за колючей проволокой, попадает в такие условия, когда постепенно из него выбивается то последнее человеческое, что еще было. И нужно обладать поистине несокрушимой силой воли и мужеством, чтобы действительно исправиться в этих условиях. А вот с силой воли и настоящим мужеством у многих из тех, кто переступил черту, как раз плохо.

— Так есть ли все-таки выход из такого положения? Что может спасти тех, кого еще можно спасти?

— Только добро, любовь, близкие, родные люди, которые помогут не потерять окончательную веру в себя, поддержат морально. Ведь для многих, кто оказался в этом аду, будущего как бы не существует. От многих отказываются родственники, жены, друзья, они лишаются всего, а не только свободы. К тому же они знают, что, вернувшись в общество, многим из них уже никогда не удастся смыть с себя клеймо своего прошлого, как бы они этого ни хотели. И можно ли ожидать от человека, которому уже фактически нечего терять, искреннего раскаяния и исправления?

Только тот, кто знает, что у него есть будущее, что его кто-то ждет и любит, что ему простили его грехи и верят в него, способен выстоять и не сломаться.

Так что пока существует только один путь для спасения заблудшей и грешной души — любовь и поддержка близких людей. Но и на этом пути выстраиваются почти непреодолимые преграды. Я имею в виду права осужденных в области семейных отношений.

В колонии разных типов осужденным разрешается всего одно-два свидания в год с близкими родственниками. Максимально свидание длится трое суток, мини-

мально — два часа. Да и то часто осужденные лишаются права на свидание из-за каких-нибудь нарушений режима содержания или из-за натянутых отношений с начальством.

Но не только в свиданиях ограничен осужденный. Даже письма он имеет право отправлять только через цензуру и в строго ограниченном количестве. В колонии, где находится мой муж, этот лимит составляет два письма в месяц. Цензор строго следит за тем, чтобы лимит безукоснительно соблюдался.

И я не могу избавиться от постоянного ощущения того, что за нами с мужем как бы подсматривают сквозь замочную скважину, ведь наши самые интимные письма друг другу обязательно читает посторонний человек.

Однажды я не выдержала и написала в письме мужу все, что думаю об их цензуре.

— Это когда цензор вернула тебе письмо с вложенным в него экземпляром московской газеты, сославшись на то, что пересылать в зону газеты не положено?

— Да. Я написала, что не понимаю, почему разрезанную на куски газету посылать в зону можно (пересылка вырезок статей разрешена), а целую газету — нельзя. И что вообще выискивает цензор в интимной переписке мужа и жены? Конечно, это была буря в стакане воды. В конце концов цензор — только исполнитель, и она, даже если и придерживается общепринятого кодекса порядочности, запрещающего читать чужие письма, в силу своего служебного положения обязана это делать. Но цензор на меня очень обиделась и даже пожаловалась начальству, что я дискредитирую правовую систему и дестабилизирую своими письмами обстановку в зоне.

Но все это лишь смешные эпизоды. Хуже другое. Письма — единственный регулярный канал связи между заключенными и родственниками. И если родственников много, то как можно общаться с ними, не нарушая лимита? Да и что такое два письма в месяц? Кому бы помешало, если бы осужденные писали домой хоть каждый день?

— Ну, тебе-то муж пишет часто...

— Да, но вынужденно нелегально. И поэтому постоянно рискует. Ведь нелегальная отправка писем — злостное нарушение режима содержания, за которое можно серьезно поплатиться, если тебя поймают. Тем не менее нелегальными путями отправки писем пользуются практически все заключенные. Еще одно нелепое ограничение рождает, с одной стороны, нарушение режима, а с другой — целый подпольный бизнес. Ведь за посредничество в отправке нелегальных писем в каждой зоне существует своя такса. И чем жестче контроль, тем выше цена услуги. Обычно подрабатывают этим солдаты или «бесконвойники» — заключенные, имеющие право свободно перемещаться и вне зоны. Но среди них встречаются любители выслуживаться перед начальством. Такие берут у заключенных письма и, вместо того чтобы опустить их в почтовый ящик, кладут на стол руководству. Кара следует незамедлительно: до пятнадцати суток ареста в штрафном изоляторе. А разве это справедливо? И разве все это может способствовать нравственному очищению человека?

— А посылки, бандероли, передачи?

— В связи с тем, что их количество тоже жестко ограничено, возникают всевозможные спеку-

ляции и злоупотребления. Заключенный может получить только одну посылку в год весом до пяти килограммов и две бандероли в год по килограмму каждая. Да и то после отбытия определенного срока наказания. Учитывая скудость рациона осужденных, отсутствие овощей, не говоря уж о фруктах, сладкого, каждый из них старается придумать какой-то незаконный способ получения лишней бандероли или посылки. За это тоже наказывают, но искоренить эту нелегальщину никто не может.

— Мы, кажется, сильно отвлеклись. Итак, ты впервые приехала на свидание...

— Меня провели в маленькую комнатку, разгороженную толстым стеклом, по обе стороны которого стояли грубые деревянные скамейки. Это была комната краткосрочного свидания. Нам разрешили поговорить друг с другом в течение двадцати минут, да и то в порядке исключения, учитывая, что перед свадьбой жениху и невесте неплохо и немного познакомиться.

Для жениха мой приезд в зону был неожиданным. Поэтому, когда ему сказали, что к нему приехали на свидание, он растерялся, замешкался и долго пытался привести себя в «приличный» вид, насколько это было возможно в его грустном положении. Представляю, что он должен был испытывать в тот момент. Да еще, как назло, накануне их всех остригли «под ноль». И теперь он лихорадочно думал, что лучше: показаться передо мной бритоголовым или остаться в старенькой, потертой шапке-ушанке? В конце концов эстет победил в нем, и он выбрал второе.

Помню, как я, устав от долгого ожидания, выглянула за порог и увидела, что по длинному, узко-

му коридору идет он в сопровождении конвоира. Лица его я тогда не разглядела, просто увидела улыбку. Да такую славную.

И вот только стекло разделяет нас. Я смотрю и пытаюсь разглядеть и запомнить каждую черточку лица, выражение глаз, улыбку человека, с кем так удивительно неожиданно связала меня судьба и который стал для меня дороже и ближе всех на свете.

— Но, наверное, даже по письмам ты составила определенный образ его? Насколько он, соответствовал тому, что ты увидела?

— Хоть в тот момент мои представления о местах заключения были весьма поверхностными, но я догадывалась, каким приблизительно придет мой жених на свидание. И, конечно, не надеялась, что он будет в костюме и галстуке да еще с модной прической. Морально я была готова к тому, что увидела.

Передо мной сидел худой, с грустными карими глазами молодой человек в черной бесформенной робе с биркой на груди да еще в надвинутой почти на самые глаза шапке-ушанке. К тому же у него была перебита переносица и загипсована рука — результат издержек зоновского образа жизни.

Сначала мы молча смотрели друг на друга и не знали, что сказать. Потом с трудом заговорили. О чем? Ни он, ни я потом не могли вспомнить ни слова. Но, наверное, мы говорили что-то очень ласковое и трогательное, потому что присутствующий при нашем свидании майор то и дело вытирал рукавом непрошеную слезу.

Двадцать минут прошли, как секунда. Нам сказали, что время свидания окончено. Мы встали и направились к выходу, и тут я неожиданно для себя попросила майора: «Разрешите только один поцелуй на прощание!» От

неожиданности он разрешил, и мы бросились в объятия друг другу вопреки всем правилам и уставам.

«Ну, ну, ребята, хватит! — как-то виновато произнес майор через какое-то время. — Пора. Порядок уж такой!» — добавил он, как бы извиняясь.

И жених мой медленно побрел по коридору прочь, за решетки, колючую проволоку, в ставшую такой привычной для него неволю. И вдруг он остановился, оглянулся, и лицо его озарила улыбка. Он махнул мне рукой, и я почувствовала, что там, в конце коридора, стоит счастливый человек...

— Что он тебе написал после той встречи? Ты помнишь?

— Такие письма, какие пишет мне мой муж, невозможно не помнить наизусть. Я думаю, далеко не каждая женщина может похвастаться тем, что ей пишут или говорят подобное. Да, наверное, ради только одних таких слов можно вынести все испытания и пойти за мужчиной на край света.

А тогда он мне написал... Ну, я процитирую только одно письмо, да и то всего несколько фраз из него:

«Мне достаточно теперь только быть с тобой рядом, и все. И прикосновение твоей руки смогу сделать то, что никогда не сделали бы ни грозные окрики, ни дубинки, — я становлюсь другим человеком. И этому человеку очень дорого то, что он обрел после долгих и страшных лет.

Я знаю, что всю жизнь ты останешься моей единственной, моей любимой. Слово, жест, взгляд — и я снова и снова восхищаюсь тобой, нахожу в тебе что-то новое и... влюбляюсь сильнее и сильнее».

Я уверен, мы с тобой никогда не опустимся до банальности в наших отношениях. Ты для меня —

святая и всегда будешь ею. И, знаешь, я сам просто сейчас себя не узнаю. Я как бы оттаял. Своим поцелуем ты разбудила меня от какого-то страшного сна. И то хорошее и доброе, что таилось во мне, было где-то в глубине, сейчас проснулось и выходит наружу. И мне хочется отдать все это тебе, без остатка...»

— А вскоре начались приготовления к свадьбе...

— Да хлопот особых и не было. Не надо было шить свадебного платья, покупать кольца, заказывать праздничный ужин в ресторане, приглашать гостей. Все было очень буднично и просто. Я взяла в районном московском загсе анкету, которую заполняют все желающие вступить в брак, заполнила свою сторону, заверила эти сведения у работников загса и отравила в зону. Жених мой заполнил свою сторону анкеты, и начальник его отряда отнес эту анкету-заявление в местный городской загс.

Через неделю я получила письмо, что регистрация нашего брака назначена на пятое мая, на десять часов утра.

— Как отнеслись к твоему предстоящему браку родственники и друзья?

— Мама поняла меня, к счастью, полностью и благословила. Мой десятилетний сын от первого брака тоже неожиданно быстро признал мой выбор, одобрил его и даже успел обменяться с моим избранником несколькими теплыми и сердечными письмами. Они быстро нашли общий язык и сейчас в письмах друг другу обращаются не иначе как «папа» и «сын». Так что и в этом плане мне повезло.

А друзьям я заранее ни о чем не говорила. Только уже спустя какое-то время поставила их перед фактом.

— Значит, ты была не уверена, что они тебя поймут и поддержат?

— Конечно. Так оно и оказалось. Из друзей и сослуживцев доброжелательно к моему шагу отнеслись лишь единицы. Остальные либо покрутили пальцем у виска, либо недоуменно пожали плечами. А нашлись и такие, кто попытался усмотреть в нашем браке какие-то корыстные мотивы.

Некоторые подозревали моего мужа, считая, что для него я лишь средство достижения определенных целей, связанных с улучшением положения. А некоторые даже умудрились заподозрить в корыстных побуждениях меня. Ну, это те, кто вообразил моего мужа этаким мафиози, имеющим на воле деньги в тайниках и связи чуть ли не с итальянской мафией.

Конечно, слушать это было смешно, но, с другой стороны, грустно. Ведь оказалось, что люди просто не верят в любовь, в бескорыстие, в чистые помыслы и доброту.

— А как его родственники и окружение отнеслись к предстоящим переменам в его судьбе?

— Окружение восприняло это неоднозначно. Нашлось, к сожалению, много завистников и недоброжелателей, которые вплоть до утра пятого мая высказывали свои предположения и надежды, что я не приеду. И даже заключали пари.

Родственники вначале просто не поверили, что такое возможно. Только свадебные фотографии, присланные им через месяц после регистрации нашего брака, убедили их в том, что все это не шутка.

— Как ты объяснишь такую реакцию его родственников?

— Причин, очевидно, много. Родственники моего мужа очень благополучные, интеллигентные люди. В общем, очень хорошая

семья. И вдруг такое происшествие: их двадцатилетний родственник совершает тяжкие преступления и приговаривается к пятнадцати годам лишения свободы. Причем речь идет о юноше, на которого возлагались очень большие надежды. У него были прекрасные скульптурные и живописные работы, он серьезно увлекался историей, иностранными языками, литературой, психологией.

Для всех его родственников то, что произошло с ним, было крушением их надежд, неожиданностью и, конечно, разочарованием в нем. Ко всему прочему вся семья связывала безвременную смерть отца моего мужа с тем, что он не смог пережить того, что случилось с сыном.

Короче, можно сказать, что родственники мужа фактически отвернулись от него, не сумев оправдать и простить. Но после нашего бракосочетания положение резко изменилось. Мы познакомились, подружались со всеми. Они признали и приняли меня, а одновременно простили прошлое и моему мужу, поверив, что теперь он стал другим человеком и с моей помощью выберется из страшного болота.

Летом мы с сыном ездили в Прибалтику, где живут родственники мужа. Несколько дней жили у него дома. Я смотрела старые фотографии, перебирала юношеские рисунки, разговаривала с его мамой и младшей сестрой. Они вспоминали прошлое. Мы плакали и смеялись. Все попеременно. Потом гуляли по улочкам старинного Таллинна и по аллеям парка, где когда-то больше всего любил бродить мой муж. А я все пыталась представить, где, когда, почему он сделал тот первый шаг, который в результате сломал ему всю жизнь.

— Ты простила мужу его прошлое?

— Простила, хотя и не оправдала. Да он и сам себя никогда не сможет оправдать. И это будет его вечной нравственной карой за прошлое.

И, как бы благополучно складывалась наша с ним дальнейшая жизнь, я всегда буду помнить, что рядом со мной — израненный душой человек, к которому еще очень долго придется относиться чрезвычайно бережно, как к больному ребенку. И пятого мая, поставив свою подпись на регистрационных документах, я официально подтвердила свою готовность отвечать за судьбу человека, с которым связала свою жизнь.

— Ты серьезно относишься к браку. Тем не менее твой первый брак распался, не просуществовав и двух лет.

— Да, к сожалению, так оно и было. Но первый мой брак был изначально обречен на неудачу. Мы были чужими людьми. Но тогда, в свои 18 лет, я еще не осознавала, как это важно, чтобы муж и жена были родственными душами или теми самыми легендарными половинками.

Для счастья нужно не так уж много. И я самая счастливая женщина на свете. Если бы еще какой-нибудь провидец шепнул мне на ушко, что все будет хорошо, что с мужем моим ничего плохого не случится и он вернется домой живым, здоровым и невредимым, я тогда бы вообще летала от счастья.

И когда мой муж в своей черной арестантской робе, пристроившись где-нибудь в замызганной, холодной курилке, пишет своим энергичным, красивым почерком восторженные, сумасшедшие слова любви, посвященные мне, и добавляет при этом, что он самый сча-

стливый человек на свете, этому можно верить на все сто. Так оно и есть на самом деле.

— Только в сказках со счастливым концом все беды героев заканчиваются свадебным пиром. А дальнейшая их семейная жизнь обычно описывается только одной фразой: «Они жили долго и счастливо и умерли в один день». Ваши же трудности и невзгоды в мае, кажется, не завершились?

— Можно сказать, они только начались с того момента, когда усталая и равнодушная работница местного загса, доставленная в зону из городка, объявила нас мужем и женой. Мы вышли из комнаты политпросвещения зоны, где состоялась регистрация нашего брака, держась за руки, и вступили в новую, теперь уже совместную нашу жизнь, полную проблем, но от этого не кажущуюся нам менее счастливой.

Нам, как молодоженам, было даровано три внеочередных «медовых» дня и ночи, которые прошли у нас в специально отведенной для длительных свиданий комнате, максимально приближенной к нормальному жилищу. И лишь тяжелая металлическая дверь, плотные решетки на окнах да лай овчарок не давали нам забыть, что мы все-таки в зоне.

А потом начались будни, скрашиваемые лишь ожиданием очередного свидания или письма. Нам предстояло привыкнуть к такой семейной жизни и запастись терпением на пять долгих лет.

— Не было ли в такой ситуации прометчивым ваше решение иметь ребенка?

— С позиции здравого смысла — несомненно. Потому что рождение ребенка при таких условиях создавало просто клубок проблем, прежде всего материальных. Муж, находясь в заключении, естественно, не может содер-

жать свою семью, а я через два месяца после рождения ребенка перестаю получать заработную плату и перехожу на пособие до достижения ребенком полутора лет. Тридцать пять рублей в месяц. При нашей нынешней инфляции и дороговизне таких денег не хватит даже на то, чтобы не умереть с голоду одному человеку. А мне придется каким-то образом кормить и одевать в это время не только себя, но и двоих детей. Мама моя получает лишь небольшую пенсию. К родственникам же мужа мне меньше всего хотелось бы обращаться за помощью, исходя из собственных понятий о гордости и независимости.

Так что наш очередной опрочечивый шаг, связанный на сей раз с демографией, поняло и одобрило еще меньшее число людей.

Но нам с мужем почему-то не хотелось руководствоваться пресловутым здравым смыслом. Этот ребенок — такой любимый, такой желанный, естественное продолжение нашей любви, наше бессмертие! И мы ни на секунду не сомневались, быть ему или нет.

Когда я узнала, что жду ребенка, поспешила созвониться с начальником отряда, чтобы он сразу же передал мужу радостную весть.

— Какова была реакция мужа?

— Бурная. Он чуть не расцеловал начальника отряда и, забыв о своем возрасте, об уставных отношениях, не слушая больше ничего, бросился бежать, сам не зная куда. А теперь в каждом письме — вопросы и беспокойство не только обо мне и сыне, но и о нашем маленьком человечке, который так дорог нам.

Я думаю, редкий мужчина так ждал ребенка, как мой муж.

«Береги себя, родная! — пишет он мне почти в каждом письме. — Очень тебя прошу! Не прошу —

умоляю! Я так боюсь и волнуюсь за тебя. И проклинаю эти вышки, эти заборы, потому что не могу быть с тобой рядом и оберегать тебя. Не могу видеть, как развивается эта новая жизнь. И это просто невыносимо! Знала бы ты, как многое для меня значит — наш ребенок...»

— А возможно ли какое-либо облегчение вашей участи? Помилование мужа, к примеру?

— Не знаю. Мы подали прошение о помиловании в Верховный Совет РСФСР. Но кто знает? Зато для нас с мужем ясно, что теперь при такой ситуации досрочное освобождение пойдет ему только на пользу, заставит лишний раз убедиться в преимуществе милосердия и доброты над дубинками. К тому же помилование фактически распространяется не только на моего мужа, но и на меня и наших детей. Ведь теперь наказание, которое он отбывает, мы делим на всех. Да и при таких порядках, которые существуют в наших исправительно-трудовых учреждениях, что реально дадут мужу оставшиеся пять лет неволи? Что, кроме ожесточения и нового витка отчаяния перед невозможностью даже искренним раскаянием что-либо изменить в своей судьбе?

Если цель тюрем — исправление и возрождение человека, а не мстительная кара, то свобода должна дароваться узнику в момент его нравственного пробуждения и очищения. Не раньше и не позже. А сейчас я просто боюсь, что муж на взлете своего духовного возрождения вдруг ударится о глухую стену равнодушия и безысходности. Каковы будут последствия этого для всех нас?

— Если он сильный и мужественный человек, выдержит все.

— Да, конечно. Но есть и чисто психологический предел человеческого мужеству.

...Довольно часто освободившийся человек оказывается без жилья, без работы, без профессии и иногда без поддержки близких. Что ему остается делать? Либо бродяжничать, либо приниматься за старое, мстя обществу за полное безразличие и равнодушие к собственной судьбе.

Создав ему нормальные условия для жизни, мы не только проявим милосердие, но и в какой-то степени защитим самих себя от роста преступности. В мире все взаимосвязано. Как аукнется, так и откликнется. Так не пора ли обществу брать инициативу в свои руки и не откликаться на зло, жестокость, бессердечие тем же? Почему бы нам не показать пример великодушия и доброты? Кто-то же должен наконец разорвать эту порочную цепочку всеобщей озлобленности, вспомнить об исконно российском милосердии и душевности. И поспотеть без ненависти на врага своего. И постараться добром вылечить и спасти хотя бы одну заблудшую и озлобленную человеческую душу...

ОТ РЕДАКЦИИ.

Когда этот материал был подготовлен к печати, стало известно, что прошение о помиловании, поданное Аллой Бережковой и ее супругом, удовлетворено.

ВИЛЬЯМ МЕЙЛАНД

Три цвета времени

223

Мне всегда хотелось понять, по какому принципу художники объединяются для участия в групповых выставках. Многие из объединений казались случайными, иногда надуманными, вынужденными. Среди причин «коммунальной» спозиционной жизни назывались: «Вместе учились», «Давно аем друг друга», «Мы одного колена». Принадлежность единому стилистическому направлению встречалась реже. Тут

взаимопритяжение или отталкивание художников сравнимо, пожалуй, с известным законом физики.

«Мы очень разные» — вот главное, что объединило экспрессивные откровения Екатерины Корниловой, пространственные погружения Екатерины Козловой и праздничную феерию Людмилы Попенко.

«Откровения», «погружения», «феерия» — слова, казалось бы, прямого отношения к живописи

не имеющие. Тем не менее они не случайны в применении к работам молодых московских художниц.

Живопись Е. Корниловой очень подвижна. Но это движение питается вечными источниками — личностью человека, которого она пишет, музыкой открывшегося пейзажа, светом искусства, дошедшего до нас из прошлого... Контраст этих первооснов художнического интереса с движениями кисти может показаться неискушенному зрителю значительным, поскольку Корнилова на холсте ни в чем не потакает обыденному сознанию и облегченному восприятию искусства. Но как бы ни было велико сосредоточение на профессиональных интересах, ценно, что художник не отлетает в холодные сферы умозрительных или сугубо ретроспективных понятий, а пишет то, что болит и радует ее наравне с современниками.

Обратимся к последним работам. «Вождь», «Зима», «Памяти Николая Клюева» — не исторический «карнавал», каких мы много насмотрелись в 70-е годы, и не специфическая остросоциальная живопись, задним умом писанная. Это — про себя и про нас, когда начали, наконец, валиться лживые памятники творцов «светлого будущего всего человечества», построенные на крови, когда побосховски зародились апокалипсические видения нашей непредсказуемой истории. И в «Зиме» Корнилова не ограничилась лирическим чистописанием среднерусского пейзажа. Лишь поначалу может показаться, что перед нами рассыпаны черные фигурки рыбаков, застывших над лунками. На самом деле это «зона» со спящими по ней зэками, малый фрагмент огромного белого архипелага, некогда раскинувшегося «с южных гор до северных морей».

Все можно «вдумать» в картину

при желании, скажет иной читатель-зритель. Полагаю, не все. «Не положишь ты на голос с черной мыслью белый волос» (Е. Баратынский). При всей кажущейся произвольности движений кистью и призрачности образов картин Корниловой определены свои утверждения прекрасного и высшего. Художник действительно верит в золотую светоносность искусства (в частности, явно неслучайна любовь к Тициану), верит, что ее «Доменик» добр и нежен, как мелодия, изливающаяся из его причудливого инструмента. При всей общности воздуха, которым дышит наше и мировое современное искусство (например, «новые дикие» там, у них, и раскрепостившиеся и одичавшие по-новому здесь, у нас), Корнилова не встраивается в ряды современных делателей торопливой живописи. Она быстро и экспрессивно пишет, но никогда не спешит. Да и куда спешить, когда так велико обозреваемое российское пространство, о котором художник тревожится как о живом человеке, и вспоминает клюевские строки о том, что «к нам вести горькие пришли, что больше нет родной земли».

Бесконечен и тревожен мир Екатерины Козловой. Но это другой мир и другая живопись. Она отличается не столько разнообразием тем и света. В ранних работах Козлова часто изображает московские проходные дворы и темные арки — переходы из одного пространства в другое. Она называет это своей «московской археологией». Мне, как и всякому москвичу, близок мир старых, прокопченных дворов и тихих улиц, они и моя «археология». Но у Козловой она нудь не тихая романтика в душемилого и доброго арбатского пейзажа последних трех десятилетий, и не розово-желтая печаль урбаниста В. Брайнина. Козловой ка

Портрет № 1. ▲

Превращение. ▲

Е. КОЗЛОВА. Камранские пещеры. ▽

▽ Е. КОРНИЛОВА. Въезд в город.

Е. КОРНИЛОВА. Доменик. ▶

Зима.

Сельский пейзаж.

Л. ПОПЕНКО. ▲ У лестницы.

▲ Дама с гусем.

Марс. ►

бы не до живописи. Ей, как горожанам Достоевского, только бы «мысль разрешить» и понять, откуда и куда мы идем, из какого затемненного прошлого в какое светящееся будущее перетекаем. Лишь для стороннего наблюдателя может показаться неожиданным итог ее пространственных проникновений сквозь черные арки — выход на Восток, к библейским камням.

«Таких очагов культуры, как древние Греция, Египет и Израиль, не так уж много у человечества», — говорит Козлова. Соглашившись с таким историко-культурным выводом, постараясь расслышать вслед за художником шуршание горячих каменных осепей и разгадать «кремня и воздуха язык с прослойкой тьмы, с прослойкой света» (О. Мандельштам).

Третий художник — Людмила Попенко — живописец праздничный. Сужу не по названиям картин: «Салют», «Бал», «Девушки в красном», «Процессия», «Браинин и принцессы», но прежде всего по фонтанирующей энергии ее произведений. Трагические темы и сюжеты («Погоня», «Взрыв», «Юдифь») ей не столько не удаются, сколько оборачиваются своей противоположностью. Льющиеся и брызжущие краски диктуют совсем другие настроения. Под стать этой внутренней праздничности стилистическая открытость Попенко, которая любит своего современника В. Браинина ничуть не меньше, чем волшебного классика М. Шагала. Убедившись во всеохватности любви, мне трудно обнаружить в них композиционную аморфность или чрезмерную сырую краскопись. Да и странно было бы хватать художника за руку и требовать сдержанности. «Каждый пишет, как он дышит, не стараясь угодить...»

Попенко явно продолжает изме-

стную карнавальную линию 70-х годов. Она любит писать портретные предстояния, группы симпатичных молодых людей, красавцев и красавиц. В данном случае кажется уместной аналогия с тем, теперь уже далеким временем, когда ряд русских поэтов и художников писали намеренно красиво и витиевато. Не стихотворения, а, как И. Северянин, «поэзы», не картины, а розово-голубые грезы.

Пытаясь понять характер творчества Попенко, не стоит, видимо, забывать и то обстоятельство, что она, как и тысячи ее современниц, устав от катаклизмов и неурядиц наших дней, не желает смириться с ними и отважно создает на холсте праздник за праздником и карнавал за карнавалом.

Объясняя свое единение, Корнилова, Козлова и Попенко почти в один голос заявили, что они «неприсоединившиеся». Очень может быть, что так оно и есть...

СТИХИ ИЗ НОВОЙ КНИГИ
«ТРАВНИК»

Ему — напиток вечности,
Мечту и грезу нашу!

Он — с глупости, с беспечности
Им просто вымыл чашу.

БЕЛОКОПЫТНИК

Гумный корень,
Чашечник, подбел.
Лист широкий чарою воздел.
В сбор годятся корни и листья —
От удушья, грубой хрипоты,
Коль остужен, обессилен ты,
Чтобы пот прошиб
звездой падучей.

И хорош настой травы дремучей
От припадков буйной истерии.
Иссеченные листья крошили
На порезы, раны и отеки.
И припаркой обвивали ноги,
Чтобы боль истаяла, как дым,
Коль подагра жмет иль ревматизм...
Омутные, боровые зелья...
Да ночных туманов завихренья...
Там плывет, взрывая грудью рось,
Как пурга, чистейше белый лось —
Царь травы!
Лохматый альбинос...
Легок он, под ним не гнутся травы,
Расступаются кусты, дубравы...
Говорят, что кто его убьет —
Сам от той же пули и падет.
Кто его пленит для обозренья —
Тот лишится и ума, и зренья...

ОЗЕРНЫЙ ЛАПУШНИК

Шелохнуться, вроде, лень —
Злат, кубышка, одолень...
Затаили сердцевинны
С чистым золотом кувшины.
Что нам золото на днище,
Коль целебно корневище!

Им чахотку встарь лечили,
И отвар кореньев пили,
Воспалены если почки...
А настои лепесточков —
Успокаивают страсти,
От бессонниц пили часто.
Ну, а лист измятый, рваный —
Быстро стягивает раны.
Чтоб длиннее косы были,—
Отвари коренья в пиве.
Ты — вахтовник, водный ковш,
Загопи, печаль-тоска!
И о чем слезины льешь
По овалу лепестка?
Сколько дев
Клонилось
Посмотреться в воды!
Сколько утошилось
За века и годы!
Для чего им синь,
Трав глубинных сеть?
Если жизнь — не жизнь,
То и смерть — не смерть!

ВОЛОДУШКА ЗОЛОТИСТАЯ

Молода-молодка,
Пей чай с володкой.
Та, что пьет водку —
До ста лет молодка.
Та, что тянет водку —
Постареет ходко:
Светлый разум скиснет,
И губа отвиснет,
И живот — лукошком,
Набекрень сапожки...
Помни, дева, нравы —
Не из всякой чары
Даже пьет лукавый!
Врозь нам не разлить
Слово «пригубить»
С словом «погубить».
Локоны роняешь,
Голову теряешь...
Хмель безумьем бродит,
И запретов нет.
Молодость уходит
И в семнадцать лет.
Где сидела дева,
Теребя платочек,—
Кто-то страшный, серый
О былом бормочет...

ЛЕШАЧЬЯ ПЕРИНА

Деряба, колдунник, топтун,
Лешачья перина, плаун.
Здесь спит старый леший,
Ворчун.
Свистит и храпит, бородатый,
Раскинув мохнатые лапы!..
Плауны персты чуть размять —
Облет их мучнист и жирен,
Присыпки младенцам не знать
Нежней, здоровее, чем он...
Ты — рвотник, слабень, водогон.
Лечили колдунистым пухом
Цирроз, и цистит, и желтуху.
Сводили колдуником встарь
Чешуйчатый с тела лишай.
Собрать плауна — баранец —
Под причет тягучих словец,
Сквозь дрему напутную слов
От пьянки вратит мужиков.
...Пойдешь за черникой в пихтовник,
Где мокреть —

там темно и мшисто.

Коленом опрешься —

потонет

В лешачьей перине пушистой...
Туман среди хвойных стволов...
Качается столб комаров...

Откуда эта окаянность?
В России Дух всегда гоним.
Играет в гения бездарность,
А гений — властью нелюбим.
Пройдут года, и, всем известно,
Конечно, встанет все на место.
Конечно...
Но — пройдут года!
И все ли встанет — неизвестно...
И все ль вставало — неизвестно...
И — не проверить никогда.

ШЕПОТ НА ТОСКУ-ПЕЧАЛЬ

Льет дождь-мокросей...
Все слепнут в туман.
В безверье не верь!
Опомнись — обман...
Не скука скосила —
Уходит вся сила.

Не тишь обняла,
Луной олуния —
Печали смола
Топит качая...
Сквозь камень — росток!
Так выправь плечо,
Ведь жизни песок
Вздыхает, течет...
Вдруг золотом прыснет
Да в землю остылу?
Дела твоей жизни
Другим не под силу!
Дурь-камень свали,
Ты жив — значит, сильный.
На камень смотри,
Пока не могильный.
Могильный — печать,
Вовек не поднять.
Тягуча печаль...
В ее черных пальцах
Пресветлую шаль
Соткут мои пальцы.
Мрачны мотыльки
Печаль-упырей!
С изгиба руки
Смахну их скорей!
Еще мотылек —
Пониже колена...
С твоих белых ног
Сниму легкой пеной...
Мои руки вьются,
Черемушно гнутся...
Как ветру средь поля,
Душе твоей — воля!
Что было —
То схлынь!
Светлынь.

ПРОСВИРНИК

Бледнеет цветком у забора
Просвирица, мальва, просфора.
В листе буйно-лапистой прячет
Ванюшкину репку, калачик.
Весенняя зелень мохната —
Годна отварною в салаты.
Полезен просвирник утробе
Отваром горячим на меде,
Смягчает, и лечит, и слабит.
От жжения в горле избавит,
Гортань всю обнежит трава,
От кашля сухого права!

Отваром кореньев умело
Стройните тяжелое тело,
Чтоб лебедем гнулось, летело!
Чтоб таволгой в ночь молодело...
Берись за крестьянское дело:
Работа так выточит плечи —
Прогнешься лозиночки легче.
Когда ты с литовкой осиной
Покос поведешь луговиной,
Все травы повалятся в ноги,
И свесят вниз головы Боги...
Работа — ваятель престрогий.
Колени и юбки в росе.
И мальва алеет в косе.

ИСЛАНДСКИЙ МОХ

На Вятке — и не плох —
Растет исландский мох...
Вблизи болот и падей —
Дремуч, мохнат, опаден...
Отвар утробу правит
И ашпетит наладит.
И от бронхитов тоже
Тот мох лесной поможет,
От жгучих ран порезных
И нечистей телесных...
Все мхи в чащобах здешних
Дарует силой леший.
Нынь — леший и не встанет
С омшанистой постели,
Прошел бульдозер мхами —
Лишь косточки схрустели!
И пала белка пластью
Пред человечесьей властью.
И вскрикнула княжною
Сосна
 в чащобе смятой —
Взмыл ковш над головою
И бархатную хвою
С плеча рванул всей лапой!

КУПЕНА

Где росы по колено —
Монашкой купена.
Все гнет она поклоны
На лес, поля и дом...
Там рожь окладом знойным
Обводит плавный холм.
Купены тихой нравы
Отстали, но по мне:

Молиться — так на травы,
А кланяться — земле!
Мелькнула чистой пеной
Прощальная купена.
О чем рыдать стремится?
Что род тех зелий — реже...
От рук и ног не скрыться,
А убежать-то — где же!
Купена входит эта
В напиток долголетия.
Его бы вспомнить надо!
Но нет назад дороги.
В ответ — купенных ягод
Свисает траур строгий...
Идем не тем путем,
Что призывают Боги.
Не тем, но гибель в том,
Что не глядим под ноги!

СЕРГЕЙ РЫБАКОВ

ФОТО ЕВГЕНИЯ СТЕЦКО

ПЕРЕМЕННЫЙ СПЕТАВ

**Сторожевые вышки с автомат-
чиками, контрольно-следовая
полоса, заборы с «колючкой»
и торчащими бсколками битого
стекла...**

**По заборам — тут и там —
крупными буквами: «СТОЙ! СТРЕ-
ЛЯЮТ!»**

Дисбат... Слово жестокое, хо-
лодное, злое.

Дисбат — это зона. Здесь «тя-
нут срок» военнослужащие сроч-
ной службы.

...Вот и еще один ступил на тща-
тельно выметенный плац этого
спецподразделения СА — Нико-
лай Р. Ему 19 лет, и осужден он на
три года за неумышленное убий-
ство своего товарища и ровесника
Олега Ж. Баловались парни с ору-
жием и спутали пустой магазин со
снаряженным. Прозвучал вы-
стрел...

В дисциплинарный батальон Бе-
лорусского военного округа мы
приехали с «рекомендательным»
письмом из Генштаба МО СССР.
(Иначе туда просто не попасть.) От
нас не скрывали, что этот дис-
бат — один из лучших, если не
сказать, образцовый.

Здесь около восьмисот осуж-
денных. Цифра эта меняется
каждый день — одни освобожда-
ются, другие заступают на их ме-
сто. Потому, наверное, и называют
армейских эзков «переменным со-
ставом».

Как, за что попадают сюда наши
18—20-летние защитники?

За неуставные отношения с со-
служивцами (навязывая в зубах
«дедовщина»), самовольные отлу-
чения с места несения службы
(самоходы), кражи общественного
и личного имущества, уклонение
от воинской службы... Но есть
среди воинов переменного состава
и те, кто поднял руку на офице-
ра, и насильники есть, и, как мы
уже видели, «неумышленные
убийцы».

...Специальные воинские под-
разделения, где отбывают наказа-
ние военнослужащие, введены
в русской армии с конца прошло-
го века. Подобные спецформиро-
вания есть и в армиях других
стран.

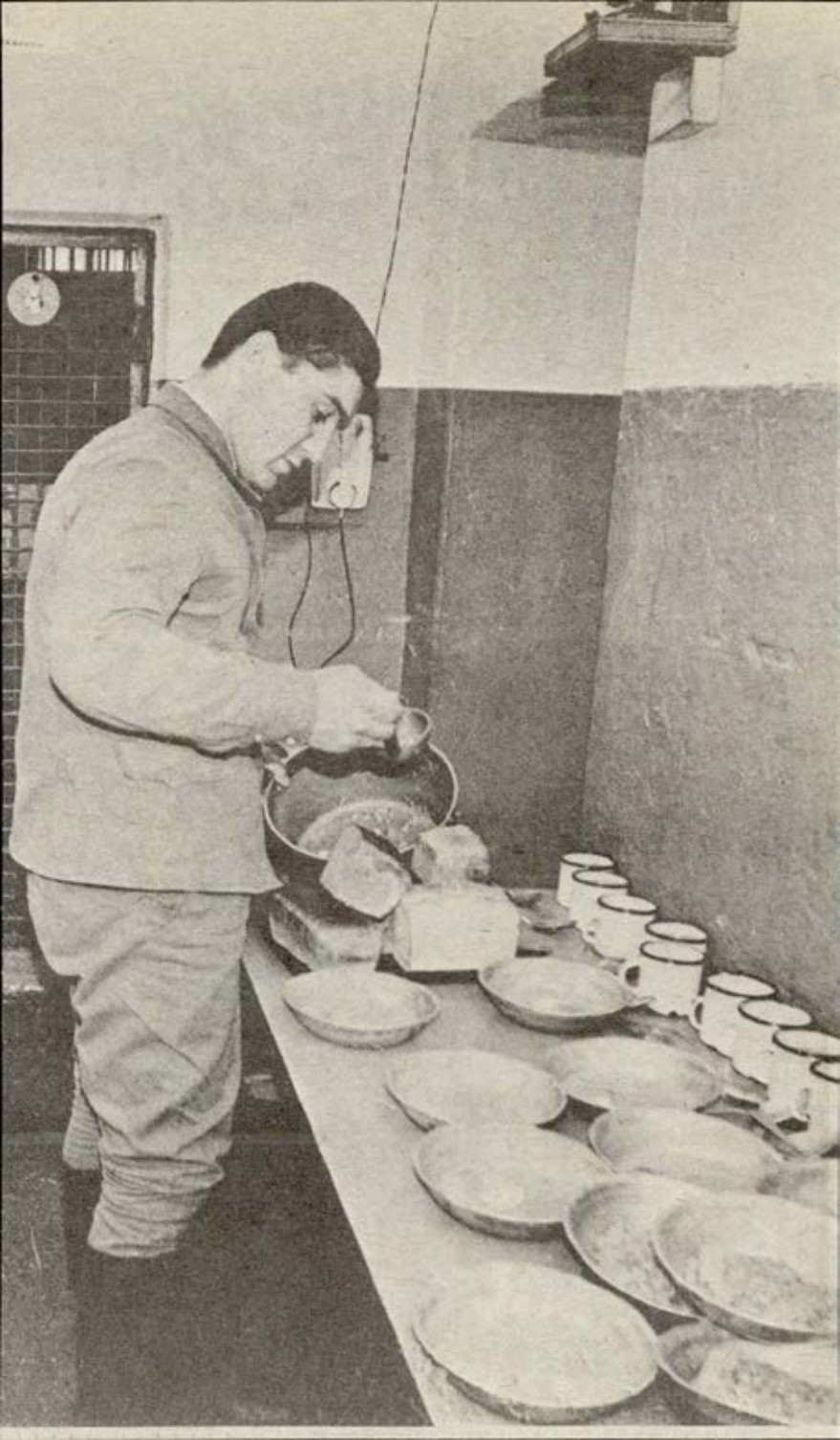
Правду сказать, мы с фотокор-
респондентом, до этого в дисбате
не бывавшие, были немало уди-
влены увиденным. Настроивались
то как-никак на встречу с местом
лишения свободы. Причем с «по-
правкой» на армию. Ожидали уви-
деть бытовую неустроенность, не-
ряшливость, запустение и грязь,
угрюмых заключенных и таких же
угрюмых «граждан начальников».
Бьющих через край радости и ве-
селья мы, конечно, здесь не обна-
ружили, но чистота, опрятность,
нормальные человеческие от-
ношения между офицерами и осу-
жденными — все это сразу замет-
но.

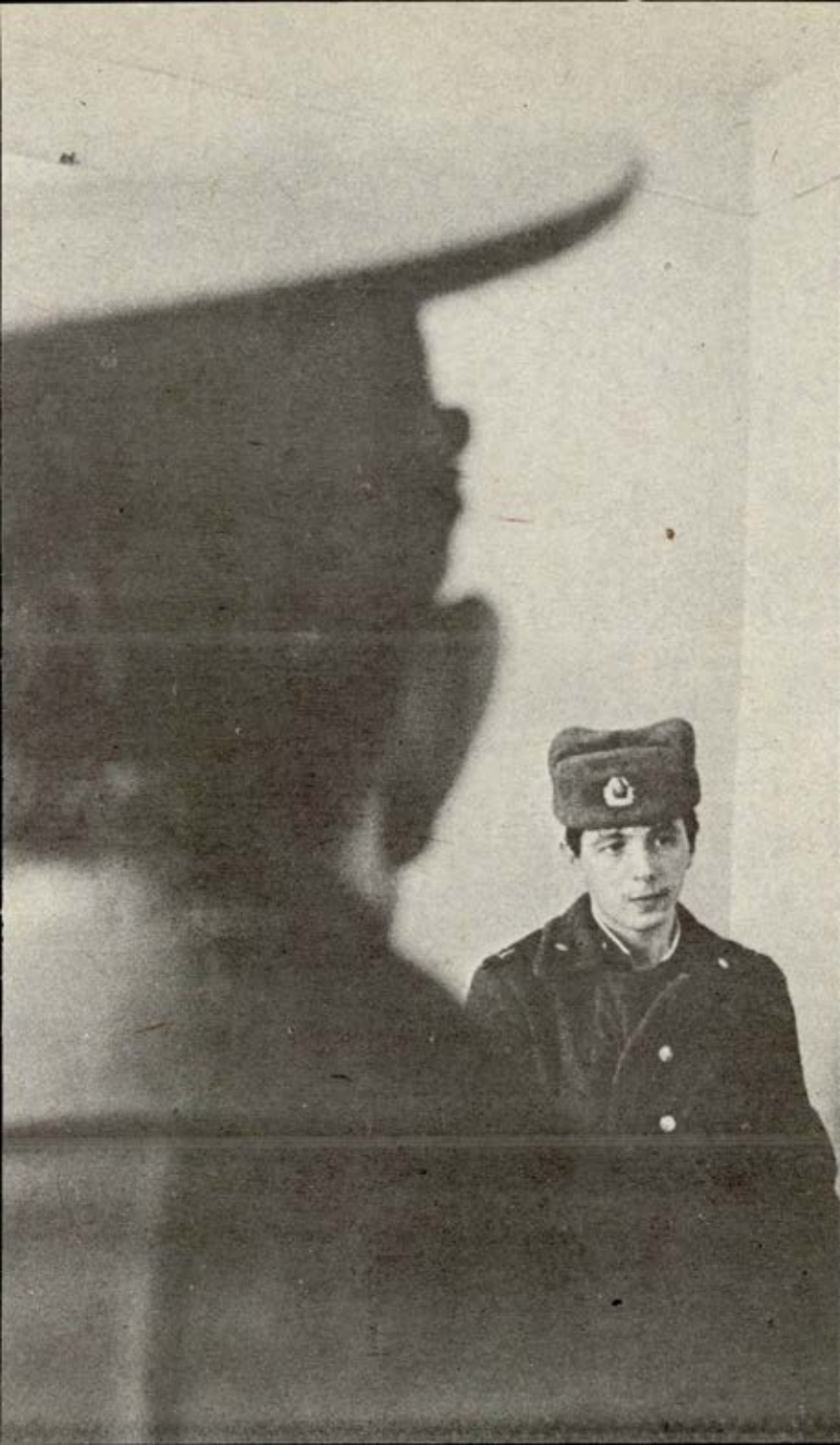
Вячеслав Юрьевич Бортник,
подполковник, ставший командиром
этого батальона восемь лет
назад, — человек, как мне показало-
сь, прямой и своенравный. Есть
в нем способность к принятию не-
стандартных решений. На первый
взгляд, может, и пустяковых,
но — самостоятельных, своих.
К примеру, он разрешил своим
офицерам носить вместо сапог бо-
тинки. Мотивирует это просто: от
того, что в сапогах, еще никто ум-
нее не стал. Тот же Бортник гаран-
тировал своим подчиненным еже-
недельный выходной (штука для
армии редкая) и фиксированный
рабочий день — если в подразде-
лении порядок.

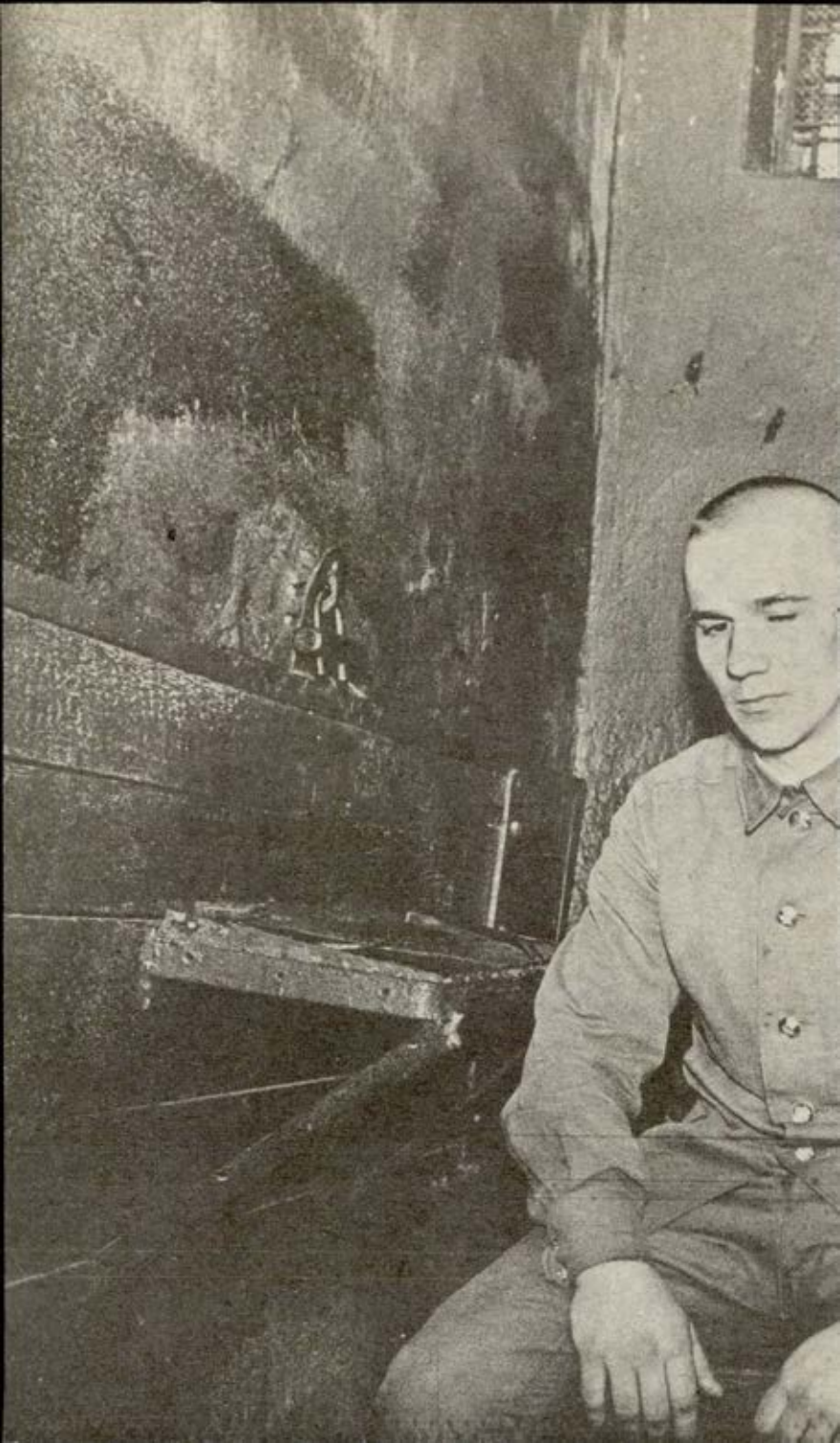
Таков Бортник. Он умеет спо-
койно поговорить с осужденным,
а может, в случае необходимости,
«обломать» его жестко, сурово —
посредством гауптвахты с питани-
ем через сутки...

Как живет дисбат?

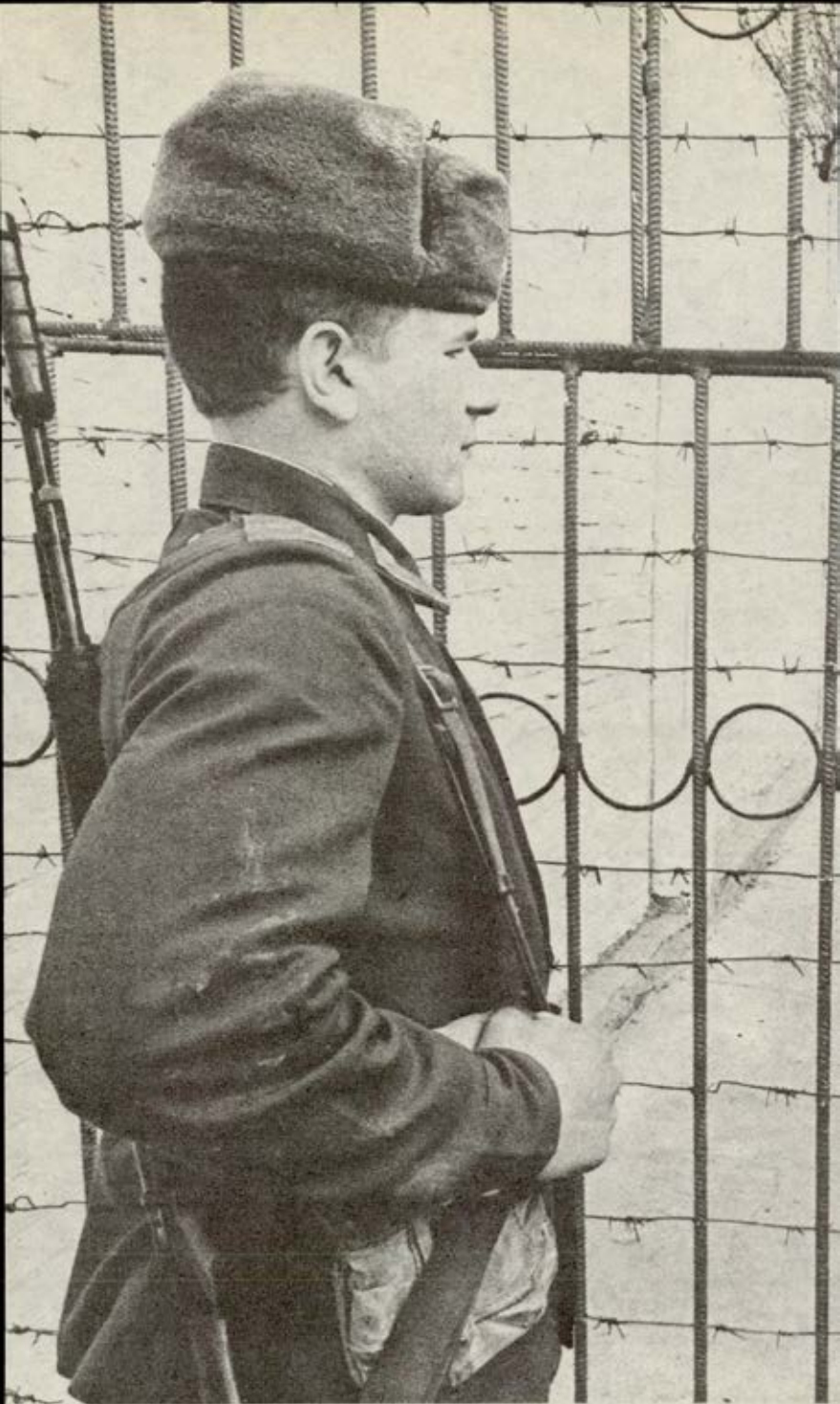
После подъема, физзарядки

и завтрака стройные (действительно тщательно выстроенные) колонны осужденных отправляются под охраной на работы. И вот тут-то кроется едва ли не главная проблема всех дисбатов страны, а их около двадцати, о которой говорили мне и комбат, и заместитель начальника Управления Генштаба генерал-майор Ю. Кудинов: отсутствие серьезного фронта работ для осужденных.

Мы имели возможность убедиться в этом, приехав на один из объектов, где, с позволения сказать, трудились осужденные. Четыре десятка здоровенных, откормленных (из одного с офицерами котла) парней, буквально изнывая от безделья и переизбытка энергии, слонялись по этажам недостроенного здания. Сопровождавший нас майор извлек из строительного вагончика заспанного капитана, сделал ему, как водится, втык, велел построить работяг. И им сделал накачку, сказал слова о перевоспитании трудом.

А Бортник в это самое перевоспитание, в эту трудотерапию не верит — и все тут! Он убежден в другом. В том, что только ограничение в свободе может заставить человека перевоспитываться, думать о ее цене. Он это по-своему понимает. Обратил наше внимание на телевизоры в спальнях осужденных. (Это на самом деле были не казармы, не камеры, а спальни.)

— Я бы, — говорит он, — им и видео туда поставил, пусть смотрят и чувствуют себя почти на свободе. Вот это самое «почти», по-моему, только и может заставить по-настоящему стремиться к **настоящей** свободе.

Двойственные чувства испытывал я, находясь в этом дисбате. Аккуратность, чистота, досмотренность во всем — это, конечно, не могло не радовать. Но, с другой стороны... Не раз бывал в строе-

вых армейских частях, в батальонах спецназа, у десантников, военных строителей, у летунов... И вот теперь, прогуливаясь по армейской заключенной зоне, я сравнивал условия жизни и службы преступников и тех, кто честно исполняет свой воинский долг. Сравнение получалось в пользу первых.

Нормально ли, справедливо ли это?

— Конечно, нет, — ответил мне (уже в Москве) генерал-майор Ю. Кудинов. — И дело здесь не в том, что в дисциплинарных частях кто-то пытается создать тепличные условия для осужденных. Просто здесь, в ДЧ, строжайше соблюдаются требования уставов, здесь верховенствует, — он выделил голосом и повторил даже, — здесь верховенствует закон. Чего не скажешь о многих и многих нормальных воинских подразделениях...

Поэтому, наверное, и довелось слышать от осужденных странное на первый взгляд утверждение: попади я сразу в дисбат, никогда бы не совершил преступления... И еще Бортник рассказывал: иногда осужденные, освобождаемые досрочно, просят не направлять их обратно в строительные части, они готовы дослуживать здесь, в дисбате.

Стоит ли офицерам обольщаться «верховенством закона»? Может, все проще — в нежелании нести нелегкую строевую службу?

Но не все здесь так гладко и хорошо, как могло показаться читателю. Есть проблема, не уступающая по важности отсутствию фронта работ. Это борьба с проникновением в дисциплинарные части духа «настоящей», «гражданской» зоны, уголовщины, «отрицалы».

...С Илесом Барахановым и Хизаром Дильмаевым мы беседовали

на гауптвахте. В минский их перевели из дисбата Московского военного округа. Там во время работ был зверски убит один из осужденных. Назревала угроза бунта, массового неповиновения. Было принято решение рассредоточить криминогенное ядро «лидеров», «центровых».

...И тут, у Бортника, Илес и Хизар поначалу принялись «качать права».

Комбат знает, чем это может закончиться: не пресечешь вовремя — они весь дисбат могут с ног на голову перевернуть. И потому для таких — «губа».

— Здесь, — говорит подполковник, — делать нечего, сиди и думай о жизни. А еще можно со старожилками через решетку переговариваться: те объяснят, кто здесь хозяин и что здесь за порядки. А хозяин здесь я. И порядки есть и будут такие, каких требует Закон.

...Лязгают замки и засовы, раскрываются скрипучие зарешеченные двери: обед принесли. Скупая снедь выставляется на стол: по количеству арестантов. Осужденных из одиночных камер поочередно выпускают, и они берут каждый свою пайку. Кто уходит с миской и кружкой, а кто-то — только с кружкой. Кому что положено. Чужого (я потом узнавал) никто ни разу не взял.

Мы прощались с подполковником Бортником, когда захлопнулись ворота за двумя вновь прибывшими осужденными. Знакомимся: Юрий Молотков и Андрей Шлак. По полтора года отслужили в Латвии, осуждены на три года каждый за хищение теплых — «афганских» — полушубков. В отпуск парни собирались, решили прибахалиться... На «гражданке» могли получить и большие сроки. (В дисбате же три года — срок максимальный.)

И я снова задаю себе вопрос: справедливо ли это, когда за преступление, совершенное гражданским лицом или военнослужащим, определяется разная мера наказания? Не во зло ли себя, обществу существует эта поблажка?

Полковник юстиции Владимир Скрипко:

— Специфика армии позволяет отбывать наказание в дисциплинарных частях, не прибегая к местам лишения свободы. Продолжается служба... Есть возможность уберечь человека, пусть оступившегося, от столкновения с уголовным миром...

Но ведь преступление совершено!

И почему никто не печется о водителях, осужденных за неумышленный наезд, о бухгалтерях, уличенных в недостаче, о мастерах-производственниках, на чьих участках случились несчастные случаи? Почему их не «берегут» от столкновения с блатным миром?!

Вопросы, вопросы...

В Управлении Генерального штаба Вооруженных Сил СССР сообщили о том, что сейчас пересматривается Закон об уголовной ответственности за воинские преступления. В Верховном Совете СССР проект его принят за основу. Новая редакция закона предусматривает снижение максимального срока наказания с трех до двух лет.

Что это — очередное послабление армейским преступникам или акт гуманности?

Переменный состав...

Он действительно переменный, как и все переменчиво в нашей жизни. Но слышится в этом слове и другой, на мой взгляд, более важный смысл: переменимся ли к лучшему все мы, изменится ли наше отношение к армии и армии — к обществу? Изменится ли?

— *С чего все началось?*

— На такой банальный вопрос ответу банально: с детства. Танцевать я начала рано, с четырех лет. Мы жили в Ташкенте, и однажды, гуляя по парку, я увидела большую красивую куклу. «Хочу!» — потребовала я. «Это приз, — ответила мама. — Получишь куклу, если станцуеть лучше всех». Мое желание было настолько сильным, что я не испугалась и вышла на сцену... Это был первый приз в моей жизни. С тех пор и танцюю. Больше всего любила танцевать «свои» танцы, которые придумывала сама.

Случай свел меня с народной артисткой республики Бернарой Кариевой. Она приезжала в пионерский лагерь и, увидев, как я танцую, привела меня за руку в хореографическое училище. «Вот и хвостик у меня появился», — смеялась она.

В 1974 году, окончив училище

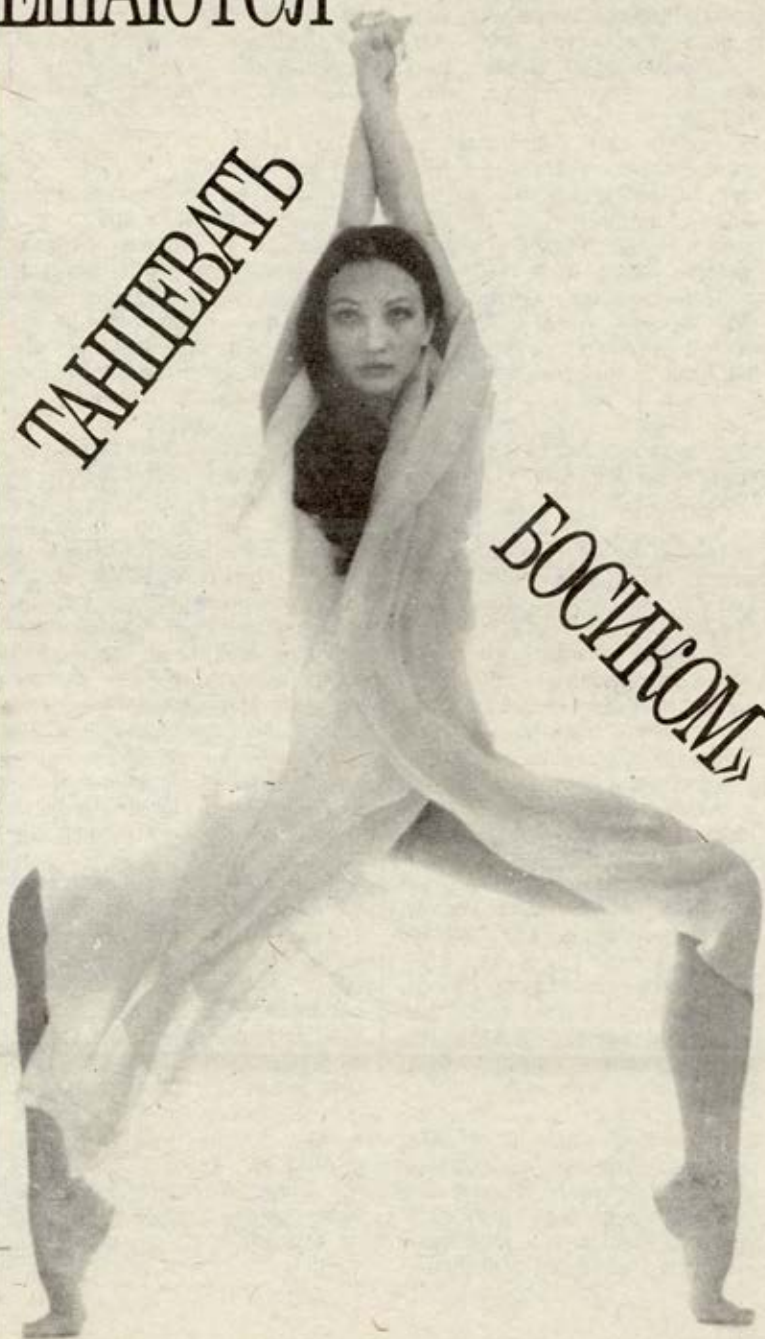
с отличием, я была направлена на стажировку в Москву. Но в театр не вернулась из-за травмы, после которой уже не могла танцевать на пальцах. Отекали ноги, даже в гипсе приходилось ходить. Но молодость и желание танцевать победили. Стала пробовать себя в «босоногих танцах». Тогда-то и произошла встреча с солистом ГАБТа Станиславом Власовым. Он решил создать на эстраде сольную программу «На крыльях танца» и пригласил меня принять в ней участие. В этой программе я могла творчески проявить себя, так как надо было танцевать и на пальцах, и босой. Мне это понравилось, и я решила развивать «босоногий» танец дальше.

Первый «босоногий» спектакль «Эхо Дункан в России», поставленный со Станиславом Власовым, был посвящен творчеству известной балерины Айседоры Дункан. Этот одноактный моноспектакль

РЕШАЮТСЯ

ТАНЦЕВАТЬ

БОСИЖОМ

состоит из отдельных хореографических картинок и длится сорок минут. Премьера балета была воспринята как нечто необычное, а его хореография казалась смелым пластическим экспериментом.

В своем творчестве стараюсь исходить из классического танца, преломляя его и используя пластику и внутренний эмоциональный настрой.

На I Всероссийском конкурсе артистов эстрады я выступила с «классическим» номером — «Умиравший лебедь» Сен-Санса — и получила первую премию. А в Московском камерном балете Станислава Власова танцую «Жизель», «Шопениану», «Вальпургиеву ночь» и «Синюю бороду» в постановке знаменитого хореографа Михаила Фокина.

— Как вы считаете, каждый танцовщик может исполнить классику и «модерн» или для современного танца нужны особые данные?

— Чтобы танцевать «модерн», нужен определенный талант. Не все классические танцовщики могут исполнить современный танец. На Западе идет жесткое разграничение исполнителей классического и современного балета. Эмоционально современный балет сильнее. Здесь надо быть очень подвижным и расслабленным, это совсем иная постановка корпуса и иное отношение к стилистике спектакля. Если танцовщица хорошо чувствует темп, умеет хорошо его подать, не боится поддержек и имеет «своего» партнера, она может исполнять современный балет.

Что касается меня, «дунканизм» — это особое направление «модерна». Не многие балерины решаются танцевать босиком. Они должны по-другому ходить, по-другому чувствовать. Мой танец нравится мне расслабленностью,

свободой, когда танцор не думает об определенных классических рамках и канонах, а импровизирует. Выходя на сцену, я каждый раз исполняю танец по-новому.

— Либретто, хореография, исполнение — вы все любите делать сами... Значит, у вас нет постоянного партнера?

— Это безумно сложно: найти человека, который не просто тебе помогал бы, но и одинаково с тобой мыслит. Найти партнера, одинаково хорошо исполняющего и классику, и современный репертуар, очень трудно. Поэтому с одним танцуешь классику, с другим — модерн. Но больше всего я люблю танцевать одна. Мое творчество сугубо эгоистично: ставлю для себя и ради собственного удовольствия.

— Где приходится выступать чаще: у нас или за рубежом?

— В последнее время много работаю за рубежом, где с успехом проходят не только мои «босоногие» спектакли, но и классический репертуар, исполняемый с коллективом Московского камерного балета. Мы выступали в США, Австралии, Японии, ФРГ, Франции, Португалии, Испании и на Кипре. Впереди — поездки в Испанию, Германию и на остров Тайвань.

— Недавно в Изерлоне прошла премьера балета «Танец теней», вызвавшего восторг западногерманской публики и рецензентов. Принесла ли вам удовлетворение постановка этого балета?

— Честно говоря, я не ожидала такого приема. Мне захотелось объединить в одном спектакле скульптуры Гордена Генри Брауна, музыку молодых братьев Ауст и пластику, танец. Я до самой последней минуты не знала, как будет принят спектакль, но, судя по отзывам прессы, его оценили высоко.

— Вы предпочитаете «свой» путь. Пройти бесчисленные официальные инстанции и все-таки создать Театр танца Лилии Сабитовой — вот это для вас. Но скажите, вы не боитесь, что вас упрекнут в однообразии: дескать, сколько же можно о любви?

— Я считаю, что женщину должна интересовать и волновать только любовь. И она всегда мучается, если одинока, если не может отдавать себя и свою нежность другому человеку... Кроме того, любовь — очень широкое понятие, на этом, как говорится, мир держится: на любви к людям, природе, дому, родине.

— Видимо, поэтому ваши танцы понятны зрителям разных стран.

— Конечно, ведь все люди похожи в главном. Сейчас вокруг ратуют за национальное, за свои корни и истоки. Это само по себе прекрасно, но слишком громкие призывы меня всегда настораживают. Возможно, сказывается, что во мне текут две крови: славянская и восточная, в силу чего я немножко космополитка. Но если глубоко покопаться в многообразии тех же религий, окажется, что все они, в сущности, говорят одно: делай добро, избегай зла, будь мудр, живи с Богом в душе. Вот и все.

А когда я вижу наших молодых ребят, одетых в национальные индийские одежды, с индийским гримом на лицах, на полном серьезе распевających «Хари Кришна!», меня не покидает ощущение маскарада.

— Коли речь зашла о корнях и истоках, не могу удержаться от традиционного нынче вопроса: почему вы не уехали за рубеж? Неужели не было выгодных предложений?

— Я не хотела бы работать в западной труппе. Во-первых, я бы никогда не смогла жить вне

Москвы-матушки. Всегда тоскую по ней и мечтаю: вот выйду в аэропорту, сяду в машину и поеду к родному Арбату, к дому... Во-вторых, я законченная анархистка. Мне нравится, что я могу распланировать свое время, как мне удобно, и эта свобода уже отравила и забрала меня без остатка. Я довольна, что живу в собственном ритме, что никто надо мною не довлеет и не диктует, где, как и что танцевать. Я делаю то, что хочу. Иногда чуть лучше, иногда чуть хуже, но всегда — свое!

— Передаете ли вы молодым танцорам свой опыт, свою так называемую школу?

— Сейчас из меня не может получиться педагог. Как только я начинаю что-то показывать или объяснять, мне тут же хочется танцевать самой, и я забываю об ученике. Видимо, еще не пришло время...

**Беседу вела
ВЕРА ЗВЕЗДОВА.**

Вышлите в наш адрес заполненную печатными буквами анкету: фамилия, имя, отчество, семейное положение, состав семьи, домашний адрес, телефон, образование (указать дипломы), место работы, стаж и производственные достижения, дополнительные сведения о себе, ваши пожелания в выборе работы (страна, сфера деятельности, специальность, срок контракта).

На основании данных анкеты фирма оперативно осуществит контакт с потенциальными работодателями, биржами труда ведущих стран мира, способными предоставить вам работу по специальности.

Заинтересованный работодатель пришлет вам законное приглашение, возьмет на себя оформление документов, расходы по переезду и обустройству на новом месте жительства вас и вашей семьи. Получив несколько приглашений, вы сможете выбрать лучший вариант.

ХОТИТЕ В НОВОМ ГОДУ НАЙТИ ДОСТОЙНУЮ, СООТВЕТСТВУЮЩУЮ ВАШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ И ПОЖЕЛАНИЯМ РАБОТУ ЗА РУБЕЖОМ?

Стоимость услуг по трудоустройству за рубеж — 29 рублей.

Если в течение 150 дней (с момента поступления ваших денег на наш расчетный счет) вы не получите приглашения от работодателя, то по вашей просьбе мы продлим поиск бесплатно.

Если вы хотите найти друга или партнера для брачного союза, деловых, семейных и дружеских контактов в любой стране мира, фирма вышлет вам анкету «Службы знакомств» с иностранными гражданами стоимостью 5 рублей.

Чтобы воспользоваться услугами фирмы, следует перевести по почте необходимую сумму на расчетный счет 000609411 в Дзержинском отделении ПСБ Новосибирска, МФО 22483.

А письмо с квитанцией оплаты почтового перевода и конвертом с обратным адресом высылайте по адресу: 630049, Новосибирск, а/я 41, фирма «Сибмаркет». Тел. 26-32-25.

Телефон для справок в Москве:
115-10-01

Крым угрожает экологическая катастрофа!

Уже сегодня мы, крымчане и гости курорта, дышим загрязненным воздухом, пьем отравленную воду, едим ядовитые продукты. Наши сады и леса вянут и сохнут из-за кислотных осадков, от эрозии разрушаются горы и степи. Пляжи на Черном и Азовском морях все чаще закрываются по санитарным причинам.

Крым — некогда солнечный и целебный край — индустриализируется. Его территорию оккупировали предприятия — монстры химического и металлургического производства...

В настоящее время в Верховном Совете СССР решается вопрос о статусе Крыма как Всесоюзной здравницы. Но, к сожалению, крайне медленно. Много лет дискутируется, но безрезультатно, вопрос о создании рекреационного Национального парка. В то же время местные Советы так бедны, что сами не в состоянии решать экологические проблемы на своих территориях.

Не будем ждать решения сверху! Не станем терять время! Его цена сегодня, как никогда, велика.

Крымское областное отделение Украинской экологической ассоциации «Зеленый світ» и созданный при нем общественный Экологический фонд трудовых коллективов обращаются ко всем учреждениям и органи-

СПАСИТЕ

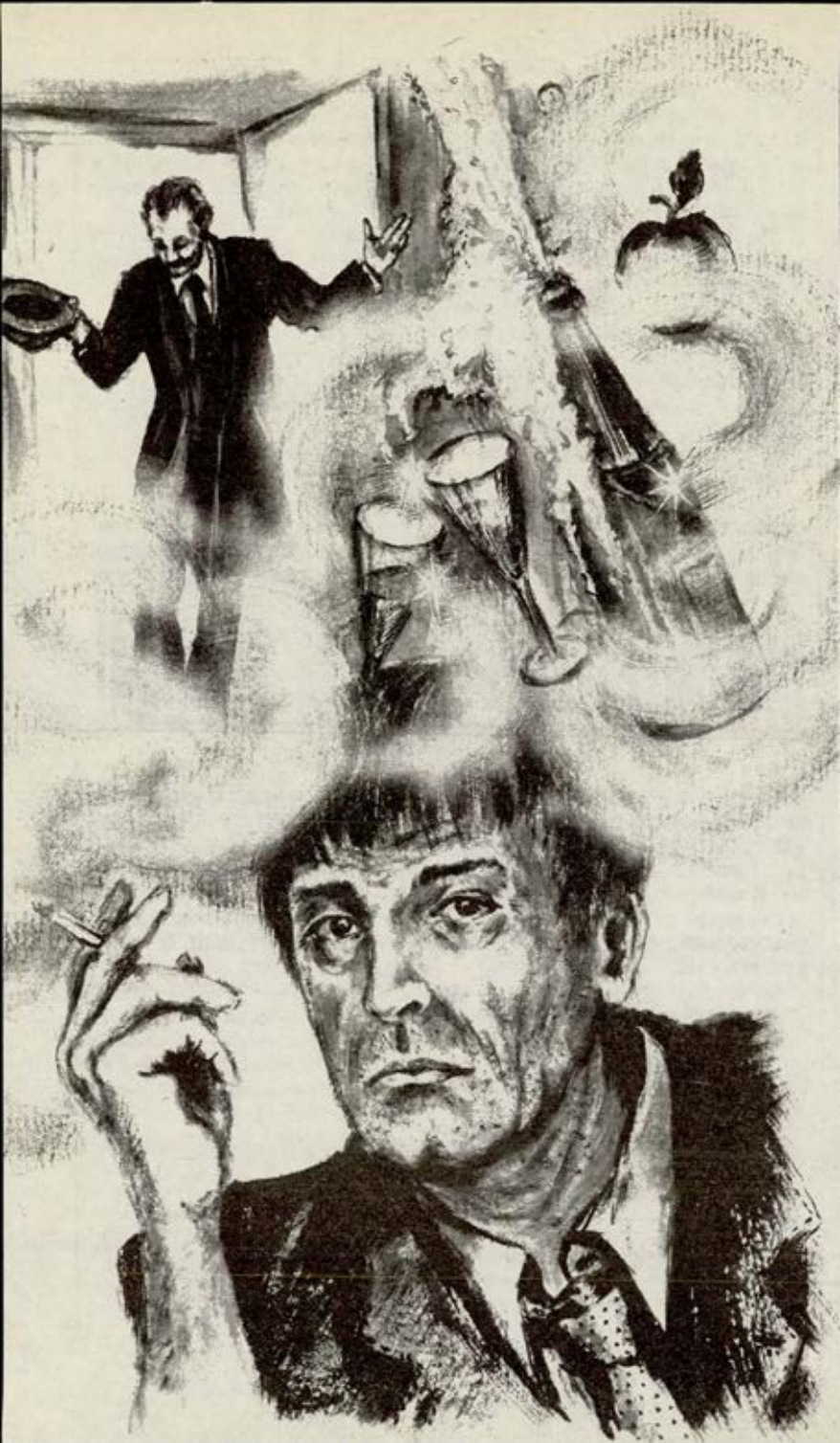
КРЫМ!

заций, министерств и ведомств, колхозов и совхозов, кооперативам и гражданам страны с просьбой оказать безвозмездно материальную помощь, которая будет направлена на то, чтобы остановить процесс деградации Крыма. И особенно к тем министерствам и ведомствам, которые нанесли его природе столь тяжелый урон. Только совместными усилиями мы спасем наш полуостров! Не позволим ему стать мертвой зоной — Крымбассом!

Переведите деньги на счет спасения Крыма — 1700943 ОПЕРУ Жилсоцбанка г. Симферополя ИФО 324010. Ваши деньги пойдут на проведение природоохранных мероприятий и вневедомственных научных экологических экспертиз и исследований, на создание службы единого крымского экологического мониторинга, на озеленение и рекультивацию крымских земель, на то, чтобы Крым остался солнечным полуостровом, где будете отдыхать вы, ваши дети и внуки.

ОТ РЕДАКЦИИ. Поддерживая это обращение, мы предлагаем развернуть его под флагом экологической акции День Земли.

Призываем ведомства, министерства, предприятия, институты — всех тех, от кого зависит благополучие и будущее Крыма, откликнуться не только рублем, но и делами. Напомним: очередной День Земли — 22 апреля 1991 года.

ВАЛЕРИЙ ИСАЕВ

—Старик! — Он словно коснулся ненастроенной струны, и та зафальшивила.— Сколько лет, сколько зим!

Я зависел от него и потому, раскинув так же, как и он, руки по сторонам, двинулся навстречу.

— Давненько, давненько,— произнес я, с остервенением растягивая углы рта, чтобы непременно вышла радушная улыбка. (При этом я сразу заметил, что подобная улыбка удалась ему с гораздо меньшим напряжением.)

Обнимая друг друга, путаясь в руках, будто их было у каждого вдвое больше, мы обнялись и облобызались. Далее каждый стал извлекать из арсенала имевшихся в запасе фальшивок то одно, то другое избитое средство, и все пошло-поехало без особого труда. Вдруг он начал действовать явно не по правилам.

— Старик, а ты ничего не хочешь мне сказать?

Разумеется, я мог бы сказать ему, кто он такой, потому что держит мою рукопись непрочитанной около года. Конечно, мог бы. Но я почувствовал, как затряслась на моем лице с трудом удерживаемая улыбочка.

— Конечно, нет, конечно, да...— пролепетал я, и это позабавило нас, так как в наших отношениях мы вышли на новые, не освоенные еще приемы.

Он еще больше сощурился, сделался похожим на хитрую лису (хотя сейчас, когда я нахожусь в безопасности,— за пределами его влияния,— и могу спокойно выбирать сравнения, я сказал бы, что скорее лиса на него, потому что куда лисе до его хитростей!). Ощувив, что я держусь из последних сил, он дал мне какое-то время на передышку, а потом продолжил, лихо апеллируя запрещенными в подобного рода «отношениях» приемами:

— А ведь у меня, старина... — дотрагивание до моего плеча, заглядывание в глаза,— сегодня день рождения.

— Тогда почему мы до сих пор здесь? — удачно вывернулся я (сказывался огромный опыт общения). Но он был стреляный воробей и не заставил долго ждать с ответом:

— Нет, нет и нет! — Он принялся разыгрывать целый спектакль, в течение которого я не раз подивился его мастерству: да, все мы в той или иной степени кривляки, но чтобы так! Он был большой мастер, и он был в ударе. Ему, по-видимому, захотелось отработать вариант, еще не апробированный. И он экспериментировал. Чувствовалось, что и для него самого каждая мизан-

сцена была в новинку. Разыгрывалась сцена обиды на всех и вся приблизительно с таким подтекстом: «Я им, подлецам, а мне в ответ — черная неблагодарность...»

В этом месте он рухнул на стул, уронил голову на сжатые побелевшие кулаки. Отчаяние подчеркивалось фразой:

— Спасибо, огромное спасибо, старичок, но никуда и ни к кому я больше не хочу. Понимаешь, устал. Хочу, как подводная лодка, на дно, чтобы никого не видеть, никого не слышать... Чтобы побыть хотя бы какое-то время одному... Ты понимаешь?.. Одному... А за приглашение спасибо, родной...

— Не-е-е-т,— полезло удавом из меня.— Не могу я оставить товарища в беде (хотя какой он мне товарищ и какая беда, но это ложилось, подходило, я не должен был снижать накала сцены).— Сейчас же едем ко мне, и пусть день рождения будет днем рождения. Я хочу устроить тебе праздник.

Не поднимая головы, он простер жадно ищущие меня руки и проговорил, гнусая:

— Огромное спасибо за приглашение, старина. Я понимаю, ты хочешь, чтобы мне сегодня было хорошо...

— Не только сегодня, всегда...— начал было я с ретивой готовностью, не отнимая его цепких рук. Но руки бросились подпирать голову, переполненную досадой за людей, за их равнодушные, непомерную черствость. «Мастер!» — подумал я в очередной раз, а вслух прочувствованно произнес:

— Я сейчас же звоню жене (но ведь я прекрасно знал, что именно в это время ее никогда не бывает дома), пусть она приготовит твои любимые кровавые отбивные. Мы садимся в машину, заезжаем на рынок, берем соленых помидоров, огурцов, маринованный чеснок... (Я еще долго перечислял дежурные угощения, а сам судорожно просматривал возможные ходы с его стороны.) Старик, сядем, посидим спокойненько, тихо, мирно. Ты, я и жена, которая сплет нам старинные песни.

— И тем не менее,— он поднял руку над головой, как бы сдаваясь (я даже вздрогнул — неужели согласится, ведь жены сегодня не будет дома, готовить, стало быть, некому, да и денег у меня так — мелочь),— я решил побыть сегодня один. Старина, спасибо тебе за твое отношение, искреннее и сердечное.

Я с облегчением стал изображать досаду, разочарование, понимая, что он не поедет ко мне, что у него иные планы, которые я принялся судорожно разгадывать, прикрываясь несколько избитыми, но всегда имеющими успех фразами. В конце концов я начинающий, и куда мне тягаться с собеседником, ежедневно, ежечасно отработывавшим свое мастерство на сотнях таких, как я.

Я попытался походить по комнате, сесть в кресло, чтобы, сидя, изобразить отчаяние (сидя оно как-то всегда лучше получается, естественнее), но на кресле лежала чья-то папка, которую он подкладывал под себя, чтобы быть чуточку выше. Пришлось свое отчаяние изображать стоя.

— Нет, я обиделся. Впрочем, что вам до моих обид — вам в пору о себе подумать. Сердце же у нас у всех только одно, зачем же его так... терзать, ведь оно необходимо не только вам, но и нам всем.

Тут я явно сгустил краски, переиграл, но, наверное, и это получилось у меня неплохо, потому что он вдруг поднял голову, уставился на меня, и под его тяжелым взглядом я почувствовал, как вот-вот рухнет весь мой утлый камуфляж, который он, безусловно, увидел и приготовился сдирать с меня, как капустные листья, один за другим. Сейчас я буду раскрыт, посрамлен, одурачен, выставлен за дверь, и вслед за мной полетит моя папка с проклятыми опусами — ведь это ради них, окаянных, я сижу здесь, в этой мерзкой комнате, проклиная час, когда сел за стол и написал первый в своей жизни рассказ. И вот результат — сейчас он расправится со мной... как повар с котлетой, и полетят к чертям полтора года обходительного с ним обращения, полтора года регулярных звонков с предложениями самых невероятных услуг, одной из которых хватило бы, чтобы родственники его жены помнили меня всю жизнь. И зачем я взялся за перо?... Между нами все уже было сыграно, необходимо поставить точку, которую он сейчас и поставит, убедив меня в абсолютной бесполезности всех хлопот, продемонстрирует недостижимость уровня его мастерства, загонит в отупляющий тупик безысходности, пропишет меня там навечно — знай свое место и впредь не высывайся. Воцарившееся в постылой комнате молчание уже кричало о моем провале, и, согласившись со своей участью, я опустил глаза...

Распахнулась дверь, в комнату решительно вошли сразу несколько человек.

— Сережа Михайлович! Ты чего сидишь? Все готово. Стол давно накрыт, нас ждут... Пора, кончай свои дела... Поехали...

«У говоривших были совсем другие голоса, не заискивающие, — прикинул я. — Нет, это не из нашей, не из пишущей братии...» Но каким-то чутьем все-таки угадал, что и они прошли через ЭТО.

— Старик, ты даже в свой день рождения не можешь не работать...

«Свой», — сразу же понял я и встрепенулся.

Он по-прежнему смотрел на меня, и глаза его были полны раздражения — вошедшие помешали завершить так удачно складывавшуюся игру, которую, быть может, он затеял в честь своего дня рождения, желая сделать себе что-то приятное в такой день: иначе зачем ему было так выкладываться, ведь не новичок и оценил степень усилий. Он еще какое-то время мешал: отпустить — не отпустить, но взгляд его в присутствии посторонних терял силу, давая понять, что опасность миновала, и на этот раз я уцелел.

В таком деле даже малейшую возможность всегда надо использовать, и я с возгласом: «Поздравляю, Сергей Михалыч, от всей души! Подарок за мной...» — выбежал из злополучной комнаты. Я знал, куда брошусь сейчас, где стану врачевать нанесенные мне глубокие раны, анализировать ошибки. Но, мерт возьми, я отстаю право на продолжение нашей с ним дружбы», а это значит, что в любое время я могу теперь позвонить ему, справиться о судьбе своей рукописи. Жизнь продолжается!

Волки

Волка ноги кормят...
(Народная пословица)

Зарудный стоял в длинной очереди к крошечному окошечку сберегательной кассы. Можно было бы позвонить из дома — узнать, есть ли на его имя денежный перевод, — но с недавних пор очередь привлекала Зарудного тем, что могла отвлечь от невеселых мыслей. В иные дни все валилось из рук, хотелось даже, чтобы вернулась его прежняя жизнь, приходило сомнение: а не зря ли он затеял все ЭТО? Хоть и небольшой, но постоянный заработок был всегда.

Очередь смутно рисовала в его воображении коллектив, которым он когда-то руководил, тут были все — сильные, которых уважали, слабые, с угодническими — фу! — голосами, и, как водится, нейтралы, которые себе на уме; наконец, был он сам, Зарудный, — ни слабый, ни сильный — никакой.

Охота пуще неволи, да и на службе в то время складывалось не так, как ему хотелось. Принятие его в творческий писательский союз открыло, подтолкнуло к решению оставить эту «бодягу», «обязаловку», эту «тягомотину от звонка до звонка». И вот в один прекрасный день он зажил наконец вольной жизнью свободного художника, наслаждаясь долгожданной независимостью, оставив ради нее все, что было до сих пор, всех, с кем он трудился бок о бок столько лет...

Как ему сейчас их недоставало! Даже того плюгавенького, который, как ему тогда казалось, отравлял его существование одним своим видом, — а ведь он еще и действовал! Но, увы, и его больше не было рядом. Зарудный тяжело и шумно вздохнул, обратив на себя внимание безучастно стоявших рядом людей.

Он несколько раз порывался вернуться в прежнюю свою жизнь, куда не так уж и плотно закрыл дверь.

Но свобода увлекала, словно красивейшая из женщин, звала за собой, подавая едва уловимые для других, но хорошо им различимые таинственные знаки. Если по правде, ему нравилось работать в утренние «благословенные» часы. Раньше, бывало, он только разойдется — время торопит: пора на службу. Сколько проклятий посылалось и в адрес времени, и в адрес ненавистой в те минуты службы.

Теперь он мог наслаждаться работой. Но странно: работалось почти столько же. Все обрывалось именно в те самые восемь

пятнадцать, будто въевшееся в него навсегда время, когда он уходил из дома на службу. Словно это был барьер, который он никак не мог преодолеть.

Тогда он пошел на хитрость: стал устраивать себе несколько пробуждений и, стало быть, несколько утр в одном дне — ложился и пытался уснуть, чтобы, проснувшись, вновь броситься к рабочему столу и продолжить дело. Несколько раз получилось — иллюзия второго, даже третьего утра рождалась, хотя и не без труда. Но чем меньше в доме было денег, тем тяжелее было засыпать, и всякие дурные мысли лезли в голову.

Стоя в тот день в очереди, он знал, что денег и сегодня не будет, но сидеть дома уже не мог — надо было действовать. Разумеется, он не раз пытался перебороть себя — писал «свое», принимался составлять рецензии на «чужое», что стало основной статьей его теперешнего дохода. Но ничего не вышло и на этот раз — в безденежье ему никак не работалось.

Он даже обрадовался при виде очереди, позволяющей потянуть время, отвлечься от грустных мыслей.

«Счастливые люди, — прикидывал он, — при заработке. Сделал, не сделал, а две недели прошло, получите, пожалуйста».

Он по-особенному разглядывал стоявших рядом с ним людей, отыскивая приметы, отличавшие его от большинства «нормальных». И тут же обнаружилось, что на нем несвежая рубашка, нестриженные ногти...

Нет, слава богу, он не запил, не опустился — до этого ему еще далеко. Да что говорить, ведь совсем недавно...

На какое-то мгновение, забывшись, он поправил прическу, расправил широкие плечи, хотел подтянуть когда-то любимый им галстук, но его не оказалось на положенном месте. «Эх, черт, жалко...»

...А потом он пожалел себя. «Знали бы вы... — мысленно обратился он к стоявшим в очереди, — что значит для меня появляться на пороге этих проклятых редакций...»

И Зарудный вспомнил наболевшее: вчера он был в одной из особенно щедро плативших редакций, где просидел чуть ли не полдня. Сотрудники редакции словно хлыстом стегали: «Пересядьте, пожалуйста, не стойте здесь, пожалуйста, если можно, на минуту выйдите из комнаты...»

И он — тот самый Зарудный, который еще полгода назад проводил совещания с людьми не чета этим, — метался по их небрежной указке туда-сюда и не мог раскрыть рта, рывкнуть на них. Попробуй, останешься без рукописи, а значит, без денег. Бррр!.. Нет, пусть сжимаются кулаки, играют онемевшие желваки, напрягая до скрипа челюсти, все что угодно.

И он пережидал под дверью, за которой нет-нет и раздавался громкий, будто иглами коловший его смех, задевавший, налипавший, словно грязь. А потом перебежал с места на место по ненавистой редакции, дожидаясь заветной рукописи, как пес, собравший остатки терпения и уставившийся на ручку злополучной двери, которая, казалось, захлопнулась навсегда.

Заведующий редакцией любил решать вопрос не спеша, основательно. Рецензенты принимались после всех или между делами. А когда и в какой редакции не бывает срочных дел?..

Зарудный сидел, безропотно дожидаясь своей очереди, проклиная тот день и час, когда обрек себя на подобное существование.

Всю ночь и весь сегодняшний день он клял себя беспощадно. Случилось вот что. Дождавшись, наконец, он вошел в кабинет заведующего редакцией и проговорил с порога:

— Моя фамилия Зарудный. Вы, конечно, помните... — Он ненавидел себя за накатывавшую при этих словах отвратительную робость, казавшуюся сродни той, с которой протягивают руку за милостыней. — Я уже как-то рецензировал по вашей редакции, и мои рецензии были вами подписаны... Из чего я делаю естественное предположение, что устраиваю вас и могу рассчитывать...

Заведующий с плохо скрываемым чувством брезгливости прослушал его жалкий лепет и, как бы переступив через поток слов, лившийся из пересохших от волнения уст Зарудного, направился к сложенным прямо на полу многочисленным папкам, в которых были желанные рукописи.

Когда заведующий стал перебирать папки с рукописями, Зарудный отвернулся, хотя чувствовал прикосновение толстых пальцев хозяина кабинета к каждой из них, как к своей собственной коже. Одна, другая... «Неужели вот эта, самая толстая, это ведь почти на сто рублей... Вот бы...»

На этот раз он не сумел преодолеть себя и развернулся в сторону заведующего, действительно державшего в руках самую увесистую из всех имевшихся в куче папок. Все с той же пренебрежительной ухмылочкой, глядя испытующим взором на вспотевшего враз Зарудного, заведующий произнес:

— Правда, я отложил ее Ильгизу...

— Да ведь запил он,— выскочило из Зарудного.

— ???

Зарудный усердно закивал.

— Печально.— Заведующий испытующе взглянул на смутившегося посетителя.— Ну что ж, тогда...

И папка легла на широкий стол перед тяжело задышавшим Зарудным.

Потом был путь домой, полный радужных планов и надежд. Сто рублей, целых сто рублей!

Но угрызения совести все-таки перевалили через радость и настигли его. Это они сделали руки влажными, а колени мягкими, пересушили рот. «Что же ты наделал? Совсем недавно ты был человеком, воспитывал людей, говорил им святые слова...»

И тогда, чтобы не портить хорошего настроения, он стал искать слова оправдания. «В конце концов с волками жить — по-волчьи выть... Не я его, так он меня... Ведь я не для развлечений, я для семьи, черт возьми, для детей, для матери с отцом, которые висят на моей шее... Да что это? Кто писал законы для таких, как я теперь; есть ли они вообще? Были бы —

я не сидел бы, как бездомный пес, в приемных редакций со своими жалкими просьбами, не улыбался бы фальшиво, не сыпал бы лживыми комплиментами, не тряс бы на прощание руку. Кто знает, как жить среди этих?..»

Он поднял голову и напоролся на осуждающий взгляд незнакомца.

«Дать ему, что ли, по физиономии, чтоб не лез не в свое дело? — прикинул отяжелевший Зарудный, но раздумал. — Ладно, черт с тобой, если тебе так хочется таращить глаза — давай, я сегодня добрый».

На всякий случай он теснее прижал к себе папку с рукописью. Ощущаемые объемы постепенно успокоили его, и он незаметно стал думать о другом.

«Как же Илья ухитряется прочитывать пятьсот страниц в день? Врет? Не похоже. Но ведь пятьсот страниц! Говорил, что и больше смог бы — голова разбалывается. Можешь проверить, говорит, любую сцену из прочитанного перескажу слово в слово... Силен. Я так не могу. Ну сто, от силы полтораста страниц за день. Надо будет спросить, пусть поделится. Он мужик добрый — расскажет. Ничего у него не задерживается...»

Тут опять подкатили неприятные воспоминания о редакции, о его неосторожных словах. «Впрочем, заведующий, наверное, уже и забыл про наш разговор. Шутка сказать — у него нас сотни. Пойди упомни всех... Сегодня же позвоню Ильгизу — втравил в это дело, пускай помогает. Хочу, как и он, читать по пятьсот страниц...» И он стал подсчитывать про себя, во сколько все это может выйти за месяц, за год.

«В каком-то смысле Ильгиз сам виноват в том, что произошло. Зачем сорвал с места? Брось, говорил, переводи все на деньги. В этом наше счастье, старик, что мы получаем... Это наше счастье. Сколько у тебя выходит чистыми? Двести? Ха-ха... — Он тогда долго смеялся. — А теперь представь себе, что это всего две рецензии, которые я, например, делаю за один день. Представляешь, от какой жизни ты отказываешься? И не надо отсиживать от звонка до звонка, не надо выслушивать речи на бесконечных собраниях. Пришел в редакцию, взял одну-две рукописи и сиди работай. Никто над душой не стоит, никто не подгоняет. Принес, получил свое, взял новые... Ну разве это не жизнь? Всегда свободен, всегда волен делать, что душа пожелает. Хочешь — пиши свое, не хочешь — читай других. Старик, это и есть жизнь. Настоящая. Я тебя сведу с заведующими редакциями, представлю, отрекомендую. Все пойдет».

Ильгиз действительно отвел, порекомендовал. Зарудный уволился. Но тут-то и начались трудности: не выносил Зарудный, бывший руководитель отделения в НИИ, уничижительного к себе отношения со стороны работников редакций, противно ему было постоянно напоминать о себе предпраздничными звонками, делать поздравления «от всей души», когда с этой самой души воротило от всех ужимок, гримас, кривляний...

«Хочешь жить, — учил Ильгиз, — крутись, с волками жить —

по-волчьи выть... Чего тебе с ними, детей, что ли, крестить?.. Пришел, взял и — привет. Победителей не судят. Твое дело — вырвать из рук свое. Тут церемониться не надо: не ты, так тебя... Так лучше ты...»

Широко шагая по дороге к дому, Зарудный даже пожалел друга: «Бедный Ильгиз, за десять лет такой волчьей жизни как он, наверное, настрадался». Он сравнил нанесенную им крохотную обиду, скорее не обиду даже, а так, неприятность, с теми, которые наверняка причиняли ему другие, и окончательно успокоился: вряд ли Ильгиз обидится, если даже и узнает про случившееся...

А потом его же, Ильгизовы, слова: «Старик, из любого положения можно вывернуться. В нашем деле все пускай в ход: хитрость нужна — давай хитрость, обаяние — выкладывай обаяние, надо сыграть — да ни один актер не угонится за мной...»

Да, Ильгиз умел все. Он бы вхож почти во все редакции, везде был своим человеком. Ему поручались самые ответственные и спорные рукописи. После его рецензий ни один из авторов не смел и пикнуть.

«Все-таки нехорошо вышло. Если это вылезет...» — думал, морщась, Зарудный.

...Жена не сразу открыла дверь. Медленно оглядела вошедшего Зарудного. Увидев папку, которую он прятал за спиной, а потом выставил на вытянутых руках, как подарок, она оживилась, глаза ее заблестели.

— На сколько? На сто, если не больше, — определила она, взяв из его рук драгоценную рукопись.

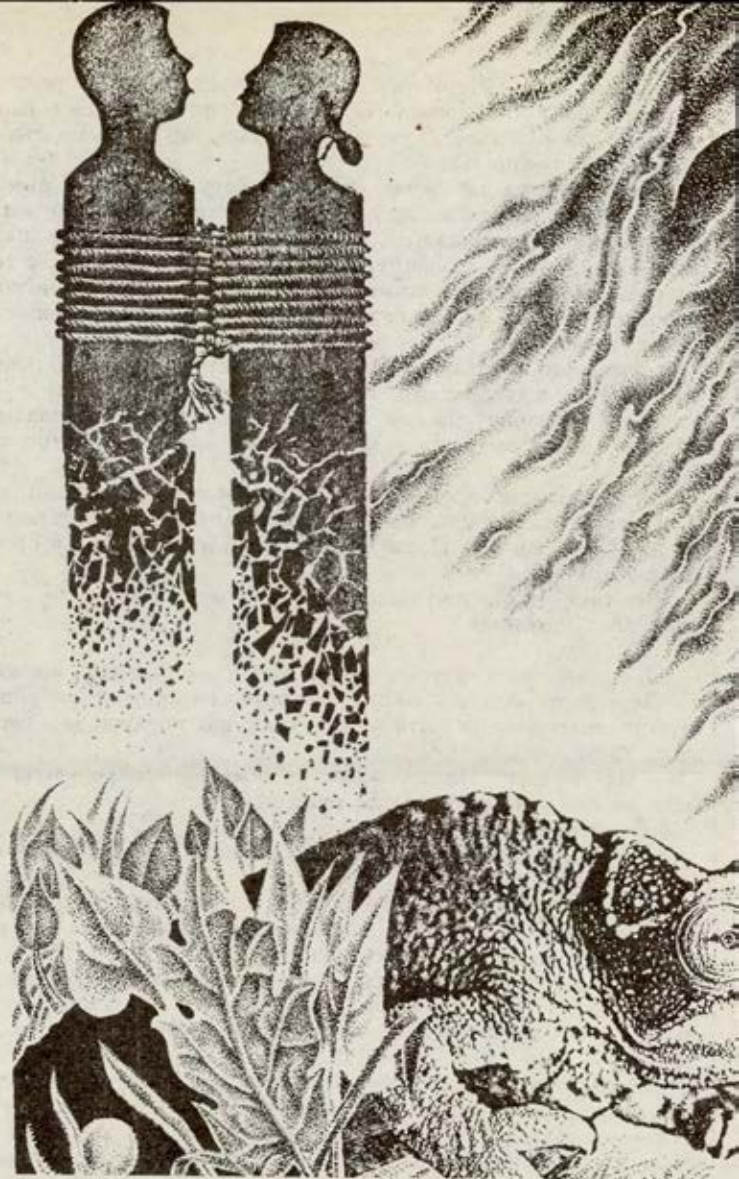
Зарудный согласно кивнул.

— Дети! — Она тут же забыла про него, побежала в комнату. — Теперь у вас будут...

Вечером, когда за ужином жена с нежностью смотрела на мужа, поглощавшего еду с жадностью, на которую он имел сегодня право, зазвонил телефон.

— Учись читать рукописи, старина. Я сосватал тебе еще два издательства. Как и обещал, сделаю тебя миллионером. Не вешай нос! Сам не знаю почему, но мне очень хочется помочь тебе. А знаешь, что все это значит? Это значит, что я самым активным образом нарушаю извечную мудрость: не делай людям добра, не получишь зла. Сердцем чую, всем своим волчьим нюхом — продашь ты меня. Вот сам не будешь хотеть, а сотворишь какую-нибудь пакость... Ну-ну, не обижайся. Предоставляю тебе возможность уколоть меня в отместку — спроси, что я написал за последние полгода, и мне станет больно. Ведь ты должен обидеться на меня, если еще не продал. Ты ведь обиделся на меня, да? Алло? Алло?

— Да, — промычал растерявшийся, сникший Зарудный. Телефонная трубка показала ему вдруг чем-то вроде пудовика. — Да, да, я обиделся... — проговорил он, едва ворочая пухлыми губами с налившимися на них крошками от прерванного ужина.

«ТЫ—МОЯ ЖЕНЩИНА»

Рисунок АЛЕКСЕЯ ЛОШАДКИНА

ЗБИГНЕВ ЛЕВ-СТАРОВИЧ

Я-ТВОЙ МУЖЧИНА»

Предлагаем нашим молодым читателям отрывки из книги известного польского врача-сексолога и психолога Збигнева Льва-Старовича. Он руководит специализированной клиникой в Варшаве, где дает всем желающим консультации по проблемам семьи и супружества.

Как известно, благополучие молодой семьи очень часто зависит от того, насколько грамотно супруги строят свою интимную жизнь. «Добиться сексуальной гармонии, — утверждает Збигнев Лев-Старович в своей книге, — вполне по силам любящим друг друга мужчине и женщине». Только, конечно, добавим мы от себя, лучше при этом основываться не на собственном опыте, изобилующем зачастую неизбежными ошибками, а на советах и знаниях такого известного практического врача, как автор этой публикации.

ВЛИЯНИЕ СЕМЬИ

Влияние семейного окружения на развитие личности человека, его сексуального «Я» и сексуальное партнерство исследовано достаточно глубоко. От эпохи Фрейда, который утверждал, что в постели встречаются не только влюбленные, но и их родители, прошло уже много времени. Многочисленные исследования подтвердили устойчивость и глубину влияния семейного окружения на наши сексуальные связи. Собственно говоря, это влияние начинается уже в период внутриутробного развития, так как психическое состояние матери, протекание беременности и настроение родителей будущего ребенка, качество их генетического кода и т. д. связаны с биологическим и психическим развитием плода и будущим развитием человеческой личности.

Считается, что дети, выросшие в конфликтных семейных ситуациях, когда брак родителей не является счастливым, когда в семье идет борьба, например, за первенство в доме, часто в своей личной жизни продолжают подобную модель отношений, считая их «наследственными». Я часто бывал свидетелем невероятного изумления моих пациентов, которые об-

наруживали большое сходство между своим поведением и поступками родителей, между конфликтами в своей собственной супружеской жизни и в жизни своих родителей. Сущность конфликта может быть похожей, но иногда происходит как бы перемена ролей, например, отец терроризировал семью, ссорился с матерью, а его дочь может повторять поведение отца или матери.

Сексуальные проблемы также бывают похожими и тоже наводят на мысль об их пресловутой наследственности. Дочь, у которой возникают сложности с переживанием оргазма, может предполагать, что она унаследовала это от матери, у которой были подобные проблемы. При этом забывается, что не отсутствие оргазма является проявлением сходства, а вообще отношение к сексу, партнеру, требования, предъявляемые к нему, и т. д., что как раз и влияет на переживание оргазма.

Оценивая влияние воспитания в семье, следует быть осторожнее с крайними точками зрения. Примером такой крайности может быть стремление сделать родителей «козлом отпущения» за собственные сексуальные проблемы, комплексы, сексуальные неврозы. Это связано с распространенным

механизмом поиска «виноватого» в своих сексуальных неудачах, развитии гомосексуальных влечений и т. д.

Вот несколько весьма характерных высказываний: «В моем доме никогда не говорили на сексуальные темы, родители меня не воспитали соответствующим образом, не подготовили, и теперь у меня возникли проблемы с эрекцией», «если бы родители объяснили мне все, то у меня не было бы проблемы с отсутствием оргазма, это из-за них мужчины бросают меня», «родители не разрешали мне устраивать вечеринки дома, критиковали молодежь, поэтому я стал гомосексуалистом».

Родители в роли «козла отпущения» используются для различных целей: перекладывания ощущения вины на других людей, оправдания неудач, пассивности, снятия чувства напряжения и страха, повышения самооценки. Однако существует опасность замкнутости и в этом кругу, и тогда обе стороны, то есть родители и их взрослый ребенок, принимают навязанные друг другу роли, либо идет постоянная борьба с целью доказать друг другу, кто в чем виноват. Стоит также подчеркнуть тот факт, что целые поколения родителей не занимались сексуальным просвещением своих детей, а те, однако, сумели удачно устроить свою сексуальную жизнь.

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРЫ

Влияние культуры на процесс психосексуального развития имеет несколько иной характер, чем воздействие семьи. В семье оно создается путем разнообразных контактов между членами семьи, имеющих яркую эмоциональную окраску. Влияние культуры имеет более слабый эмоциональный колорит, здесь более глубоким является воздействие идей,

взглядов, большинство из которых оказывает влияние на подсознание человека. Очень часто мы не отдаем себе отчета в том, насколько наше сексуальное поведение, отношение к телу, полу, другому человеку является продолжением существующих традиций культуры, восходящих часто к далекому прошлому.

В связи с воздействием определенных, наслаивающихся друг на друга традиций культуры создаются сексуальные образцы и модели, система ценностей, отношение к полу, сексу и партнеру. Влияние культуры у одних людей заключается в одобрении и принятии всех этих аспектов, у других же — в их сознательном изменении и даже преодолении. С другой стороны, ряд конфликтов между партнерами возникает из-за различных и часто противоположных требований и ожиданий, сформированных в различных пластах культуры.

Эти особенности могут способствовать появлению сексуальной патологии. Существуют, например, патологические состояния, характерные для данной культуры (Су-сто, Коро). Синдром Коро отмечается среди китайцев, живущих в Юго-Восточной Азии. Клинически он проявляется во внезапно возникшем и резко усиливающимся чувстве страха, приводящем к панике. Чаще встречается у мужчин. У пациента появляется ощущение как бы втягивания половых органов (члена, а иногда мошонки) в брюшную полость, причем страх этот основан на убеждении, что полное втягивание вызовет смерть. У женщин синдром Коро встречается реже и проявляется в ощущении, что соски грудных желез или срамные губы втягиваются внутрь тела.

Частота возникновения синдрома Коро может быть так велика,

что это приобретает характер эпидемии. Такого типа эпидемия описана в Сингапуре. Больные, охваченные паническим страхом, в ужасе перед неминуемой, по их мнению, смертью, пытаются руками или палочками противодействовать «втягиванию» члена: им помогают члены семьи, друзья. Говоря другими словами, синдром Коро является острым состоянием сексуального страха, связанного с традиционными представлениями, характерными для определенной культуры.

В Мексике встречается синдром Сусто, известный как «болезнь страха», заключающийся в появлении и быстром нарастании чувства страха, бессоннице, потере аппетита, дрожании конечностей, рвоте, поносах. Возникает у людей, которые не смогли соответствовать сексуальным ожиданиям партнера. В латиноамериканских культурах существует понятие «махизмо», то есть мужской энергии, престижа. Неудача в сексуальных отношениях равносильна «потере своего лица» и переносится очень болезненно.

Во многих других случаях различные острые состояния страха, типичные для данного региона, являются формой, заменяющей получение сексуального удовлетворения. У малайских женщин, например, встречается синдром Латах, выражающийся в серии вульгарных высказываний.

В сексуальном поведении, характерном для западной культуры, можно также встретить острые состояния испуга, обусловленные влиянием данной культуры. Много случаев импотенции имеют именно такой генезис. Часто сексуальные нарушения являются причиной развития истерии. В культуре Запада сексуальные отношения часто приобретают характер задания, заключающегося

в проявлении сексуального высокого «класса» по отношению к партнеру, «правильных» реакций возбуждения и переживания оргазма. Отсюда у многих женщин — стремление создать видимость переживания оргазма, а у многих мужчин — создать видимость большого опыта в этой области. Характерен также переход от одной крайности в другую. Так, например, женщины викторианской эпохи скрывали свои сексуальные переживания, сдерживали эротическую экспрессию, так как «рядочная» женщина должна была быть скромной и несколько асексуальной. В результате изменения нравов и сексуальной революции распространилась другая — полярная — модель: экспрессивное выражение возбуждения и оргазма. Движение феминисток провозглашало лозунг сексуальной самодостаточности женщин — отсюда ориентация на аутоэротизм, самоудовлетворение. Воздействие культуры заключается в наложении друг на друга определенных традиций, типичных для данной культуры, а также взглядов, отражающих веяния нового времени.

СЕКСУАЛЬНЫЕ МИФЫ

Сексуальный миф — это своего рода легенда, обусловленная влиянием данной культуры, описывающая идеального сексуального партнера, отношения полов.

Существуют универсальные мифы, например, миф об эротическом рае, сотворении человека, а также мифы, типичные только для данной культуры. Мифы и тесно связанные с ними проявления сексуального поведения представлены в форме литературных названий, известных в истории культуры, особенно западной. В художественной литературе они нашли особое выражение — например, миф Тристана и Изольды, Ромео и Джульет-

ты, Казановы, Дон-Жуана, Титании и другие.

Из многих мифов я выбрал в качестве примера один, универсальный, — миф эротического рая, а также четыре мифа, характеризующих мир пола. Из мифов о женщинах я остановился на мифе роковой женщины и мифе Пандоры, так как они оказались чрезвычайно устойчивыми и именно в них можно обнаружить источники многих противоречий в отношении мужчин к женщинам, а кроме того, их страха и тревоги. Мифы Казановы и Дон-Жуана представляют типы мужских сексуальных героев, характерных для подсознания многих мужчин и женщин и проходящих через историю культуры.

МИФ ЭРОТИЧЕСКОГО РАЯ

Этот миф встречается во всех известных нам культурах. Его отражение мы находим в литературе, живописи, сказках и легендах. Несмотря на то, что в зависимости от отдельных региональных культур содержание этого мифа несколько различается, однако в нем проявляются и общие элементы, такие, как:

культ сильной потенции, жизненной и сексуальной энергии, обеспечивающей длительность половой активности;

идеал сексуального совокупления, дающего интенсивное и упоительное наслаждение, редко доступное в обычной жизни;

высокая сексуальная активность представителей противоположного пола, их обожание;

богатство форм сексуального общения;

свобода, естественность, взаимная смелость в контактах между полами.

В некоторых мифах мы находим то, что в данной культуре является сексуальным табу. Миф явля-

ется, следовательно, формой преодоления, обхода табу.

Каковы наиболее распространенные формы мифа эротического рая?

Эротический рай — в иной жизни. Загробным раем мусульман являются, например, 700 гурий, обязательно девственниц. А в культуре некоторых примитивных племен рай — это Тума, остров Духов, на котором «женщины-духи», бестелесные для нас, смертных, однако полны неслыханной пылкости и страсти, причем в такой степени, которая не встречается на земле. Они толпой теснятся вокруг мужчины, осыпают его ласками, тащат силой... Возбужденный до предела путем заклятия «бубвайята», он поддается на все: происходят вещи, которые тем, кто не знаком с обычаями, принятыми в мире духов, кажутся крайне непристойными, но которые в раю совершенно естественны. Мужчина, идя навстречу эротическим желаниям духов, публично совокупляется с ними, а остальные, возбужденные этим зрелищем, делают то же самое.

ЭРОТИЧЕСКИЙ РАЙ В МИРЕ ФАНТАСТИКИ

Примеры такого рая находим в легендах и преданиях о гарпиях, Сцилле, сиренах (хотя бы в поэмах Гомера). Современным литературным примером эротического рая является прелестный рассказ Джузеппе ди Лампедузы — «Профессор и сирена».

«Это была сирена. Она лежала навзничь, с руками, скрещенными под головой, и со спокойным бесстыдством показывала нежную растительность под мышками, далеко расставленные груди, изящный живот, и от нее исходило то, что я так неудачно назвал запахом, — какой-то магический аромат моря, аромат пробуждающей

ся страсти. Она начала говорить, и так же, как до этого я был очарован ее улыбкой и запахом, сейчас я оказался во власти ее величайших чар: чар голоса... Ее бессмертное тело высвобождало столько жизненных сил, что потеря энергии немедленно восстанавливалась, причем даже с избытком. В течение этих дней я любил столько, сколько могут любить сто ваших донжуанов, вместе взятых, за всю свою жизнь! И какой любовью!.. Свободной от претензий, фальшивого экстаза и деланных вздохов, которые всегда прерывают ваши жалкие поцелуи».

ЭРОТИЧЕСКИЙ РАЙ В ДРУГИХ СТРАНАХ

Форма такого рая, вероятно, является наиболее распространенной, во всяком случае, в настоящее время, и встречается все чаще. Страны Востока разместили его в странах Запада, и наоборот. П. Мериме искал его в Испании; в начале XX века рай оказался на Таити. В настоящее время олицетворением такого рая стали Дания, Швеция или (реже) Индия. Примеров этой формы мифа существует множество — в репортажах, кино. Например, знаменитый грек Зорба говорит:

«Ты должен знать, шеф, что славянки — это не то, что наши маленькие, скуные гречанки, которые продают тебе любовь по граммам, делают все, чтобы дать тебе меньше, чем полагается, обвешивают. Славянка, шеф, дает полной мерой. Во сне, в любви, в еде. Есть в ней что-то от зверя, земли, полей».

Стоит задуматься о том, что именно стало источником этого мифа, какие потребности — сознательные и бессознательные — он удовлетворяет. Мы находим в нем: желание удовлетворения потребностей сексуального характера;

бегство от комплексов, сексуальных неудач, в мир мифологии; разочарование, вызванное расхождением между ожидаемым и действительностью; идеализация женственности, реже мужественности.

Ничто не указывает на то, что мифология эротического рая перестала существовать, она все еще удовлетворяет либо выражает определенные явные или скрытые тенденции. Поэтому стоит познать в себе источник этой мифологии.

МИФ РОКОВОЙ ЖЕНЩИНЫ

Одним из наиболее распространенных мифов является миф роковой женщины — женщины опасной, несущей угрозу. Мы обнаруживаем его в большинстве известных нам культур. Чем более отчетливо разделение мира мужского и женского, тем более живуч в подсознании этот миф. Роковую женщину мы находим в «Книге 1001 ночи», в Библии, в греческой мифологии, поэмах Гомера, литературе Запада, полинезийских сказаниях и т. д.

Содержание мифа о роковой женщине не отличается сложностью. В роли жертвы выступает потерявший голову, лишенный собственной воли и идущий к своей гибели мужчина.

Можно выделить определенные формы этого мифа.

Демоническая женственность. Часто такая женственность бывает антропоморфизацией дьявола, демонов. В искусстве женщина была представлена как аллегория греха. Демон, злой дух, принимает соблазнительный облик женщины с целью завладеть мужчиной и погубить его. В описаниях искушений часто появляется красивая женщина (например, Матильда из «Монаха» Левиса).

«Она разорвала на себе одежду, наполовину обнажив тело.

Острие ножа находилось на ее левой груди. Ах, что это была за грудь! Лучи солнца заливали ее ярким светом, позволяя монаху оценить ее белизну... не известное ранее чувство наполнило его сердце страхом, смешанным с наслаждением... кровь закипела в его жилах...

— Стой! — выкрикнул он внезапно задрожавшим голосом. — Я не могу больше противиться тебе. Останься здесь, волшебница! Останься на мою погибель!»

Губительная женственность. Положение, развитие, знания мужчины и даже его жизнь — форма такого мифа. Примеров множество: Клеопатра, леди Макбет, Лукреция Борджиа, Иродиада. Прообразом здесь является самка богомола, пожирающая самца после оплодотворения. Может быть, такой миф — это определенные атавистические отражения данного прообраза; доказательством здесь является хотя бы полинезийская легенда о богине Вехини Хаи, которая, заманивая мужчин своей необычайной красотой в пещеру, отдается им, а затем пожирает. Похожую мысль мы находим в «Жрицах» Эсхила:

«Кто способен описать страсть властного женского сердца, жаждущего мужчин и не останавливающегося ни перед чем, чему обычно сопутствуют людские несчастья? Жизнь в стаде управляет жестокая страсть, господствующая в сердце самки, — как среди животных, так и среди людей».

В западной культуре женщина-вампира часто переносится в таинственный мир Востока. Например, в новелле Готье о прекрасной явайке:

«Судже-Хари было, наверное, лет тринадцать... она принадлежала к тем опасным явайским женщинам, тем пленительным вампи-

рам, которые высасывают европейца за три недели, оставляя без капли золота и без капли крови».

МИФ ПАНДОРЫ

В эротизме средиземноморской культуры распространен так называемый миф Пандоры, близкий по смыслу к мифу роковой женщины. Основой его является мысль: «Женщина — начало и источник всякого зла». Проявления этого мифа мы находим уже в Древнем Египте, литература которого (период XIII—XII вв. до н. э.) определяла женщину как «фривольную, кокетливую, капризную, неспособную хранить тайны, лживую и мстительную, неверную по самой природе своей, клубок всяческих недостойных качеств».

Миф Пандоры был особенно распространен в греческой культуре. Впрочем, из Греции идет его родословная, так как Пандора была дочерью Праксители и Эрекета и женой Эпиметея. Охваченная его божеством (мотив, часто приписываемый женской натуре), Пандора открыла ящик Прометея, и в результате на человечество обрушились несчастья: старость, тяжелейший труд, болезни, безумие, преступления, страсти.

В иудейской и христианской традиции женщине также веками приписывалась вина за первородный грех — срывание запретного плода с «древа познания добра и зла» и склонение Адама к участию в том же самом нарушении запрета. Хотя источник происхождения этого мифа теряется во мраке истории (может быть, в нем отражена реакция мужчин на матриархат, который в результате различных общественно-культурных перемен перешел в патриархат греческой культуры), своеобразную философскую интерпретацию этого мифа создали Гесиод, Платон

и Аристотель. Последний прямо утверждал, что женщина — это мужчина, только хуже.

В течение целых веков развития европейской культуры женщина вызывала недоверие, чувство опасности — за исключением, может быть, нескольких более светлых моментов, к которым можно отнести культуру Прованса XII века. Стихийные бедствия, смерть и эпидемии очень часто аллегорически изображались в виде женщины. В большинстве сказок женщины гораздо чаще, чем мужчины, представлялись как символы зла: колдуньи, ведьмы, злые духи. Лишь дьявол принял мужское обличье, но и он в народном сознании быстро приобрел свойства симпатичного черта с рогами, в куце кафтанчике.

В XX веке даже названия циклонов и тайфунов носят женские имена. Источником этого является, разумеется, длительная традиция мифа Пандоры. В том же XX веке, гордясь женской эмансипацией, продолжает удерживаться закамфлированный миф Пандоры в сказках и легендах, в эмоциональной противоречивости многих мужчин. Можно сказать, что переменам в сексуальной морали и обычаях сопутствуют проявления мифов роковой женщины и Пандоры, таящиеся в глубинах мужского подсознания.

Такие перемены в нравах и обычаях, как сексуальная свобода, партнерская модель сексуальной связи, вовсе не обязательно качественно меняют отношение мужчины к женщине. Для этого необходимы более длительная эволюция культуры и время. Во многих встречах и дискуссиях с родителями часто возникает один и тот же мотив — речь идет о том, что именно девушки становятся причиной эротизации молодежной

среды, а мужчины постоянно обречены на провокации с их стороны. То есть опять источником зла является женщина!

Мотив старый, но непродуманный, ибо откуда берутся эти «коварные» поступки женщин? Из их натуры?

Сексуальная мораль мужчин и женщин является результатом взаимовлияния полов, общественных и культурных перемен, системы ценностей. То или иное поведение женщин не возникает ни «из воздуха», ни «по натуре». Это поведение обусловлено наличием ожиданий и сигналов, получаемых из мира мужчин и воспитания. До настоящего времени удерживаются одно отношение к «сексуальным эксцессам» женщин и другое — мужчин. Думается, что причиной является отсутствие популяризации нравственных проблем полов в различных культурах.

МИФ ДОН-ЖУАНА

Существуют различные определения мужчин, ведущих бурную сексуальную жизнь, часто меняющих партнеров: соблазнитель, Дон-Жуан, Казанова, плейбой, эротоман, развратник и т. д. В основном этот тип мужчин можно свести к двум образам: Дон-Жуана и Казановы. Несмотря на видимое сходство, они отличаются друг от друга мотивировкой и стилем поведения.

Миф Дон-Жуана имеет обширную литературу и даже проник в область музыкальных шедевров. Литературная фантазия усматривала родословную сексуальных подвигов Дон-Жуана в различных источниках, но всегда его личность выглядит эффектной, мужественной, привлекательной, искрящейся темпераментом.

К наиболее часто упоминаемым и описываемым чертам мужчин

типа Дон-Жуана относятся:

частые смены сексуальных партнеров, которыми он овладевает путем «стремительной атаки»;

мужская привлекательность, жизнелюбие, с некоторой дозой наглости и самоуверенности;

превращение эротических приключений в хобби, главное задание жизни, цель сама по себе;

преобладающая потребность удовольствия в сексуальном общении, удовлетворения от очередного покорения женщины, смены объекта (но отсутствие эмоциональной привязанности);

сексуальный эгоцентризм, в котором на первом месте — только собственное удовольствие, собственная особа, удовлетворение собственных потребностей;

предоставление бывших возлюбленных их собственной судьбе, отсутствие какой-либо ответственности за последствия своих поступков;

самооценка своих мужских качеств на основе числа побед, количественное восприятие сексуальных связей, исключительная концентрация на внешней привлекательности.

В специальной литературе донжуанизм объясняется чувством неуверенности в роли мужчины, комплексом импотенции, потребностью в постоянной проверке себя, самоутверждении, скрытыми гомосексуальными свойствами, незрелостью чувств, сексуальной инфантильностью. Другие исследователи идут еще дальше и говорят о наличии здесь психопатических черт. Донжуанизм, однако, не является психопатологией, это определенный тип поведения, который может отмечаться у людей разного личностного типа и связан с определенными механизмами самоопределения в мужской роли.

Донжуанизм может быть устой-

чивой жизненной позицией, а иногда носить временный характер на пути созревания для более глубокой эмоциональной связи. Эта последняя может появиться, когда серия побед уже наскучит и начнутся поиски контакта с женщинами иного типа, а также может быть результатом влюбленности в женщину, которая сумеет вызвать уважение к себе.

МИФ КАЗАНОВЫ

При поверхностных наблюдениях тип мужчины, называемый Дон-Жуаном, и тип, называемый Казанова, почти идентичны. Отмечается то, что бросается в глаза: смена возлюбленных, поведение обладателя, интерес главным образом к миру женщин. Поскольку в нашей культуре существует своеобразная повышенная восприимчивость, когда речь заходит о свободных сексуальных нравах, оба упомянутых выше типа обычно встречают отрицательные и категоричные оценки, причем в степени гораздо более сильной, чем когда мы имеем дело, например, с людьми, нечестно добывающимися приобретения состояния, карьеристами, домашними тиранами.

Мужчина типа Казановы — знаток женской психологии, ценитель женщин. Его прообраз — подлинный Казанова — вызывал большой интерес и у своих современников, и у потомков. Ему посвящено много повестей, неоднократно экранизировались рассказы о его жизни, создавались музыкальные произведения. Интересно, что главным образом внешняя сторона его поведения, то есть количество любовных приключений, пользовалась большой популярностью. Также и современный Казанова вызывает агрессивность, зависть, интерес по причине атмосферы, которая создается вокруг его похождения, а гораздо менее

известны истинные свойства и мотивы его поступков.

Характерная черта мужчины типа Казановы — это:

увлеченность женственностью, обожание женственности.

Казанова был очарован не только биологическими, но и психологическими особенностями женского пола. Он чувствует потребность находиться в этом мире, познавать его.

Для мужчин типа Дон-Жуана все женщины имеют больше общих черт, чем индивидуальных, для Казановы — наоборот. Тип Казановы ищет в каждой женщине ее специфическое отличие и подбирает к ней особый «ключ». Описание такого типа поведения мы находим в книге Збигнева Ненацкого «Соблазнитель»: «...каждая женщина носит в себе свой миф о любви, женщина должна найти себя в мужчине, поэтому он должен постоянно меняться, как бы постоянно преобразоваться, приспособляясь к тому образу, который женщина создает о нем. Одна жаждет романтического трубадура, вздыхающего и стенающего, вторая — властного самца, третья — обычного слабака, четвертая — беззаботного весельчака, заводилу. Первой задачей является открытие того, чего она ищет в мужчине, и потом стать таким... Женщины — это такие существа, которые прежде всего жаждут быть замеченными. Одни хотят, чтобы заметили их поэтическую душу, наряд, настроение, остроумие, интеллигентность, другие — чтобы в них видели аппетитную самочку. К женщине, следовательно, всегда надо подходить с интересом. Иногда, чтобы завоевать женщину, бывает достаточно одного теплого слова, одного теплого жеста...»

Дон-Жуан эмоционально равнодушен к женщинам, считает толь-

ко победы. В то же время Казанова их любит, он их очаровательный поверенный, он им друг. Так же и после завершения романа в нем остается чувство благодарности, и он умеет сохранить с бывшими возлюбленными теплые отношения.

Тип Казановы — эстет, он ценит обрамление, атмосферу, настроение, получение наслаждения женщиной и свою мужественность. В своем очаровывании женщин он также старается предвидеть будущее, поэтому не допускает драматических ситуаций, усложняющих личную жизнь его партнерш.

Мужчина типа Казановы может создать идеальный прочный союз, если встретит свой идеал либо откажется от его поисков. Полученный опыт может ему помочь в создании высокой культуры сексуального общения и взаимопонимания. Однако сохранение верности, прочности союза требует от него переоценки многих понятий и создания новых ценностей. Иначе говоря, он должен созреть для понимания таких ценностей, как верность, постоянство, а ведь все это возможно, если приходит настоящая любовь.

СЕКСУАЛЬНЫЕ ПРЕДРАССУДКИ

Одним из видов влияния культуры являются предрассудки. Они представляют из себя реликт распространенного псевдопонимания, поверхностных наблюдений, страхов либо навязчивой идеи. Однако они настолько устойчивы, что внедряются в мнения, оценки, нередко также становятся источником боязни, напряжения, предубеждений. Собственно, каждый из приведенных ниже предрассудков был источником какого-то страдания, недоразумения.

Можно сказать, что сексуальные предрассудки — это результат незнания, но они формируют

определенные позиции и взгляды, искажающие реальность сексуальной жизни. Уверенность в их правильности ведет к их якобы подтверждению в жизни, а это связано с естественной селекцией доходящей до нас информации. Таким образом, предрассудок находит свое подтверждение, и отсюда — его устойчивость. Сексуальная просвещенность отнюдь не ликвидирует его. Не надо переоценивать значение знаний. Предрассудок может удерживаться в сознании, несмотря на его иррациональность, так как нужен данному человеку для нейтрализации его тревог, объяснения неудач, обоснования своего поведения. С этой точки зрения предрассудки как таковые будут существовать всегда.

Приведем пример. Многие пациенты объясняют себе измену жены и уход ее к другому мужчине якобы большими размерами члена любовника. Он уверен, что «тот поэтому ей больше подходит». Беседа же с остальными участниками выявляет совершенно другую картину: новый партнер просто сумел увидеть в своей партнерше женщину и умело разбудил ее сексуально в связи с более высокой культурой чувств. Этот механизм измены и ухода жены, однако, блокируется подсознанием как слишком обидный, и упорно повторяется другой, связанный с размерами полового органа. В этом случае предрассудок дает возможность мужчине освободить себя от чувства вины и свалить все на так называемые объективные факторы.

В большинстве случаев сексуальные предрассудки влияют на определенные взгляды на секс и требования к нему, на понятие сексуальной нормы.

«Поллюции — проявление болезни» — этот предрассудок вы-

ражает страх перед типичным физиологическим явлением.

«У женщин бывает семяизвержение» — обобщение весьма редкого явления, когда происходит обильное выделение из влагалища в момент оргазма.

«Семяизвержение и оргазм у мужчины — одно и то же» — здесь имеет место отождествление биологического и психического оргазма мужчины, однако это разные вещи, хотя часто происходят в одно и то же время.

«Отсутствие крови и болевых ощущений во время первого полового акта женщины является доказательством отсутствия девственности» — такой предрассудок стал причиной многих драм молодых женщин, которых упрекали в том, что они якобы скрывали свое сексуальное прошлое. Но дефлорация у определенного процента женщин не дает никаких проявлений, а у других отсутствие девственной плевы не имеет никакого отношения к сексуальному опыту, а просто бывает иногда нарушена, например, во время спортивных упражнений и т. п.

«Член большого размера дает женщине большее сексуальное удовлетворение... Мужчина с крупным половым органом обладает большим сексуальным темпераментом» — этот предрассудок связан с фаллическим культом у мужчин, которые преувеличивают значение размера члена для сексуальных ощущений женщины.

«Мужчина может иметь только определенное количество половых актов в жизни» — предрассудок выражает энергетический источник восприятия секса. С этим связано другое часто встречающееся понятие, «нагуляться», которое означает, что данный мужчина истратил уже много энергии и ему может не хватить ее на будущую жизнь. Не существует никакой

определенной сексуальной энергии, причем доказано, что именно стабилизированное и частое сексуальное общение развивает способность его продолжительности.

«Сексуальная абстиненция приводит к психическим нарушениям» — существует стереотип необходимости сексуальной жизни для здоровья, а абстиненция считается противной природе и патологической в своей основе.

«Климактерический период вызывает угасание сексуальной жизни» — в настоящее время этот предрассудок встречается несколько реже, но все еще многие люди после наступления климакса сознательно отказываются от сексуальной жизни, опасаясь якобы угрожающих здоровью последствий.

«Курение и употребление алкоголя не влияет на сексуальную потенцию, я знаю людей, которые сохраняли ее до глубокой старости, хотя пили и курили» — так называемые примеры из жизни глубоко ошибочны, ибо при этом забывается, что генетический тип и общее состояние здоровья людей очень различны и последствия в связи с этим бывают самыми разными.

«Полноценный оргазм у женщины происходит во время полового акта» — данный предрассудок является причиной драм и ощущения неполноценности у тысяч нормальных женщин с правильной сексуальной реакцией, которые не признают оргазма, вызванного возбуждением клитора, и требуют лечения. Часто также и их партнеры ожидают оргазма во время акта — таким образом, клиторный оргазм, типичный для большинства женщин, отождествляется с незрелостью либо патологией. Наверняка вышеупомянутый предрассудок возник в эпоху Фрейда, так как классический психо-

анализ считал незрелым оргазм, вызываемый возбуждением клитора.

«Гомосексуализм — врожденное свойство» — таким образом обобщается одна из многих причин гомосексуализма, впрочем, пока еще малоисследованная. Здесь возникает также явление так называемого обращения к прошлому, в котором находят якобы доказательства ранних проявлений гомосексуальных стремлений и интересов. Однако ряд исследований указывает, что большинство гомосексуалистов развивают свои привычки в период созревания.

«Фригидность, импотенция имеют наследственный характер» — результат отождествления собственных сексуальных проблем с проблемами, имеющимися у родителей.

«У проституток имеется какое-то извращение» — этот предрассудок вытекает из убеждения, что «нормальная женщина не могла бы выбрать такой образ жизни, поэтому в них должны таиться какие-то патологические нарушения». Исследования, проведенные в среде проституток (профессиональных и «подрабатывающих от случая к случаю»), указывают, что большинство из них не имеют сексуальных девиаций. Особенности их личности — это уже совершенно другой вопрос, и здесь как раз можно искать предрасположенность к выбранному стилю жизни.

«Если есть любовь, все остальное будет хорошо» — такой взгляд часто становится причиной запаздывания лечения сексуальных нарушений, обычно принято уповать на оздоровляющую силу любви. Верно, что эмоциональная привязанность, дружба между партнерами — это уже половина излечения, на даже самая великая лю-

бовь может закончиться драматически, если сексуальная связь нарушена и конфликтна. Любовь должна иметь условия для своего расцвета, а одним из них является сексуальная гармония.

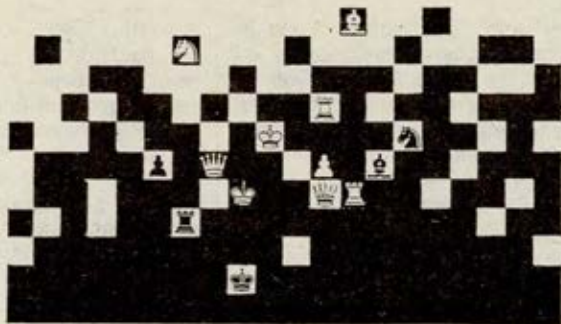
«Хорошая сексуальная техника — основа удачной сексуальной связи» — этот предрассудок приводит к развитию одностороннего интереса к технике, позам, воспринимаемым как вершина любовного искусства. Хорошая техника, а точнее говоря, сексуальная культура, действительно имеет важное значение, но в рамках общей культуры, умения почувствовать мир другого пола, создания связи. В то же время для многих людей увеличение числа технических сексуальных приемов является главным источником их высокой самооценки в роли любовника.

«Мужчины — существа, не верные по натуре» — данный предрассудок приписывает мужчине потребность в обладании многими женщинами, обязательную склонность к изменам, «хождению налево». Иначе говоря, мужчина якобы полигамен по своей природе, а женщина моногамна. Здесь смешиваются несколько понятий. Половое влечение полигамно по природе, но выбор, сделанный данным человеком относительно формы реализации, этого влечения, может быть поли- или моногамным (в кругу нашей культуры); этот процесс не зависит от пола.

Следует также уточнить понятие измены. Если мы считаем изменой физический контакт с партнером, то — статистически — мужчины в самом деле чаще имеют такие контакты. Если же понятие измены мы расширим, включая сюда измену эмоциональную, психологическую, то здесь статистические данные выстраиваются отнюдь не в пользу женщин. Стоит также на-

помнить, что вышеуказанный предрассудок создали сами мужчины во времена господства в обществе двойной морали, что давало им большую свободу в сексуальной жизни.

**Перевод с польского
ИРИНЫ ОБУХОВОЙ
и ЕВГЕНИИ ПРИЗЕНТ.**

32-я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
гроссмейстера
**ВИКТОРА
ЧЕПИЖНОГО**

274

Когда участник нашей олимпиады И. Петренко (Киев) обнаружил, что решение одного из заданий начинается с шаха черному королю, он, проявляя эрудицию, усомнился: «Не является ли это дефектом задачи?» Действительно, к первому ходу решения задачи предъявляется ряд известных требований: он должен быть единственным, желательно неочевидным, без взятия фигуры или пешки, без превращения в ферзя, не должен ограничить свободу черного короля. Шах вначале ограничивает возможности защиты черных и поэтому нежелателен. Но в силу этого он может служить и тем действенным средством, которое помогает справиться с непокорным шахматным материалом. Очень часто это «отступничество» от закона наблюдается в миниатюрах, где ограниченный материал ставит перед составителем заведомые трудности. Поэтому в малом жанре к «громкому» вступлению отношение снисходительное.

У знаменитого американского проблемиста С. Лойда немало задач с шахом на первом ходу. Такова известная миниатюра №1.

1. Kg4+! Kph1 2. Фh2+ gh 3. Kf2x, 1... Kph3 2. Kh2, 1... Kpf3 2. Фc2, 1... Kpf1 2. Ла8.

Как видим, здесь трудность решения вовсе не облегчается вступительным шахом и как бы компенсируется тихой игрой на втором ходу или жертвой ферзя. Таковы правила хорошего тона.

В №2 шах компенсируется (эстетически) слабым превращением и последующей тихой игрой.

1. e8C+! Kрс4 2. Ca4 b3 3. Сb5x, 2... bc 3. Kb6x.

Задача №3 стала призовой в тематическом конкурсе: «шах на первом ходу». Композиторы как бы должны были ответить на вопрос: когда оправдано такое «некорректное» вступление?

1. Фа6+! Кр:а6 2. Крс6 и неотвратим мат пешкой на в5. 1... Крb4 2. Фd3 Kf6+ 3. Крс6 и 4. Фb5x.

Здесь смягчающим обстоятельством служит жертва ферзя, в распоряжении которого множество безопасных шахов.

Итак, шах на первом ходу в приведенных задачах — это не забвение законов композиции, не слабая техника составления. Это исключение, подтверждающее правило. Накопленный опыт, интуиция, хороший вкус помогут авторам правильно пользоваться этим острым приемом, не злоупотребляя им.

И в заключение миниатюра №4, в которой у автора, пожалуй, не было выбора. Попытки: 1. Фс7 — 5... Кра6!, 1. Фс6 — 5... Кра5!, 1. Фс5 — 5... Кра4! 1. Фс4 — 5... Кра3!, 1. Фс1+ — 5... Кра2!, 1. Фд3 — 5... Крс1!, и во всех случаях после 6. b8Ф — черным пат!

Решает 1. Фс3+. Теперь на 1... Кrb1 последует 2. b4 — 6. b8Ф+, а на 1... Кра2! в игру вступает белый король: 2. Кrg6 — 6. Крс2.

Замысел настолько грандиозен, а воплощение столь лаконично, что шах совершенно «не режет слух».

ГРОМКОЕ ВСТУПЛЕНИЕ

I

С. Лойд
1857
Мат в 3 хода

II

Г. Чени
1862
Мат в 3 хода

III

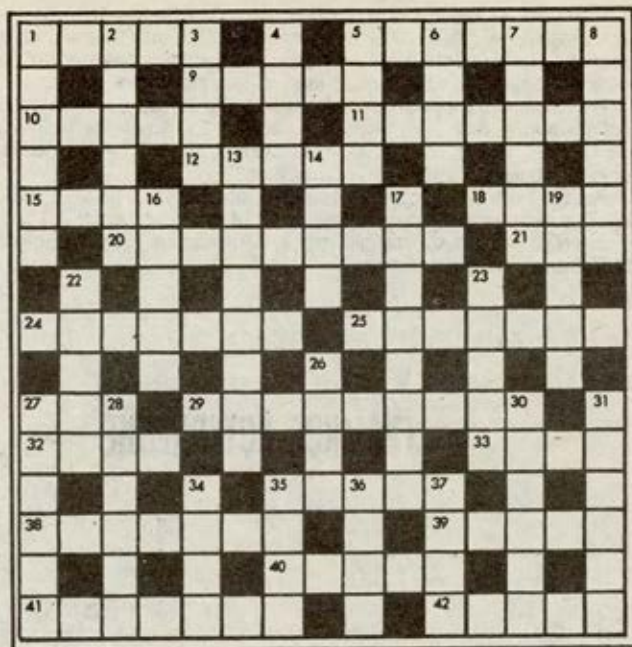

Н. Петрович
1959
Мат в 4 хода

IV

Б. Линдгрэн
1947
Мат в 7 ходов

По горизонтали:

1. Горная страна с массивом Мустаг-ата («отец ледяных гор»). 5. Ипостась Акима в пьесе Л. Толстого «Власть тьмы». 9. Нравственная вершина. 10. Птица. Роя нору для гнезда, выбрасывает до двенадцати килограммов грунта. 11. Женское население страны, где говорят на одном из магрибских диалектов. 12. Единственная область жизни, в которую может вмешиваться король Швеции. 15. Владелец пятачка. 18. Сушенный корм, который обезьяны любят больше бананов. 20. Сановный адвокат, отказавшийся выступить обвинителем по делу Веры Засулич. 21. Немецкий композитор, среди учеников которого был К. Маркс. 24. «Александрийские песни» М. Кузмина (род стиха). 25. А. Пушкин в те дни, когда он «безмятежно расцветал». 27. Город, где сохранились медресе Аттарин и баня Мокфия, построенные в XIV веке. 29. Страна с плотностью населения 694 человека на квадратный километр. 32. Знаменитая певица, дочь профессора валторны при Брюссельской консерватории Жана Дезире Монтанья. 33. Каждая из подвесок, какими была украшена рублевская «Троица». С колоритом иконы гармонировали два крупных изумруда. 35. Одно из имен физика, по революционной теории которого А. Эйнштейн предсказал существование фотона. 38. Березовый пилец. 39. Философ, нарком культуры Венгерской советской республики в 1919 году. 40. Место, где войско литовцев и жемайтов осенью 1236 года разгромило Орден меченосцев, после чего он распался. 41. Вол-

на — частица, непрерывность — дискретность, причинность — случайность, ... — наблюдение (дополнительные пары понятий квантовой механики). 42. Античное морское божество, у которого было пятьдесят дочерей.

По вертикали:

1. Земляной зверек, пронзительно кричащий по ночам. 2. Брак. 3. «Младший родственник» Фьорда. 4. Входное отверстие медвежьей берлоги. 5. Принцип: ты — мне, я — тебе. 6. «Золотой» инвентарь В. Веденина на Олимпиаде 1972 года. 7. Художница, вышедшая замуж за Эжена — брата Эдуарда Мане. 8. Римское торжество после уничтожения не менее пяти тысяч врагов. 13. «Электрическое яйцо», построенное Фарадеем в 1838 году, по отношению к лампе дневного света. 14. «Или пан, или пропал». 16. Большая или Малая Пандора (суть). Их путешествие по Европе в XVII веке было важным событием. На это время воюющие страны заключали перемирие, прекращали военные действия. 17. Повозка, на которой в 1836 Н. Гоголь ехал по Европе. 19. Основная профессия датского ученого Антониуса Ван дер Брока. 22. Арабский алхимик Абу Муза Джабер бен-Гайян эк-Куфи (европейское имя). 23. Зверь, досаждавший экспедиции В. Беринга. Его во множестве убивали топором. 26. Лихой, резвый конь. 27. Каждая из цирковых организаций, вокруг которых в Константинополе в V—VII веках группировались политические партии — венеты и прасины. 28. Моральный «допинг». 30. «Степное морце» яицких казаков. 31. Остров, с сооружения крепости на котором начался Петербург. 34. Писатель, которому Ф. Нансен обязан выбором профессии. 35. Литературная «попытка». 36. Кисть, бляха или другое украшение конской сбруи. 37. «Крылатых мыслей быстрота, надежды, молодость и сила — всё ..., и миг, и суета» (Н. Языков. «На смерть А. Н. Тютчева»). 277

ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

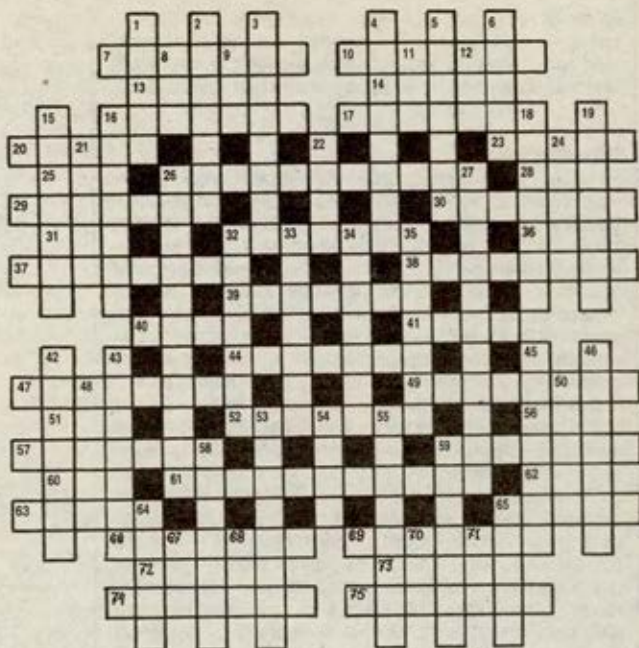
По горизонтали:

1. Бучило. 6. Хрущак. 10. Аверс. 12. Живопись. 13. Шестопер. 15. Цинк. 16. Юрьевец. 17. ...улус. 20. Дукат. 21. Ребятница. 24. Хор. 25. Неман. 26. Ель. 27. Филип. 28. Хирот. 29. Дуб. 31. Жирун. 33. Обр. 34. Гамбринус. 35. Полба. 39. Закс. 40. Испания. 41. Энгр. 44. Турмалин. 46. Палочник. 47. Йемен. 48. Алымка (приток Иртыша). 49. Эссекс.

По вертикали:

1. Бежецк. 2. «Чевенгур» (А. Платонова). 3. Липа. 4. Явь. 5. Ёрш. 7. Ретц. 8. Щупальце (спрута). 9. Карась. 10. Астра. 11. Северянин. 14. Терем. 18. Маримба. 19. Онколог. 20. Досуг. 21. Репин. 22. Бахус. 23. Альба. 25. Нижинский. 30. ...балкарцы... 32. Рубаи (Хайяма). 33. Обоняние. 36. Взятка. 37. Лиман. 38. Крокус. 42. Барк. 43. Пояс. 45. Неф. 46. ...пек...

КРОССВОРД
Составил
В. КОЛЯДА,
пос. Токовский
Днепропетровской
области

По горизонтали:

7. Результат математического деления. 10. Обувь с жестким задником, изготовленная фирмой «Адидас» по заказу В. Борзова перед Олимпиадой в Мюнхене. 13. Курорт в европейском государстве, где три официальных языка. 14. Уведомление о готовности судна к выгрузке или погрузке. 16. Одно из свойств окраски. 17. Деталь часов. 20. Обычай, уклад жизни, против которых резко выступал монах Савонарола. 23. Палестинский правитель, в 1772 году с помощью русской эскадры победивший турок. 25. Домашнее животное, по количеству поголовья которого в Африке первенствует Эфиопия. 26. Работа В. Луговской в мастерской И. Витали, когда он создавал «Венеру, снимающую сандалию». 28. Противотанковое препятствие. 29. Электроизоляционный материал, названный по имени изобретателя. 30. Начать за ..., а кончить за упокой (присловье). 31. Португальский мореплаватель, открывший реку Конго. 32. Высококачественный хрусталь. 36. Сани, телега с грузом. 37. Рассказ А. Чехова. 38. Цитрус. Дерево дает до трех тысяч плодов. 39. Крутой высокий прыжок коня в цирковом искусстве. 40. Основа, на которой строится косяк крупных перелетных птиц. 41. Боевой порядок четырех современных истребителей. 44. Отпадение звуков в конце слова. 47. Внутренняя оболочка сердца. 49. Советский живописец. 51. Великая индийская пустыня. 52. Старое название алмаза. 56. Гибрид бактриана и дромадера, по силе превосходящий каждого из них. 57. Изображение на пленке.

Термин ввел астроном В. Гершель. 59. Сочетание двух ямбических стоп в античной поэзии. 60. Рангоутное дерево на парусном судне. 61. Свойство, благодаря которому Дидона предсказала вражду Карфагена и Рима. 62. Дерево с красноватой корой и огненно-красными плодами. 63. Советник кассационной палаты Тулузского парламента. Математикой он занимался на досуге, что не помешало ему стать знаменитым. 65. Военный чин; в России соответствовал коллежскому ассесору. 66. «Родственник» бетона, в котором щебень заменяют древесные отходы. 69. Профессия друга Э. Золя Маргери. 72. Песенная основа в музыке. 73. Натиск. 74. Сибирское название лампы, плошки (по Далю). 75. Женщина, способная ежедневно любоваться театром «Ла Скала».

По вертикали:

1. Работники той или иной отрасли. 2. Деталь мундира П. Оленина на портрете, написанном О. Кипренским. 3. Отход после трепания конопли и льна. 4. Чудовище, повергнутое Тесеем в критском лабиринте. 5. Распад молекул вещества под действием света. 6. Финальное шествие в древнегреческом театре. 8. Женское полупальто. 9. Оконечность линкора «Новороссийск», надстроенная на десять метров итальянцами при модернизации в 1933—1937 годах. 11. Имя знаменитого американского шахматиста, выступавшего всего три года. 12. Исходное положение гимнаста на брусьях, кольцах. 15. Русский математик, новым способом решивший задачу о брохистохроне. 16. Событие, факт. 18. Каждая группа верблюдов, доставлявшая товары в Оренбург на Меновой двор, построенный за рекой Яик. 19. Гренадерские полки, в тылу которых во время Бородинского сражения был прикомандированный к штабной канцелярии М. Кутузова поэт Василий Жуковский. 21. Ландшафтная область в Мавритании. 22. Северная оконечность Австралии. 24. Дialeкт. 26. Форма письма, которой воспользовался преступник в рассказе Конан Дойла «Пляшущие человечки». 27. Полное согласие во взглядах. 32. «...о дуэли» — произведение Сирано де Бержерака, сочиненное им во время схватки со светским хлыщом де Гишем. 33. Учреждение. 34. Стилистический прием в начальных строках стихотворения М. Лермонтова «Гляжу на будущность с боязнью...». 35. Декоративное растение, название которого в переводе значит «неувядающий цветок». 42. Внимание, любопытство. 43. Вершина гвианского плоскогорья. 45. Предметное значение (Венера) имени (вечерняя звезда). 46. Декабрист, художник-акварелист. 48. Создатель зрелищного заведения «Диорама» в Париже. 50. Металл; поиски его в России начала экспедиция В. Вернадского летом 1911 года. 53. «Свободный художник» Древней Руси. 54. Иранский филолог, знаменитый своими словарями. 55. Насекомое, враг кровяной тли. 58. Зарница. 59. Название дурака в северных областях России. 64. Вооруженные силы. 65. Памятный знак с изображением ленты Мебиуса, выпущенный в Бразилии в 1967 году. 67. Гувернантка детей Н. Карамзина, спасшая в 1812 году черновики «Истории государства Российского». 68. Главное занятие рыбака. 70. Старинное оборонительное сооружение. 71. Место, где ставят городошные фигуры.

279

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали:

3. Граница. 9. Дрема. 10. Ирвин. 11. Словарь. 12. Гагат. 14. Эскиз. 15. Чапек. 17. Молот. 20. Фазан. 23. Платкат. 25. Деймос. 26. Катамаран. 27. Шиен. 28. Ёлка. 29. Окисление. 31. Ракета. 32. Ярутка. 33. Марка. 36. Зенон. 37. Отжиг. 40. Балет. 42. Коала. 43. ... февраль... 44. «Ясени». 45. Венгр. 46. Пойнтер.

По вертикали:

1. Орган (первый изобрел, второй неподражаемо играл). 2. Амбач. 4. Рельеф. 5. Нева. 6. Циркон. 7. Юрист. 8. Литий. 13. Табак. 14. Зоцен. 16. Казахстан. 17. Макаренко. 18. Эпишура. 19. Жалейка. 21. Смальта. 22. Аскалаф. 24. Ташка. 25. Дания. 29. Ответ. 30. Ерник. 33. Мойеро. 34. Ателье. 35. «Хамсе» («Пятерица»). 36. Зерно. 38. Гомер. 39. Слуга. 41. Уран.

Большого
Приключения
Голда

ЛЕН ГРЕЙ

Пятница началась отвратительно.

Во-первых, исчез Большой Сол. Я встал с постели, осмотрел ванную комнату мотеля, туалеты, даже заглянул под кровати — Большого Сола нигде не было. Мой напарник пропал.

В тревоге я быстро натянул штаны, открыл входную дверь и шагнул за порог. На меня обрушился холодный ливень, но тут же перестал, и я увидел управляющую мотелем со шлангом в руке и тапочках на босу ногу.

— Вас окатило? — пропела она.

Я глянул на свои мокрые брюки и чертыхнулся.

— Что такое?

— Да, черт побери, окатило! Понятно?

— О-о... Какой позор!

Не тратя понапрасну слов, я обошел ее и направился к нашему автомобилю. Вдруг из ближайших кустов вынырнул Большой Сол. Тенниска измазана грязью, в волосах запутались опавшие листья.

— Сол, какого чер...

— Герби! Они схватили меня! Серьезно...

— Они, кто они?

— Два мальчонки. Два негодных мальчика с их мерзким большим дагом...

У меня тут же разболелась голова.

— Сол, о чем ты болтаешь? Повтори с самого начала. Только, пожалуйста, не спеши.

Сол замотал головой, стряхивая листву.

— Дело было так. На рассвете к нам в номер постучались два пацана. Ты еще спал, поэтому дверь открыл я. Смотрю, две симпатичные мордашки. Говорят, есть леденцы, могут продовать...

— Ну, дальше,— ничего не понимал я.

— Так вот. А почему бы и нет, сказал я себе. Я люблю леденцы, ты любишь леденцы, да кто не любит...

— Сол, ближе к делу.

— Сейчас, сейчас! Они сказали, что эта штука находится у них на улице, в тележке. Я пошел за ними сюда, а их большой даг...

— Ты хочешь сказать, дог?

— Даг, дог! Какая разница? Так вот, собака по кличке Волчок с рыком выскакивает из этих вот кустов, сбивает меня с ног и встает лапами прямо мне на грудь! А эти два негодника вытаскивают у меня из кармана бумажник. Потом вся эта гопкомпания вместе с кобелиной оттаскивает меня в кусты и там бросает.

— Сколько же лет этим пацанам?

— Сколько?..— Сол поскреб затылок.— Да хватит, чтобы стукнуть меня палкой по голове. До сих пор болит...

— Так, значит, они забрали все наши деньги?

Вместо ответа мой напарник опустил голову.

Очень хорошо! Просто замечательно! Все наши денежки ухнули, а мы за три дня за номер задолжали.

Я чихнул.

Сол подозрительно взглянул на меня.

— Герби, что у тебя с брюками?

— Неважно. Лучше подумай, что теперь нам делать. Надо срочно убираться отсюда.

Лицо Сола разгладилось.

— Хорошо бы сегодня ограбить этот банк. Так, Герби?

— Да, так...— ответил я, не подозревая, что ждет нас впереди. В пять минут вещи были собраны и уложены.

— Возьми машину и подгони ее к дверям,— приказал я Солу.

— Мы уедем отсюда, как в Сент-Барбаре...

Сол ухмыльнулся. Он был большой любитель пожить задарма. Все шло отлично... до того момента, пока я не уселся за руль, а Сол не воскликнул:

— Ну, поехали...

— Стой!..

— Что такое?..

Вместо ответа меня ткнули в спину чем-то твердым. Я медленно обернулся. Передо мной стояла управляющая мотелем с полицейским свистком во рту.

— Через дорогу, возле дома номер пять, дежурит Джон Брук, один из здешних полицейских. Стоит мне только свистнуть, как он тут же прискочит. Вы, надеюсь, не собирались уехать, не заплатив?

Стальные глаза наемного убийцы ясно говорили, что она как пить дать знает о наших намерениях.

— У нас нет наличных,— пробормотал я.

— Старая песня. Давайте-ка заглянем в ваш багажник.

— Это еще зачем?

— Откройте багажник, тогда поймете...

Я нехотя вылез из машины. Большой Сол — вслед за мной. Ему хотелось посмотреть, что задумала эта старая карга.

В багажнике были два дорожных чемодана. Два пустых кожаных чемодана, в которые мы намеревались сложить денежки смитовского городского банка.

Я поколебался, прежде чем вручить их ей. Они явно стоили больше трехдневной платы за номер, и она знала это не хуже нас.

Свисток снова залетел ко рту.

— Ладно, ладно,— сказал я с возмущением.— Забирайте их...

Тут вмешался Сол:

— Послушай, Герби! А куда будем складывать монету из...

— Замолчи сейчас же! — закричал я.

Управляющая захолопала глазами, пятясь со своим уловом.

— Да, мальчики, они бы вам в самый раз подошли...

— Спасибо за хлеб-соль,— прорычал я в ответ, снова залезая в машину. Но прежде чем тронуться с места, я взглянул в зеркало заднего вида.

— Сол! Ну-ка оглянись назад и посмотри...

Мой напарник обернулся и чуть не упал в обморок.

— И кого ты видишь рядом с этой старой леди?

— Это... это...

— Правильно, Сол. Это и есть твой большой даг, или, скажем лучше, ее большой дог!

У нас на двоих осталось ровно один доллар и шестьдесят пять центов.

Завтрак, состоящий из пончиков и чашки кофе, съел сорок два цента, включая налог с оборота. У нас имелся полный бак бензина и один облезлый картонный чемодан.

— Сол, нам нужен еще один чемодан,— сказал я.

— Нужен-то нужен, да где его взять?

Вопрос законный.

Город Смит слишком мал, чтобы иметь собственный аэропорт, а заимствовать вещь из местного задрипанного ателье проката

нам не хотелось. Оставалось одно: увести его из какой-нибудь гостиницы, мотеля или автобусной станции.

Последняя оказалась на редкость большой и оживленной. Мы засели в комбинированном кафе — зале ожидания и начали высматривать подходящую жертву.

Имелось несколько вариантов, но я остановил свой выбор на красивой рыжеволосой женщине с двумя ребятishками, не спускавшей со своих детей глаз: двух мальчиков десяти и двенадцати лет. Подле них стояли три шикарных чемодана подходящего размера.

Мы выжидали. Я уже начал было нервничать, когда наконец женщина поднялась и направилась к окошечку кассы. Старший мальчик пошел за ней.

— Ну-с, — сказал я, нервно потирая руки.

Большой Сол согласно кивнул.

Есть свой секрет при обворовывании людей, находящихся с вами в одной комнате, и состоит он в том, что нужно все делать так, словно вы пребываете в какой-то полудреме. Если вы станете беспокойно оглядываться по сторонам, даже спящий проснется и мгновенно насторожится.

Все шло как по маслу, пока младший из мальчиков не расстегнул «молнию» на одном из чемоданов и не вытащил из него огромного королевского ужа.

Мне захотелось узнать, что будет делать ребенок с этойкой змеиной на автобусной станции. Я встал посреди зала и ненароком взглянул на Сола.

Глаза его расширились. Они становились все больше и больше, следя за тем, как длинная змея, шипя, подползает к нему.

Губы моего напарника задрожали, руки обвисли, ноги затряслись и сами понесли его прочь. Он повернулся и кинулся бежать прямо через толпу, взывая: «А-а-а...»

Я печально вздохнул и вышел на улицу. Большой Сол сидел на скамейке и издавал нечленораздельные звуки.

— Ну как, прочухался?

Вместо ответа — стенания.

— Что это значит? Да или нет?

Сол продолжал мычать, так что мне пришлось взять его за руку и отвести в машину. Я сел за руль и рванул сразу мимо двух знаков «Стоп!». За вторым я был остановлен автоинспектором.

Сержант был весьма любезен и предупредителен:

— Ваши права, пожалуйста!

— А-а-а...

— Что случилось? — спросил полицейский.

— Э-э-это мой друг. Ему нездоровится, — ответил я. — Ну как, Сол, полегче стало?

— А-а-а...

Сержант нахмурился.

— Что это у него взгляд какой-то странный?

— Сегодня ему выпал тяжелый день.

В этот момент Сол забормотал:

— Леденцы, нищие, змеи, собаки...

Полисмен поморгал глазами и протянул мне квитанционную книжку. Я расписался на корешке и получил квиток за доллар.

— Позаботьтесь о вашем друге,— посоветовал фараон на прощание.

— Думаю, о нем уже сегодня достаточно позаботились,— ответил я и включил сцепление.

В конце концов мы остановились на пустых бумажных мешках из прачечной. Это единственное, что мы могли себе позволить. Сол понемногу отошел и даже попытался заговорить со мной.

— Знаешь, Герби, давай уедем отсюда,— уговаривал он меня, а глаза его продолжали зыркать по сторонам, высматривая, нет ли где змей.

— Уедем, уедем,— пообещал я,— дай только ограбить банк.

В пятницу банк закрывался ровно в шесть. Мы остановились у парадного подъезда. До закрытия оставалось пять минут.

Мы вылезли из машины, каждый с пустым мешком в руке, и не спеша, непринужденным шагом направились к тяжелой застекленной двери.

— Порядок,— сказал я и открыл дверь. Мы быстро надели на себя бумажные маскарадные маски.

— Так-с,— скомандовал я,— руки в...

Меня оборвал какой-то тип, одетый под восточного мага и чародея в длинную ниспадающую мантию.

Он сунул мне полный стакан какой-то прозрачной жидкости и завопил:

— Рад вас видеть, господа...

Кассовый зал был полон. На всех маскарадные маски и костюмы. Я двинулся вперед и столкнулся с Одиноким Скитальцем и еще каким-то тонким, как тростинка, индейцем из племени апачей. Джаз в углу вовсю наяривал препротивную смесь рок-н-ролла, поп-музыки и вестерна.

Я не верил своим глазам. Вокруг нас бесновались люди. Тут были пираты, десяток царевен Клеопатр, целый табун диких животных и даже гадалка с приставным носом.

Большой Сол прокричал мне на ухо:

— Посмотри, что там написано!

Я глянул вверх. Над окошечками касс висел огромный транспарант:

**ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!
С НОВЫМ ГОДОМ!!!
С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ!!!**

Администрация.

— А, ничего, продолжим, как задумали,— сказал я и оттолкнул в сторону какого-то старикашку гнома.

Больше четверти часа ушло на то, чтобы убедить одну из кассирш, нарядившуюся, кстати, прорицательницей, что мы на самом деле банковские грабители.

Она наполнила наши мешки деньгами, пока другие, ничего не подозревая, танцевали и веселились на предновогоднем балу.

Схватив мешки в охапку, мы двинулись сквозь толпу к выходу. Добравшись до дверей, отпихнули в сторону Сатану и выскочили наружу.

И кто, вы думаете, ждал нас на улице?

Сам Дед Мороз собственной персоной.

Он приставил к моему животу пистолет и хмыкнул:

— Ну-ка, сынок, выкладывай сюда деньгу.

Я вручил ему свой мешок, Большой Сол — свой.

Затем этот красноносый верзила довел нас до машины и приказал сесть в нее.

— Сынок, я бы на твоём месте уехал немедленно из города. Ты меня понял, сынок?

Я был сражен, уничтожен. Верзила внезапно исчез.

— Ну, что еще будет? — спросил я Сола.

Тот, понятно, не знал.

А было вот что.

Пять дежурных автомашин и шесть полицейских, вооруженных автоматами, преградили нам дорогу. Нас затолкали в одну из машин, и мы поехали.

Сидевший рядом со мной полицейский спросил:

— Так-с, а деньги где?

— Дед Мороз забрал, — ответил я.

Тот нахмурился.

— Да ты, парень, остряк, как я погляжу. Ну, ничего, нашему Сынку ты здорово понравился.

Меня словно молния ожгла.

— Что?! Какой сынок? — спросил я.

— Сынок-то?! А наш начальник полиции.

— Такой здоровый малый? Еще всех называет «сынок»?

Полисмен усмехнулся.

— Он самый.

Вот это кино! Значит, начальник полиции находился вместе с нами на этом новогоднем балу в банке. Заметил нас, быть может, даже подслушал, моментально оценил обстановку и стал выжидать.

Подобный шанс выпадает раз в жизни: весь риск нам, а всю наличность — ему! Он, конечно, записал наш номер машины и позвонил из ближайшего автомата в полицию. Здорово, ничего не скажешь!

Полицейский повторил свой вопрос:

— Ну, так где деньги?

Я глубоко вздохнул и начал:

— Никто этому не поверит, но...

Я оказался прав — никто не поверил.

**Перевод с английского
НИКОЛАЯ КОЛПАКОВА.**

Валерий ПАНКОВ

НИНА ТИХОНОВА

Валерий Панков — выходец из студии «Рекорд», задуманной некогда композитором Юрием Чернавским как «фабрика юных звезд». Там из певца пытались сделать «второго Преснякова-младшего», и чуть было не получилось — голос Панкова с успехом зазвучал в радиопередачах и многим запомнился романтической чистотой звонкого фальцета. Достойного коллегу не ревновал даже сам Пресняков, вместе они участвовали в грандиозных шоу-дискотеках и концертном варианте мюзикла «Улица». Однако Панков решил избрать собственный путь в искусстве, поскольку петь высоким голосом — не единственное его дарование.

В нынешней массе поп-исполнителей Панков выделяется тем, что у него не голосок, как у большинства, даже не голос — голосище. Как ни странно, именно это и создает сложности. Публика, к сожа-

лению, легче запоминает средненькое, однообразное.

Панков может петь и тенором, и баритоном. В разной стилистике: попс, народное, джаз, металл. Эта широта диапазона позволила артисту создать пародийный номер «Воображаемый фестиваль», где певец имитирует то Робертину Лоретти, то Луи Армстронга, то Пола Маккартни, Криса Нормана, Сюзи Кватро, а то — индийскую певицу. Получается очень эффектно.

Этап любительства длился довольно долго, хотя впервые о Панкове заговорили как о певце, когда ему было... 12 лет. На школьном вечере, где он спел какую-то песенку, его заметили музыканты студенческого ансамбля МИФИ. Пригласили в свою группу, ставшую известной после того, как Валера исполнил арию Иуды из оперы «Иисус Христос — Суперзвезда», композиции из репертуара

287

МУЗЫКАЛЬНАЯ АНТЕННА

«Дип Пепл», «Блэк Саббат», «Юрай Хип».

Однако именно потому, что музыке он любит искренне и самоотверженно, Панков долго не решался идти в профессионалы. Неудобно казалось зарабатывать деньги тем, что для Валерия радость и удовольствие, — пением. Сцена не мужское занятие, думалось парню, и он окончил МАИ.

Тем временем продолжали поступать предложения от «крутых» профессиональных групп. Но больше радовало признание заслуживавшихся его голосом ребятшек, к которым молодого инженера Панкова посылали пионервожатым.

Сотрудничать с известными музыкантами он не отказывался. Судьба свела с Константином Никольским из «Воскресенья», и с его публицистическими композициями Валерий не раз занимал призовые места на комсомольских песенных смотрах.

Еще интереснее было работать с теперь уже старейшинами московского андеграунда, группой «Последний шанс». Это эксцентрический музыкальный театр, где исполняют мудрые и добрые полудетские песенки и обыгрывают их с помощью уймы необычно звучащих инструментов — свистелок, сопелок, трещоток. Валера играл здесь на гитаре, бас-балалайке, колокольчиках. И, кстати, заметил, что может одновременно вести мелодию песни и воспроизводить звучание ритм-секции. Многие зрители не верили, думали, из-за кулис «подыгрывает» фонограмма или ритм-компьютер.

В творческом багаже певца — диск-гигант фирмы «Мелодия», сделанный вместе с другой выпускницей «Рекорда», Раисой Саед-Шах. Пластинка называется «Детство, юность...». А что же дальше?

Образ Панкова точно уловил режиссер Георгий Гахокия, когда снимал артиста сразу в двух главных ролях музыкального фильма «Если хочешь быть счастливым». Один из персонажей картины — современный молодой человек. Другой — сказочный Иванушка, уже почти царевич, но не зазнавшийся, сохранивший трогательную непосредственность, немного наивное обаяние, прелестную доброту.

Валера обожает жену Ларису, талантливую тенор-саксофонистку, почитательницу йоги и отличную портниху сценических костюмов для себя и мужа.

Песни в репертуаре Панкова могут быть развлекательными, танцевальными, как, например, «Беглец» Андрея Аткина, «Пойдем со мной» Владимира Якушенко, или драматическими, как «Смерть пальто» на стихи Анатолия Чикова и музыку Сергея Васильченко. Но прежде всего они добрые. Репертуар Панкова демократичен и с точным попаданием обращен к разной аудитории: юным и взрослым, от танцплощадки до КСП, от «крутой заморочки» до бабушкиных посиделок. Он максимально использует разные музыкальные стили, поет в разных ситуациях, меняя тембры, разыгрывая вокальные шаржи.

▲ ЛЮДМИЛА ПОПЕНКО. Бал светлый.

▲ Натюрморт с красным омаром.